

Колдовские
МИРЫ

НА ЗОВ ПРОШЛОГО ЛУЧШЕ НЕ ОТКЛИКАТЬСЯ

марьяна
сурикова

←+>>+> — —<<+<+>

**ЗОВ ЧУЖОГО
ПРОШЛОГО**

Annotation

Есть старая легенда о древнем зле, что заперто в самой середине непролазной чащи. Говорят, наступит время, и оно проснется. Тогда рухнет мир, и тьма придет к власти. Глупые рассказы и бабушкины сказки. Повезло же с будущей родней, едва познакомились, как сразу просветили, еще и саму в ведьмовстве обвинили. На ту оказалась похожа, кто зло помогал заточить. А я в лес и не собиралась совсем, пока жених вдруг в чаще не пропал.

- [Марьяна Сурикова](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)

- [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
-

Марьяна Сурикова

Зов чужого прошлого

© Сурикова М., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Влюбиться по-настоящему – непросто,
а порой бывает страшно любить.*

Глава 1

– Нет в лес хода, – вещала старуха, выставляя на стол котелок с кашей и тарелку с хлебом. А чтобы придать большего веса словам, она несколько раз качнула седой головой. – Запомни, что говорю, и носа туда не кажи.

Печаль какая. А меня ведь кашей ни корми, дай по лесу погулять.

– Охотники ходят? – решила уточнить.

– А чего им не ходить? Испроси на окраине разрешения да отправляйся на промысел.

– И за ягодой местные ходят? – скосила глаза на корзину, поставленную на подоконник.

– За ягодой-то чего не наведаться? Опушечку поближе выбирай и собирай.

– А грибы у вас, – кивнула на висящие под потолком сушеные связки, – не из леса?

– Откуда еще грибам взяться? – хмыкнула старуха.

– Выходит, что тропинка проторена?

Она глянула на меня и снова качнула головой, нахохлившись, точно седая ворона.

– Послушай, девка, дело говорю! А больше никто толкового не скажет. Вот какие вы нынче пошли: старость не уважаете, опыта не перенимаете. Но только в лесу зло живет. Давненько. В самой темной чаще.

– А облик у него есть? Или это просто злая темная чаща?

Старуха погрозила скрюченным пальцем.

– Ишь языкатая! Чего Вашек в тебе нашел? Соблазнила небось?

Я вздернула подбородок и промолчала. Уж кто кого соблазнил? Сам Вашек полгода мне прохода не давал, с того раза, как наведалься в наш салон с собачкой очередной однодневной подружки. Теперь вот в деревню затащил, а сам на встречу с друзьями помчался и мне отличную компанию подобрал.

– Жил прежде человек один, рассказывают, – продолжила старуха, явно не в первый раз повествуя эту историю, – непростой он был, того умел, чего остальные не могли. Только не ради добра. Вот и сослали

его подальше от жилья людского в лесную чащу. Там, говорят, и заперли, а затем домик из бревен возвели. На двери замки повесили, на окнах ставни заколотили. Замкнули круг, стену из кольев ощерили, а кругом ограду железную с шипами поставили.

– А шипы ядом смазали?

Старуха фыркнула. Я же решила уточнить более неприглядный момент касательно расплывчатого «заперли».

– Вокруг чего домик-то возвели? Не над гробом хрустальным?

– Это только в сказках ваших хрустальные, а на поверку гранит лучше. Да и на что гроб? В них умерших кладут.

– А его живьем хоронили?

– Живьем не живьем только тем ведомо, кто в ту пору жил. А нам лишь предупреждение осталось, поскольку одни его замкнули в лесу, а расплачиваться другим пришлось. Девки пропадать стали. Одна за другой. Кто подальше в лес забредет, та назад не вернется. Еще, говорят, зверья меньше в чаще стало, а птицы и вовсе перевелись.

– Не нашли девок?

– Некоторые возвращались, но не в себе. И слова сказать не могли, где были, что делали.

– Родители их не пошли в чащу со злом разобраться?

– Девки не местные-то. Все больше пришлые, как ты. Кто без отца и без матери. Из приюта, что между городом и деревней построили.

– Хорошее у вас зло, правильное. Своих не трогает.

Старуха прищурилась.

– Ты, Вашек говорил, совсем без семьи.

– У меня родные есть, и я не росла в приюте.

Как обычно в похожих ситуациях, рука потянулась к кулону с прозрачным янтарным камнем, ограненным витой серебряной косичкой. Его оставила на память родная мать, прежде чем бросила, но я верила, будто кулон приносил удачу. По крайней мере вот так схватиться за него при случае отчего-то помогало ощутить уверенность в себе. Не одна я была. А уверенность, как известно, где надо горы свернет, а где не надо рвы прокопает. И уж точно невзначай – хотя в данном случае нарочно – брошенные слова не обидят и боли не причинят.

– По родственникам скиталась? Наслышана я.

Вашек – зараза! Зачем рассказал?

– Всю жизнь не знали, куда приткнуть сиротинушку. Небось перевели дух, когда выросла. И на что вы такие парней пригожих ловите?

Ага. Плохая девка, очень плохая. Кровинушку из семьи уводит, беспризорница. Правильного и хорошего кровинушку, который до встречи со мной в студенческих угарах о семье только тогда вспоминал, когда на очередную пирушку не хватало.

– А мы любим их заманивать. Вот как ваше зло из чащи.

– Он тебе подобных особливо и любит.

– Вашек?

– Тот самый, из леса.

– Пф! – я не удержалась. Ну уж очень похоже прозвучало на детскую страшилку. Тот самый из леса, который живет в темной чаще. Любят же старые люди небылицы собирать на пустом месте, а после каждому встречному рассказывать. Я какой-то период жизни провела у пожилой родственницы, тоже наслушалась.

– А на что ему девушки? – решила подзадорить старуху, а та в ответ зашлась хриплым каркающим хохотом.

– А Вашек не объяснял, зачем мужику девка?

– Так зло не просто человек? Он еще и мужчина? Эх, все несчастья у девок из-за мужиков.

Глаза старухи недобро сверкнули. Она погрозила мне ложкой, а после воткнула ее в кашу и резко придвинула почерневший котелок ко мне.

– Ешь вот.

Я с трудом удержала тоскливый вздох и посмотрела в окно, за которым темнело.

– И когда Вашек вернется? – пробубнила под нос, но старуха умудрилась расслышать.

– А ты не к юбке ли собралась парня привязать? Наведался он в кои-то веки в родную деревню, праздник у мальчика. Гронду^[1] закончил, с друзьями отпраздновать приехал.

Именно. Еще и меня притащил с бабушкой познакомиться. Чтоб икалось ему! И ведь не в старом родительском доме оставил. Наверняка с друзьями свой выпуск там отмечал, неспроста уговаривал у бабушки переночевать. «Она милейшая старушка, присмотрит за тобой. Просто мужская компания подобралась, тебе скучно будет».

Теперь понятно, отчего его родители дом оставили и в город перебрались, с таким-то милым одуванчиком под боком всласть не наживешься. В последний раз я поддалась на подобные уговоры.

– Сама небось ничего не заканчивала!

Я уже заметила, что «милейшая старушка» не особо нуждалась в моих ответах, она вполне обходилась собственной болтовней. Но удержаться не смогла.

– Я окончила кастелану^[2].

– Пф! – выдала старуха.

Такую же снисходительную реакцию я встречала у ее внука, который с гордостью вертел вчера перед моим носом именным медальоном с золотыми вензелями.

Да бездна огня с ними! Зато я сама деньги на обучение заработала и честным трудом, а не как некоторые намекали. В престижный салон тоже сама устроилась на работу. И у меня даже наследство имелось в городе. И хотя Вашеek заявлял, будто дом годится только под снос, я планировала потихоньку привести его в порядок. Когда-нибудь. Когда средства появятся.

В животе заурчало, и я слизнула с кончика ложки кашу. Она оказалась неплоха. Особенно на мой непритязательный вкус, и я принялась угощаться.

– А огонь-то на косах так и пляшет. Точь-в-точь ведьма. Уж не приворожила ли Вашека? Вот карты раскину.

Я чуть не подавилась. Ведьма?! А они здесь на каком моменте развития застопорились? Может, до появления стихийной теории? Еще окажется, будто в основе мироздания вовсе не четыре стихии лежат, но высшие существа, одарившие людей разумом. А еще современные технологии медленно разрушают основы вселенной. Потому и печь на дровах, а вместо электричества свечка посреди стола, чей отсвет и заставлял мою косу отливать вишней.

Все, провела деревеньку, пора и честь знать. А то ж не к ведьме, так к русалке припишут. Окажись я мужчиной, могли бы и к чернокнижникам отнести или к алхимикам. Таких в Средние века было пруд пруди. На каждом шагу встречались.

– Ты не хмыкай, – пробубнила старуха, раскладывая на столе карты. Опять же, гадала она, а ведьмой называла меня. За цвет волос! Да-а. А не пойти ли спать? Что бы ей карты ни сказали, а костра

очищающего можно не опасаться. Минули те времена, да и кровинушка ее, когда предложение делал, не зря мне в вечной любви клялся. Бабкиных членовредительных потуг не одобрит.

Я зевнула и, буркнув: «Спасибо за ужин», – подхватила тарелку, ополоснула в деревенском умывальнике и отправилась в постель. Удобств здесь, конечно, не водилось, но кувшин с тазом у кровати имелся, а под кроватью – ведро. Я постояла некоторое время, таращась на это раритетное богатство, после чего принялась расплетать волосы. В отличие от того же Вашека, который мог после очередной пирушки с друзьями завалиться где попало и в чем попало, я предпочитала спать умытой и в ночной рубашке.

Волосы опустились ниже талии, щетка тихо шуршала в полумраке, рассыпая по длинным прядям красные искры, которые вспыхивали так ярко из-за огня свечи. Даже на свету мои волосы отливали бургунди, только если по ним скользили солнечные лучи, в остальное время это был обычный темно-каштановый оттенок, который я никогда в жизни не пыталась разбавить современными красителями.

Задумчиво поглядев в окно, верхняя половина которого оставалась не прикрыта занавесками, полюбовалась на полукруглый бок наливающейся луны. Вдалеке шумел темными кронами тот самый лес, а в форточку долетал стрекот кузнечиков.

Что всегда нравилось мне в деревне: сельская тишина и живительный воздух, который можно было пить, точно родниковую воду. Однако отсутствие благ цивилизации шло в явный минус.

Положив щетку, поворочалась немного, подоткнула под бок одеяло, и сама не заметила, как провалилась в сон.

– Вашек пропал!

– Как пропал? – я в шоке уставилась на одного из друзей, явно мало пьющего или быстро трезвеющего, который единственным добрался до старушечьего домика этим ранним утром и поднял нас обеих с постели.

– Так пропал. Все парни на месте, а его нет.

– Где его нет, ирод ты этакий?! – кутаясь в шаль, крикнула старуха и схватилась за изогнутую клюку, прислоненную к печке.

– В избушке. Мы, матушка Эга, на спор решили к старому дому наведаться. На смелость друг друга испытать.

– Каким образом испытать? – подбоченилась я, оглядываясь в поисках такого же подходящего орудия, как у старухи.

– Кто не побоится там заночевать.

– И что, Вашек не побоялся?

– Мы вместе заночевали, – переступил с ноги на ногу парень.

Пьяные, разудалые, а поодиночке не отважились. Вот что старухины сказки с людьми делают.

– Ночью, мне слышалось, волки в лесу выли.

– Отродясь в нашем лесу волков не водилось! – вскинулась старуха.

Хм, а мне говорила, будто перевелись звери после заселения в чащу зла.

– В доме каком ночевали? Старом-престаром, с заколоченными ставнями, окруженном частоколом и железным забором?

– Э-э, – парень почесал макушку, – нет там железного забора. Кабы был, что нам те волки? Зато хибарка хлипкая, дверь еле держится, а в комнатухе мы вшестером едва уместились.

– А вой не спяну примерещился? Может, Вашек с вами и не ходил никуда? Спит себе в родительском доме.

– Вместе в хибаре той пили, я помню, а утром его хватились.

Задумалась, пока парень, обернувшись к старухе, размахивал руками и убеждал прошерстить лес. Что мы в итоге имеем? На спор вся орава горе-друзей в пьяном угаре отправилась в чащу. В избушке довели себя до полной кондиции, затем ночью слышали волков и перепугались так, что, едва рассвело, ринулись обратно в деревню, а Вашека где-то потеряли. Немудрено, если в доме и позабыли. Я-то знаю, как беспробудно женишок спит, когда в опьянении. Он мог волков и не слышать вовсе.

– В избушке все обыскали? – попыталась упростить поисково-спасательную операцию.

– Чего там обыскивать в одной комнате? – удивился парень.

Я вздохнула и отправилась натягивать более удобную для лазания по лесу одежду.

Пара мужиков – надо отдать должное: матерых и при ружьях, – одна невеста, трое стойких дружков, кого смогли растолкать после

беспробудно-бессонной ночи, – двое почили в глубоком сне, не поднявшись на поиски, – и старушка с пучком тлеющих и жутко смердящих трав, беспокойно то ли бормочущая под нос заклинания, то ли испрашивающая разрешения, но в целом очень гармонично завершающая общую картину мощного поискового отряда.

В лес углублялись со знанием дела. Впереди шагал один из мужчин покрупнее, позади тот, что помельче, а в центре все мы, по сути, совершенно бесполезные в случае выхода из кустов давешних волков, медведя или на худой конец несчастного заживо замурованного в избушке злейшего зла.

Сам домик возник перед глазами довольно быстро, я предполагала, что он очутится где-то в уж совсем непролазной чаще и выглядеть будет не как заброшенная избушка с картины в стиле сельская пастораль. Розовые кусты, пусть и колючие, но упоительно благоухающие распустившимися бутонами, довершали столь чудный пейзаж, что я даже не удивилась тому, как частокол вдруг оказался аккуратно покосившимся заборчиком. Единственным штрихом, хорошо вписавшимся во вчерашнюю страшную сказку о злобном зле, явилась сама старушенция, которая окурила сперва калитку, а после и входную дверь своим веничком. В единственную комнату избушки зайти оказалось непросто. Из-за дыма. У меня глаза заслезились, а голова загудела не только от бормотаний, но и благодаря ядреному запаху.

По-быстрому распахнув жалобно заскрипевшее окошко и прижав к лицу платок, я принялась оглядываться. Старушка уже выскользнула из дома и начала наматывать вокруг него круги. Внутри было пусто. Старая деревянная лавка и стол. Ни покрытых копотью котлов, ни развешанных под потолком сушеных жаб и ящериц, ни алхимических пробирок, ни на худой конец тощего кота, злобно сверкающего глазами из темного угла. Даже чернокнижного жертвенного алтаря в центре комнаты не оказалось и пюпитра под черную-пречерную книгу. Вот совсем. Как неинтересно-о-о!

– Я говорил, нет его! Надо кругом дома следы искать! – заглянул в избушку друг Вашека и мгновенно исчез за дверью, не выдержав аромата курений. Старушка ему в ответ издала нечленораздельный звук по ту сторону из-за угла, однако я осталась внутри, раздумывая,

что в любой уважающей себя избе должен быть подпол или, как там раньше говорили, погреб.

Глаза слезились, в голову набили ваты. Уж не знаю, что за курения использовала славная матушка Эга, принявшая меня за ведьму, но было дело, когда мы с ее внуком заглянули на одну вечеринку, с которой я сбежала сразу, а Вашек чуть погодя. После он полночи вещал мне о летающих розовых пони. Если и этот дым обладал галлюциногенными свойствами, то мой без пяти минут бывший жених пойдет работать по распределению сразу, как срастит себе перелом.

– Отлично! – я наконец-то узрела кольцо в полу. Обычное такое, железное и ржавое. – Кх, кх, кх! Да чем она тут обкурила?

Даже не являясь поклонницей трав непонятного происхождения, влияющих на психику самым неадекватным образом, я знала о последствиях возможного воздействия. Но и в этом случае не ожидала подобной подлости от старушки. Уже почти дотянулась до кольца, когда по моей шее провели... как будто рукой. Настолько нежно и ласково, что мурашки, побежавшие по телу, оказались размером со слона. Сердце, определенно решившее выполнить функцию слезящихся глаз, собралось выскочить из груди и воочию наблюдать, что в пустой избе точно никого нет. Никогошеньки!

Я плюхнулась на заднюю точку, попыталась успокоить колотящееся сердце и огляделась. Избушка была пуста. Дверь распахнута. Снаружи доносились голоса переговаривающихся между собой людей. Солнечные лучи пронзали задымленное пространство.

– Вашек, – позвала хриплым голосом и со страха – да чтоб всем сказкам о древнем зле пусто было – так дернула за кольцо, что крышка со скрипом стала подниматься. Внизу оказалось темно, но слуха коснулся лучший звук на свете – знакомый храп.

Вашек! Я закашлялась и уже хотела позвать тех, кто снаружи, когда от испуга выпустила кольцо, а крышка снова грохнулась на прежнее место. Просто, когда к осязательным галлюцинациям подключаются слуховые и негромкий голос тихим ветерком касается уха и шепчет: «Здравствуй», становится ну прям совсем нехорошо.

Чисто по инерции вновь огляделась, прижимая руки к груди. Ветерок в солнечных лучах красиво взметал дым от порога и обращал его в причудливые фигуры. Вот дымные клочья изогнулись в форме крыльев большой птицы, вот они показались развернутой ко мне

головой большого зверя, а вот разорвались провалами глаз, рта и легли волнами длинных волос на плечи мужской фигуры!

– О-о-ой.

Дым снова подернулся ветром, и протянутая ко мне рука вытянулась сизой старушечьей клюкой. Паника нахлынула как-то совсем внезапно – только что я собиралась сигануть в подвал к Вашеку, а вместо этого рванула на выход. И это решение было более правильным. Там по крайней мере маячил свежий воздух.

Я влетела в мужчину у самой двери. В дымные призрачные объятия, опутавшие точно сеть, в которой я забарахталась. Вероятно, ноги заплетались, и руки не могли нащупать проем выхода под действием сильнодействующего препарата, вот только глаза видели жутко притягательного мужчину. Поджилки тряслись от страха, но из-за необъяснимого притяжения меня точно магнитом приклеило к клочку пола на границе комнаты и двери. А ведь впереди был залитый солнцем проем, позади – подпол, где спал мой жених, но я замерла, словно кролик перед удавом, запрокинув голову и определенно наблюдая перед собой склоненное лицо. Я даже видела, как губы шевелились. Как они произносили что-то тише шепота. И чувствовала руки на своих плечах, прикосновения пальцев к коже, хотя краем глаза замечала, что кругом сплошной сизый дым. Высокая гибкая фигура просто мерещится мне. Как и поцелуй, забирающий остатки воздуха в легких.

«Назови...»

В голове звучал голос.

«...имя».

Луч солнца упал на кулон. Он преломился в янтаре, рассыпавшись во все стороны огненными лучиками, разорвав калеными гранями очертания касавшихся губ и темные провалы глаз, заплесав, точно отблеск свечи, красными искрами в упавших на лицо прядях волос, пронзив острыми шипами сизый дым и задрожав на грани сознания едва различимым яростным криком: «Ана!»

Я никогда не падала в обморок. Ни разу в жизни. Вот и сейчас тоже. Только осела на пол тяжелым, неподъемным кулем, хватая ртом воздух.

– Воздух – суть дыхания... – не закончила ритуальной фразы обращения к стихиям, вытянула руку к порогу и без сил уронила на нее голову. В мыслях царил хаос, в легких горело, тело онемело. Прикосновения бесплотных губ и пальцев оставили на коже невидимые ожоги. Бред какой-то, это все нереально, но так осязаемо...

– Сэйна! – поток сознания оборвался где-то на фразе: «Сумасшествие». – Ты что?

Меня приподняли над полом реальные мужские руки, и друг Вашека обеспокоенно заглянул в лицо.

– Вашек в подвале, а я упала, – оказалось, что человеческая речь не отказала, хотя голос звучал глухо и хрипло. Вероятно, напрасно решила, будто онемела. Может статься, я даже была в состоянии произнести имя.

Поморщилась, голова качнулась из стороны в сторону, когда я попыталась напрячь мозги и понять, что за имя хотела произнести.

– В подвале?

Друг меня выпустил, а сам рванул в глубь комнаты, повинувшись указующему жесту. Он поднял крышку с еще большим усилием, чем я, и бодрый храп вновь разнесся по комнате.

– Эй! – раздался громкий крик, загудевший в моей голове подобно тяжелому колоколу, – я нашел Вашека. Все сюда!

Глава 2

– Из чего вы вяжете свои пучки?

Я помассировала пальцами виски и потянулась к кружке с горьковатой гадостью, которая, впрочем, мигом уняла сухость и зуд в горле, не желавший проходить и после трех стаканов воды.

Старуха с ворчанием бухнула отвар перед моим носом после очередного стенания на тему кошмарной вони и слезоточивого дыма.

– Знамо дело, из ведьминой травы. Дабы зло отгонять. Неспроста головушка у тебя болит, – сверкнула глазами милейшая бабушка Вашека, на что сидевший рядом жених простонал: «Мне от нее тоже нехорошо. Надышался в подвале».

Ну-ну. Дымом он надышался, как же.

Матушка Эга возмущенно зыркнула на внука, после чего наполнила еще одну кружку.

– А мне можно? – донесся робкий голос друга-спасителя, вызволившего жениха из подпола.

– Я всегда вам говорила, – потрясла пальцем старуха, протягивая третью посудину с животворящей жидкостью, – не ходите в старый дом. В лес шага не ступайте! Чего вас потащила нелегкая?

– Ба, тогда нам по пять лет было. С тех пор лес излазили вдоль и поперек.

– Дурачье! И вот эту туда же понесло.

– А? Сами-то вы еще долго Вашека искали бы по лесу.

И, кажется, никто особо не отговаривал, даже рассуждения помню, будто любовь в девичьем сердце верный путь укажет. Вот она и указала, мигом узнав громоподобный храп.

– И если уж говорить о вреде, то все живы-здоровы, а злее всего оказалась только ваша травка.

Мои слова и выражение лица старушке не понравились. Кабы милейший одуванчик сумел, просверлил бы во мне дырку глазами.

– Берегись, девка, – и пальцем погрозила, смерив таким взглядом, будто ведьма во плоти не только невинное чадушко приворожила, но и обманом в лес загнала, чтобы повод был поискать и в избушку наведаться. – Берегись, коли приметил! А иначе не будет спасения.

А мне даже обидно стало, ведь я Вашека отыскала, несмотря на галлюциногенный дым.

– Спасения от кого?

– Духа древнего!

– А имя у духа есть?

– Окстись! – рявкнула старуха. Я едва отвар не пролила.

– Коли душа имя узнает, то и прошлую жизнь припомнит. А припомнит, так и тело отыщет. Отыщет тело и силу вернет. Наведет чары на всех, кто его одолел, да наступит конец этому миру.

Мы с Вашеком и его другом переглянулись. Меня уже давно отпустило действие травки, а потому становилось ясно, что кабы не она, я бы с дымом в домике не обнималась. Жених с другом и вовсе к байкам привыкли. Наверняка настолько, что те уже в печенках сидели.

– Ба, хватит, – подтвердил мой вывод Вашек. – Наслышаны про зло из леса, про девок и прочее.

– Ага, – поддакнул друг.

Даже я не смогла удержаться, припомнив кашель, слезящиеся глаза и галлюцинации.

– Он явно девушек отлавливал, чтобы имя вызнать.

Хмыкнула, парни согласно хрюкнули в свои кружки, а старушенция схватилась за клюку и так саданула по столу, что посуда зазвенела.

– Шутки все шутишь? – и вытянула палку ко мне, пришлось даже отклониться. – Не той имя известно, из кого силу берет, а той, кого сам позовет. Начнет тогда гадать, да вдруг и угадает!

Ее лицо перекосилось, глаза потемнели, а у меня едва внутренности узлом не стянулись, так бабуленция злобно скривилась. Вот уж не задались отношения с будущей родней.

– Ба, ну ты чего? – заступился Вашек, я же поднялась.

– Ну, как у вас говорят, спасибо за хлеб, за соль, пора и честь знать.

Старушка разом растеряла весь пыл.

– Уезжаете? – беспомощно глянула на внука. А тот в ответ примерно с тем же выражением посмотрел на меня.

– Сюша! – теперь меня перекосило. – Ведь договаривались на два дня.

Молча повернула в сторону двери. Дернуло же за язык согласиться. И ведь долго уговаривал. Как чувствовала, что мне здесь будут не рады.

Я тщетно силилась игнорировать поскребывания с той стороны. Мало того что посреди ночи разбудил, зараза, так теперь и дальше уснуть не давал. И это несмотря на все, что я ему высказала.

– Вашек, катись! – не выдержала притворяться спящей. Впустую только спальню отвоевала, а его спровадила на диван в большой комнате.

– Сю-у-шечка-а, – с той стороны тихонько провыли ровно в той тональности, которая была неспособна потревожить сон наслаждавшейся заслуженным отдыхом старушки в соседней спальне. Но ведь я тоже заслужила! Так за какой бездной огня этот теперь уже точно бывший жених до сих пор не ушел в неизвестность?

– Феюшка моя.

Дурная вера в иных существ – это семейное, и то, что на смену ведьме пришла фея, в общем-то не меняло демоническую сущность неспящей девушки.

– Я скоро так намагичу, мало не покажется, – рявкнула достаточно тихо, но весьма эмоционально.

– Сэйна, у меня реально проблема.

А этот тон был хорошо знаком. Я даже насторожилась, пытаюсь распознать лживые нотки.

– Какая проблема?

– Серьезная.

Да что ж такое! И ведь не врет!

Замок негромко щелкнул, дверь отворилась почти без скрипа, а Вашек мрачной трезвой тенью просочился в комнату.

– Ну? – я скрестила руки на груди.

– Медальон, – поведал жених, и я заметила неслабую бледность, разлившуюся по его щекам и теперь переползавшую на подбородок. Признаться, у самой заглохло в груди.

– Именной?

Мрачный кивок.

– Потерял? – прижала руки к сердцу, не желая верить в смысл повторного кивка и пытаюсь осознать, что эта дубина стоеросовая где-

то посеял именной медальон, выданный ему в честь окончания гронды. Тот самый, единственный в своем роде, на золотые вензеля которого я смотрела, затаив дыхание, отчего сам Вашек буквально лопался от гордости. Отличительный знак, что подтверждал подлинность обучения в высшем заведении и не мог быть подделан. Медальон, дававший право с гордым видом заявиться по адресу распределения и без лишних проверок предъявить его будущему работодателю. Уникальная золотая вещь стоимостью в пять лет учебы, за которую не я одна убила бы, имея способность изменить вензеля чужого имени и все тайные знаки, отмечавшие подлинность вещи.

– Он самый! – парень прервал мои мысленные словоизлияния и обреченно провел рукой по лицу. И вот честно, не будь он под два метра ростом и имея я возможность дотянуться до волнистой пустоголовой макушки, саданула бы со всех сил.

– Дуре...

Соглашусь, что превысила допустимые децибелы, а потому рука Вашека, закрывшая рот, очень кстати погасила мой вопль.

– М-м-м!

– Только не кричи.

Я согласно кивнула. Он выпустил меня и, запустив ладони в волосы, принялся бесцельно слоняться по комнате взад-вперед.

– Где потерял?

– Не знаю. Помню, как обмывали его с друзьями и что он все время был со мной.

– В дом, значит, брал? – можно было не уточнять. Чтобы Вашек да упустил такой повод похвастать!

– А если в подвале остался?

– Зачем ты вообще туда полез?

– Не помню толком. Кажется, сокровища искать. Мы с парнями с детства байки слышали, будто в стене заброшенного дома клад замурован. А сверху все стены бревенчатые, только в подполе земляные. Где еще муровать?

– О, как логично вы рассудили. И что, нашел клад? Или на медальон выменял?

Вашек громко вздохнул.

– Помню, что первый полез, а остальные не поместились.

– И решили выпить за твою удачу, раз даже позабыли, куда ты делся?

Жених пожал плечами.

– Я пару раз по стене долбанул, потом устал. Уснул как-то незаметно.

– Не ты один. Дружки твои только поутру заметили, что одного недостает. Правда, самый трезвый еще волков слышал. Ну и как теперь? С тобой сегодня за медальоном отправятся?

– Да я как бы, – он замялся, – не говорил им. Сама понимаешь, вещь золотая и...

– Уникальная?

– Редкая вещь. Хоть по назначению только хозяин использует, но стоит все равно недешево.

– Прекрасно!

Жених совсем загрустил, а я повторила его тяжелый вздох, в очередной раз подумав, что некоторым все слишком легко достается, что они в принципе не умеют ничего ценить, оттого и теряют столь просто.

– Значит, не доверяешь друзьям?

– Ну не то чтобы... к тому же они на радостях отметили успешные поиски. Заглядывал к ним, снова невменяемые.

Я насупилась и глянула на Вашека исподлобья, оценив, что к друзьям он не присоединился, значит, все-таки сильно переживал потерю.

– Знаешь, последнее чего хочется, это тащиться ночью в лес и снова посещать ту милую избушку.

– Бабушка с нами не пойдет, – принялся убеждать парень.

– Хоть один плюс. Предлагаю даже не брать с собой ее любимые травы, иначе не скоро вернемся.

– Ты пойдешь со мной?

– А одному страшно?

– Вдвоем отыскать быстрее.

И отыскать, и по-тихому вернуть, чтобы слух не прошел. А иначе и вовсе раритета лишат. В назидание. Бывали уж случаи. О восстановлении и говорить нечего. По крайней мере не при сегодняшнем главе элитной гронды Вашека, благодаря строгости

которого обучение в ней поднялось до нынешних высот. Зато и распределения стали на порядок выше. Не зарплата, мечта!

– Надо незаметно сходить и быстро вернуться, – подтвердил мои умозаключения парень.

– Не знаю, твой друг волков слышал.

– Какие волки? Через лес напрямик за двадцать минут можно к дороге до города выйти. Если когда-то это называлось чащей, а в ней обитал кто-то страшнее белки, то явно лет сто назад, не меньше. Так ты идешь?

– Только чтобы посветить в темные углы, дурень, ползать в грязи и пыли будешь сам. А после мы прямо с утра вернемся в город, и я не стану более навещать твою милейшую старушку и разудалых друзей, сам к ним ездю.

– Я тебя люблю! – жених ухватил в медвежьих объятиях, и в спине даже что-то хрустнуло. Крепкий он у меня был и, что греха таить, очень симпатичный, потому и мирилась с некоторой придурью. Избаловали единственного ребенка с детства, теперь я расхлебывала.

Высвободившись из рук Вашека, принялась собираться.

Ночью старая избушка выглядела гораздо загадочнее. Пустое окошко с распахнутыми мной же ставнями смотрело темными глазницами, а незакрытая дверь поскрипывала от дуновений ветра.

– Вашека, – я ухватилась за ладонь уже занесшего ногу над крыльцом жениха и крепко вцепилась в нее. Нужно признать, парень и правда не боялся в отличие от меня. Хотя атмосфера располагала. – Не хочется туда входить.

– Я же не могу оставить тебя снаружи. Идем. Ты в избушке посмотришь, а я – в подполе.

И он протянул длинную серебристую трубочку, которую накануне отъезда зарядил до полной отметки. Будто предполагал, что мы обязательно куда-то полезем ночью.

С большой неохотой и еще большим неудовольствием зашла следом за ним в пустую комнату и притворила дверь. Вашека сразу направился к люку и поднял крышку. Он спрыгнул вниз еще быстрее, чем я щелкнула кнопкой светоча.

– Сэй, ни стихии не видно, – проворчал снизу жених. – Эти бабулины кристаллы!

– Какие? – я присела на корточки и посветила на Вашека, тот держал в вытянутой руке светящийся кристалл на веревочке. – Еще один раритет? Тоже прошлый век?

– Не со свечкой же идти, – пробурчал жених, – а светоч только один, думал сможем одновременно искать.

– Так на солнышке подержал бы свой кристалл, а после светить пытался, – фыркнула на стенания жениха и принялась водить лучом светоча по всем углам, пока Вашек поднимал камни и комья земли, ища под ними.

– Нашел?

– Нет еще.

Жених громко рылся вниз, точно крот.

– Сюда посвети еще. Кажется, что-то блеснуло. Да вот же он!

Луч света отскочил от гладкой поверхности медальона, торчавшего из земляной стены.

– Как он в стене оказался? – не меньше моего удивился Вашек.

– А ты, случайно, не там клад искал? – съехидничала я, когда жених принялся выколуывать кругляш. – Не им вчера копал?

Парень проигнорировал издевку и потянул медальон, вырывая вместе с земляным комом. В тот же миг вся стена рухнула.

– Вашек!

– Я в норме! – жениха присыпало наполовину, но благодаря габаритам не до конца. И он принялся разгребать уже самого себя.

– Медальон снова не потерял?

– В кармане уже... Сэй!

– Что!

– А ну свети в этот проем.

Выдохнули в унисон и остолбенели практически одновременно. Стена не просто осыпалась, она открыла деревянные подпорки, которые одновременно формировали решетку и поддерживали другие поперечные балки, вероятно державшие собой потолок.

– Мра-ак, – протянул Вашек, когда дар речи к нему вернулся.

– А что там? – я практически свесилась вниз, вглядываясь в темноту за решеткой.

– Ручаюсь, здесь точно зарыли клад!

– Выкопав яму в человеческий рост?

– А что еще тут может быть?

– Темница?

– Ты бабулиных рассказней наслушалась?

– А ты чьих наслушался, что в клад поверил?

– Да кто только из деревенских про клад не болтал. Спускайся. Ничего не видно в этой темноте.

Я осторожно сползла вниз с помощью Вашека и даже поместилась с ним рядом, в отличие от медведей-дружков. Направила луч за решетку.

Странное дело, свет рассеивался настолько, что мы не могли увидеть ничего по ту сторону. Вероятно, пространство было большим, и лучу не хватало мощности, чтобы дойти до противоположных стен.

– Дай-ка на ощупь проверю.

Вашек просунул между прутьями руку, после попытался протиснуться сам.

– Ты не застрянь там, – посоветовала ему, соотнеся габариты жениха и расстояние между прутьями.

– Да уж, – он разочарованно подался назад, с заметным трудом пропихнувшись обратно, и оглянулся на меня. – А вдруг там до сундука или сундуков рукой подать, а я дотянуться не могу? Представь себе, если у нас под носом целая куча денег. Сколько всего можно купить! Даже дом твой, – хитрец затронул болезную тему, – отремонтировать. И родне всей нос утереть на этом вашем ежегодном сборище.

Я на миг прикрыла глаза, представив лица благодетелей-родственников и то, как они вытянутся. А еще можно будет открыть собственный салон, покинув «Модельных собачек» с их истеричными хозяйками. Ах, мечты! В реальной жизни подобные клады находят весьма редко, хотя не спорю, что тому виной случайности вроде этой. Но все равно не верю. С другими случается, а со мной жизнь всегда поразительно реальна.

– Ни зги не видно. Сейчас я выбью пару палок и...

– С ума сошел! Потолок рухнет, а следом вообще все осыплется. Это же похоже на темницу-ловушку, как в древности сооружали. Читал про такие?

– Эм-м.

– Выбьешь одну палку, и пошатнется вся конструкция.

Я для верности ухватила разошедшегося жениха за локоть.

– Уж тебе следовало знать. Медальон об окончании гронды за что?

Вашек фыркнул и принялся водить по прутьям ладонями, замеряя пространство между ними.

– Сюша, ты ведь худенькая. Точно пролезешь.

– Мне даже не видно, что там.

– Я буду держать тебя за руку. Попробуй пролезть, если что, мигом затащу обратно.

Признаюсь, я могла бы и дольше колебаться, но обстоятельства сложились такие... будоражащие. Во-первых, любопытство. Во-вторых, надежда. В-третьих, адреналин. И, конечно, ощущение поддержки Вашека сыграло свою роль. Все это вместе перевесило чашу сомнений и опасений в пользу пролезания сквозь прутья.

Застряла я совсем чуть-чуть в самой выпяченной части тела, но любимый жених с чувством протолкнул сквозь решетку. Он, как и обещал, крепко держал за руку. Я же, прижавшись спиной к прутьям, скользила лучом в темноте. Точнее, сделала попытку. Светоч мигнул и погас.

– Э? – выдал за спиной Вашек, пока я судорожно щелкала кнопкой и в испуге стискивала пальцы жениха. – Что там?

– Светоч не работает.

– Вечно он барахлит в неподходящий момент! – проворчал парень. – Погоди-ка.

Он забрал металлическую трубочку и сунул мне в руку кристалл.

Камень на ладони внезапно разгорелся ярче, словно абсолютная темнота была именно тем, что ему требовалось. Я вытянула руку с веревочкой, позволяя кристаллу качнуться вперед, разбрасывая по кругу лучи. Темнота не отступила, но рассеялась ровно настолько, чтобы лишний раз подразнить, побуждая непрошеного гостя продвинуться еще дальше.

– Ну? – теребил меня Вашек.

– Толком не разглядеть.

Я сделала осторожный шажок вперед, ощущая твердую почву под ногами, и решила отпустить на секунду пальцы жениха. Еще один крохотный шаг и... сорвалась.

Дыхание перехватило, в ушах засвистело, мысль: «Там кругом был земляной пол!» мелькнула по краю сознания, ладони чиркнули

пустоту, и я сиганула вниз с обрыва.

– Вашек! – крик гулом разнесся по темному пространству, когда в легких оказалось достаточно воздуха для вдоха и для призыва о помощи. Голова кружилась, тошнило столь сильно, что, едва прокричав имя жениха, я тут же зажала руками рот. Но мозг работал четко, и он зафиксировал удивительный момент – удара не последовало. Упав, я нисколько не ушиблась, однако ощущение прыжка осталось отчетливым и ярким. А еще вокруг была пещера. Темная, сырая, и стены проглядывали в полумраке, а все кругом неровно освещалось бликами от слюдяных вкраплений в породу.

– Четыре стихии! – огляделась, слушая мерный стук капель воды и неясные шорохи. Кристалл лежал тут же, возле ноги, словно я просто присела на корточки, а не сорвалась в небытие. Его свет оказался удивительно похож на мерцание остальных минералов в этом странном месте.

В полумраке не было видно деталей, но осмотреть закрытое пространство, чтобы в шоке остолбенеть, мне удалось.

– Вот и не верь после этого бабушкам, – прошептала самой себе, чтобы просто услышать голос и понять, это действительно я, живая, невредимая, самую малость тронувшаяся рассудком.

Ущипнула руку и осознала – это все еще я и именно мои глаза видят распятого у одной из стен человека. Словно в какой-то древней легенде – руки за запястья прикованы к скале, ноги вмурованы в гранит, а вокруг шеи широкий металлический ошейник. Голова бессильно свесилась на грудь, а вся фигура выглядит застывшей и неживой. Как изваяние, но выполненное очень искусным скульптором.

– Вашек, – позвала тихо и жалобно, но жених не откликнулся. Признаюсь, если бы мужчина у стены вдруг поднял голову, отреагировав на призыв, я рисковала получить настоящий разрыв сердца, но он не подавал признаков жизни.

Будь на моем месте какая-то другая девушка, например романтическая героиня повести, она бы непременно двинулась вперед к незнакомцу, но я не страдала отсутствием мозгов. По крайней мере прежде. Даже могла похвастать тем, что раньше мои поступки отличались логичностью и последовательностью, если не принимать во внимание факт поиска сокровищ на пару с женихом. Вероятно, там

сверху упало что-то на голову, и сейчас бред казался оглушенному мозгу настоящей реальностью.

Стена за спиной, по которой тщетно шарили мои руки в поисках отверстия, поражала шероховатостью, твердостью и полным отсутствием даже намека на выход. Его не было совсем нигде. Замкнутое пространство некой подземной горы, тихий шелест капель, призрачный свет и сгущающаяся в душе паника. Я старательно сдерживала желание заорать и не сдержала, когда в голове раздалось: «Ана».

Визг заполнил собой темное пространство, отразился от стен, разбился о камни и умножился стократным эхом. Когда его отзвуки стихли, я и правда верила, что случится обвал. Но камни не пошевелились, как и человек у стены, к которому приморозился мой исполненный страха взгляд. И это явно не он говорил в моей голове.

«Ана».

Я стиснула уши руками и принялась оглядываться, паника уже трансформировалась в ужас, от которого хотелось забиться куда-нибудь под один из каменных валунов. «Воздух – суть дыхания, вода – исток жизни, пламя – искра сердца, земля – ядро разума. Стихии, даруйте защиту и дайте сил. Проясните мысли, осветите путь». Я шептала на едином выдохе, призывая ритуальной фразой спокойствие снизойти на меня, всегда такую сдержанную и разумную. Спокойствие не снисходило. Оно не сподобилось рухнуть следом за мной к подножию этой горы.

В моей голове звучал голос. Чужой голос.

– Кто такая Ана?! – страх сорвал вопль на хрипящий шепот.

Стихии, может, это капли шуршат? Они всего лишь стучат о камни и выбивают ритм, а для меня он звучит подобно имени?

Я стиснула ладони и задала самый идиотский вопрос в стиле героини из слезливого чтива, над которым здравомыслящие люди – к ним прежде относилась и я – могли только потешаться:

– Кто здесь?

«Никого. Ни одной живой души, кроме тебя», – было самым здравым ответом, но я уже прочно сроднилась с незадачливой героиней, поскольку к глазам подступили слезы, а в мозгу множились голоса.

«Ана, Ана, Ана», – шепот, как легкое дуновение.

– Здесь нет Аны! – визг опять пронесся по пещере, а я сосредоточила взор на единственном объекте, который здесь находился. – Вы, вы... Это вы говорите?

И дураку было понятно, что не он. Значит, ко мне не подходило звание дуры, а вот помешавшейся – вполне. Но как такое могло происходить на самом деле?

И ведь в этот раз не было зелья. Если только мы с Вашеком не надышались ядовитыми парами в том подвале после обвала стены. Это могло стать объяснением? Могло. Пещера, прикованный мертвец, звуки в голове. Откуда им еще взяться?

Капли шелестели, а я слышала голоса. Оглядывалась в пугающем пространстве, и казалось, будто эхо чужих слов отскакивает от стен. Они просили что-то сделать, а может, напротив, требовали не делать. Из этой какофонии я не могла понять ни звука, но при этом слушала: «Сэй Ю Ари Тэ Анна, Мэ Ю Нэр, Сэй Ю На, Сэй На».

Я вздрогнула сильнее, чем когда-либо прежде, ощутив промозглый сырой озноб.

– Ваше? – задрала вверх голову, но увидела лишь потолок пещеры.

Вновь положив ладони на камень, принялась на ощупь передвигаться вдоль стены подальше от застывшей фигуры.

– Я слышу! – крикнула в пространство. – Кто вы такие? Что вы говорите? Что вам нужно от меня?

Всего лишь капли стучат. Это просто вода.

Голоса отдалялись, теперь и звуки стало совершенно не разобрать. Я двигалась быстро на ощупь, позабыв позади кристалл, опустив глаза в каменный пол. Я хотела уйти как можно дальше от застывшей фигуры, пока новый вопль ужаса не сотряс своды пещеры.

В суматошном животном страхе проползла ее по кругу и не просто приблизилась к тому, от чего бежала, но почти коснулась холодной мраморной ладони, прикованной к скале, пока пыталась ощупать камень. Просто вовремя подняла голову, чтобы посмотреть вперед, и увидела застывший профиль на расстоянии вытянутой руки. Оттолкнувшись, упала и сжалась на полу, крепко обхватив колени и запрокинув голову. Казалось, еще чуть-чуть, и рассудок вовсе покинет меня, оставив насовсем в этой гулкой застывшей пустоте.

– Кто ты? – спросила шепотом. – Я хочу уйти отсюда! Как мне уйти?

Молчание, воцарившееся за чередой безостановочно дребезжащих в голове голосов, оказалось неожиданно громким. Слова отдалились и затихли, погрузив мир в тишину. Я с силой зажмурилась, прижав лицо к коленям, и перед опущенными веками вдруг сделалось нестерпимо ярко. Так ослепительно, что я пропустила падение в очередной омут со сверкающими стенами и темным бесконечным дном. Нырнула на всю глубину, чтобы среди ослепительной тьмы вдруг осознать, что вглядываюсь в омуты чужого взора и всем существом осознаю боль, сладость и тоску, а сердце сжимается от взгляда, способного убить холодной пустотой, за которой едва угадывается боль, моя боль, отраженная стократно. «Ана!» Темный колодец отпускает, выталкивая наружу под бешеный стук в груди.

Я хватаю ртом воздух и откидываю голову.

Стихии!

Это просто сон. А я сижу на полу в темной пещере. Сон? Нет. Воздействие ядовитых паров. И оттого испарина на всем теле. Плохо и тошно. А еще до сих пор больно от ошеломивших меня чувств. И невероятный контраст в ощущениях. Как на острие, по обе стороны обрывы, две противоположные сущности. Я представляла их иначе. Не знала, что одна сродни другой и может вот так ломать, выкручивать суставы и резать острым клинком. Острая боль, яркая сладость, огненная тоска. Все чужое. Все не мое. Просто помешательство. Может, стоит лечь, чтобы камень приятно охладил опаленную чувствами кожу. Или же встать? Подойти к тому, что пугает в этой пещере больше всего? Убедиться в его нереальности и покончить наконец со всем бредом.

Приятно лежать с закрытыми глазами и не шевелиться, пока чувства успокаиваются, сердце перестает невозможно болеть. Это ведь не по-настоящему. Все хорошо. И человек у стены ненастоящий. Он пришел из бредового сна, навеянного чужими рассказами, оттого столь страшит.

Тишина. Но обычная. В ней опять слышен стук капель, просто стук капель, и неясные шорохи. А свет вкраплений породы блекнет, погружая пространство в еще большую темноту.

Взгляд вернулся к фигуре у стены. Не исчезла? Нет. Эта часть моего бреда пока оставалась на месте. Надо просто коснуться. Подойти. И мираж сам развеется.

Смутно отметила, как встала с пола и отправилась вперед. Никто не звал, голоса затихли. Я подняла руку. Привстала на цыпочки и потянулась вверх. Лишь прикоснусь и взгляну напоследок в это лицо с закрытыми глазами.

Вблизи стало понятно, почему фигура сперва показалась похожей на изваяние. По коже разливалось слабое сияние из-за хрустальной корочки, отражавшей сумрачный свет. Точно кто-то заморозил этого мужчину в тончайшем слое льда. Он был холодным. Я ощутила это, дотронувшись до лица. Мираж не развеялся от прикосновения, но отчего-то не было сил бороться с желанием провести по щеке будто только-только задремавшего человека. Словно он вынес тяжелую борьбу, а после, утомившись, уснул. Опустил голову, кисти рук безвольно повисли в металлических кандалах.

Бедный, бедный. Как жаль тебя. Я прикоснулась легонько, чтобы не потревожить покой. Провела рукой неощутимо, и мгновенно со стоном отдернула.

Кристаллы льда показались сотней ощерившихся игл, оцарапавших кожу. Кровь выступила на пальцах, а вкрапления породы вспыхнули, как настоящий огонь, и погасли. Стало беспросветно темно и ужасно тошно. Голова закружилась. Мир покачнулся, и кто-то резко дернул меня за запястье.

– Сэй!

Вашек потянул к себе, протаскивая сквозь прутья обратно в подвал. Потряс за плечи, ловя бессмысленно блуждающий взгляд.

– Вашек?

– Кто ж еще? Ты что не отвечала?

– Вашек! – я обняла его за шею, прижалась всем телом, чтобы ощутить настоящее живое тепло. Ужасно холодно, а в голове темнота и туман, хотя на полу подвала горел светоч.

– Ты нашла хоть что-то?

– Где?

– По ту сторону!

Я спрятала голову на груди жениха.

– Сэй, да что такое? – он слегка встряхнул за плечи, побуждая вновь посмотреть на него. – Что там есть?

– Там? Темно и...

– И что?

– Камень. Пещера. Холод.

– И все?

Я отпустила его и потерла гудящие виски. Под пальцами словно до сих пор ощущалась шероховатая поверхность. Ладонь покалывало. Разжала и сжала кулак, рука чуточку онемела.

Жених разочарованно приник к прутьям.

– Всего лишь пещера? Может, кто другой нашел вход с той стороны и давно вынес сокровища! А я так надеялся. – Вашек был удручен, а у меня ныло в висках, но это не помешало услышать треск и замереть, напряженно прислушиваясь.

Нет. Не почудилось! Треск донесся со стороны решетки из темной глубины.

– Вашек! Уходим отсюда, сейчас же!

Жених схватил за талию, толкая вверх, к люку.

Глава 3

Нам повезло. Причем очень. И пускай не в том смысле, в каком могло бы, найди мы сокровища, но, на мой взгляд, выбраться живыми – настоящее счастье.

– Еще пара минут, и конец!

Вашек беспрерывно оборачивался на рухнувший дом.

– Мне казалось, он гораздо крепче, хоть и старый. Думаешь, там что-то сдвинулось из этих подпорок, когда ты пролезала обратно? Мне почудилось, один из прутьев пошатнулся, пока тебя затягивал. А представь себе, что я там ночью не только клад копал, но еще спал внизу. Мороз по коже! Сэй? Ты чего молчишь?

– Тоже мороз по коже.

А еще едва ноги переставляла. Никогда прежде не ощущала подобной усталости.

Вашек обнял за плечи и крепче прижал к себе.

– Все, никаких больше поисков сокровищ. Сейчас поспим, а как проснемся, сразу в город. Погулял с друзьями, пора возвращаться. Бабушке, пожалуй, лучше рассказывать не буду.

Я была совершенно согласна с его предложением.

Проснулась от легкого прикосновения к щеке. Открыла глаза.

Предрассветный сумрак окутывал комнату. Рядом раздавалось громкое сопение Вашека, чья рука придавила меня к кровати, обхватив поперек груди. А на краю этой самой кровати сидел человек. Лицо в тени, черты скрадывал полумрак, удивительно длинные для мужчины волнистые волосы до плеч закрывали скулы, и не разглядеть выражения глаз, только угадывалось, что он смотрит на меня. Зато отчетливо была видна улыбка. Она изгибала кончики губ, одновременно насмешливая и холодная: «Благодарю».

Легкий наклон головы, а меня пробрал озноб. Стало так волнующе страшно, что захотелось по-детски спрятать голову под одеяло. Я никак не могла понять, что это. Сон, явь? Кто это? Будто раньше слышала его голос, и именно он порождал странные ощущения, вызвавшие мурашки по телу.

Со всей страстью пожелала дотянуться до ладони жениха, а еще разбудить, чтобы он меня защитил. Однако пошевелиться не вышло, даже чуть-чуть, как будто все тело сковало.

Еще одно легкое прикосновение, и мужчина поймал прядь моих волос, протянул по ладони. Красные блики, которые появлялись лишь при отсветах пламени, вдруг заискрили и заплясали по гладкой поверхности, а я внутренне сжалась сильнее, слыша в ушах гул дико колотящегося сердца.

Он выпустил волосы, вновь перевел взгляд на меня, улыбка на губах, намертво приковавшая мой взгляд, на доли секунды стала ярче: «Вот и встретились снова», – а после погасла, точно огонек, задутый порывом ветра. Мужчина наклонился, но тут Вашек заворочался, пробурчав что-то во сне, а я крепко зажмурилась.

Когда открыла глаза, за окном разгорался новый яркий день и радостно щебетали птицы. Мне хотелось вспомнить, о чем был сон, но не получалось. Как это часто бывает, стоило напрячь память, как все детали тут же ускользали, а воспоминания смазывались. Я махнула рукой, и только в душе отчего-то осталось неприятное чувство досады.

В лексире, курсирующем между деревенькой и городом раз в день, я дремала на плече жениха, периодически просыпаясь от громкого мужского всхрапа. После глаза сами собой вновь закрывались. На последней остановке разбудил зычный голос водителя, громко крикнувшего «Конечная!»

Вынырнув из полудремы, зевнула и потрясла крепко уснувшего спутника.

– Вашек, проснись.

Никакой реакции.

– Хр-р.

– Вашек!

В салоне оставалось все меньше людей, водитель поглядывал со своего кресла, а жених ни в какую не желал просыпаться.

– Нам пора выходить! – потрясла парня изо всех сил, отчего он лишь громче всхрапнул.

– Вам помочь? – за плечом прозвучал негромкий голос, я резко обернулась. Мне казалось, салон уже пуст, и мы остались

единственными пассажирами, вызывавшими недовольство водителя. Пригляделась к предложившему помощь.

Высокий и худощавый, руки в карманах широкого плаща, скрывавшего фигуру. Такой дождевик больше подошел бы для пасмурной погоды, а не теплого солнечного дня. Капюшон укрывал голову, пряча волосы и лоб, как если бы человек мерз и пытался таким образом согреться. Тень в совокупности с ярко освещенным позади мужчины окном скрадывала черты лица, не позволяя рассмотреть даже глаз вежливого незнакомца.

Мужчина застыл, демонстрируя ожидание и одновременно готовность отправиться за остальными людьми, покинувшими салон. Я тряхнула головой, не понимая, отчего напряглась и почему таращусь на него, как последняя дурочка. Голос показался смутно знакомым? Черты лица странно ускользали от моего восприятия?

Пожала плечами, так и не совладав с нелогичной и странной растерянностью, а мужчина наклонился вперед, положил Вашеку на лоб руку и легонько надавил. Даже подумалось: «Спасибо за помощь, я-то посильнее трясла».

Но каково же было изумление, когда жених раскрыл ослепленные глаза и поводит головой из стороны в сторону, пытаясь сообразить, где он находится, пробурчав: «Что так холодно-то!» Мужчина отстранился, повернулся спиной и молча отправился к выходу. А мне показалось удивительным, что у него даже сумки с собой не было. Хотя подумаешь, путешествует налегке, разве это необычно? Вероятно, тоже из деревни в город. Весь его облик был совершенно зауряден. Плащ не по погоде и даже будто не по фигуре? Случается. Позавчера дождь шел, а он иных вещей не взял, потому и ехал в оказавшемся под рукой дождевике. Ничего странного или хотя бы запоминающегося ни в словах, ни в поведении. Хотя если уж совсем пристально вглядываться, то жесты и манера двигаться показались чересчур плавными и какими-то вкрадчивыми. То ли идет, то ли крадется, а может, и вовсе перемещается точно тень? Я даже вперед подалась, пытаясь запечатлеть в памяти эту его особенность, когда стукнулась головой о стекло, охнула и потеряла лоб.

Увлечшись наблюдением за незнакомцем, не заметила, что провожала его глазами, даже когда он вышел из лексика и отправился прочь по улице. Опустив руку, снова прилипла к стеклу, но

неприметная фигура в сером наряде затерялась среди спешащих на свои рейсы и покидающих транспортные средства людей. Я искала его среди толпы, пока Вашек не постучал по плечу.

– Сэйна.

– Ой! – подпрыгнула на месте и обернулась. Совершенно забыла про жениха и вконец недовольного водителя.

– Тебя не дозовешься. Пойдем? – парень смотрел удивленно, закинув на плечо сумку. – Ты что там увидала?

– Где?

– За окном.

– А... да ничего, – пожала плечами и поспешила за женихом, решив про себя, что общение с деревенскими бабушками и их травками даром не проходит.

На работе обстановка радовала своей, скажем так, стабильностью – рутина прозвучало бы грубо для столь элитного заведения. Стоило переступить порог, как окунулась в ароматы шампуня, духов и красителей. В коробках на столах переливались украшения, сверкали ленты и банты с бисером и стразами, работали фены, лилась вода, звенели пинцеты и ножницы, щелкали когтерезки, а воздух оглашался истошными «Гав» и «Мяу».

Я постаралась как можно незаметнее просочиться от входа сразу в рабочую зону, где всюду колдовал Наби. У лучшего мастера, чьей помощницей была избрана недостойная я, клиентов всегда было хоть отбавляй.

Даже в столь ранний час маэстро уже щелкал в воздухе серебряными ножничками, ровняя белоснежный пух собачки элитной – и, стихии, какой дорогушей! – породы. А еще Наби жаловался, что если заниматься стрижкой домашних питомцев, то он предпочитал шерсть. Пух слишком легкий и мягкий, его так тяжело укладывать!

– И таки явилась, – глянул на меня маэстро, пока облачалась в рабочий фартук.

– А имелись варианты? – Я повязала косынку на голову и открыла шкафчик, где хранились рабочие инструменты.

– Опоздай ты минут на пять, и стрижка была бы окончена.

– Наби, дорогой, я никогда не опаздываю.

– Драгоценная, – маэстро поморщился, он терпеть не мог обращения «дорогой», – если у сей белоснежности пух высохнет быстрее, чем успеешь нанести свои краски, в том будет полностью твоя вина.

Я фыркнула, игнорируя дурное расположение духа нашего цветоча парикмахерского искусства, и принялась быстро смешивать цвета в соответствии с выбранной клиенткой цветовой палитрой. В том, чтобы наносить их именно на влажную шерсть, был свой резон, ведь тогда цвета слегка растекались и плавно перемешивались. Этот метод являлся моим изобретением, потому напоминание маэстро казалось лишним и определенно отдавало вредным характером. Колористика была моим коньком еще со времен обучения в кастелане. А за время работы в «Модельных собачках» (где обслуживали и остальных питомцев) еще не помнили случая, когда я напортачила с окрасом. Однако Наби не забывал держать меня в тонусе, дабы неповадно было опозорить громкое имя наставника. По мне, так стрижка – это лишь полдела, даже несмотря на высокое мастерство. Ведь именно в сочетании с моей техникой «радужного окраса» салон так прославился в городе.

– Ну что твой жених?

Маэстро лениво созерцал, как уверенными мазками живописую по неподвижно сидящему «полотну» с большими карими глазами и подрагивающим носом. Некоторые питомцы были истинным даром художнику, они не кусались, не вырывались, даже не вертелись, милым характером полностью окупая потраченные на их приобретение деньги.

– Оффно, – зажатая в зубах кисть мешала четче произносить слова и служила в качестве элемента, мешающего поддерживать разговор. Наби обожал болтать во время работы, а я терпеть не могла. Это мешало сосредоточиться.

– И когда свадьба? Не за горами?

Нашему великому парикмахеру неразговорчивость собеседника никогда не мешала.

– Ухум.

– Драгоценная, я бы на твоём месте поспешил. Завидный жених. Семья при деньгах, сам красавец, а теперь еще и гронду окончил. Ему

определенно светит большое будущее. Хватай же парня, пока не передумал.

– Ф смыфффе?

Умел Наби вызвать на разговор.

– В прямом. Ой, не делай больших глаз, радужная. Будто не он, а ты можешь передумать. Таких парней не бросают, а вот они – напротив. Да не сжимай бедную кисть, чего доброго, перекусишь. Все в курсе, что в вашем роду аристократы потоптались, но ведь они признают тебя со скрипом, а уж про финансирование молчу. У женишка все иначе.

Ага, совсем иначе. На руках носят, ножки целуют. Единственное любимое чадушко. А в нашем роду побочных ветвей хоть завались. Где сами аристократы нагрели, где предприимчивые натуры примазаться захотели. Хотя, согласно строгому отбору и тщательной проверке, меня признали законной представительницей.

– Не прозевай, рубиновая.

Вот еще одно прозвище от Наби. А мне уже надоели намеки в салоне, что тайком крашу шевелюру, а после заявляю, будто это натуральный оттенок.

– Готово.

Я извлекла кисточку и потянулась к люверу, чтобы просушить и расчесать, а после вернуть обновленную зверушку заждавшейся клиентке. Цвета красиво перетекали один в другой, расцвечивая прежде скучный и однотонный пух во все оттенки радуги. Однако едва я успела нажать на кнопку, как в наш закуток с витражным окошком, отгороженный от остального зала парой кадок с раскидистыми экзотическими деревцами – говорили, фруктовыми, – ворвалась Асем. Полагаю, только опущенная вниз голова спасла от возможности продемонстрировать нелюбимой клиентке самую кислую из моих гримас.

– Ах, Наби, дорогой Наби!

Асем позволялось называть маэстро дорогим. Впрочем, стоимость его услуг полностью оправдывала это обращение. А в ряде случаев наш главный парикмахер мог быть исключительно терпелив и снисходителен, но только с богатыми клиентками.

– О, моя красавица! – оба звучно расцеловали воздух возле щек друг друга и шумно выдохнули, демонстрируя бурную радость от

встречи.

– Наби, мне необходима срочная укладка.

– Но, жестокая, у меня ведь запись.

– Ах, – Асем махнула рукой, – подождут.

И она с чувством извлекла из сумочки своего карманного мопса и сунула в мои освободившиеся руки. Девочка-помощница мгновенно утащила обновленного пухового песика к хозяйке, а мне пришлось изворачиваться, чтобы одновременно не уронить пса важной клиентки и не остаться без пальца. Норов у собачки был под стать характеру владелицы.

– Ты не поверишь, что произошло! Я утром выгуливала Басю и совсем неподалеку от вашего салона столкнулась на улице с мужчиной. Случайно сбила его с ног.

Случайно? Хм. Учитывая, как часто у Асем менялись любовники, она всех сбивала с ног, чтобы убежать не успели.

– Он оказался чрезвычайно мил. Мы разговорились.

Точнее, Асем решила брать незнакомца штурмом и не дала ему уйти, отрезав пути нескончаемой беседой.

– Собрались прогуляться вместе до ближайшего кафе и выпить чаю, когда я вспомнила, что у Басечки шерсть очень некрасиво отросла после прошлой стрижки.

Наби поджал губы, но промолчал. После его стрижек шерсть просто не могла некрасиво отрасти.

– Разве можно, в самом деле, идти на встречу с таким мужчиной без укладки?

– Конечно, прелесть, – маэстро одарил клиентку великодушной улыбкой, – это стало бы катастрофой. Ты столь ухожена и элегантна, а у песика волоски топорщатся после ветра. Сегодня снаружи на редкость неприятная погода.

Я бросила взгляд на освещенные ярким солнцем окна и тихо хмыкнула.

– Ты абсолютно права, остальные подождут. Но где же твой мужчина?

– Вон там. Я пригласила заглянуть на минутку в салон к близкой подруге, которой обещала вернуть одну вещь.

Асем хихикнула, а я небрежно глянула в том направлении, куда она вожаденно тыкала, и застыла. Сознаюсь, не справилась с собой.

Застыла, открыла рот и мигом была укушена за палец, что быстро вернуло в реальный мир. В тот самый, в котором невероятные мужчины приходили в салон в сопровождении разных Асем, а моим делом было не дать сбежать удачно отловленному жениху.

– А мужчине не требуется укладка? – буркнула под нос, больше от досады на боль в кровоточащем пальце.

– Завидуешь, милочка? – у Асем слух отличался остротой лишь в моменты, когда ей это было выгодно. Если нищий просил ее на улице о монетке, дамочка презрительно морщила носик (сама наблюдала) и небрежно отворачивалась в другую сторону, демонстрируя абсолютную глухоту.

– У него необычно длинные волосы, – отмахнулась от Асем и принялась профессионально и виртуозно, шустро обмотав палец эластичной лентой, наносить на кожу Басюшечки специальный гель, благодаря которому шерсть ложилась волосок к волоску. При этом умудрялась ловко избегать повторного укуса.

– А на мой взгляд, невероятно притягательно, когда у мужчины кончики волос так волнительно касаются шеи, словно в старых романах. Не находишь, Наби? Это очень красиво.

Клиентка обращалась исключительно к маэстро, поскольку кто я такая, чтобы со мной говорить дольше минуты, но при этом глаза ее победно сверкнули. Наби ответил нечто невразумительное, недовольно блеснув абсолютно голым черепом. Я же замечание проигнорировала. В свое время Асем очень старалась привлечь внимание Вашека, когда он заглянул ненадолго ко мне на работу. Однако жених красой земной пренебрег (у него прежде таких Асем было пруд пруди), на что элитная клиентка затаила обиду.

– Да, он шикарен, – совладал с собой Наби, цепким взглядом профессионала окинув мужчину с головы до ног и рассудив, что шикарность одного не умаляет породы другого. Человек же, которого все столь бурно обсуждали, в свою очередь, абсолютно не заботился о чьем-либо мнении и был поглощен видом из окна. Он наблюдал за спешащими на работу людьми и едущими по ту сторону повозками, тележками, а также изредка мелькавшими среди остального транспорта элитными ройерсами, мягко везущими своих счастливых владельцев. Выглядел мужчина при этом столь отстраненным, точно мыслями находился далеко-далеко.

– Харизма – великая вещь, – меж тем вещал маэстро, пока я пыталась сосредоточиться на работе. Честно говоря, Наби не рисковал прикасаться к кусачим мопсам и перекладывал ответственность за укладку на меня, но при этом считалось, что заслуга принадлежит именно маэстро. Как много раз повторял великий парикмахер: «Это я тебя всему научил, стоит быть благодарной».

Чудом избежав острых зубов, ухватила за щетку, собираясь причесать неблагодарную псину, и почти совладала с иррациональным желанием пялиться в сторону окна. Вовсе не было ничего выдающегося в том незнакомце, кроме длины его волос. Внешность как внешность. Черты лица даже излишне резкие и обозначены столь выразительно, будто лепивший их скульптор слишком старался при создании шедевра. Это в точности как если бы я взялась не за широкую кисть, а каждый волосок окрашивала тонкой кисточкой отдельно. Напрасная трата сил. Вашек выглядел намного симпатичнее. Здесь же секрет крылся исключительно в харизме, как верно подметил маэстро. Есть личности, привлекающие к себе внимание с первого взгляда, просто потому что им природа дала личную притягательность, способную сражать людей. Вот и все.

Мужчину, сбитого Асем, вдруг оторвали от отстраненного созерцания, предложив свежесжатый сок, и он элегантно взял бокал, мимолетно оглядев место, где очутился. Вероятно, он осматривался в поисках новой знакомой, но на миг наши взгляды встретились. У меня закололо в висках, сердце так резко сдавило, что не вдохнуть, кровь запульсировала в ушах горячим током, складываясь в монотонный шум, в котором проступали звуки, размытые образы, красные блики на прядях, треск ломающихся перекрытий, а человек у окна чуть наклонил голову и улыбнулся. Почти незримо, уголками губ. Расческа выпала из рук и громко ударила о стол.

– Ты что творишь?

Громкий вопль Асем перекрыл стук шального сердца и заставил взглянуть на собственные перепачканные краской руки. Я перепутала предметы и вместо выпавшей расчески схватилась за баллончик, сильно сдавив. На кусачего песика пролилась струя ярко-зеленого цвета.

Стоит отметить, что краска в нашем салоне использовалась высокого качества, потому была стойкой и насыщенной. И вот теперь

Басик с благородно-шоколадным оттенком шерсти обзавелся неровной кислотно-зеленой полосой.

– Наби, эта гадина нарочно испортила Басюшечку!

От визгливого голоса я поморщилась, тщетно пытаюсь совладать с разыгравшейся мигренью, как вдруг Асем добавила ультразвука, еще оглушительнее возопив: «Стойте, куда же вы?»

Мужчины у окна уже не было. Вероятно, он поднялся при первых же звуках ругани. Прекрасный облик очаровательной незнакомки окончательно и бесповоротно рассыпался под воздействием громкого визга. Истинный голос Асем, не сдобренный искусственной певучестью, всегда вызывал у меня желание заткнуть уши. И кажется, не у меня одной. Новый поклонник ушел, и теперь весь салон имел честь наблюдать через окно за его удаляющейся фигурой.

– Это ты, это все ты!

Гнев клиентки пришелся на мою голову.

Глава 4

– И вот так с ходу уволили? – Миранда, отдуваясь, волокла тяжелый тюк, за которым оставалась внушительная полоса, четко обозначившая разницу между грязным и относительно чистым полом.

– Сперва потребовали извиниться.

– А ты?

– Конечно, извинилась, напортачила ведь.

– А потом?

– А потом уволили.

– Вот так взяли и уволили? – повторно возмутилась Мира. – Ты сколько лет проработала в салоне? Ведь сразу по завершении учебы туда пошла! Я точно помню, мы просматривали варианты. А ты увидела объявление о помощнице этого главного парикмахера, и тогда вместе к нему пошли. Я сразу сказала: «Нет», когда увидела расстроенных девчонок, что он выгнал, а ты все равно отправилась на собеседование.

– Да, и меня он тоже развернул, поскольку опыта не было, только сертификат об окончании обучения. – Я ногами подталкивала ящик с красками, так как спина уже нещадно ныла от всех перетасканных с перевозной тележки тяжестей.

– Ты не расплакалась и не ушла, а заявила, будто он сам не понимает, как много теряет, раз не берется испытать истинно талантливого колориста.

– Еще бы мне плакать, – хмыкнула, вспоминая тот день, – ведь прошла закалку всей родней. Так буду еще реагировать на грубости людей, которые меня и вовсе не знают.

– И ты его сделала! Эх, Сэйна, вот что меня всегда в тебе восхищало.

Я взглянула на подругу и подумала, что меня в ней восхищает безмерная преданность тем людям, которых Миранда допустила в ближний круг. Очень редкая черта в современном мире. Вот и теперь она единственная откликнулась, и сама предложила помочь, когда остальные оказались заняты.

– Но все же, как они могли? – Мира, отдуваясь, прислонила тюк к стене. – Вот так сразу уволить!

– Не сразу, а после большого скандала.

Мне припомнили, кажется, все промашки, допущенные с первого дня работы. Ведь речь шла о постоянной и одной из самых богатых клиенток, а она, не церемонясь, вызвала подруг, которые устроили настоящий разбор недостатков одной ущербной колористки.

Я вздохнула, тщетно силясь не показать, как на самом деле обидело отношение коллег, не вставших на мою сторону, и сколь непросто оказалось вынести унижительную головомойку, особенно потому, что мстили не за ошибку и ту ядовито зеленую полосу, которая со временем сойдет, а за ушедшего поклонника.

– С другой стороны, все к лучшему. Значит, пришла пора двигаться дальше. Вот открою собственный салон, только заем возьму.

Я старалась выглядеть уверенно, хотя в душе вовсе не стремилась к столь резкому повороту в жизни. Предпочла бы задержаться на привычной работе и еще немного подкопить денег. Жаль, что длинноволосый незнакомец не прошел мимо нашего салона в тот день.

– Сэй.

– Что?

– А Вашек всерьез сказал, будто это реальный прокол, потому он не пойдет в салон и не станет за тебя заступаться?

– Ты забываешь, что у его семьи целая империя в сфере услуг. Думаю, он с детства впитал главное правило – клиент всегда прав.

Теперь я отвернулась, будто ища место, куда втолкнуть еще один ящик с вещами, а на деле пряча от Миры выражение лица. Себя не обманешь: из-за реакции жениха было обидней всего. Вашек имел определенный вес в том обществе, что обитало в нашем салоне, он и правда мог заступиться. Но ему претило идти и просить за проштрафившуюся невесту. Он был выше этого, потому просто хмыкнул и сказал: «Найдешь новое место». Не принимая во внимание моих чувств и того, сколько сил было отдано предыдущей работе, сколько души вложено в то дело. Ведь, по сути, это я обзаводилась новыми клиентами благодаря собственной технике, а салон присваивал мои заслуги и, конечно же, ни за что теперь не отпустит постоянных посетителей, а если попробую составить конкуренцию, то без хорошей поддержки провалюсь на первом же этапе.

– Сэй, послушай, – подруга огляделась, – а не страшновато сюда переезжать? Пускай район в целом неплох, но дом такой старый. Сколько времени стоял нежилой, а ты здесь одна.

– Кроме него, у меня нет жилья, а сбережения понадобятся, чтобы открыть свое дело.

– Вероятно, это опрометчиво вот так круто менять жизнь? Понимаю твоё желание утереть всем нос, но вдруг потом начнешь жалеть? С работы уволили, а от жениха ты съехала. Теперь одна в таком месте. Ещё и половицы скрипят, точно вот-вот развалятся.

– Все хорошо, Миранда, не переживай за меня. С соседями я знакома. Все-таки иногда навещала сюда. А полы вполне крепкие, и стропила, и потолки. Я когда дом унаследовала, заказала полную проверку его состояния. Так что, по сути, здесь можно обойтись небольшим ремонтом, а на самом деле ему требуется очень генеральная уборка.

– Ну-ну, – подруга оглядела затянутые паутиной темные углы, чистую дорожку в пыли, стекла в трещинах и вздохнула. – Может, не стоило ссориться с Вашеком?

– Перестань тревожиться. Уже темнеет, тебе пора домой к малышке. И так полдня провозилась со мной, а соседке скоро и самой уходить.

– Да, – вздохнула подруга, – она говорила, что после восьми пойдет к себе, у нее муж должен с работы вернуться. Осталось полчаса.

– Как раз чтобы успеть добраться домой.

– А тревожную кнопку ты проверяла? – Миранда потянулась к приглушенно светящемуся зеленому огоньку на стене.

– Исправно работает, не нажимай, – остановила ее. – Иначе приедут, и придется платить за ложный вызов.

– А она только здесь?

– В каждой комнате. В прошлую проверку мастер всю охранную сеть починил, вышло недешево.

– Ну, хорошо, – Мира потянулась ко мне и обняла.

– Поезжай. Я попросила перевозчика подкинуть тебя по дороге до остановки. Хороший парень, без проблем согласился.

– Спасибо. – Она снова огляделась и показала мне такой расстроенной, что я решительно взяла ее за руку и потянула к двери.

– Со мной точно ночевать не годится, ведь ребенка сюда не привезешь. Вот обустроюсь, тогда и приглашу. Ну все. Пока.

Поцеловала ее в щеку и выпроводила за дверь, послушав, как зашелестела колесами тяжелая тележка перевозчика, отъезжая.

Настроение было лучше ожидаемого, ведь верная подруга, прежде чем приступить к переезду, привезла бутылку крепкого самодельного вина. На этой волне мы вдвоем неплохо организовали перевоз вещей из квартиры Вашека. Даже сейчас эффект не до конца рассеялся, позволяя мне запереть засов и бодро оглядеть новое жилье, а не скатиться в слезы и сопли.

– Ничего. Вполне справлюсь. Это не на улице ночевать.

И не к жениху возвращаться, поджав хвост. Ведь не заступиться за невесту – полбеда, а вот наблюдать с усмешкой за ее сумбурными сборами с заявлением: «Ну давай, самостоятельная, поглядим, насколько тебя хватит», – уже верный путь этой невесты лишиться. И конечно, я бы не отправилась в старое наследство на ночь глядя, но снять иное жилье за столь короткий срок было невозможно, пойти в венту^[3] – дорого (расчет за месяц ожидался в конце недели, а деньги пригодятся, пока нет новой работы), остаться у Вашека после скандала – точно снизойти до уровня «Гляди не упusti жениха». Я сама смогу многого добиться и даже доказала это, закончив с отличием учебу и устроившись на работу без малейшей поддержки со стороны родственников. Вот и поглядим, кто кого.

Обустройство на новом месте сошло на нет около полуночи. Тогда ноги, руки и спина отказались служить хозяйке, а матрас, расстеленный на полу отмытой, примыкавшей к залу кухни, так и манил прилечь. Я проверила все замки, заперла дверь кухни и, устроившись с относительным комфортом, уснула столь быстро, как только засыпает здорово уставший человек. Полагаю, что могла бы крепко проспать до самого утра, не разбуди меня посреди ночи скрип половиц.

Проснулась мгновенно и резко, подтянув к себе длинную кочергу, которая обнаружилась здесь же на кухне, возле очага, и которую на всякий случай положила рядом. Встала осторожно, ступая на цыпочках. Половицы поскрипывали и подо мной, но не так отчаянно громко. Я прильнула к замочной скважине и попыталась рассмотреть большой зал, освещенный лунным светом.

Вот оно! Отпрянула в испуге, покрепче сжав вспотевшей ладонью кочергу. Какая-то тень проскользила по комнате. Этот кто-то ходил, не таясь, неспешно осматривая окружающее пространство. А теперь я услышала, как его шаги замерли за дверью кухни.

Отпрянула, прижалась к стене и, подняв кочергу выше, второй рукой принялась нащупывать тревожную кнопку. Нашла. Нажала, ожидая услышать протяжную трель, но ничего не произошло. В панике вдавила кнопку еще несколько раз, даже скосила на нее глаза, чтобы увидеть погасший огонек, прежде ярко светившийся равномерно зеленым. Он не горел, точно и правда был неисправен. Но ведь кнопка работала!

Тут все рассуждения покинули голову, поскольку ручка повернулась, дверь дернулась раз-другой, стукнув о задвижку, а я сжала кочергу обеими ладонями.

Ожидала, что сейчас взломщик попробует вынести преграду, но не тут-то было. Медленно, со скрипом задвижка отъехала в сторону, и дверь отворилась. Кто-то вошел.

Дрожащие руки резко опустили оружие и... промахнулись. Кочерга проскользила по краю света-тени, как проходит по маслу острый нож, и воткнулась в пол, проделав в доске дыру и намертво застряв.

Все еще в состоянии глубочайшего шока, я в первый момент дергала ее, попутно стараясь принять решение, как быть дальше, когда до мозга дошло, что бесполезно пытаться вытянуть оружие и самое умное – поскорее мчаться на выход. Только мешала отворенная створка, а еще темная тень на моем пути. Тот, кто вошел в комнату и так удачно и стремительно отпрыгнул с линии удара, обернулся, заметил мое движение к выходу и с силой толкнул дверь, заставив ее захлопнуться.

Это был миг, когда я осознала себя загнанной в угол и морально приготовилась сопротивляться: бороться, кусаться и визжать. Я даже набрала в легкие больше воздуха, когда услышала спокойное: «Доброй ночи. Прощу извинить за вторжение».

Знакомый голос, от которого в голове зашумело и вымело прочь остальные мысли, кроме единственного вопроса:

- Как вы открыли дверь?
- Магией.

– Чем?

В ответ он щелкнул пальцами, и светильники ярко загорелись. Те самые светильники, которые точно были неисправны, поскольку я до сих пор не собралась поменять старую проводку. Но они горели! Они горели, а кнопка – нет.

Бегло обежала взглядом ровные огоньки света. Стена послужила опорой, когда перевела ошарашенный взгляд со светильников на человека перед собой.

И я всерьез жалела, что невероятные мужчины не приходят по мою душу и остается довольствоваться удачей, подкинувшей завидного жениха? Готова отпустить эти сожаления. Мне гораздо лучше и спокойнее жилось прежде, когда...

Я судорожно вдохнула и выдохнула.

...когда шикарные мужчины не появлялись передо мной посреди ночи, отворяя двери, зажигая светильники, говоря о магии. Какая, к стихиям, магия?! Он сюда из сказки явился? Из страшной сказки!

Он стоял и оглядывал комнату. Не обошел вниманием ни старый потолок с кусками отвалившейся краски, ни кочергу, ни дырку в полу. Сделал рукой некое движение, словно хотел что-то поймать в воздухе, раскрыл пустую ладонь и задумчиво нахмурился. Затем я удостоилась взгляда от головы до кончиков босых ступней с поджатыми от испуга пальцами. Когда он посмотрел мне в глаза, то перед ними все закачалось и поплыло.

– Непривычное место, пустое. Тебя спрятали здесь, Ана? Или, может, заперли?

Ана? Я слышала это имя!

– Меня зовут Сэйна.

Зачем ответила? Почему сказала, как меня зовут?

Мужчина подступил. Протянул руку, беря за подбородок, а я приготовилась ухватить его за плечи и со всех сил садануть коленом в самое уязвимое место, когда незваный посетитель резко отстранился, захватив попутно прядь моих волос. Он пропустил ее сквозь пальцы, напомнив о чем-то, виденном прежде. Красные искры вспыхнули, пробежали по волосам и погасли в его руке.

– Тебе изменили внешность?

– Вы меня спутали с кем-то?

– Воспоминания?

– Вы не в себе? Уходите немедленно! Это мой дом, и я сейчас позову на помощь!

Так чего же еще не зовешь, Сэйна? Ты тоже не в себе?

Я открыла рот, чтобы громко закричать, надеясь, будто треснувшие стекла пропустят этот звук и донесут до ушей соседей, когда мужчина уточнил:

– Не Ана?

Бросив взгляд в сторону застрявшей кочерги, я постаралась максимально подавить панику, отвлекая его внимание разговором, а попутно придумывая варианты побега. Зря только понадеялась на кнопку и спокойный район.

– Кто вы такой? Зачем преследуете меня? Ведь это вы были сегодня в салоне?

Окинула взглядом его дорогое летнее пальто.

– А еще... в лексире тоже были вы, только в дождевике?

Кто же он? С кем меня спутал?

– Другая речь, другой голос, другие манеры. Ты столь мало похожа на нее, но лишь ее кровь могла вернуть.

– Это ошибка. Я даже не знакома ни с кем по имени Ана. Вы явно зашли не в тот дом.

– Не в тот дом, – повторил он задумчиво.

– Послушайте, – я попыталась умерить панику и говорить спокойно, не повышая голоса, – если нужно отыскать какую-то девушку, то вам могут помочь, но совсем в другом месте.

Наблюдая, как он отвернулся и медленно пошел по комнате, разглядывая всякие мелочи, вроде захваченного мной приемника, оставленного на старой, отмытой стойке, попыталась втолковать мужчине мысль, что я не та, кого он разыскивал. Попутно потянулась к ручке, делая осторожные шажки к двери.

– Вы перепутали меня с кем-то, а потому вломились в мой дом, – что само по себе странно, но менее важно, чем попытка убедить его уйти или отвлечь, чтобы выскочить за помощью, – поверьте, мы раньше не встречались. Однако в нашем веке уже изобрели немало способов нахождения человека. Вам стоит лишь...

Он небрежно махнул ладонью в сторону двери, отчего вдруг раздался громкий щелчок, а я ошарашенно оглянулась на проскользнувшую в свой паз задвижку.

– Не откроется, – сказал мужчина, скинув на стул пальто, а сам облокотился спиной на стойку, разглядывая меня теперь на расстоянии.

Мои глаза намертво приковались к худой изможденной фигуре, обтянутой эластичной рубашкой с короткими рукавами. Сквозь белую ткань проступали ребра, словно этого человека долго морили голодом, или же он совсем мало ел в последнее время. По лицу это было почти незаметно, если не считать того, как резко обозначились скулы, однако тело...

– Вам нужна помощь, – вырвалось у меня.

– Мне? – он улыбнулся. Как же не по себе становилось от его улыбки. Легкая вельта^[4], надетая в постель, не спасала от озноба. Я начинала путаться, морозило ли это от стены, проходясь ледяным дуновением между лопаток, или то был холод его улыбки. Еще легкий изгиб губ вызывал какое-то смутное чувство, отличное от беспокойства, знакомо-забытое волнение...

– Значит, тебя больше не зовут Ана? – кивнул он, словно наконец согласился. – Теперь твое имя звучит как Сэйна?

Услышал? И запомнил. А если он не совсем сумасшедший? Или же очень умный сумасшедший, что, однако, не меняло положения вещей.

– Меня всегда так звали.

– Сэйна, – повторил он, а я прижала ладони к груди и крепко стиснула их, следя за ним взглядом, – звучит иначе и потому ни о чем не напоминает.

– И не может напоминать! Это ведь другое имя!

– Ты произнесла: «В нашем веке», – вновь продемонстрировал он отличную способность слышать и запоминать, – у него есть год?

– Конечно, – волнение, страх, недоумение перемешались в совершенно невообразимый коктейль, мне уже с трудом удавалось контролировать себя в достаточной мере, чтобы связно отвечать и перестать слишком пристально таращиться на его тело и излишне худощавые руки, хотя кисти и пальцы оказались удивительно красивыми, – трехсот двадцать седьмой.

Мужчина недоверчиво качнул головой:

– Куда же канули два предыдущих столетия?

– Не поняла.

А он словно задумался. Сложил пальцы домиком и опустил голову, произнося негромко:

– Пустой мир без силовых потоков и век иного времени. В каком измерении ваше пространство?

– В трехмерном... – о чем мы вообще беседовали? Я начинала совершенно терять нить разговора.

Он воззрился на собственные сцепленные ладони, а голос стал едва громче шепота, но мне удалось разобрать фразу: «В пустом мире не выжить так долго».

Пользуясь тем, что он сосредоточил взгляд на сцепленных ладонях, я сделала более широкий шаг и окончательно закрыла спиной дверную ручку, заведя руку назад и нащупывая задвижку, попутно стараясь болтать почти беззаботно. Даже сделала попытку пошутить:

– А вы что же, заблудились во времени и пространстве?

Вероятно, это просто ментально больной человек, которому я напомнила давнюю знакомую. Ему ведь определенно требовалась помощь. Но для того желательно было сперва очутиться на улице и иметь шанс эту самую помощь позвать.

Задвижка оказалась в моих пальцах, и я резко потянула за нее, намереваясь вытянуть из паза, но та вдруг не сдвинулась с места, словно заклинило.

– Говорил, не откроется, – поднял глаза странный мужчина, свергая меня в новую дрожь. – И я не заблудился. Мне нужно лишь найти путь.

Он рассеянно провел пальцами по гладкой столешнице и, наткнувшись на миниатюрный брелок в форме песочных часов, принялся отстраненно рассматривать. Этим незнакомец окончательно убедил меня в верности заключений о его душевном состоянии. У нездоровых людей перепады в настроениях и невнятные рассуждения не редкость. Может, он сейчас вовсе впадет в меланхоличное созерцание песчинок, а я убегу? Только чем подцепить эту щеколду, ведь через окно не хотелось бы. Опасно пробивать стекло собственным телом, но что еще можно сделать?

– Два века.

Чуть не вздрогнула, сосредоточившись на плане побега и отвлекшись от главного.

– Немало.

Кивнула, поймав его взгляд. Я слышала, с душевнобольными людьми нельзя спорить. Нужно во всем с ними соглашаться, чтобы усыпить бдительность. Потому кивнула еще раз. Только результат оказался далеким от ожидаемого. Мужчина оттолкнулся от стойки и направился ко мне.

– Прости, Сэйна, мне требуется больше сил на задуманное.

– Конечно, – снова согласилась, – вам бы поесть, поспать, и все придет в норму.

– Не у того, кто был мертв две сотни лет. Нужна кровь.

– Ч-чья?

– Твоя.

На сердце никогда еще не холодело столь стремительно, даже лопатки примерзли к дверному полотну. И ведь до последнего не хотелось верить в самый страшный исход. Он и правда маньяк, из тех, кто присматривал жертв в разных местах, типа салонов красоты. Находил простых девушек, следил за ними, а когда наступало время, приходил и пускал кровь. Или выпивал? Стихии, защитите меня!

– Послушайте, – голос дрожал, мужчина замер возле воткнутой между нами кочерги. – Кровь вовсе не питательна. Совершенно! И она ужасна на вкус. Вам просто кажется, будто это поможет. На самом деле вам требуется другое. Может быть, деньги? Мой жених Вашек точно заплатит. Правда. Я в этом уверена.

Он нагнулся и на удивление легко вытянул из досок кочергу. А пока выпрямлялся, я со всей силы толкнула его, а сама кинулась к окну, уже не заботясь о том, насколько опасно можно пораниться.

Ох!

Никогда бы не заподозрила столь моментальной реакции и сил в отошавшем теле. Я даже и нескольких шагов не пробежала, когда мужчина поймал за плечо, резко развернул и выпустил, а инерция сыграла злую шутку, впечатав мое тело в стену.

Ударилась лопатками, вдавилась спиной. А когда он протянул ладонь, закрылась руками. Кочергу мужчина отбросил, но вот сжимали ли его пальцы нож или от страха пригрезился металлический блеск, однако я с силой зажмурилась. Слюна сделалась вязкой, в горле стало сухо, а сердце замерло от ужаса, и стена показалась мягкой и тягучей, точно кисель.

Дурнота, накатившая неожиданно, ощущение падения спиной вперед, тошнота и перед зажмуренными глазами вдруг стало очень ярко! Распахнула их и увидела зал. Большой зал собственного дома, обставленный дорогой и вычурной мебелью. Он был освещен лучами восходящего солнца, просачивавшимися сквозь чистые окна. Прежде шаткая лестница, уводящая на верхний этаж, оказалась застелена ковром, а ее отполированные поручни блестели. На нижней ступеньке замерла девушка со стопкой полотенец в руках, похожая на горничную из венты. Я привстала на локте, она взвизгнула.

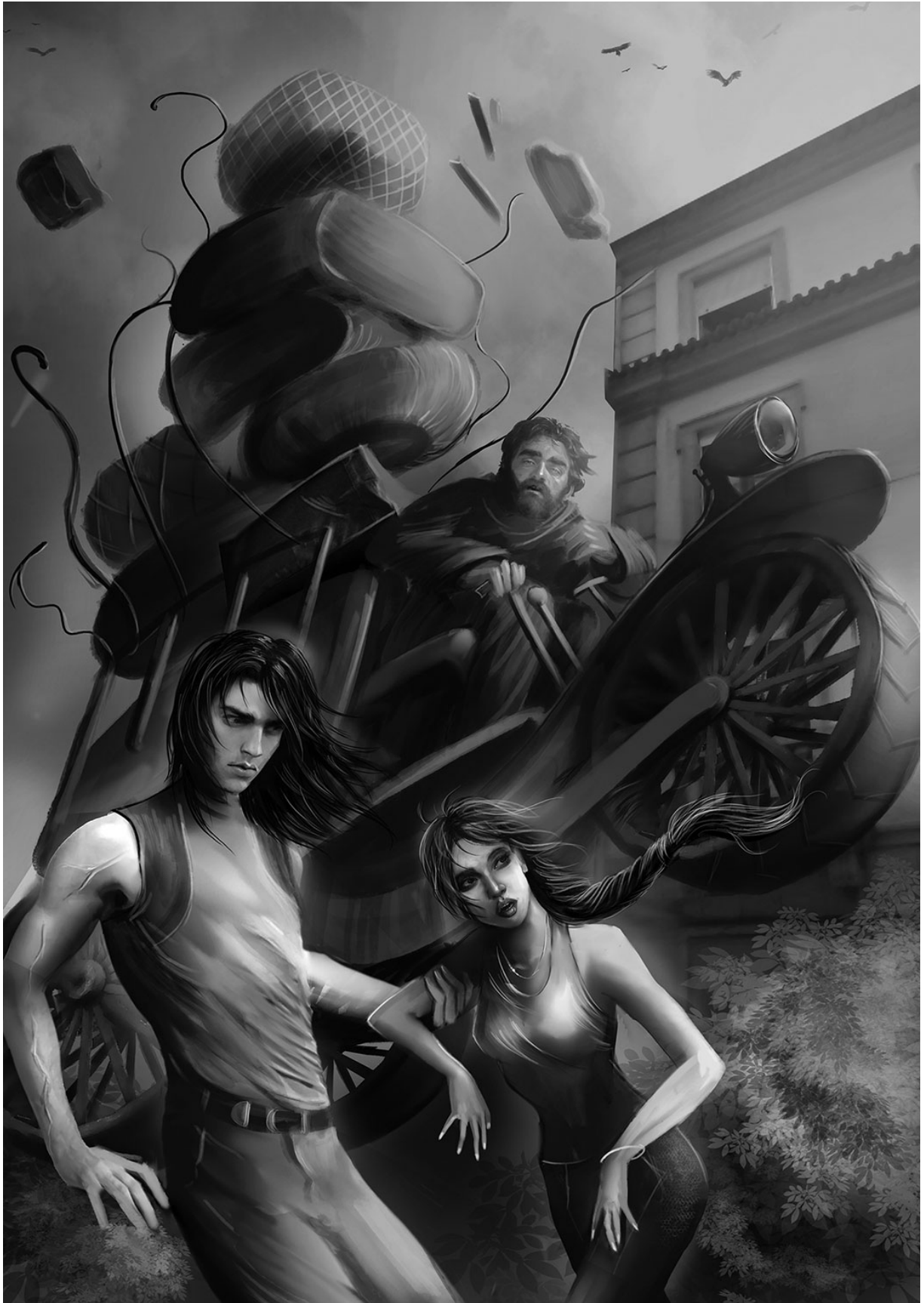
– Простите... – от шока почти совсем пропал голос. Повернулась на четвереньки, начала подниматься, а девушка завизжала еще громче. Визг спровоцировал топот на втором этаже. Сразу несколько человек выбежали на площадку и перегнулись через перила, поглядев вниз. Среди них одеждой и статью выделялся один мужчина, строго крикнувший:

– Что вы делаете в моем доме? Как вы посмели открыть портал? Как пробили защиту?

– Что пробила? Это, это мой дом, – снова обвела взглядом пространство, – был.

– Схватите ее, – кивнул на меня мужчина, и трое сопровождающих кинулись вниз, только мне не захотелось их дожидаться. Для нервов это был явный перебор. Я вскочила и зайцем метнулась ко входной двери.

– Дверь не откроется посторонней! – успел прокричать тот, кто назвался хозяином моего дома, когда я, не слушая, вывалилась на улицу и захлопнула створку за собой. Процесс прохождения сквозь проем вновь сопровождался тошнотой и головокружением, а потому я не удержалась на ногах и свалилась прямо на дорогу. Резкий сигнал тележки торговца, мчавшейся прямо на меня, уловила, но среагировать не успевала. Только вновь бессмысленно закрыла голову, когда меня больно вздернули за руку и успели вытащить из-под колес в последний момент. Лицо одержимого кровью спасителя уже смазывалось перед глазами из-за слез накатившей истерики. Не знаю, из какого прибежища для душевнобольных он сбежал, но появлялся реальный шанс составить ему там компанию по возвращении.

– Идем! – он быстро затащил меня обратно в дом, махнув рукой прокричавшему «Ненормальная!» торговцу. Тот едва успел совладать с управлением тележкой, которую резко повело в сторону из-за вывернутого руля. И ведь я рванулась из захвата, чтобы дать деру вслед повозке, но маньяк легко преодолел сопротивление. Отчетливо прозвучал щелчок дверного замка. Холл снова оказался пуст, безлюден и знакомо пах пылью. Потемневшая лестница с частично прогнившими ступенями вела наверх.

– Ты открыла портал? – уточнил душевнобольной.

Я пожала плечами. Оступение снизошло внезапно. Вкупе с упадком сил. Тихо-мирно почить от потери крови представлялось теперь не столь страшным делом. Подумаешь! Маньяков полным-полно, а здесь и тосковать никто не станет. Вашек даже не возьмет на себя труд мстить за безвременную кончину невесты.

– Не в первый раз? – продолжал попытки расшевелить меня кровопийца. Полагаю, вид мой был таков, что даже до ненормального взломщика дошло – это лучший момент для проведения ритуала. Жертва отказывалась сопротивляться.

До кухни маньяк меня дотащил, крепко сжав плечи. Довел и на стул усадил, а сам принялся открывать ящики стола.

– Где еда? – спрашивал он, напрочь игнорируя банки с консервами.

– Здесь, – показала на шею.

Он странно поглядел на меня, качнул головой и вдруг проявил заботу.

– Тебе нужна еда. После прыжков наступает истощение. Где ее взять?

– А зачем кормить меня, если собрались убивать? Вы за один раз не откормите.

Мужчина в этот момент отыскал хлеб в пакете и извлек его наружу вместе со складным ножом.

Содрогнулась. Апатия потихоньку отступала.

– Открытие порталов – редкий дар, – принялся говорить он. – Один из самых редких. Ана им не владела.

– О, почти поверили? А вам чья кровь нужна, ее или моя?

Ответа не последовало. Я с опаской отклонилась от руки с ножом, хотя тот даже не глядел острием в мою сторону.

– Вы уже убедились, что я не Ана?

– Ты так говоришь.

– А вы не верите на слово?

Передо мной оказался кусок хлеба с сыром, и, позабыв продолжение речи, так вгрызлась в него, будто никогда еды не видела.

– Верить? На слово? Забавно.

Мужчина устроился напротив. И вот он-то, заморенный голодом, ел гораздо медленнее и аккуратнее. Ел и рассматривал меня. Снова. Причем особенно тщательно изучал волосы.

– Галлюцинации? Фокусы? Что это было? – едва ощутив приток сил, рискнула разобраться в вопросе. Маньяк по-прежнему следил за мной, сокращая шансы добраться до выхода, но, вероятно, перестал считать Аной. А ведь она ему явно чем-то насолила, раз обладала такой вкусной кровью (может, в клинику упекла, где его морили голодом?). – Вы распылили в воздухе некий препарат, чтобы у меня разум помутился?

– Нет.

– Тогда что случилось?

– Твой дар.

– Какой?

– Магический.

Смешок вырвался непроизвольно.

– А, снова магия.

– Да.

Он опустил глаза и опять поднял, заставив нервно ухватиться за шею, по которой скользнул его взгляд. Однако мужчина не обратил внимания, продолжив нашу поистине странную беседу:

– Что у тебя за семья? Помнишь имена своих предков? Ты всегда жила в этом мире, с самого рождения?

Удивительное дело. Я не понимала, как так случилось, но теперь, когда он перестал излучать угрозу и перешел на совершенно иной тон, мне дико захотелось рассказать ему все. И, может, заслужить одобрение. Стихии! Чье одобрение? Маньяка? Тряхнула головой, собираясь хорошенько ее прочистить, когда мужчина вдруг напрягся и взглянул в сторону двери.

– Сэй! – раздалось из холла.

Вашек пришел! Какой же он замечательный, а еще очень сильный, только нужно его предупредить...

Почему странный маньяк реагировал стремительнее меня? Наверное, потому, что иначе я бы давно сбежала. Или попала под тележку.

Вскочила со стула на мгновение позже него. В голове мелькнуло – сейчас схватит нож и кинется к двери, но он поймал меня так быстро, что и пикнуть не успела. Толкнул на матрас. Навис сверху, прижав грудью к постели, на миг мы встретились глазами, и он закрыл губами мне рот.

Я слышала, как дверь скрипнула, отворившись. Вашек зашел. С легкостью можно было представить открывшуюся глазам картину. Его девушка на постели целуется с каким-то мужиком. Я имела отличный шанс угадать его мысли на этот счет. Проблема состояла в другом: адекватно реагировать на происходящее оказалось выше моих сил. Все в жизни, начиная с ночного пробуждения, перестало быть нормальным и перевернулось с ног на голову, с момента появления в ней душевнобольного маньяка. А потому все сложилось вот так.

Здесь оказался мой жених, и он мог бы помочь, но... Там, где я вдруг очутилась, стоял аромат сумеречного леса, приглушенный полумрак с шелестом листвы. Густой туман, скрывавший очертания предметов. Место силы и старый сон. Украденные у вечности секунды, в которых оживают древние легенды. Не существует круговерти забот, нет страха и разочарований. Здесь реально волшебство и встречаются странные, невероятные мужчины.

– Сэй!

Я все еще была в комнате, как и неадекватный маньяк, чей способ не дать позвать на помощь оказался столь эффективен, что, попробуй я теперь закричать, Вашек бы не услышал. Из-за собственной ругани и целого ведра словесных помоев, пролившихся на мою голову.

Готова поклясться, что незнакомец отстранился спустя две или три секунды после того, как губы соприкоснулись, но я молчала дольше. Вашеку же хватило общего времени, чтобы сделать нужные выводы.

В себя пришла после слов: «Ну и пошла ты!» и громкого удара двери. Не среагировав в правильный момент, только сейчас со злостью

и решимостью ударила отстранившегося мужчину и сумела столкнуть в сторону. Он откатился, а я в кои-то веки оказалась достаточно проворна, чтобы вскочить и ринуться к выходу.

Выскочив на улицу, которая уже заполнилась народом, увидела над толпой голову Вашека, стремительно идущего прочь. Сделала несколько шагов вслед за ним и остановилась, провожая взглядом. Замерла посреди тротуара, пока спешащие прохожие огибали препятствие в моем лице, задевая локтями и плечами и приглушенно ругаясь сквозь зубы, а после обернулась к окну. За ним стоял, сложив на груди руки, странный мужчина и наблюдал за мной. Не преследовал, как тогда, когда вытащил из-под колес тележки, не манил обратно. Просто наблюдал, а я попятилась. Кто-то снова толкнул в плечо, кто-то крикнул: «Осторожнее», и где-то совсем рядом проскрежетали колеса, а стекло на моих глазах внезапно потускнело, вся неотмытая грязь проступила, скрывая очертания фигуры и снова превращая мой дом в пустое, нежилое строение.

Глава 5

– Тревожная бригада, к ведомству которой относится твой дом, ничего не нашла. Они все обыскали. Никто даже не видел в том районе мужчину, подходящего под описание, – говорила подруга.

– Вашек видел.

– Он отказался обсуждать все вопросы, едва представилась. Как ты могла поцеловаться с маньяком у него на глазах?

– Прости?

– Что стоило подать Вашеку знак?

– Мы ведь не целовались! Он закрыл таким образом рот, а я впала в ступор буквально на мгновение, поскольку совершенно перестала понимать, где нахожусь. Там случилось столько невероятного, Мира! Какие претензии ко мне?

– Сама посуди: отпечатков нет, следов нет, тревожная кнопка не сработала, задвижка сперва открылась сама, потом ее заклинило. Мужчина, из-за которого случилось злосчастное увольнение, считай, всю ночь с тобой мило беседовал...

– Он хотел моей крови!

– Не перебивай. Итак, он постоянно принимал тебя за некую Ану, а когда явился жених, почти тебя поцеловал. Ты не смогла позвать Вашека на помощь. Хотя заметь, у любого нормального человека в такие минуты срабатывают стандартные психологические реакции вроде сопротивления.

– Я сопротивлялась, а в тот конкретный момент растерялась.

– Тебе мог понравиться маньяк? Ты называла его шикарным мужчиной, говоря о происшествии в салоне!

– Не сходи с ума!

– Как раз я здраво рассуждаю и пытаюсь объяснить все логически.

– Стихии! – провела рукой по лицу, призывая себя успокоиться. – Здесь мало логики. Его маневр оказался неожиданным, я на несколько мгновений перестала мыслить адекватно, а придя в себя, сбежала. Только Вашек успел сделать выводы, словно проводить ночи с другим мужчиной, имея при этом жениха, совершенно в моем духе. И ведь я всегда его поддерживала!

– Отлично, временный ступор. Тогда почему ты говоришь о магии? Ведь в реальности подобного не существует!

– Говорю о ней, поскольку видела собственными глазами!

– Знаешь, все больше склоняюсь к версии охраны. Точнее, к двум: первая – тебе приснилось.

– Приснилось? Тогда объясни реакцию Вашека.

– Обижен из-за вашей ссоры и твоего демонстративного переезда, потому и не разговаривает.

– А совпадения? В моей жизни появляется некий странный мужчина, после чего я внезапно лишаюсь работы, лишаюсь жениха, теперь еще и домой не вернуться.

– Из-за работы он тебе и приснился. По второй версии, выдвинутой охраной, следует меньше пить. Тревожная система в доме работает отлично, а вот пустая бутылка из-под вина навела их на подозрения.

– Мы вместе отметили мой переезд. Ты же уехала в нормальном состоянии.

– Второй бутылки у тебя не было?

– Прекрасно! Знаешь, оба объяснения отличные. Главное, они не противоречат логике и реальности. Мужчина приснился, с работы уволили по понятной причине, Вашек обижен на отъезд, а в дом не вернуться, поскольку тревожная бригада признала его опасным для проживания и опечатала.

Я поднялась, опираясь ладонями на стол, и посмотрела на взбудораженную подругу.

– Но разве во сне или состоянии опьянения возможно фиксировать так много деталей? Реально запомнить все настолько отчетливо? Те же сны нелогичны и непоследовательны. А здесь я помню. Даже могу назвать одеколон Вашека, описать оттенки эмоций, вызвавших, как ты говоришь, неадекватную реакцию. Я до сих пор чувствую, как тот человек наклоняется совсем близко и касается лишь несколько секунд. И это не угроза, нет – на ходу придуманный маневр. Собственные ощущения? Страшно, но не противно. Есть желание оттолкнуть, остановить приближение и понимание, что самое время крикнуть Вашеку, когда вдруг обрушивается вся эта смесь эмоций и запахов. Свежего утра, тумана...

– Какого тумана, Сэйна?

– Плотного, осязаемого, когда капельки воды оседают на лице. Такой туман пахнет проливным дождем.

– Поэзия совсем не в тему. И дождь – это вода, а она не пахнет. Если сны нелогичны, как ты говоришь, то все сходится. Ведь свет не зажигается, проводка повреждена, а на дверях ни следа взлома. И откуда в реальности взяться эмоциям и запахам, когда мужчина совершенно не знаком, с ним не связано никаких воспоминаний, а кругом старый пыльный дом?

– И на полу пустая бутылка из-под вина?

– Именно.

– Ну что же, тогда примем обе логичные версии как данность. Одна как раз подкрепляет другую.

– Твой сон – лишь защитная реакция организма.

Подруга увлекалась чтением книг по психологии, но в данный момент ее рассуждения мало того что не успокаивали и казались притянутыми за уши, так еще и раздражали. Я надеялась, она меня выслушает и не сведет все к защитным реакциям. Могла хотя бы рискнуть порассуждать на тему... несколько далекую от реальности.

– Сэй, присядь и поешь. Работа выпила из тебя все соки, раз ты научилась ходить сквозь стены. Не помешает немного набрать вес.

– Хорошая шутка.

Мира улыбнулась.

– Нужно решить, куда тебе лучше отправиться, и подумать над поисками новой работы. Не стоит обращать внимание на заверения Асем. Уверена, тебя с руками и ногами оторвут. А самой открыть дело в сложившихся условиях проблематично. Даже кредит под дом не возьмешь, пока он признан не пригодным для проживания. Ведь ему необходим ремонт, ты знаешь. И насчет Вашека... пока действительно лучше выждать.

– Определенно лучше.

– Кстати, когда с ним связалась, Вашек хоть и был однозначен в высказываниях и своем мнении о ваших отношениях, но успел обмолвиться о каком-то письме. Я поняла, что от твоих родных.

– Письмо? Может, он затем и приходил, ведь почта идет на его адрес.

– Сэй!

– Ах да. Это были сон и бутылка вина. Помню, помню.

– Ты ждала весточки от родных?

– Нет.

– Что-то из Мэнэр-холла.

Я помрачнела.

– Из главного дома? Значит, точно приглашение.

– Приглашение? – воспрянула духом Миранда.

– Да, старые традиции. Я уже получала подобное. Услышали о женихе, теперь требуют явиться, рассказать о нем подробнее, а еще желательно лично представить. Но это сразу отпадает. Жениха уже нет.

– Подумаешь, поссорились! Поездку это не отменяет. По крайней мере вот тебе временное решение с жильем. Пока у них гостишь, сможешь разослать запросы по поводу работы.

– Да, – я задумалась, – как вариант.

По крайней мере уехать куда-то, чтобы привести мысли в порядок, мне точно не помешает. А еще будет возможность обговорить с дядей вопрос касательно займа.

Ох и не любила я бывать у родственников. Всегда старалась сбежать от них как можно быстрее. И дело не только в том, что сам Мэнэр-холл ужасно подавлял мрачностью внешних серых стен, затянутых темно-зеленым плющом, и симметричными садовыми дорожками, вдоль которых росли идеально ровные деревья, но в атмосфере чопорности и самолюбования. В нее гости погружались сразу, как только переступали порог. У других аристократов для картин предков отводились специальные галереи, а в нашей семье гордость зашкаливала настолько, что вы натыкались на эти холодные взгляды и высокомерные лица, едва за спиной захлопывалась входная дверь.

– Арианна Сэйна, урожденная Мэнэр! – проскрежетал на весь холл голос дворецкого, и раздался грохот палки о мраморный пол.

Я поморщилась от помпезности, ощутив себя едва ли не на приеме. И уже привычно запрокинула голову, ожидая явления одной из тетушек, которая не заставила себя ждать и после третьего удара палки величественно выплыла на лестничную площадку второго этажа.

– Арианна, – степенно кивнула она, а седые волосы в идеально уложенной прическе даже не дрогнули.

– Тетушка Дарьетта, – я присела чисто механически, поскольку рефлекс срабатывал независимо от моего желания. Если тебя

сызмальства муштруют и воспитывают, хорошие манеры проявляются на автомате, особенно в местах, подобных родовому гнезду. Даже поправлять ее не стала, будто предпочитаю называться вторым именем. Оно родственниками опускалось нарочно, как слишком незамысловатое и потому не подходящее девушке моего происхождения. А вот первое, доставшееся от прабабки, приличествовало помпезному дому и благородному обществу. К тому же второе дала мать перед собственным побегом не только из моей жизни, но и прочь от дорогих родственников. На ее месте я бы тоже сбежала. Хотя именно так я и поступила, едва достигнув совершеннолетия. Не помогли все силы родни, брошенные на то, чтобы посредством правильного воспитания изжить порочные задатки, доставшиеся по наследству.

– Твой жених задерживается?

Тетушка выразительно поглядела на дверь, потом на меня, внимательным взглядом ощутив фигуру.

Напрасно оглядываете, тетушка Дариетта, главного греха, в котором меня всегда подозревали, едва достигла зрелости, за мной не водилось. И замуж собралась вовсе не из-за беременности. К тому же подкидывать родне незаконнорожденное дитя, по примеру матушки, я никогда бы не стала. Слишком жаль невинного ребенка.

– Дела не позволили ему приехать, – ответила чинно.

Укоризненный взгляд в ответ, поджатые уголки губ и тихий обреченный вздох. Так и слышала в голове: «Ах, эта несносная девчонка».

– Что ж, будь любезна, проходи. Твои вещи отнесут в гостевую комнату.

И естественно, вопрос о том, надолго ли наведалась к любимой родне, не прозвучал, поскольку это невежливо. Однако я не сомневалась, что в собственных весьма благовоспитанных мыслях Дариетта пожелала мне не задерживаться.

Мне бы хотелось опустить ужин в кругу родни (да кто ж позволит!), с дядюшкой, принявшим почетный сан главы семейства, двумя овдовевшими тетушками и одной никогда не бывавшей замужем чьей-то двоюродной племянницей. Была еще парочка кузенов, проживавших с семьями в противоположных крыльях огромного дома.

Насколько помню, они с детства друг друга не переваривали и всегда боролись за внимание дядюшки. Еще присутствовали некие дальние пожилые родственники, прописавшиеся в Мэнэр-холле ввиду преклонного возраста и отсутствия денежных средств. В общем, как всегда, тьма народа и с половиной из них я едва ли встречалась раз или два за всю жизнь.

Ужин был скучен, беседы занудны, улыбки пресны. После трапезы дядюшка величественно кивнул мне, повелев следовать за ним в кабинет. С удовольствием бы притворилась, будто не заметила кивка, но один из кузенов уже подлетел и отодвинул мне стул, чтоб его! Одарила родственника «благодарным» взглядом и отправилась на допрос.

Начал дядя прямо в лоб. Он всегда выгодно отличался от прочей родни своей прямолинейностью. То есть с ходу безо всяких экивоков спросил про жениха, про его семью, происхождение, состояние, образование, работу. Кажется, мы даже почившего кота бабушки Вашека умудрились обсудить. А уже после допроса на рабочем столе внезапно возникла книжка в обложке из красной кожи.

– Это, – сказал глава семейства, – реликвия нашего рода, которая дается для прочтения каждой незамужней девушке в преддверии свадьбы.

– Брачные советы? – я взяла книжку в руки.

– Именно, – подтвердил дядя. – Написанные твоей тезкой и прабабушкой, очень благородной и уважаемой дамой.

Правильно, что еще могло храниться в семье и быть обязательным к ознакомлению перед свадьбой?

Думала, дядя сам не удержится от всяких напутствий, но он махнул рукой, посчитав свой долг выполненным, и великодушно отпустил меня из кабинета. А вот в гостевую спальню я пробиралась окольными путями и по черной лестнице, поскольку точно знала, любая из многочисленных тетюшек не проявит столько душевного благородства. Чтобы им да избежать нудных нотаций?

Книжку, если честно, читать не собиралась. Что там могло найтись нового? Потому сразу прошла в ванную, где вволю понежилась в горячей воде, ну а после запрыгнула под одеяло, собираясь поразмышлять на тему дальнейших действий, когда внимание привлек глухой стук. Совсем позабыла, что бросила

семейную реликвию на кровать, и теперь она улетела на пол, стоило отдернуть одеяло. Вставать было лень. Я перегнулась через край, чтобы дотянуться до раскрывшейся на начальной странице книжки и переложить на тумбочку. Если поутру одна из горничных зайдет разбудить на завтрак и увидит на полу столь щедро поднесенную семейную драгоценность, дядя узнает о вопиющем пренебрежении. Тогда нудных нотаций точно не избежать. Положу, сделаю вид, что прочла, а завтра отдам.

Я дотянулась до красного корешка и подтащила книжицу поближе, чтобы удобнее перехватить, когда глаза выхватили первую строчку, написанную от руки.

«Незамужним девицам для просвещения и обретения понимания, как вести себя с будущим мужем...» Я фыркнула и подняла этот раритет, продолжая механически дочитывать строчку, когда внезапно вздрогнула. Буквы поплыли перед глазами, смазались и сложились в слова приветствия: «Здравствуй, моя наследница».

И вновь упустила книжку, которая упала теперь на постель. Резко сдвинулась к изголовью кровати, смотря на красную обложку, точно на ядовитую змею. Попытка совладать с внезапно пробудившимся страхом не увенчалась успехом. Ведь после чаепития с Мирандой практически убедила себя в нереальности привидевшихся ночных событий. Они совершенно не были похожи на правду. А теперь что, снова?

Я колебалась. Сидела, не умея принять решение. Руки подрагивали. Но наконец овладела собой в достаточной мере, чтобы взяться за корешок и подтащить книжку ближе. Чуть склонившись над ней, решила прочесть вторую строчку. «Польза сих советов несомненна...» И снова буквы поплыли перед глазами и сложились в иные слова:

«Мое имя Арианна Мэнэр, для друзей и близких просто Ари, он же звал меня Ана».

Четыре стихии! Закрывает ладонью глаза и сделала несколько глубоких вдохов. Спокойно, спокойно. Если это помешательство, то хотя бы разобраться в его сути мне не помешает. Иначе точно с ума сойду, размышляя, отчего сны так реальны, а выверты больного воображения логично связаны со снами. И поскольку книжка не кусалась, не прирастала к рукам, не проявляла в целом агрессии, даже

крови не требовала, а просто меняла слова, то можно было почитать. Я снова склонилась над страницами.

«Эти записи сделаны мной для предупреждения и помощи. Ты, в чьих жилах проснулась проклятая кровь, должна иметь представление о событиях, произошедших задолго до твоего рождения. Я замаскировала книгу для тех, кому не досталось и капли магии. В завещании требовала, чтобы дневник уподобился древней реликвии и передавался по наследству всем девушкам нашей семьи, надеясь, что однажды истинный смысл, сокрытый в нем, дойдет до той, кому пригодится».

Отлично. Я оторвалась от чтения, чтобы перевести дух. Значит, мне единственной открылись настоящие записи этой Аны. Вот уж не знаю, радоваться ли. Интуиция подсказывала, что не стоит.

Снова приблизив к глазам книжку, продолжила чтение.

«Любой дневник принято начинать рассказом о собственном детстве, девичестве или на худой конец рассказами о волнениях и страхе, связанными с замужеством. А я желаю начать с иного, со встречи, разделившей мою жизнь на две половины, ту, что и не стоило проживать, поскольку теперь все прежние года кажутся нелепыми и пустыми, и ту, когда встретила Его. Да, дорогая родственница, вероятно, я заслужу твое порицание этим пояснением, но хочу быть откровенной до конца: меня к тому времени благополучно отдали замуж еще весьма юной. Муж был гораздо старше и родовит, а также обеспечен. И здесь удивляться нечему, для любой семьи девочка – это капитал, которым стоит выгодно распорядиться. Но я не желаю говорить о супруге, не желаю говорить ни о ком другом, кроме самого удивительного мужчины моей жизни. Не думаю, что ты способна понять эмоции, которые мне довелось испытать, а потому, кроме чар маскировки, я вдохнула в этот дневник эхо собственных чувств. Пускай только отголосок, но ты сумеешь ощутить и, возможно, не будешь судить столь строго. Отсюда и начнем, милая родственница. Закрой глаза, а ладонь оставь поверх страницы, и ты станешь мной».

Сама бы не рискнула последовать этому совету, но едва дочитала до точки, как из груди вышибло дух, я зажмурилась совершенно непроизвольно, а рука и так сжимала книжку. Даже не успела толком понять, что произошло, когда полумрак спальни взорвался яркими красками солнечного дня, а кругом возникли декорации, более

подходящие некоему дворцу, чем Мэнэр-холлу. Зажужжали девичьи голоса, запели птицы, бабочки порхали среди красочных цветов, а дорожка в центре зелени красивого дворцового сада внезапно делала изгиб.

Я уже собралась идти дальше, когда девушки, окружавшие меня, замешкались, затем подались прочь с дорожки, утягивая следом и приседая в поклоне, чтобы пропустить небольшую процессию. Это явно были вельможи, а некоторые лица мужчин оказались даже знакомы, кроме одного, в самом центре группы. Ни шок, ни удивление, ни восторг, запечатавший безмолвием мои губы, не в состоянии отразить полнейшего смятения чувств, охвативших все существо. Вероятно, мне довелось узреть божество, спустившееся в озаренный солнцем сад.

Он был прекрасен. Словно высшее создание, не признающее суеты этого мира. Ни малодушные страсти, ни мелкие человеческие чаяния, ничто не смогло бы нарушить спокойную безмятежность чистого неземного взгляда самых удивительных из виденных мною глаз, словно чистейшая морская вода тропических источников.

Я замерла, застыли и подруги, а процессия миновала, и мужчина не взглянул на меня, но я его узнала. Та другая я, что читала дневник юной супруги некоего родовитого человека, та другая, что помнила себя среди чужих воспоминаний и видела прежде это лицо. Знала, как выглядит изможденное тело под широким пальто. Угадывала в необычных прозрачных глазах холод спрятанной в глубине опасности, когда он почти равнодушно спрашивал мое имя. Сейчас эти глаза безмятежно смотрели вдаль поверх всех голов, которые казались намного ниже. Все кругом ощущались едва ли не карликами, окружившими высокую стройную фигуру, не из-за их реального роста, но благодаря совершенно особой ауре, окружавшей «божество».

– Кто это? – принялась тормошить одну из подруг.

– Доверенное лицо владыки, светлейший кардинал Эйден.

Подруга даже не уточнила, о ком я спрашивала. Вероятно, с полуслова поняла, чей облик мог привлечь внимание среди остальных мужчин.

– Светлейший?

– И верховный магистр.

– Это все регалии?

– Малая часть.

– Он очень влиятелен, – зашептала вторая из приятельниц. – Говорят, доверие владыки к нему безгранично.

Ох! Я с огромным трудом вынырнула из омута чужих воспоминаний, словно вытягивала себя из трясины. Болезненное состояние: в горле пересохло, голова кружилась, в груди кололо. Знакомые ощущения, такие похожие на уже испытанные, но только не несколько веков назад, а совсем недавно, буквально вчера.

Упала на подушку, а книгу бросила на тумбочку. Я больше не хотела к ней прикасаться. Казалось, пробуду в чужом мире еще немного и в этом просто перестану существовать. Дышалось до сих пор с трудом и сердце колотилось. «Ана», – прозвучало в голове. Так ясно, так отчетливо, что в испуге принялась озираться, почти ожидая увидеть в комнате Его.

Эйден, вот как его зовут. Эйден.

В спальне было пусто. Окна закрыты. Ни сквозняка, ни шепота ветра не доносилось снаружи.

Нервы совсем сдали. Мне просто необходимо было поспать.

Я обняла подушку, крепче зажмурилась и поймала себя на том, что мысленно повторяю мужское имя, странным образом находя утешение в его звучании. Оборвала себя и попыталась отогнать прочь все мысли.

Ночь вступила в свои права. Темная, холодная, густая. Глаза были закрыты, но сон не шел. Слезы собирались под веками, скатывались по ресницам, стекали к уголкам губ, оставляя на них привкус соли. И мокрых щек касались чьи-то ладони, почти бережно, но затем лишь, чтобы спуститься ниже и сжаться на шее. Так тесно, что воздуха стало не хватать. Чуть больше усилий, и тонкая шея сломается без труда. Предателей не прощают. И он вернулся, как обещал.

Из-за слез все размывается, когда открываю глаза. Мне бы оттолкнуть чужие ладони, но зачем-то тянусь не к ним, а протягиваю руки вперед, силясь обнять. Темнота не столь непроглядна. В тусклом свете, идущем от окна, тускнеют тени, и облик человека передо мной вместо того, чтобы обрести четкость, размывается, теряет очертания.

Его не удастся коснуться. Я слышу тихий вздох, и действительность пропадает, а неяркий отблеск рассвета вдруг заставляет зажмуриться.

– Доброе утро! – в тишину ворвался шорох раздвигаемых штор. – Вас просили явиться на завтрак.

Горничная, чье имя никак не вспоминалось в ранний час, толкнула створки окна, впуская в комнату порыв свежего ветра и утренние трели птиц. Женщина быстро присела, являя на своем лице нечто мало напоминающее почтение, и удалилась восвояси, прошелестев накрахмаленными юбками форменного платья.

Стихии! В этом доме время совершенно не двигалось вперед. Как бы и меня не заставили нацепить нечто длиной до лодыжек. Я потерла ладонями лицо и, шурясь, взглянула в окно. Последнее, чего желала в столь ранний час – это идти на семейный завтрак. Неужели всерьез решила, будто могу здесь надолго задержаться?

Спать очень хотелось, и я снова уткнулась в подушку, но почти тотчас отстранилась. Наволочка оказалась мокрой. Для верности потрогала ее, после чего встала и в растерянности замерла у кровати. Шея побаливала, голова тоже. Направилась к комоду в углу комнаты, наклонилась к зеркалу и тут же отпрянула: на шее виднелись чуть заметные синяки, глаза были красные и под ними залегли круги.

Вот от этого точно стало не по себе. Мне, конечно, доводилось слышать о чудесах самовнушения, когда люди настолько верили воображению, что на теле у них возникали следы, но я прежде никогда не страдала подобными расстройствами. Всегда была здравомыслящей. А еще мне не чудилась магия на каждом шагу.

Я обернулась к кровати, где на светлом одеяле ярко выделялась красная книжица. Что произойдет, если возьмусь почитать снова? Все повторится, как вчера?

Нерешительно приблизилась, постояла какое-то время над дневником далекой родственницы, но храбрости так и не набралась. Отвернулась и тут же нашла взглядом заботливо развешенный поверх ширмы наряд. Темно-синее платье с рукавами три четверти и подолом до икр. Очаровательно. Вероятно, горничная оставила по приказу тетушек, чтобы я не вздумала шокировать благовоспитанных родственников оголенными коленями или еще хуже – декольте – с утра пораньше.

Ладно. Вдохнула поглубже и медленно выдохнула. От меня не убудет.

Натянув платье и застегнув ряд мелких пуговиц спереди, затянула потуже пояс, а после снова вернулась к кровати. Может, не стоит продолжать чтение? Отдать книжку дядюшке?

Понимаю, что смалодушничала, когда аккуратно ухватила за корешок и сунула дневник в карман. Успокоила себя тем, что, если решусь отдать, сделаю это после завтрака, а если нет, верну в комнату. После сакраментального решения направилась в столовую.

Глава 6

Хоть по времени я и не опоздала на завтрак, но семейство уже восседало за столом в полном составе. Дядя во главе, тетушки по старшинству по правую руку, сыновья с семействами по левую, а мне предлагалось сесть ближе к двери с краю. Возражений и в помине не было. Чем дальше от главных коршунов, тем лучше. Аппетит целее будет.

Дядюшка расстелил на коленях салфетку, подав тем самым знак к началу трапезы, и слуги принялись разносить фарфоровые блюда. Хотя к чему такой пафос ради яиц с ветчиной? Понять мог только исконный житель Мэнэр-холла.

Собственное кушанье я придвинула ближе, не особо задумываясь и тем более не обсуждая вслух степень прожарки ветчины, преимущества яиц пашот перед обычной глазуньей и подобную чепуху. Мысли были заняты более важными вопросами: стоит ли задерживаться в родовом гнезде, как поступить с дневником, откуда начать поиски работы и не решиться ли попросить взаймы у дядюшки, чтобы хватило на открытие дела. А может, лучше взять заем в банке, а дядюшку убедить выступить поручителем? Что ему покажется предпочтительней? Вероятно, просто отправить меня восвояси, ведь я как бы замуж собралась, а после замужества женщине семейства Мэнэр не полагалось работать.

Я поднесла к губам стакан молока, продолжая размышлять над вопросами, которых в моей жизни оказалось неожиданно много, как вдруг звон вилок стих. На столовую опустилась просто нереальная тишина, а члены семейства застыли в разных позах. Еще понять ничего не успела, как посреди комнаты, упав на длинный стол прямо перед одной из тетушек, возник молодой человек. Свечение вокруг него и колебания воздуха, как над костром, разделили картину реального и сюрреалистичного на четкие очертания обыденных предметов и расплывчатые мазки абстрактных и невозможных.

Мой ступор был подобен тому, которым попрекала Мира. Я застыла с поднесенным ко рту стаканом, подобно остальным родственникам, хотя и не ощущала ничего, сковавшего движения.

Молодой человек выпрямился, но тут же оказался придавлен к столу другим персонажем, выпрыгнувшим из ниоткуда. Разглядеть его лицо было труднее из-за полумаски. Одежда сразу напомнила камуфляж наших представителей тревожной системы, в частности тех, с которыми недавно пришлось иметь дело. Послышалась сдавленная ругань, затем сверху выпал еще один, но этот профессионально сгруппировался и отпрыгнул прям на тетушку, сбив ту вместе со стулом. Бедная старушка так и осталась сидеть в прежней позе, только лежа на спине, а третий посетитель выругался: «Понабирали школоту! Только не вздумай сразу схлопнуть проход!» – и принялся осматриваться, пока второй слезал со стола, а молодой человек остался лежать, удерживая руки растопыренными. Сияние над ним постепенно затихало, и марево в воздухе сужалось. Кстати, вернуть тетушку в первоначальное положение третий и не подумал. Он хищно оглядел столовую, и тут наши глаза встретились.

Я хоть и остолбенела от неожиданности, но по инерции продолжала наблюдать за незваными гостями, когда третий поймал мой взгляд и прищурился: «Ну здравствуй, нарушительница. Именем владыки ты арестована!»

Времени терять он не стал и сразу бросился ко мне. Я даже стул отодвинуть бы не успела, не говоря о побеге, только по инерции отшатнулась от протянутых ладоней, когда из почти переставшего сиять перехода выпрыгнул еще один человек. Он мягко приземлился на стол, а ход событий неожиданно переломился в совершенно иную сторону. По логике происходящего, на месте жертвы была я, но вдруг оказались незваные гости. Подобно моим родственникам, они замерли по мановению руки, а я пораженно выдохнула: «Эйден!»

Сложно не узнать человека из твоих кошмаров, чье имя прочно отпечаталось на подкорке сознания вместе с синяками на шее. Однако его скорость впечатляла едва ли не сильнее, чем пугала. Он оказался быстрее прочих пришельцев, и это при том, что я только сейчас заметила, как в паре сантиметров от запястья маячит раскрытый светящийся браслет, наподобие наручников. Их едва не застегнули на моих руках, зато теперь отпала необходимость корить себя за медленную реакцию и прочий ступор.

– Вспомнила? – быстрый вопрос, вкупе со стремительным рывком, в результате которого я слетела со стула, счастливо

разминувшись со «статуйей» человека, и толчок к двери.

– Прочитала...

Еще не успела договорить, а уже очутилась по ту сторону в коридоре. Эйден указал на пространство перед нами: «На открытие портала десять секунд».

– В смысле?

– Девять, восемь...

– Подожди! Как открыть?

Вместо ответа мужчина толкнул к стене, в его ладони блеснул знакомый складной нож – мой! – а острие прижалось к моему же горлу. И снова знакомое ощущение паники, тошноты, головокружения и падения. Нож воткнулся в доски в нескольких сантиметрах от лица, но Эйден мигом выдернул его. Мы вдвоем оказались в кухне моего дома. Не старого, запыленного и грязного, а радующего чистотой, белизной, сверкающими боками медных кастрюль и ошарашенными лицами повара с помощниками. Они в ужасе уставились на выпрямившегося с ножом мужчину. Я, признаться, боялась его не меньше, но даже меня поразило, как сильно побледнели все очевидцы нашего перемещения. Их лица по цвету сравнялись с высокими белоснежными колпаками.

По-прежнему с трудом реагируя на скорую смену декораций, в глубине души успела усомниться в реальности происходящего. Признаться, проще было поверить в ментальные проблемы, чем осознать все это. Вероятно, только правильное лечение могло помочь в сложившейся ситуации.

Мне даже сопротивляться расхотелось, и потому безропотно позволила мужчине вновь схватить себя за руку и потянуть между столами к противоположной от выхода стене. Бесстрастно игнорируя, как отшатываются при нашем приближении люди, а кто-то едва не сел на зажженный очаг, быстро переставляла ноги. Только пронзительный вопль смог разбить ощущения апатии и неприятия происходящего. Он разрушил тишину, послужив сигналом для остальных.

Мы выскочили на улицу через прежде не замеченную черную дверь под оглушающий вой, ор и крики всех оставленных позади людей. На словах: «Темный кардинал вернулся!» – Эйден с чувством захлопнул дверь и отрывисто приказал: «А теперь бежим еще быстрее!» – и устремился в сторону тупика в конце узкой подворотни.

– Там нет прохода! – пускай я не понимала в деталях, беспрекословно подчиняясь приказам и следуя за мужчиной к тупику, ситуацию в целом видела. Он же, добежав до деревянной стены, преклонил колени и поставил сцепленные ладони: «Запрыгивай, я подкину».

Мысленно ужаснувшись, как плохо всегда карабкалась на любые ограждения, на чистом адреналине запрыгнула на его руки, оперлась ладонями о плечи и взлетела вверх, оседлав забор. Благо его верх был закрыт деревянной планкой, а не утыкан острыми колышками. Надеюсь, на иной он бы меня не закинул? Хотя...

– Перепрыгивай! – прозвучал приказ, и я тотчас полетела вниз. Эйден перемахнул следом и приземлился рядом со мной. Только он спружинил на ноги мягко, точно кошка, а мне довелось впечататься всем телом в груды коробок. По счастью, бумажных и наполненных, судя по запаху и чавканью, овощами. Почти тотчас же пришлось отвлечься от ароматов и темнеющих на платье разводов, когда из отдаления по ту сторону забора донеслись голоса:

- Куда они побежали?
- Там тупик, значит по улице.
- Вам не пригрезилось, дурни?
- Прямо одно лицо, господин?
- Один в один, что на портрете, коим хозяин поварят пугает.
- Больно на выдумку похоже, но проверить не мешает. Тащите собак, пока не ушли далеко.

Я пришла в ужас, обшаривая глазами пространство впереди. Вот сейчас почуют. А здесь та же подворотня. Особо не спрячешься. Две стены дома и дверь либо кухни, либо кафе, если исходить из количества овощей. Может, вновь использовать прием неожиданности и вломиться внутрь? А вдруг заперто?

Эйден схватил за руку. Я приготовилась бежать следом, а потому ахнула от неожиданности, ощутив болезненный, но быстрый укол. В шоке повернулась к нему в момент, когда мужчина убирал нож. На кончике пальца тут же набухли алые капли, но ни возмутиться, ни выдернуть руку опять-таки не успела. Эйден быстро поднес ее ко рту и обхватил палец губами, закрыв глаза.

Ток крови опалил грудь, в ушах забило набатом, губам и щекам стало очень жарко. Руки и ноги сделались ватными, и я осела обратно

на хлопнувшие коробки, перестав различать шум по ту сторону забора.

Однако на путаницу чувств и полнейший сумбур в сознании не было отведено и лишней минуты. Ресницы мужчины дрогнули, глаза полыхнули синевой, перекрывшей природный прозрачно-голубой оттенок, четко очертилась серебристой каймой радужка. Эйден резко нарисовал в воздухе некий символ, который тут же ярко загорелся. Теперь лицо грел самый настоящий огонь, растекаясь теплом по коже. Откуда-то издали донесся лай собак. Сперва было слышно, как он приблизился, а потом стал удаляться вместе с голосами людей.

Мужчина из кошмаров выпустил мою руку, облокотился о забор и запрокинул голову на доски, снова зажмурившись. А я пораженно глядела на него и никак не могла отвести глаз.

– Спрашивай, – проговорил негромко.

Спрашивать? Да у меня совсем не получалось собраться с мыслями.

Вдохнула несколько раз глубоко, села ближе к забору, скопировала позу Эйдена и потеряла пальцами виски.

– Нам не нужно идти?

– Отдохнем, время есть.

Показалось или оценил спокойный тон вопроса вместо вероятной истерики? Хотя какая разница, насколько он одобрял те или иные действия и реакции? Подобное не должно было заботить совершенно. Мужчина рядом – маньяк. Ведь кто еще станет угрожать хрупкой девушке ножом и преследовать ее? Следует просто добавить больше уверенности в голос и выяснить все в деталях.

– Значит, тогда, в первый раз, эм, ты. – О, Сэйна, перестань мямлить! Больше уверенности! – Когда упомянул про кровь, это имел в виду?

Пожал плечами:

– В тот раз? Как знать?

– Не всю же хотел выкачать? Это невозможно!

– Нет? – он приоткрыл глаза, которые постепенно возвращали прежний оттенок, только радужка еще светила.

– Фактически возможность есть при наличии соответствующей аппаратуры, но ведь кровь сворачивается. Старая портится, новая не

образуется. Каков тогда эффект? А если брать по частям, то можно долго, кх, кх... – Стихии! Что я несу?

Прокашлялась и прижала ко лбу ладонь. Возможно ли лечение на этой стадии? Если окончательно воспринимаешь действительность с точки зрения наличия магии, то, вероятно, никакие препараты больше не помогут? А если я гипотетически все же очутилась в ином измерении, где мой дом выглядит просто отлично, то определенно уела этого маньячного мага собственной логикой. Наверняка убедила оставить свои преследования, рассуждая о свертываемости крови.

По губам мужчины скользнула усмешка, как прозрачный намек, что с вопросом, несомненно, промахнулась. По сути, даже формулировка была абсолютно бессмысленной. Если самой ясно, как выгоднее брать кровь, то о чем спрашивала? И зачем ему объяснять очевидное? Однако он все же нарочно ответил так, чтобы мурашки побежали по коже.

– Кто те мужчины в Мэнэр-холле? Зачем и как меня нашли? Как ты нашел? Почему мы побежали? Отчего снова оказались в моем доме или он не мой? Тебя испугались люди на кухне! Зачем ищут с собаками? Что это за мир или измерение? Кто такие порталщики...

– Достаточно, – он поднял руку. – Смотри ответ.

– Смотреть?

Он подал ладонь, я положила на нее свою и тут же зажмурилась, ожидая видений или удара магией, который сразу вложит в голову нужные знания. Однако прошло две секунды тишины, и, открыв глаза, поняла, что Эйден молча ждет более адекватных действий. Похоже, слова: «Смотри ответ», – по логике, никак не сочетались с зажмуриванием. Я стушевалась, он без лишних фраз притянул ближе, взял в ладони мое лицо, поймал взгляд – едва вновь не истолковала его действия превратно – и посмотрел пристально.

А потом все поплыло.

Как в случае с дневником, я вдруг окунулась в иную реальность, увидела сверху зеленые холмы, синие горы, реки, озера, леса, города с красными крышами, белоснежные особняки, стоящие чуть обособленно, крепости среди скал, башни на краю утесов, море, бьющее волны о крутой берег, и магию! Силу, наполняющую воздух сиянием и свечением.

Она вдыхалась легко, расцвечивала мир невидимым многообразием красок. И я летела среди этой красоты, как вдруг небеса потемнели, воздух пошел рябью, меня протащило сквозь переход, и окружающее потускнело.

Здесь оказалось так пусто! Кругом похожий мир, но черно-белый. Пускай я различала зелень лесов и синеву рек, однако магии не было. Совершенно. Ни единого глоточка. А без нее оказалось тяжело, словно мучила жажда, а напиться невозможно.

Я судорожно вдохнула и вырвалась из омута наружу. Едва мне стало плохо, с силой поборола чужие чары и выплыла на поверхность. Реальность вернула в сырость подворотни, подарив ощущение от тепла мужских ладоней на щеках. Сердце билось учащенно, дыхание выходило из груди прерывистыми выдохами. И на краткий миг удалось поймать странный взгляд, с которым Эйден изучал меня, пока позволял узнать об их мире.

Он опустил руки, и стало пусто. Еще хуже, чем в мире без магии. Я сделала попытку вопросами заглушить в себе эти чувства. Мне не нравились эмоции, вошедшие в привычную, родную повседневность с этим странным мужчиной. Мне не хотелось их впускать в свою душу. Никогда за всю жизнь не доводилось испытывать столь неестественные для меня уязвимость и беспомощность. Я боялась зависимости, которая грозила утянуть в себя, подобно чарам, погружавшим в чужие воспоминания. Боялась человека, который вдруг пришел за мной из ниоткуда и изменил весь привычный порядок вещей. Изменил специально – я все больше и больше в этом убеждалась.

Он убрал ладони, я отодвинулась подальше.

– Эти два мира связаны? Они похожи, да? Поэтому можно строить переходы?

Эйден кивнул.

– Почему порталычиков мало? У вас дар не передается по наследству?

– Люди забыли, что магию, как и любое умение, нужно развивать. Точно так же тренируешь тело. Всесторонне. Усилив ненадолго, эффект некрепишь, а последующие поколения начнут терять силу.

– Как ты меня нашел?

– Я ждал в доме тех, кто придет по следу. Когда открылся портал, и ты ушла в иную реальность, а после вернулась, стало ясно – они явятся следом. На тебя заявили за незаконное вторжение, а любой, кто способен шагать через пространство, представляет большую ценность. Каждый, в ком проявился дар, обязан доложить о нем менторам, а затем явиться на распределение.

– В обязательном порядке? Портальщиков в вашем мире угнетают? Это какой-то дискриминированный тип населения?

– Вы ценны, а потому охраняетесь законом. Это цитата из государственного положения о магах.

– Словно ценную зверушку описал! Только я не из вашего мира!

– У людей по ту сторону нет магии. По мнению ищеек, ты нарушила закон. Портальщики опасны, они способны стереть пространство практически в любое место. Любой незарегистрированный создатель переходов приравнивается к преступнику. Ищейки взяли след в этом доме здесь и проследили за тобой до самого поместья.

– Ты знал, что так будет?

– Предполагал. Энергетический след сохраняется от часа до нескольких дней в зависимости от силы магического выброса.

– Откуда ты знаешь, что у меня он был силен?

– Первый переход через пространство, максимально – второй всегда самая большая концентрация силы, как и в случае проявления любого дара.

– И что при этой большой концентрации?

– Портальщик способен пройти между двумя мирами дважды. Перемещение внутри одного мира не требует столько затрат энергии.

– То есть ищейки до сих пор в Мэнэр-холле?

– Их могли забрать новым порталом, сотворенным с той стороны.

– Они снова меня ищут!

Я попыталась вскочить, но Эйден перехватил.

– И вернутся в дом, как только смогут, но собаки ушли по ложному следу, значит, ищеек тоже собьем.

– А что нужно для создания переходов между мирами?

– Запас силы, как у верховного магистра.

– А кто такой магистр?

– Один из сильнейших в магическом мире.

Я вспомнила, о чем кричали люди на кухне. Повернулась и, пристально вглядываясь в лицо Эйдена, спросила:

– Что означает «Темный кардинал»?

Ответил спокойно, даже не изменившись в лице.

– Плохого персонажа из сказки. Истинное зло, которым пугают детей. Имя стало нарицательным.

– Наричательным благодаря кому?

– Догадайся.

И так невозможно мне сообщили, что рядом находился очень плохой персонаж. Зло, которым пугали детей. Постойте!

Умей мысли звучать подобно словам, сейчас они стали бы едва слышнее шепота. Совсем тихо в голове прошелестело: «Зло из чащи!»

Я его оживила? Я?

Дыхание перехватило, руки затряслись. Оставалось лишь притвориться дурой, потому что ответить прямо духа не хватило.

– Не знаю, – голос звучал хрипло и подрагивал, обличая меня во вранье. – А что в той сказке? Зло победили?

Он кивнул.

– Умертвили. Разделили душу и тело, чтобы гибель ужасного создания была еще мучительней. Душу оставили в одном мире, тело – в другом.

– А почему? Он что-то совсем плохое сотворил? – в горле першило, и очень хотелось пить.

– По легенде, его существование угрожало всей империи. Потому зло сперва предали, а затем умертвили. Только оно обещало воскреснуть.

– А тогда что? Конец миру?

Он подтвердил совершенно спокойно:

– Конец.

– Всему? – прошептала я.

– Этому уж точно, – глаза смотрели знакомо равнодушно, а я сглотнула. Дальнейший вопрос был просто попыткой выдумать для собственного спокойствия некую небылицу, ведь собственными глазами видела ужас на лицах людей:

– Может, неправда? В легендах любят присочинить.

– Может, и неправда.

И улыбнулся. Знакомо. Как при первой встрече. Холодно, красиво. Я вздрогнула всем телом и, перебирая ладонями по шершавым доскам, с трудом поднялась на ноги, зачем-то проговорив: «Аны больше нет. Точно знаю. Она жила в том мире и приходилась мне родственницей».

Он тоже поднялся, посмотрел сверху вниз, не подходя ближе, но закрывая собой проход к улице. Я ощущала его напряжение, видела, что при внешнем спокойствии пальцы его неестественно выпрямлены, словно сведены судорогой.

– Наше родство не превращает меня в нее! Что я тебе сделала? – ладони метнулись к горлу, накрыв его дрожащими пальцами.

– Ты знаешь, что сделала она?

– Я чувствую, ты ее ненавидишь. Или, может, меня. Я не всегда понимаю. Но, пожалуйста, отпусти.

– Ты мне нужна.

– Надолго? Оставь меня в покое, оставь одну!

– Сколько времени надеешься пробыть одна, если оставлю в покое?

– Я...

Закусила губу, ужаснувшись ситуации, в которой очутилась.

– Подумай, – он сделал плавный шаг, подступив ближе. – Ищейки явились за тобой, и только благодаря тому, что обратил против них их же изобретение, нам удалось уйти. Но не стану преследовать я, продолжат они. Если решишь помочь, обещаю в ответ забрать то, что нарушило ход привычной жизни.

Мне мигом вспомнились слова приветствия для неведомой наследницы проклятой крови. Главное слово «проклятой». Вот только в чем заключалась суть? В том, что дарила ему некие способности, но на короткое время? Как он сказал: «Усилив ненадолго, эффект некрепишь». Только в чем смысл, если сам должен быть достаточно силен, судя по всем перечисленным Ане регалиям? Ох, зря не набралась духу дочитать дневник до конца.

– Не стоит бояться, – он почти утешал, ласково коснувшись щеки рукой. И если бы хоть мысль возникла отстраниться. Вот это особенно ужасало и выбивало из колеи. При всей опасности, которую понимала, я не чувствовала ее рядом с ним. Точнее, и ощущала, и нет. – В твоих силах помочь и освободиться от того, что пугает.

– Откуда тебе знать о моих страхах? Может, это нож, которым размахиваешь направо и налево? Или умение вторгаться в чужую жизнь и рушить в ней все? Загонять в ловушку незаметно для жертвы? А вероятно, даже угроза уничтожить мир?

– Тебе виднее.

Он опустил ладонь, слегка коснувшись шеи, а кончиками пальцев мимоходом провел до самого запястья, позволив за эти мгновения едва ли не по полочкам разложить не только необъяснимые порывы души, но и нелогичные реакции тела. Ана описала их в дневнике, назвав лишь отголоском истинных эмоций, а на деле, как она и упоминала, все ощущалось гораздо острее.

«Проклятие – это путаница в мыслях и неразбериха в душе? Или полный ступор, как следствие некой зависимости?» – вспышкой пронеслось в мозгу. Я не понимала себя. Точно в тумане! А туман – это жуткая притягательность, вынуждающая подчиняться чужой воле. Не хочу!

Я не верила в любовь с первого взгляда, а значит, всему должно быть объяснение. Еще можно истолковать влечение к красавцу-богачу, но странное притяжение к изможденному оборванцу, ненормальному маньяку и преступнику, который был мертв последние двести лет, иначе как магией объяснить невозможно. Одурманивание голосом, сумасшествие от мимолетного прикосновения – все это легко истолковать. Проклятие в крови Аны, вот что оно такое.

Я задела одну из коробок, пытаюсь вынудить себя отступить. Лежавшая на ней сверху рухнула прямо на ногу, заставив громко охнуть. Эйден перевел взгляд на эту беспорядочную грудку, затем на забор. Разглядывал старые доски с тем же загадочным выражением, что уже замечала на его лице. Задумчивость? Решимость? Обреченность? Сожаление? Да зачем мне разбираться в его чувствах, если он еще способен на них! Ах, как бы я желала уйти!

Мужчина оглянулся на выход из подворотни, отвлекаясь на что-то, а я прислонилась к забору. Снова головокружение. Неприятное, усиливающееся. И тошнота. Глотнула больше воздуха, зажмурилась и вдруг провалилась спиной назад, рухнув в круговорот перехода.

Глава 7

Он почувствовал колебания магии и резко обернулся, но опоздал. Девушка растаяла в захлопнувшемся прямо перед носом портале. Ушла так легко, будто не открывала только что проход между мирами. Сбежала как раз в момент, когда он создал обманку, отправив всех по ложному следу. И сила заряда оказалась на порядок меньше. Может развеяться к приходу ищеек, если те кинутся сперва за остальными.

Ладонь коснулась забора, ощутила отголоски тепла. Глаза различали затихающие всполохи. В воздухе еще колыхался легкий флер духов, напоминавших по запаху о лесной ягоде. Отличный момент, чтобы уйти. Умный ход и наиболее паршивый вариант для него.

Эйден огляделся, изучил гору коробок и мусор возле противоположной стены, но на глаза не попало ничего, что годилось в качестве оружия. Нож, взятый на старой обшарпанной кухне, мог разве что напугать да палец уколоть. Однако за глупость приходилось платить. Во-первых, собственной слабостью, во-вторых, малой вероятностью благополучного исхода. Теперь следовало постараться, чтобы вообще выбраться отсюда, а уж живым достичь определенного места представлялось почти нереальной задачей.

Он оглядел забор и заметил длинную жердь, что держалась слабее остальных. Ухватился за нее, рванул со всей силы, и палка, хрустнув, отломилась, не оставив сквозной дыры. С той стороны крепились такие же, а создавать условия, чтобы его заметили, маг не собирался. Собаки все равно вернутся домой.

Жердь привычно легла в ладонь, словно на днях он тренировался на ровной каменной площадке при храме. Эйден крутанулся на месте, примериваясь, делая замах. За неимением лучшего сгодится.

Чуткий слух распознал новый шорох, заставив притаиться. Мужчина приник к стене и замер, вглядываясь в белеющий квадрат выхода. По эту сторону светлело позже, и двое в невзрачной одежде затаскивали в узкий проход еще одного, чьи ноги волочились по земле.

Сколько времени прошло, а мало что изменилось. В столице под прикрытием утреннего сумрака представители незаконной профессии

проворачивали собственные делишки.

– Тащи сюда, к стенке. Не видел, куда он ее засунул? Ну ка, приведи приятеля в чувство.

Подельники остановились совсем неподалеку от Эйдена, пока его не замечая. Но это ненадолго.

Прозвучал щелчок, человек на земле завозился, а Эйден пригляделся к магическим разводам, пятном расплывшимся над пальцами бандита. Мало кто даже в его время – а ведь тогда учили иначе – умел по виду единственного заклинания делать выводы о силе мага. А еще хорошо различать оттенки и мысленно составлять в голове сложные расчеты. Однако светлейший – хотя теперь темнейший – кардинал еще и не то умел. Он понял, что сил там немного. Только вот сам пока по беспомощности напоминал новорожденного котенка.

Подельники выпрямились, бросили взгляд по сторонам, и именно старший в дуэте первым приметил Эйдена.

– А это еще кто? Эй, бродяга, ты неудачно выбрал подворотню.

– Шел бы отсюда, – сплюнул второй, старательно вглядываясь в полумрак.

– Куда ж он пойдет? Эй, мил-человек. Не бойся, подойди. Предложение есть.

По незаметному движению руки, скользнувшей по бедру и быстро спрятавшейся за спину бандита, Эйден прикинул, какого размера нож тот мог бы держать под поллой кожаной куртки. Не слишком большой, но для смертельного удара сгодится клинок размером чуть меньше ладони. Для воров и прочих охотников за легкой поживой самое то. Ясно ведь, живым его не отпустят, чтобы страже не настучал за вознаграждение.

Он оперся о палку, чуть прихрамывая, медленно пошел вперед.

– Доброго утра, – улыбнулся почти дружелюбно, останавливаясь на таком расстоянии, чтобы без труда дотянуться до обоих.

Мимоходом отметил цепкий взгляд старшего бандита, оценившего высокую фигуру возможного соперника. Под просторным пальто кости были не очень заметны, но глаза у обитателей улиц всегда отличали бродяг от господ. Угрозы в отощавшем теле оба не углядели. Сухожилия да мышцы, канатами обмотавшие длинные руки. Все мясо давно стерлось. Тщедушный, душе не в чем держаться. Такого убрать, только милость проявить. Отмучился бедолага.

– Тебе не хворать, – хрипло отмолвил второй, отвлекая внимание на себя, а первый сделал стремительный замах и бросился на Эйдена. Движение подельника было быстрым, отточенным, но ожидаемым, а вот ответный удар явился непредвиденным. Выбитый из руки нож взлетел в воздух и, отбитый концом палки, набрал ускорение, воткнувшись точно в горло.

Второй еще только смотрел, как его подельник, хрипя, оседает на землю, и вскидывал для магического удара ладони, когда развернутый конец палки попал точно в солнечное сплетение. Бандит согнулся от боли, и второй удар пришелся в основание черепа, заставив неподвижным кулем свалиться на землю и замереть рядом с более удачливой жертвой.

Жертва в этот миг надумала очнуться окончательно и подала голос.

– Чего, ик, чего тут происходит? Хде ребятки? – запах перегара заглушил даже стойкие ароматы подворотни.

– Перебрали ребятки, – ответил Эйден, невозмутимо обшаривая карманы бандитов. В потайном обнаружился мешочек с монетами. Нож и правда оказался неплох, куртка, впрочем, тоже. Только пришлось на скорую руку оттирать лезвие и кожаный воротник от крови.

– А ты, ик, хто?

– Мимо проходил.

Эйден оправил куртку, подошедшую ему лучше пальто, прицепил потертые ножны, укрыл голову капюшоном и переступил через неподвижные тела, направляясь к выходу.

– На твоём месте я бы домой поспешил.

– А, это, слышь! С ребятами покутили на славу, но неспроста, да.

Слышно было, как незадачливый мужик кряхтит, стараясь подняться.

– Помоги, а. Я ведь не просто кто. Гляди. Вот метку вчера получил. Настоящую. Посмотри.

Эйден замедлил шаг и обернулся. Мужик стоял на коленях, покачиваясь, держался рукой за стену и в упор не замечал неестественных поз своих собутыльников. Зато бывший маг с первого взгляда сообразил, чем так привлек бандитов этот неказистый с виду человек. Простак! Один из тех, кто полжизни горбатился, а когда

наконец удостоился знака отличия, отправился хвастать им направо и налево, да еще обмывать в кабаке. Нет бы сутки подождать, пока завершится активация. А вещь неплохая. Полезная в определенных условиях. При прежнем его положении это показалось бы сущей ерундой, насмешкой, а сейчас метка выглядела невероятно привлекательно. Удобный пропуск по городу и за его пределы в любое время без дополнительной проверки. Не зря ребята позарились, опоили да довели до ближайшей подворотни. Проще простого тихо отправить молодчика к праотцам, нарушив магический процесс, а метку присвоить. И ведь сам виноват, что дурак.

– Хорошая вещь, – ответил он, возвращаясь.

– То ж и я говорю, – продолжал мужик, хватаясь за протянутую ладонь и с трудом поднимаясь. – Вот вчера Сам лично вручил. Как протянул в коробочке такую, настоящую. Я взял, она блестит в руке... Чуть не до слез.

Мужик шмыгнул, одновременно пытаясь подбочениться и продемонстрировать свою важность.

Эйден с трудом отвел взгляд от метки, взглянул в покрасневшие глаза, оценил надутые от гордости щеки.

– И далеко живешь?

– Я ж... – собеседник почесал переносицу, наморщил лоб. – В кабак пошел, а он как раз посередине. А дома старуха ждет. Вот как начнет верещать, что в полночь появился.

Эйден хмыкнул и вновь бросил взгляд в сторону выхода. По улице начинали сновать первые прохожие, и скоро смена стражи отправится подменять уставший патруль. Как вариант, причем отличный вариант, он мог взять метку, тогда шансы пройти по городу значительно возрастут. Ведь время форы стремительно сокращалось, а одинокая фигура в капюшоне могла и привлечь чье-то особо настырное внимание.

Он посмотрел на пьяно улыбающегося мужика, с любовью поглаживающего свой знак отличия, и принял решение.

– Сегодня удачный день. Вероятно, и старуха не станет злиться? А если и так, метка ее успокоит.

– А то! – воспрянул духом мужик.

Эйден усмехнулся уголком рта и подставил плечо.

– Показывай дорогу, доведу. А метку лучше спрячь.

– Так это, – вспомнил мужик, запихнув знак отличия в неприметный карман, сделанный прямо в воротнике, – а ребятки?

Он навалился на подставленное плечо, с трудом переставляя заплетающиеся ноги.

– Славно покутили вместе. Надо их тоже... или как?

– Устали ребятки, пускай отдохнут. А тебе домой пора.

– Ну то ж да, устали. А дома старуха ждет. Пойдем домой.

Я остолбенело осматривалась по сторонам, отмечая каменные, местами покрытые мхом и плесенью стены пещеры. Новый переход? Что это за место?

Покрутилась вокруг своей оси, начиная узнавать окружающее пространство. Та самая пещера!

Охнула, прижала руку к скакнувшему в груди сердцу. Пустая теперь, но именно здесь Он был прикован. Это вспомнилось и ярко отпечаталось в памяти. Вон там, прямо напротив, в месте, где висели цепи.

Прикрыла глаза и сглотнула.

Это вообще мой мир? Выход! Где здесь выход?

Принялась метаться по пещере, тщетно стараясь отыскать путь наружу. Пусто! Пусто, как и в прошлый раз. Но он ведь вышел! Мне нужно домой!

Остановилась, зажмурилась, попробовала сосредоточиться, вызвать чувство головокружения, но навалилась такая слабость, что, тяжело дыша, рухнула на каменный пол. Похоже, лимит скачков через миры оказался исчерпан. Напрасно я сейчас попыталась открыть новый портал. Все же Эйден не обманул насчет них. Но что он говорил про переходы в целом? Туда и обратно, лишь когда дар просыпается? А внутри одного мира их проще совершать? Раз душа его обитала в одном, а тело – в другом, значит, я не перескочила грань? Не перешла, поскольку напрочь заблудилась!

Паршиво-то как. И холодно. Лежать на камнях в летнем платье, пусть и из плотной материи, означало застудить все, что этих камней касалось. А мне только болячек не хватало. Нужно подняться и еще подумать, хорошенько поразмыслить о возможности выхода. Он тут должен быть.

Я приподнялась на локтях и какое-то время постояла, силясь подняться. Ох, как хотелось есть! От усталости дрожали руки, пока подтягивала ногу, чтобы упереться коленом.

Ночью толком не спала, а утром не дали позавтракать. А он ведь говорил, что нужно есть. Еще и барьер преодолела. Ох, стихии! Казалось, стены кругом шатаются и готовы рухнуть. Нет, никогда больше не пойду на такой риск, как многочисленные переходы. Ведь могла и без сознания упасть, тогда бы околела в стихиями забытой пещере.

Подняться удалось не сразу, с какой попытки тоже затруднялась сказать. Казалось, что с сотой, не меньше. Когда мне посчастливилось занять вертикальное положение, покачиваясь, точно тонкий прут на ветру, я принялась оглядывать стены. В голове шумело, во рту ощущался привкус крови, но пыталась сосредоточиться, чтобы вспомнить, как очутилась здесь в первый раз. По ощущениям, пришла порталом. Но создала его сама или он уже был? Меня еще Вашек протолкнул сквозь прутья, и вот тогда рухнула вниз. Головокружение, тошнота и... но Эйден ведь выбрался. Даже если отсюда снова построила переход, он вышел сам.

И я пошла на ощупь искать то место, где существовал разрыв в пространстве. С учетом общего состояния далось это непросто. Пришлось кружить несколько раз, сперва по полу, затем карабкаясь по камням, чтобы пройти круг чутьку выше. Еще и замерзла под конец очень сильно, зубы стучали друг о друга, когда, забравшись на валун повыше и проведя ладонью по одной из стен, внезапно ощутила, как рука уходит вглубь. Не раздумывая, выпрямилась на камне, всем телом прижалась к стене, чтобы испытать знакомые ощущения и с дикой головной болью проскочить переход, обнаружив себя в земляном подвале.

Я застонала в голос и тут же прикрыла ладонью рот, потому что замутило страшно. Прижавшись к сырой стене, просидела, скрючившись, какое-то время, прежде чем отпустило. Мне стало легче, даже дышать теперь удавалось не с таким трудом. Появился шанс осмотреться, и я увидела пробивающийся сверху свет. Сперва даже глазам не поверила, а потом еще некоторое время приходила в себя, силясь представить, чего истощенному человеку стоило создание этого лаза. Нужно отдать должное его целеустремленности. Другой бы руки

опустил, а этот пробился, вылез, еще и меня нашел. За первое была ему благодарна, самой пробить путь к свободе казалось почти нереальным, ну а всего остального не могло быть без первого, так что здесь ощущения раздваивались.

Описывать, как карабкалась по лазу, язык не повернется. В первые моменты тело не слушалось, но после бесконечных упорных попыток я стала согреваться. Извиваясь, точно гусеница, среди завалов старого дома, наконец выбралась на поверхность. И там уже огляделась, утирая пот со лба. Теперь стало по-настоящему жарко, зато я вознесла еще одну благодарность жителям деревни. Они растащили полезные составляющие бывшего дома, вроде кирпичей и тяжелых деревянных балок. Видимо, использовали для собственных нужд.

Ох, не помешает научиться управлять своим даром, ведь вместо любого удобного места я очутилась в старой пещере.

Спустившись с груды мусора на тропинку, поняла, что податься больше некуда, кроме как идти через лес. Можно поворачивать сразу к городу, а можно навестить бабушку Вашека. Ведь именно она рассказывала истории про древнее зло. Вдруг поведает что-то полезное. Мне не помешает обзавестись новыми сведениями, особенно учитывая упорство, с каким Эйден меня преследовал. А еще это проклятие, которое тянуло совсем не туда, куда следовало идти.

Все! Приняла решение. Теперь главное – добрести.

Старушка буквально сканировала меня взглядом, а я старалась укрыться от этого пронизывающего взора за большой глиняной кружкой.

– Ты! – она вскинула дрожащий палец и ткнула в меня. – Значит, ты во всем виновата!

– И не во всем! – не согласилась с ее обвинением.

– Ты его воскресила!

– Без вашего внука я бы туда второй раз не сунулась.

– Выпустила зло во плоти! Зачем вообще явилась сюда? Принесла же нелегкая!

– Вашек привез! А вы сразу принялись легендами пугать, в которые ни один здравомыслящий человек не поверит!

– Очень даже верили! Это вы, пришлые, вечно норовите нос везде сунуть. Сколько уже поплатилось? Вот и ты могла пополнить ряды

заблудших. Ума не приложу, как барьер миновала?

– А почему его не закрыли?

– Кто не закрыл? С этой стороны переход узкий, не пройдешь. С той стороны клином пробивали.

– Для зла пробивали? Чтобы удобней выбраться было.

– Чтобы из тела энергия уходила в немагический мир. Да кабы ты понимала! И вообще разобраться с тобой следует.

– Как вообще подобное возможно, чтобы кто-то воскрес?

– Его душу с телом разделили, потому что дара в нем было немерено. По разные стороны двух миров поместили, дабы душа, пока погибала, из тела всю магию капля за каплей вытянула. Коли б дурехи разные, которых к себе манил, его силой не питали, уже бы истончилась давно и развеялась. Ведь с каждым годом слабел переход.

– Так разрыв между мирами на его энергии держался?

– На чем держался, не твоего ума дело. Явилась тут! Отвечай, как заслон миновала?

– Откуда мне знать?

– Рассказывать не хочешь? Тогда тех позову, кому расскажешь!

– Я им про помощь Вашека тоже расскажу.

Рука старухи, метнувшаяся к старинному медальону, висевшему на груди и примеченному мной еще в прошлый визит, замерла на полпути.

– Внука не приплетай! – погрозила она пальцем.

– Не буду, если вы тоже промолчите. Откуда вам знать, кто именно зло из леса освободил?

– Ты мне, девчонка, не указывай, кому что говорить.

Я сложила руки на груди.

– И не думаю указывать, но, если уж говорить обо всем, так ничего не утаивать.

Она прищурилась и замолчала. Так мы обе сидели какое-то время, искоса поглядывая друг на друга.

– Чего ко мне явилась? – более миролюбиво начала старуха. Вот я бы на ее месте сразу так разговор повела. В конце концов, предсказание не по ее вине исполнилось, она совсем ни при чем, а потому может и поделиться полезной информацией.

– Этот человек, кем бы он ни был во втором мире, всю мою жизнь перевернул с ног на голову. Из-за него Вашек даже разговаривать не

желает. Расскажите, сколько знаете, только по-настоящему, без тайн и легенд, чтобы понять, с кем имею дело.

– Еще не поняла?

– Помню, он зло во плоти, но какова реальная угроза?

Старуха недовольно хмыкнула, досадуя на мою упертость и желание докопаться до сути. Ей представлялось достаточным заявить, что плохой маг из леса хуже не бывает и от него нужно держаться подальше, а я пыталась понять, в чем конкретно заключалась опасность и отчего держаться подальше было столь трудно.

– Ладно, – ответила она наконец, – расскажу, о чем знаю.

Эйден благополучно миновал половину пути. Двое пьяниц-приятелей, где один ведет другого (хотя следовало бы наоборот, поскольку у мага в глазах периодически темнело), бредущих в рассветных сумерках, пока не вызвали интерес. По крайней мере одинокая фигура рисковала заслужить более пристальный взгляд со стороны сменяющихся на посту стражей. А когда, следуя указаниям, озвученным заплетающимся языком незадачливого мужика, Эйден остановился возле неприметного домика, дверь почти мгновенно отворилась. На крыльцо выскочила хозяйка, всплеснула руками и уперла кулаки в бока.

– Явился! Да не один! Ты ж паскуда такая! Пьяница! Я всю ночь глаз не сомкнула!

– Супруженька! – развел руками мужик.

– Я вот покажу супруженьку, – женщина подняла руку со скалкой и стукнула ей по ладони. – Еще и другого алкаша привел!

Мужик в нерешительности замер на дорожке к дому, а Эйден приметил краем глаза двоих патрульных, чье внимание привлечь бытовой ссорой ему совсем не хотелось.

Он чуть склонился к пошатнувшемуся «приятелю» и шепнул: «Про метку скажи». У того мгновенно округлились глаза. Как он позабыл про главный козырь? Вот теперь не станет ругать.

Со счастливым видом мужик извлек наружу блестящий кусочек металла.

– Ты... ты метку получил? – супруга едва не упустила из рук скалку.

– Говорил же, получу. И вот! – мужик расплылся в улыбке.

– И не домой с ней пошел, а пить?

Женщина медленно наливалась краской.

– Э-э-э...

– Он за подарком пошел, – Эйден решительно потащил растерянного супруга к дому, приметив, как патрульные замедлили шаг и повернули головы в их сторону.

– Каким подарком? – оба удивились одновременно, только у женщины взглас вышел громким, а у мужика – невнятным.

– Который бандиты из подворотни умыкнули, – пользуясь замешательством супруги, Эйден втащил мужика на крыльцо и прислонил к двери.

– Умыкнули?! – вскрикнули оба одновременно.

– Хоть метку не успели, – добавил Эйден, выругавшись про себя и помянув недобрым словом всех дураков мира, несговорчивых жен, а также любопытных стражников. Один из упомянутых навалился на дверь, но не делал попытки открыть, вторая застыла изваянием на крыльце, а двое других проявляли совершенно ненужное любопытство.

Маг решил наплевать на долгие разговоры и с силой толкнул дверь ногой. Мужик тут же улетел в глубь комнаты, а его супруга открыла в возмущении рот, собираясь вновь разразиться недовольными воплями.

Эйден перехватил взлетевшую со скалкой руку, слегка коснулся пухлого кулачка губами и указал свободной ладонью на вход:

– Только после вас.

У женщины округлились глаза и зарделось лицо. Она разжала ладонь, едва не уронив деревянный снаряд ему на ногу, и растерянно проследила за уверенным жестом. Скалка прогрохотала по крыльцу, благополучно разминувшись с отдернутой ступней, а Эйден беззастенчиво добил хозяйку, воспользовавшись главной женской слабостью – любопытством.

– Я могу подробно рассказать обо всем, но, наверное, лучше в доме.

– В доме? – отчего-то слабым голосом промолвила супруженька, хватаясь за дверную притолоку и делая шаг через порог. – Значит, ты помог ему, а я уж подумала...

Она снова замерла, вероятно, борясь со вновь накатившими подозрениями.

Эйден краем глаза отметил, что стражи все никак не пойдут дальше, и со вздохом сказал:

– Понимаю, как это выглядит со стороны. Ваши подозрения вполне уместны, а потому простите за беспокойство. Я тогда лучше пойду.

Он сделал шаг вниз по лесенке, держась полубоком и не поворачивая к страже лицо. Отметил с досадой, что уж больно стремительно наступает рассвет. На боках служителей порядка вполне отчетливо виднелись форменные ножны, украшенные затейливой вязью принадлежности к той или иной патрульной группе. Если и этих пугали в детстве его портретом, то придется схватиться сразу с обоими, а преимущества в неожиданном нападении уже не будет.

Две пухлые ручки крепко обхватили за предплечье.

– Куда же я спасителя отпущу! – воскликнула супруженька и потянула Эйдена за собой. – Неужто и чаем не угощу в благодарность? Да и ведь хлеб уже готов, только из печи достать. Идем поскорее в дом.

Стоило только представить себе горячую пышную сдобу, как голодная дурнота окатила с головой. Он успешно боролся и с ней, и с норовившей утянуть в себя темнотой, а теперь едва не споткнулся на злосчастных ступенях.

Для видимости Эйден словно нехотя поддался женскому напору, но при этом взглянул в глаза пышнотелой хозяйки с благодарностью, пронаблюдав, как последние остатки сомнений напрочь смывает охвативший женщину трепет. Супруга почтенного горожанина покраснела до корней волос, что-то слабо пробормотала и поспешила в дом. Эйден предпочел тоже не мешкать, пока от голода еще и разум не помутился, и крепко притворил за собой дверь, оставив по ту сторону потерявших всякий интерес стражников.

– В крови бы утопил? – со вздохом повторила я набившую оскомину фразу. Все же без театральных эффектов и патетичных высказываний бабушка Вашека ну никак не могла обойтись. Потом мне вдруг вспомнилось, что маг в целом питал некую слабость к этой весьма полезной жидкости, и хлеб едва не стал поперек горла. А может, все дело в количестве сдобы? Сама забыла, какой по счету

кусочк спешно заглатывала, запивая молоком. Рядом стоял абсолютно пустой котелок из-под каши.

– А когда ритуал проводили, проклятие произнес? Вернуться обещал? Учудили предки, угодив под проклятие. Значит, по этой причине моя кровь его пробудила? Кстати, мир – это конкретное место, состояние или больше метафора?

Приметив неподалеку кадку с ягодой, зачерпнула целую горсть. Старушка в удивлении проводила глазами исчезающие в моем рту спелые бусинки и то, как второй ладонью подтащила ближе крынку со сметаной, на миг позабыв страшного темного кардинала.

– В прошлый раз меньше птицы склевала, а теперь больше Вашека зараз проглотила. У вас там со внуком не того?

Приятная сытость, которая наконец заполнила желудок, навела на мысль: смогу ли открыть портал, когда чувствую в себе силы? Может, мне только и требуется поесть, чтобы их восстановить? Из-за подобных размышлений толком не отследила мысль старушки, потому пожала на «Не того» плечами и вернулась к расспросам о более интересном предмете.

– Так что с миром, говорите?

– В крови бы утопил.

– Ага, помню. А сразу оба или одним бы ограничился?

– Власти он хотел и силы. Владения правителя тамошнего под себя загрести и магию взрастить, какой ни у кого не было. Ни перед чем остановиться не желал. Ни война, ни гибель люда простого помехой бы не служили.

Старуха поднялась и ушла к печке, убирая пустой горшок. Сморщенная рука быстро метнулась вверх, едва коснувшись медальона.

– Странно это. Он и так при власти был, с ваших слов. – Я задумалась над рассказом. – Светлый кардинал, сильнейший маг, как там, верховный магистр, доверенный советник владыки. Столько регалий! И бедняком точно не был. Неужели мало показалось?

– Доверенный, он доверенный, вот только не владыка, – хрипло рассмеялась старуха. И этот смех совпал со скрипом отворяемой двери.

Человека, перешагнувшего порог, я знать не могла, но, едва увидев, всей кожей ощутила угрозу. Может, виной выразительный

взгляд в мою сторону?

– Доброе утро, – приветствовал вошедший.

– И вам не хворать, – ответствовала старуха, а у меня вдруг пересохло в горле. Окинув взглядом одежду визитера, не заметила в ней ничего подозрительного. Неброская, повседневная, в такой каждый второй по улице ходит.

Мужчина, по чьему невыразительному лицу едва ли угадывался истинный возраст, с сухой улыбкой присел напротив. Рука, испачканная ягодой, опустилась сама, стукнув о столешницу.

– Потомок, значит? – он постучал тонкими худыми пальцами по дереву и прищурился.

– Чей? – прочистила горло.

– Кровь предков – великая вещь, вам это известно?

Мой взгляд метнулся к старухе, та стояла, отвернувшись, и переставляла горшки на печке.

– Догадываюсь, – сглотнула и тихонько стянула вилку, пока мужчина рассматривал трещину в столе возле собственных пальцев.

– Матушка Эга, плохо с вашей стороны было сразу не заявить об обрушении дома.

Старуха опустила голову ниже.

– Хотя в чем-то вас понимаю. Сила смотрителя держится за счет чар, а переход существовал так долго, что напился магией и не сразу закроется. Но нехорошо.

– Простите, – я откашлялась. В воздухе отчетливо пахло грозой. – Вы забыли представиться.

– Правда? – удивился мужчина. – Сожалею.

Улыбка вышла фальшивой и какой-то змеиной, исказив тонкие бескровные губы.

– Арс Адо. Адо, от названия профессии, Арс, соответственно, имя. А вы Арианна Мэнэр, и названы в честь знаменитой прабабки.

– Можно просто Сэйна. – Мужчина хмыкнул. – А что у вас за адовая профессия?

– Я лик-ви-адо. – По слогам произнес человек со змеиной улыбкой. – Я тот, кто убирает в вашем мире последствия магических выбросов. Зачищает, так сказать, территорию. В частности, тут неподалеку стоял весьма симпатичный старый дом. Его прежде скрепляла надежная магия, которая шла в ваш мир через портал.

– Магия вашего мира? – я сморщила лоб, пытаюсь сложить воедино уже известную информацию.

– О, не совсем. Магия человека, чья душа обитала по эту сторону. Этаким ручеек через разрыв в пространстве, дабы питать силы зрителя.

– Было бы чего тянуть! Больше разговоров о той силе, – проворчала старуха.

– А главной задачей зрителя, – ликвиадо бросил неприятный взгляд в сторону бабушки Вашека, – было не допустить, чтобы предсказанное сбылось. Эга, вы не справились.

– Кто ж мог подумать, что она сподобится? – всплеснула руками старуха. – Обычная, как все! На прабабку-красавицу нисколько не похожа. Ничегошеньки по наследству не досталось.

– Как сказать, – снова прищурился ликвиадо, окидывая меня оценивающим взглядом, – что-то определенно есть.

Я крепче сжала вилку в руке.

– Явилась откуда ни возьмись, да еще по ту сторону прошла и его душе путь указала! Она ж с нашего мира! – продолжила старуха и дрожащей рукой поправила медальон. А у меня словно глаза открылись. Ведь с первой встречи удивлялась ее бодрости и крепости. А она все это время магию Эйдена высасывала, точно пиявка.

– И ведь правда интересно, как же вам, э-э, Сэйна, так?

– Так.

– Как же вам, Сэйна, удалось пройти на ту сторону? Отсюда сообщение между мирами совсем узкое.

Неприятный момент. Раз адекватный проход существовал лишь с той стороны, значит, отсюда я перескочила благодаря собственному дару. Знать бы, что спровоцировало прыжок.

– Эм.

– Я задал сложный вопрос? – взгляд его стал очень колючим.

– Понимаете, я совсем не разбираюсь в вашем мире и сама не знаю, что да как.

– Ах, в этом дело? – меня одарили фальшивой улыбкой. – Эга, подойдите. Мне нужно кое-что продемонстрировать нашей невольной освободительнице.

Бабушка Вашека со вздохом приблизилась, а мужчина резким движением сорвал с ее груди медальон. Я даже вздрогнула от

неожиданности, а старушка вдруг захрипела, меняясь на глазах. Она упала на пол, скорчилась в судорогах, обхватив голову руками. Кожа ее стремительно темнела, покрываясь пигментными пятнами и глубокими бороздами морщин.

Я отшатнулась в ужасе, случайно смахнула со стола котелок. Тот грохнулся и покатился со звоном.

– Вот, видите, Сэйна. Наглядное пособие для вас: была магия, а ныне нет магии. Так и в обоих мирах: в одном есть, в другом нет, и человек, рожденный здесь, не может запросто перейти на ту сторону.

– Что вы творите? – я бросилась к хрипящей старушке. – Разве можно забирать так резко? А если она умрет?

– Есть вероятность, – невозмутимо ответил мужчина, покачивая медальоном. – Но кто виноват? Предыдущие смотрители справлялись лучше. Хотя вы тоже правы. Разве могла бедная старушка угадать в выходце этой стороны наследницу Арианны Мэнэр, да еще с даром! Портальщик в немагическом мире! Неслыханно! Мы и сами подобного не предвидели. Знаете, согласно плану, ссылка Арианны сюда предполагала, что слабая магия постепенно угаснет, проклятие, естественно, развеется. И она угасла! Все потомки – обычные люди, только с вами что-то пошло не так, Сэйна. И нужно разобраться в вопросе. Поможете?

– Помочь? – я вскинула голову, смотря в змеиные глаза. В них не было жалости, сочувствия, только равнодушие. – А вы меня потом тоже ликвидируете?

Он запрокинул голову и рассмеялся. Сидел надо мной совершенно расслабленный и уверенный в собственном превосходстве. Стихии! Не знаю, кто для меня опасней, но Эйден нравился больше.

Я качнулась вперед, прямо к лежащей на колене мужской руке с медальоном, и воткнула в нее вилку. Шипящий свист и полыхнувшие яростью глаза, а я уже рванула магическую вещицу, подскочила на ноги и пронзительно взвизгнула, когда воздух заколыхался, загустел и вращающейся спиралью полетел в мою сторону. Страх трансформировался в шок, когда весь этот поток вдруг стянулся в медальон.

К двери рванула задом наперед, выставив магическую вещицу перед собой наподобие щита. Мужчина кинулся следом, и даже затрудняюсь угадать, что произошло бы, но именно бабушка Вашека

помогла в этот миг. Она со стоном попыталась приподняться над полом, и ее тело послужило барьером, за который зацепился преследователь. Грохот рухнувшего ликвиадо сопровождался стуком двери, которую я захлопнула, вставив в ручку валявшуюся под ногами палку. Засов тут же закачался и загрохотал, а я со всех ног помчалась к лесу.

Глава 8

Спать хотелось. Сильно. Желудок сыто примолк, а прежде напряженные мышцы с благодарностью расслабились, вытянувшись вдоль твердой лавки. Хозяйка не пожалела сложенного вдвое тонкого матраса с супружеской постели, едва услышав, что спаситель драгоценного муженька не местный и дом его не в столице, однако Эйден сам отказался. Баловать себя не стоило, а уж ослаблять внимание тем более, иначе и половины пути ему не преодолеть.

Мужчина упорно гнал настойчивый сон, строя в голове план, как ему добраться в нужное место. Есть ли смысл искать пути из города, если по всему выходило, что без помощи чудодейственной крови шансы достичь желаемого были ничтожны? Он слегка пошевелился, меняя положение тела, и выудил из недр куртки перепрятанный складной нож. Раскрыл его и изучил на конце острия едва заметное красное пятнышко. Вот эта капля могла помочь создать поисковую нить, но для переноса к несговорчивой наследнице нужен порталщик, причем такой, кто возьмется переместить его нелегально. Опять же он потребует немалую сумму за свои услуги. Ведь для прохода на ту сторону требовалось много сил, а сильные порталщики редко шли наперекор закону, очень редко. С другой стороны, они часто оказывались обижены этим самым законом. Попытаться стоило, но в первый черед ему требовались деньги.

В боку кололо от быстрого бега. Дыхание со свистом вырывалось из грудной клетки, а ноги все чаще спотыкались о многочисленные корни деревьев. И Вашек еще называл эту дремучую чащу лесом? Возможно, так оно и было, если идти прогулочным шагом по тропинке в сторону города. Но если нестись, не разбирая дороги, и петлять туда-сюда, точно заяц, путая следы и ощущая за спиной тяжелое дыхание преследователя, все выглядело иначе.

В очередной раз, споткнувшись, не смогла удержать равновесия и кубарем покатилась вниз с небольшого пригорка прямо в валежник, оцарапавшись о мелкие ветки.

Медальон вдавился в грудь, когда верчение прекратилось, и я замерла, не чувствуя себя от боли в теле. Стихии. Лишь бы ничего не сломала. С тихим стоном потянулась к тяжелой вещице, вспоминая, как она уберегла меня от магического удара, вытянула колющую штуку из-под груди и перевела дух.

– Сэйна!

Ох! Как в пьесе ужасов. Рассветный лес, молодая дева лежит в ямке, осталось только сверху присыпать. И почему прежде не осознавала, какая у меня была чудесная жизнь? А теперь столько маньяков на одну девушку, только успевай спасаться.

Я с трудом заглушила истерический смешок. Без чувства юмора в такой ситуации впору свихнуться.

– Сэйна, ну хватит прятаться.

Какой уверенный в себе ликвиадо. Ходит, топая, точно слон, ни капельки не таясь. Вот Эйден перемещался быстро и бесшумно, отчего разница сразу бросалась в глаза.

– Не понимаю вашего испуга. Разве для вас не лучше помочь? Вместе отыскать и схватить темного кардинала? Посудите сами, если попадете в его руки, то пощады не ждите. И быстрая смерть в этом случае благо, но вряд ли вы его обретете. Поверьте, он – манипулятор и умеет играть по чужим правилам до тех пор, пока вы вдруг не обнаружите, что проиграли. Это опасный маг. Представьте, сколько времени он просуществовал в ситуации, когда любой другой не протянул бы и половины срока. Вообразите, сколько в нем было магии, если даже сейчас он способен творить заклинания.

Ладно, парень, ты меня напугал, что дальше? Я все равно не уверена, кого стоит бояться больше.

– Знаете ли вы, что существуют три варианта забирать чужую магию? А лишаться ее мучительно, поверьте, это такая пытка, что все способы под запретом. Темнейший знает их в совершенстве. Готовы к такому? Представьте, он способен забирать энергию, а ведь это здоровье и жизнь. Вас ведь не спросят, чего хотите, когда потребуется сила, Сэйна. Вы слышали, как в лесу пропадали девушки? Догадайтесь о причинах. Спросите себя, почему они не пытались сбежать? Отчего охотно отдавали то, что могли? Ответ один – сила внушения. Желаете стать чужой марионеткой? Ни воли, ни желаний, кроме одного – подчиняться. Это чудовищно, разве нет?

Сейчас меня просто стошнит от нарисованных картинок. Перед глазами как живую Сэйна с вытянутыми руками бредет за Эйденом, роняя по дороге слюни. Ликвиадо следует живописать словами на полотне, вышла бы картина под названием «Мрачно, еще мрачнее».

— Разве вы желали его воскрешать? Я уверен, что нет. Так решитесь же, Сэйна, решитесь наконец. Давайте поможем друг другу.

Ветка треснула над головой, и я, вздрогнув, подняла глаза.

— Что же вы, — ликвиадо растянул в улыбке узкие губы, — так неловко упали?

Он присел на корточки, рассматривая меня.

— Не больно?

— Терпимо. — Я будто небрежно повела ноющей рукой, стараясь не морщиться и не показывать, как ужасно напугана, но сердце колотилось, точно бешеное.

— Значит, ушиблись? — улыбка стала змеиной.

— Так, поцарапалась. Мелочи.

— Печально, но я помогу вам выбраться, — и он схватился ладонью за ноющее плечо, сжав сильнее. Острые пальцы вдавились в плоть, заставив боль растечься огненной рекой по всему телу.

Крик вырвался помимо воли, я рванулась из захвата, со стоном осев вдоль земляной стеночки.

Садист!

— Ох, кажется, неудачно выбрал плечо. Как неловко.

— Ос-ставьте, — прошипела в ответ, — я сама.

— Как же я вас оставлю, — он продолжал улыбаться, — когда вам так нужна помощь.

И снова протянул руки, глядя столь зловеще, что со страха чудом увернулась от цепких пальцев и, нащупав палку, ткнула куда придется. Вопль садиста пролился на уши бальзамом. Ликвидатор отшатнулся, прижав к лицу ладони, а я вдавилась в ветки, понимая, что выигранные секунды будут потрачены впустую. Жаль, что не дано было, подобно бабушке Вашека, брать чужую магию, а то бы этот ликвиадо...

Стихии! Ведь медальон у меня! Он втянул удар Арс Адо! Ликвидатор сам вещал о способах забирать магию, значит, нужно вытащить ее оттуда.

Я прижала ладонь к накопителю, широко распахнутыми глазами наблюдая, как мужчина резким движением утирает кровь с

оцарапанного лица, явно собираясь нанести ответный удар. Только бы успеть!

Острые грани, обрисовывавшие фигуру в виде солнца с семью остроконечными лучами, вдавились в кожу, а я попробовала представить, что вытягиваю из него нечто, допустим, теплое. Тепло и правда согрело руку, но тут мужчина увидел, чем занимаюсь, и рванулся ко мне. В голове пронеслось: «Едва ли с Эйденom хуже...» Не успела додумать, как за плечо схватилась чужая рука, и в переход мы рухнули вдвоем. Я с криком приземлилась на нечто твердое, получив в ответ сдавленное ругательство, а ликвиado с грохотом откатился куда-то прочь, и послышался звон упавшего медальона.

Чуть привстав, безумным взглядом оглядела резкие черты лица, а также знакомые глаза, долю секунды смотревшие на меня в не меньшем шоке.

Засада-а!

Дернулась в попытке скатиться с тела, на котором распласталась, когда крепко сжавшая талию рука практически вытеснила из меня весь воздух.

Да за какой бездной это снова Эйден?!

— Тварь!

Громкий возглас заставил вспомнить, что здесь еще и ликвидатор. Я конкретно опростоволосилась, очутившись меж двух огней. А все потому, что в момент переноса вздумала рассуждать, рядом с кем из них безопаснее.

Едва услышав мужской голос, Эйден мигом оттолкнул меня к противоположному концу лавки и спрыгнул на пол, разворачиваясь ко второму гостю. Тот как раз поднялся на ноги, чтобы увидеть перед собой кардинала, которого столь настойчиво преследовал. Шок, отразившийся на узком лице, лучше всяких слов рассказал о неожиданности встречи.

Эйден прыгнул вперед, а противник вскинул руки, и я увидела, как от магического удара заколебался воздух. Беглец резко крутанулся, уходя от удара, но его зацепило краем волны. На моих изумленных глазах рубашка на боку мужчины мигом напилалась кровью. Стихии! Что же это за удар такой? И что стало бы со мной, не впитай медальон его силу?

Я сжалась в комочек у стены, молясь про себя, чтобы безумие наконец закончилось.

Оба противника замерли на мгновение, оценивая шансы друг друга. У Эйдена не было возможности схватиться с магом голыми руками или застать врасплох, а тот стоял наготове, нервно облизывая пересохшие губы. Ликвидатор опять улыбался как победитель, но уголки рта заметно подрагивали. Я ждала, что он начнет насмехаться, мне этот человек показался большим любителем поиздеваться, но ликвиадо молчал. Обстановка ощущалась крайне напряженной, и было не до болтовни. Стены комнаты вдруг начали давить, а сама она почудилась слишком тесной, наполненной звуками тяжелого дыхания. Я задавалась вопросом, хватит ли у Эйдена сил ответить магическим ударом, но тот либо считал попытку заранее обреченной на провал, либо обдумывал запасной вариант.

Всего за секунды, что рассуждала, ликвидатор оценил безвыходность положения противника и решил бить наверняка, вложившись в новый удар. Он развел руки на всю длину, формируя волну гораздо шире предыдущей, от которой точно было не увернуться. Я так внимательно следила, но все же пропустила момент, когда воздух всколыхнулся, а Эйден в сумасшедшем броске рванулся грудью на эту волну.

Не сразу разобрала, что это был не безумный маневр. На деле мужчина кинулся к медальону, который приметил на полу. И с ходу разобрался, что это такое. Эйден упал и схватил накопитель, когда его настиг удар. Медальон сверкнул в воздухе, и стены сотряслись от мощной вибрации. Темнейшего вместе с магической вещицей протащило по полу в противоположную сторону, а ликвиадо с тем же ускорением впечатало в другую стену. И поскольку он стоял, то и приложился всем телом, после чего медленно сполз на пол и затих.

Тишина, последовавшая за грохотом, оглушила. За стенкой раздалось невнятное бормотание. Я перевела взгляд на Эйдена, который опустил на пол руку с медальоном и выдохнул. Не было заметно, чтобы удар прошелся и по нему тоже. Мужчина тряхнул головой, медленно садясь, и какое-то время не двигался, склонившись к коленям.

— Почему он не втянул? — прошептала, оглядывая раскуроченное пространство. Меня волна тоже не зацепила. Удивительно, она, будто

мячик от щита, отскочила назад и всем весом обрушилась на создателя.

Эйден расслышал вопрос. Он перевел взгляд на меня, оценил, как отлично сохранилась в укромном уголке, и напряженные плечи слегка расслабились.

– Другая сторона, – отрывисто бросил он.

Темнейший кардинал оперся о локоть и принялся подниматься, а мой взгляд опять приковала окровавленная рубашка. Мужчина выпрямился и задрал ткань, оглядывая бок. Я охнула, заметив рану. Кожу от первого удара содрало так, будто Эйдена на скорости протащило по земле привязанным к лексиру. Даже сейчас это место продолжало кровоточить.

Опустив ткань, маг положил медальон на лавку и кивнул в сторону Арс Адо.

– Это кто?

– Ликвиадо, – не сообразила хоть чуточку исказить реальность, так сразу и выболтала правду.

Мужчина прищурился.

– В следующий раз меняйтесь местами. Так больше шансов на успех.

– В каком смысле? – Эйден принялся расстегивать рубашку, когда до меня дошло. – Я не нарочно его привела! Даже не знала, что приведу.

– Переходы сбоят? – криво улыбнулся маг.

– Может, не сбоят, просто не разобралась, как ими управлять.

Он неопределенно хмыкнул, непонятно, насколько поверив моим объяснениям.

– Ты куда? – в волнении смотрела на ликвиадо, пока кардинал отправился к двери.

Эйден проигнорировал вопрос и перешагнул порог, исчезнув в другой комнате, оттуда вскоре послышались голоса. Снова чье-то громкое, но неразборчивое бормотание, восклицание, грохот, а потом к нам с Адо вдруг ввалился небритый мужик, от которого несло перегаром на всю комнату. Он схватился за притолоку, красные глаза остановились на ликвидаторе.

– Как это забрался в мой дом! Вот этот? Ух, ворюга!

Он нетвердым шагом приблизился к Арсу и пнул в бок.

– Вот щас его к стражам отволоку. – Мужик склонился, пошатнулся, но, крепко вцепившись в щиколотки ликвиадо, умудрился даже выпрямиться.

– В подворотню отволоки, – невозмутимо проговорил Эйден, вновь появляясь, – это ближе, а стражи и сами туда заглянут.

– О, – пьянчужка кивнул, с натугой пятясь к двери и отдуваясь, – точно. Хоть дела с ними иметь не придется. Пускай ворюга разбирается. В подворотне ему самое место. Я еще лужу найду позловонней, гаду этакому.

Злость на «вора» будто придала ему трезвости и сил, и через порог ликвидатора мужик перетащил гораздо бодрее. Слышно было, как по ту сторону стукнулся затылком Арс Адо.

Эйден вернулся к лавке, застегивая на ходу новую рубашку. Я не удержалась:

– Рану нужно обработать, иначе ткань присохнет.

Вместо ответа мужчина бросил взгляд через плечо, покосившись на мою руку, но одеваться продолжил молча.

И ладно, не буду лезть с советами. Я скосила глаза на порванный испачканный рукав, но не заметила, чтобы там проступила кровь.

Позаимствованная рубашка оказалась коротковата, явно не по росту, еще и на плечах натянулась, но бок прикрыла. А мне показалось, будто проступавшие под кожей ребра стали меньше торчать. Эйден натянул поверх куртку и запустил пальцы в волосы, убирая с лица, а я представила, во что превратилась моя прическа. Ведь еще горничная укладывала. Теперь же завитые локоны вытянулись и болтались вдоль щек сосульками, заколки потерялись, а в образовавшемся на затылке колтуне запутались веточки и листья. Однако внешний вид волновал пока меньше сложившейся ситуации. Как раз наступил момент определиться с выбором, а также решить, к чьей стороне примкнуть. Ведь в обоих мирах теперь отлавливали с досадной настойчивостью.

– Какое проклятие досталось мне по наследству и что даст избавление от него? – спросила, вспомнив о предложении Эйдена.

– Твоя кровь нас связывает, – ответил маг, подтвердив сделанные прежде выводы.

– Если избавиться от проклятия, меня перестанут преследовать?

– Предполагаю, ты станешь им неинтересна.

Он равнодушно пожал плечами.

– Почему ты не пытаешься меня убедить? Привести доводы. Ликвиадо очень много привел. Ты со своей стороны должен заявить, будто живая я для тебя предпочтительней, не то что для других.

– Сама отлично делаешь выводы, раз явилась сюда, прихватив неплохой накопитель. Предсказать наперед, как сложится, невозможно. Однако гоняться за тобой по обоим мирам меня здорово напрягает.

– Тебя напрягает? У меня тоже не было желания связываться со злом во плоти! Однако готова сотрудничать, если пообещаешь не превращать меня в зомби.

Мужчина изломил бровь в немом вопросе.

– Ну, в деграданта. Не хочу, как другие девушки, пасть жертвой внушения и потерять собственную волю, – пояснила и мигом растерялась под его взглядом. Забывшись, зачем-то потянулась пригладить лохмы и тут же скривилась от боли.

– Бездна!

– Вывих, – невозмутимо прокомментировал Эйден, – или перелом.

– Да ты разбираешься! – почти прошипела, инстинктивно накрыв ладонью болезненное место.

– Подними, – велел маг.

Я сделала попытку, но поднять выше определенного предела не позволила резкая боль.

– И так неплохо, – огрызнулась в ответ, не желая повторения сцены с ликвиадо, – если не трогать, то вообще терпимо.

Едва ли чужие раны заботили кардинала больше собственных и заставляли проявлять сострадание, однако судя по тому, как мужчина решительно направился в мою сторону, больных спутниц он считал за обузу.

Когда темнейший потянулся вперед, перед глазами живо предстал Арс, вцепившийся в плечо. Я отшатнулась и сильнее вдавилась в угол, сжавшись в комочек, а Эйден остановился.

– Позволишь взглянуть? – спросил он.

Я заколебалась и скосила глаза на плечо. Не так уж плохо оно выглядело и кости не торчали. Просто ушиб.

– Откуда тебе отличать вывих от перелома, – начала, отвлекшись на самодиагностику, – во дворцах...

Окончание фразы потонуло в оглушительном вопле. Используя момент, Эйден крепко сжал плечо и закрыл другой ладонью рот. Крик оборвался, а хруст вправляемых суставов заглушил остальные звуки в мире. Я куда-то плавно сползла, скорее всего, в беспамятство. Могла и с лавки упасть, но Эйден преградил путь бедром.

– Вывих, – донеслось словно сквозь вату.

Я медленно возвращалась в реальность.

– А когда ты это понял? – прохрипела, коснувшись надсаженного горла.

– Когда заклинание сработало.

– Заклинание сработало? – в памяти тут же всплыли курсы первой помощи при кастелане. Насколько я знала, при переломе и вывихе действия разительно отличались друг от друга, и сперва следовало поставить точный диагноз, чтобы не навредить еще больше. Ошибусь ли предположив, что с заклинаниями действовал тот же принцип, ведь физиологию никто не отменял.

Темная пелена перед глазами сменилась красной.

– Убить тебя мало, – прошипела в ярости.

– Пока не вечер, Ана, – прозвучал спокойный ответ, – еще успеешь.

– Я не Ана!

– Ты Сэйна, я помню. – Он усмехнулся и подхватил на ладонь прядь волос, вспыхнувших красными искрами. – Твоя манера желать мне смерти ужасно напоминает ее.

На последних словах тон его буквально заledenел, а тьма за клубилась в глубине тяжелого взгляда. Такая холодная, смертоносная. Меня резко перестала интересовать физиология, зато привлекла возможность сию же минуту очутиться подальше. Только это оказалось физически невыполнимо. Осторожно вытянув из сжавшейся ладони захваченную прядь, я отодвинулась на максимальное расстояние.

– Это все гены, но, кроме них, у нас мало общего. Первое имя даже не считается, оно никогда мне не нравилось.

– Первое?

Проклятье! А ликвиадо знал.

– Как твое полное имя?

Я промолчала и принялась пальцами расчесывать волосы.

– Арианна Мэнэр, – он едва ли не с горечью рассмеялся. Хотя о какой горечи речь? Это ведь ненависть или что там еще прабабка у него вызывала. Я и портрета никогда не видела, а он знал ее живой и молодой. Помню рассказы родных, что моя тезка-красавица и до четверти века не дотянула.

Поднялась с лавки, стараясь не беспокоить вторую руку, которой удивительно, но становилось легче.

– Арианна Сэйна, урожденная Мэнэр, – изобразила реверанс, – так всегда объявляет наш дворецкий. Но это слишком длинное имя, его легко сократить до...

– Ана.

Усмешка знакомо не коснулась глаз, зато они вновь стали равнодушными и пустыми. А вызов и издевку я оценила. С раздражением попыталась совладать, но нашла положение лицом к лицу невыгодным, поскольку один из противников значительно превосходил другого ростом. Уравнивать шансы, забираясь на лавку, было глупо, а потому я предпочла показать, кто здесь в совершенстве владел собой. Притворившись глухой, отступила к двери и уже оттуда поинтересовалась:

– Что дальше?

– Перенастроим накопитель, уйдем в более уединенное место, будем перемещаться, чтобы не схватили, в идеале найдем, где отдохнуть перед дальнейшей дорогой. Желательно без ликвиадо.

– Полагаю, он уже отдыхает в подворотне. К тому же во время прыжка сам прицепился ко мне и перенесся следом. А какова конечная цель дороги?

– Узнаешь в свое время.

– Я соглашаюсь на сотрудничество, а ты со своей стороны ничего не объясняешь?

– Это на случай, если ликвиадо снова прицепится.

– Ясно. – Помолчала, а после внимательно огляделась кругом. – У темного кардинала есть друзья? Или, может, сторонники? На кого делать ставку в этом путешествии?

– На себя и на врагов, – коротко ответил Эйден. – А теперь давай уходить. Лучше успеть до возвращения хозяев, пока они случайно не узнали, кого приютили.

Он приблизился ко мне с медальоном, а я протянула ладонь:

– Вот. Коли. По капельке ведь не убудет?
– Кровь имеет свойство восстанавливаться.
– Я о магии. Ликвиадо просветил насчет трех способов.
– Тогда будь осторожна, – предупредил Эйден, и я не сразу поняла, говорит ли он серьезно. Дальнейшие слова убедили, что забавляется, – не превратись в зомби.

Мужчина извлек знакомый складной нож, а я вспомнила, почему изначально приняла его за маньяка – нельзя с улыбкой сжимать в руке холодное оружие.

Испугаться в этот раз не успела. Укол оказался быстрым, почти безболезненным. Эйден прижал ладонь к губам на одно мучительное мгновение, за которое мое сердце простучало всю тысячу ударов, и отстранился. Глаза его, как и в прошлый раз, сверкнули синевой и серебром вокруг радужки, а мужчина сжал медальон, по поверхности которого побежали тонкие ниточки молний.

– Все? – с благоговением уточнила я. Проявления магии всегда завораживали и до сих пор казались сном.

Мужчина кивнул.

– Перенастроил и подзарядил. Дело за местом. Обычно для порталщика достаточно зрительного образа.

– При том, что я свободно ориентируюсь по эту сторону, – сострила, но шутку не оценили. Почему-то на все подобные заявления Эйден реагировал крайне задумчивым взглядом, однако никак не комментировал. Он кивнул на стену, где висела картина домика в лесу.

– Это хорошее место.

– Лесная лачужка?

– Лес. Широкие площади, много растительности и высоких деревьев, похожий пейзаж, где легко заблудиться. След не стирается полностью, как в зонах природных аномалий, но может рассеяться на обширное пространство.

– Ну, хорошо, – согласилась, не до конца поняв фразу, – только ты рану не обработал, а сменных рубашек там не будет.

– И не потребуются, – ответил кардинал.

Он приподнял ткань, демонстрируя бок с затянувшейся раной.

– Так быстро? – едва поверила я.

– Твоя кровь, – коротко пояснил маг, а в голове тут же зазвучал холодный голос: «Вас ведь не спросят, чего хотите, когда потребуется»

сила».

Я отшатнулась, а Эйден перехватил за руку.

– Если прислушаешься, различишь голоса по ту сторону входной двери, – произнес он и быстро вложил в руку медальон, стиснув мои дрожащие пальцы.

Голоса и правда звучали, но уже в соседней комнате. Взгляд сам собой метнулся к картине с поблекшими красками. Я зажмурилась, а Эйден крепко обхватил за талию, и уже представленная в мозгу картинка тут же качнулась, смазываясь, но знакомое головокружение охватило на миг раньше. Медальон резко нагрелся, и нас швырнуло через пространство.

Глава 9

– И как ты мог упустить?

Предок взирал на Арс Адо с гневом и плохо скрываемым презрением.

– Как мог облажаться дважды? Сперва проглядеть его пробуждение, а после дать уйти?

– Он использовал ее дар.

– Плевать! Девчонка привела к нему, а ты позволил себя вырубить, а после валялся в подворотне, как последний дурак, пока он спокойно ушел. И что за олухи изначально пошли по ее следу?

– Обычные ищейки, кто среагировал на заявление о нарушении границ.

– И это мой наследник? Тот, кому хотел завещать место регента!

Да когда уже завещаешь, паскуда? Отправляйся на тот свет к праотцам, а то больно зажился на этом!

Но даже ругая прадеда про себя, Арс понимал, это самый сильный маг, гордость и опора их рода. Не только потому, что занимал высокое положение, а ведь он дослужился до регента при новом владыке. Этот человек единственный собственными ушами слышал обещание кардинала вернуться и следил за сменой смотрителей, иногда лично проверял безжизненное тело давнего врага, посмевшего мечтать о свержении правителя. В свое время предка наградили за преданность и раскрытие заговора, а при последующем владыке он получил право присматривать за юным наследником и его сестрой. Незапланированное восшествие на престол совсем незрелого правителя и сделало регентом, а это была огромная власть.

Только вот давно пора передать бразды правления потомку. Ведь более двух столетий ходил по свету и прощаться с жизнью не собирался. Словно нарочно не расходовал свой запас, пытаясь протянуть дольше. Вечно другим поручал, на остальных возлагал, обленился совсем. Но даже не выглядел чересчур дряхлым, точно жизнь заморозилась на определенном этапе. Двести лет! Даже для сильного мага приличный срок.

Когда Арс рассказал предку о случившемся, показалось, что, несмотря на близкое родство, прадед его просто прикончит. Но обошлось заключением в темницу. Его на сутки бросили в темный каземат, прояснить мысли, чтобы впредь был более наблюдательным и в другой раз не упустил кардинала.

— Этим делом должны заниматься настоящие специалисты, а остальных лучше ликвидировать. Проследи.

Арс поклонился.

— Мы их отыщем.

В этот раз замутило особенно сильно, а мир перед глазами закачался, норовя перевернуться вверх ногами.

— Твою ж мать! — выругался Эйден, резко развернул меня, еще не ориентирующуюся в пространстве и, обхватив ладонью затылок, прижался к губам.

Все неприятные ощущения отступили. Я застыла. Дохнуло туманом, свежие капли нежным прикосновением осели на коже. Сладко, тепло, хорошо, даже жарко. Палящим зноем обдало грудь и спину. Я отчетливо различила треск пламени и чей-то рев. Широко распахнула глаза, когда Эйден прервал поцелуй, не позволяя при этом отстраниться. Повернув голову, увидела кругом сполохи огня, рассекающие пространство, словно росчерки сгоравших петард. По ту сторону огненных змей оказался медведь. Ревущий хозяин леса, стоящий на задних лапах. Мне доводилось прежде слышать о несчастных случаях с охотниками, которым не повезло встретить медведя на тропе. Порой и оружие не спасало. А тут мишка замер буквально в метре, потому что нас вынесло точно к месту, где он отдыхал или обедал. Бешенство светилось в черных глазах, и зверь с размаха саданул огромной лапой с чудовищными когтями по огненным росчеркам.

Воздух содрогнулся от яростного шипения, а медведь на собственной шкуре испытал гнев пламени, и в воздухе запахло паленой шерстью. Меня оглушил новый вой, и я от страха вцепилась в куртку Эйдена, решив, что вдвоем умирать не столь страшно, когда треск кругом прекратился.

Кардинал убрал руки, и ветерок прошелся холодком по моей спине, заставив прочувствовать собственную беззащитность. Я

рискнула оглянуться и увидела пушистый бурый зад, протискивающийся сквозь заросли ежевики.

– Начинаю думать, что с тобой шансов добраться до нужного места меньше, чем в одиночестве, – произнес над головой Эйден.

– Бездна, – я закусила дрожащие губы, ноги едва не подкосились. Удержалась лишь потому, что по-прежнему сжимала в пальцах куртку мужчины.

– Нет. Подобной дороги я не выдержу.

Меня снова мутило.

– Я домой хочу. Я...

– Только без истерик, – оборвал кардинал и принялся по одному разжимать мои пальцы, – путь даже не начался. Самое время прийти в себя.

– Не умею приходить в себя по команде и столь быстро восстанавливаться! А как можешь ты? Бездушный монстр какой-то!

Я накричала на мага и отвернулась, закрыв лицо ладонями. Эмоции сперва взлетели вверх, а теперь столь же стремительно сорвались вниз.словно на качелях. Ветер охлаждал испарину, выступившую на висках, и сушил мокрые дорожки на щеках.

На смену удовольствию резко пришло опустошение.

– Не могу так!

Эйден промолчал. Он, кажется, вообще редко говорил, когда слова не требовались. Полностью оправдывая звание монстра, без лишних уговоров наклонился, подхватил под коленки и перекинул через плечо. Мои всхлипы быстро прервались, когда очутилась вниз головой, а грудь сдавило. Мужчина стремительно понес вперед. Я попробовала упереться ладонями в его спину, но руки соскользнули по гладкой коже куртки, когда маг склонился и снова поставил меня на ноги.

Впереди был дом. Симпатичная лесная избушка, рядом с которой журчала река. Полуоторванные ставни и дверь на ржавых петлях. Отдаленно он напомнил другой дом, находившийся далеко отсюда, в ином лесу.

Внутри обнаружились прогнившие полы, печка и лавка.

– Сгодится, – проговорил темнейший, оценив пространство.

– Вот это? – я обвела комнату взглядом.

– Не помню, чтобы твой дом выглядел лучше, – парировал Эйден и, стянув, куртку бросил на лавку. Он прошел по краю гнилых досок вдоль стены и спокойно улегся, скрестив на груди руки. Когда мужчина закрыл глаза, я осознала, что он серьезно настроен на отдых.

– Эйден! Как здесь спать? – я осталась у двери.

– Молча.

– Но...

– Нам нужно отдохнуть. Когда уснешь, сразу станет легче.

– Легче? Значит, ты в курсе, как мне паршиво?

Он слегка повернул голову и почти ласково произнес:

– Всем паршиво. Ложись спать, Сэйна.

– Я просила без манипуляций, а ты...

– А я ничего не обещал.

Поперхнувшись воздухом, замолчала на долгое время, а потом выдавила:

– Как ты создал пламя?

Он не ответил. Лицо застыло, словно маска. Длинные ресницы закрыли прозрачные глаза, губы были плотно сжаты, а скулы выделялись тем отчетливей, чем глубже казались тени.

Я прислонилась лбом к притолоке, втянула воздух прелой листвы и леса. Из-за спины доносились шорохи, гомон птиц и прочих лесных жителей. Оглянувшись через плечо, вспомнила медведя, который

бродил где-то в зарослях. Колени мелко подрагивали, в руках ощущалась слабость. Кто лучше, зловещий маг или яростный хозяин леса? Садист-ликвидатор или кардинал, забирающий чужую силу? Кто хуже? Для меня этот вопрос остался без ответа.

Я вгляделась в лицо мужчины. Безжизненное, с заостренными чертами. Только мерно вздымавшаяся грудь подсказывала, что он точно спит. Вечно стянутые в тугие узлы мышцы расслабились, а вот складка между темными бровями – нет. Я даже не поняла, откуда вдруг взялась острая жалость, резанувшая грудь.

«Стихии! – зажмурилась и снова глубоко вдохнула. – Как же тебя угораздило, Сэйна!»

С трудом прикрыв разохшуюся дверь, двинулась вдоль стенки к печке, но по пути все равно чуть не застряла ногой в полу. Кряхтя, вскарабкалась наверх и обнаружила кучу старой соломы. Прекрасное ложе. Тут, наверное, целые полчища мышей потоптались. И пылью пахло. Убегать оказалось непросто. Но отдохнуть точно требовалось, а раз темнейший спокойно спал, значит, и мне можно было.

Взглянула с высоты на жесткую и узкую лавку Эйдена и ужаснулась пришедшей в голову мысли, будто рядом с ним могло быть уютнее. Зашуршала соломой и улеглась на бок, подложив под щеку ладонь. Поворочалась, чувствуя, как что-то мешает под бедром. Сунула руку в карман, нащупала кожаную обложку и извлекла наружу дневник Аны.

Стихии!

Провела ногтями по полоскам красной кожи, вспоминая, что хотела его вернуть и взяла с собой на завтрак. Словно вечность прошла с момента, как в Мэнэр-холл явились ищейки. А мне даже платье не довелось сменить. Я закусила губу и бросила быстрый взгляд в сторону Эйдена. Он крепко спал.

Нет. Пока нет. Мне правда очень нужен отдых, и только чужих воспоминаний сейчас не хватало.

Решительно сунула книжку в другой карман, раздирая пальцами волосы, как могла прочесала пряди и заплела в косу. С короткими было проще, но именно длиной и густотой собственной шевелюры я гордилась. Внешность была заурядна, а вот волосы действительно красивы. Может, это тоже гены? Отчего Эйден столь часто к ним прикасался? Они напоминали Ану?

Отогнала от себя глупые мысли, закрыла глаза и очень быстро провалилась в сон.

Подруга смеялась, прихорашиваясь перед зеркалом.

– Ари, ты такая глупышка!

– Почему? – мне стало обидно, ведь я с ней поделилась.

– Ну как всерьез можно мечтать о кардинале?

– Я не мечтала! Я ничего подобного не говорила.

– Малышка, твои чувства написаны на лице. Не вздумай заговорить о светлейшем при муже, дорогая. Предупреждаю из лучших побуждений, ты себя выдашь.

– О каких чувствах ты говоришь, Эллина, я увидела его впервые.

– Не осуждаю, Арианна, поверь. Наоборот, понимаю, но посмотри на себя, – она поймала меня за руку, подтягивая к зеркалу, – взгляни, как начинают сиять твои прекрасные глазки, когда говоришь об этом мужчине.

Я упрямо вывернулась, не дав себя подвести. Ушла к окну и устоялась в наступившую за ним темноту. Словно в насмешку стекло само стало зеркалом, отразив мое лицо. Неужели глаза и правда сияют? Светятся мягким зеленым светом, как всякий раз, когда счастлива?

Невольно всмотрелась в себя, заглядывая в потаенные уголки души, а в это же время другая я замирала от представшей картины.

Красавица. Какая же красавица! Миниатюрная, хрупкая, тонкая, с ровной кожей без малейшего изъяна. Словно статуэтка из слоновой кости. А лицо! Идеальное овальное личико, чарующее свежестью и чистотой. Хрупкое нежное создание.

Нездешняя я не переставала поражаться привычной для другой себя внешности. Девушка из сказки. Неудивительно, что даже при небольшом росте, не соответствовавшем дворцовой моде и оливковой коже, так отличной от фарфоровых щечек местных красавиц, Арианна Мэнэр считалась эталоном женственности и изящества.

Я отстранилась от стекла, потянув за золотую ленту. Собираясь распустить волосы, чтобы принять горячую ванну, расслабиться и заставить себя позабыть о случайной встрече, окунула пальцы в шелковистый водопад с плясавшими среди густого вишневого оттенка гранатовыми искрами.

Как же это удивительно, что подобная девушка оказалась мной! Ведь я не похожа на Арианну. Ни глаза, ни фигура, ни даже цвет волос. Всего лишь тень той, кто положила начало нашему роду. Но все-таки я была ею.

– Малышка, – подруга подошла и сдвинула хрупкие плечи с силой, которая заставила поморщиться, – неужто ты огорчилась?

Красивая стройная Эллина возвышалась почти на голову.

– Не стоит, правда. Я предупредила из добрых побуждений. При твоём ярком темпераменте ты легко можешь вспылать страстью, а кардинал не взглянет на тебя. Ведь ему запрещены связи с женщинами. Но даже безо всякого запрета он на них и не смотрит. Светлейшим не положены интрижки и романы, они выше этого.

– О каких интрижках ты говоришь, Эллина? – Я сбросила с плеч тонкие пальцы и направилась к шкатулке, в которой хранилась моя щетка. – Я верна мужу и дала обет, хоть это и не мой выбор.

– За всех нас выбирали отцы, – вздохнула Эллина, возвращаясь к зеркалу и вновь начиная прихорашиваться, – с точки зрения выгоды, с точки зрения могущества, исходя из родовых интересов, да и мало ли причин.

Она изящно взмахнула рукой.

– Твой супруг еще не столь стар, как мой! И этот брак решил все проблемы семьи, разве нет? В противном случае как бы ты очутилась при дворе? Но на самом деле я не вижу плохого в том, чтобы иногда увлекаться красивыми молодыми мужчинами. Такими, кто подходит нам. Ведь темперамент не спрячешь в шкатулку и на замок не закроешь, даже несмотря на запреты. – Она слегка улыбнулась. – Только кардинал не про нашу честь, хотя порой действительно жаль.

Эллина замолчала, ее взгляд рассредоточился, и я уже собралась позвать подругу, когда стукнула дверь и в комнату впорхнула еще одна девушка. Высокая миловидная блондинка.

– О чем щебечете, девочки? Я пришла позвать вас в королевский сад на ночную прогулку. Воздух сейчас необычайно свеж!

– Мы говорили о светлом кардинале, – заговорщицки подмигнула Эллина, – сегодня Арианна увидела его впервые и была сражена.

Я покраснела и отвернулась, вырисовывая пальцем на шкатулке узоры.

– Правда? Но разве он настолько красив, чтобы сражать с первого взгляда? Вот внешность королевского фаворита и правда божественна!

– Ты не грешишь против истины, Диана, но разве во внешности дело?

– А в чем?

– В ореоле мужественности и силы. Властности. Притягательности. В магнетизме.

– В магии?

– Нет же. Я говорю о том, что ощущаешь, когда находишься рядом. Разве, общаясь с королевским фаворитом, ты не испытывала скуку? А может, ты вдруг осознавала себя удивительной женщиной, остроумной, красивой, но при том все же недостаточно идеальной, чтобы составить пару?

– Я плохо понимаю тебя, Эллина, но по поводу скуки хотела сказать, что общаться нет никакой надобности. Можно просто любоваться красотой, тогда скучно не будет. А вот с кардиналом и правда не поговоришь. Там пяти минут хватит, чтобы по коже мурашки побежали. С ним становится так...

– Волнительно?

– Страшно.

– Глупышка. Это ведь дрожь предвкушения. Пять минут с этим мужчиной пролетают, словно миг. Тебя затягивает в бездну его необычных глаз, зачаровывает тон его голоса...

– Я же говорю, чары! Когда он смотрит, кажется, будто видит насквозь. Мне всегда становится плохо. Ты слышала, что о нем болтают? Он практикует запрещенные методы!

– Милая, ты об изъятии магии? Глупости!

– Что за изъятие магии? – я тут же включилась в разговор.

– Разве ты не слышала? – удивилась Диана.

– Малышка недавно приехала из провинции! – оборвала ее Эллина. – Ари, существует три запрещенных метода. Первый, когда жертву убивают, магию забирают полностью. Это очень мощная подзарядка, но годится на раз. Второй, когда забирают по капле. Магия крови питает, наполняет силой, только эффект кратковременный, примерно на одно заклинание.

– А жертва?

– Кровь восстанавливается, а потраченная магия – нет.

– Третий способ самый приятный, – рассмеялась Диана.

– Соблазн, – с придыханием проговорила Эллина. – Древний как мир. Ты слышала, Арианна, что даже обычные люди способны черпать энергию в страсти? Что уж говорить о магах!

– Я недавно прочитала роман о маге-изгнаннике, соблазнившем принцессу, наследницу целого королевства. Бедняжка умерла в его объятиях счастливая, отдав всю себя возлюбленному.

– От этого умирают? – я ужаснулась.

– Это же роман, Ари! В отличие от предыдущих способов третий считается наиболее гуманным.

– И приятным, – поддакнула Диана.

– Почему?

– В первом случае, – пояснила Эллина, – всегда наступает смерть, во втором, если действовать неосторожно и чересчур пожадничать, – выгорание. А в третьем только ненасытный дурак сразу опустошит жертву. Умный будет дарить наслаждение и чем дальше, тем больше сил получать. Главное – не переусердствовать. Основная опасность в возможной зависимости. Если маг пристрастится к легкой магии, а жертва чересчур привяжется, то в случае его ухода может легко погибнуть, не сумев обойтись без возлюбленного.

– Но ведь это не настоящая любовь!

– Верно, потому многие и осуждают.

– А что это за термин – легкая магия?

– Да ведь легко брать, когда дают. Вот поэтому все способы признали опасными и запретили. В наше просвещенное время создана масса предметов, призванных пополнять магический запас или передавать от одного к другому. Так что, Диана, я сомневаюсь в достоверности слухов. Во-первых, практиковать подобное не каждый сможет, особенно с ювелирной аккуратностью, чтобы не засекли. А во-вторых, у кардинала достаточно власти получить в свое распоряжение любой из мощных накопителей. К чему идти на риск?

– Стать могущественней не на время. Сделаться сильнейшим магом всех времен!

– Диана! – Эллина расхохоталась: – Ты перечитала романов?

Мне вновь захотелось вмешаться в разговор, однако тело, в котором находилась, подчинялось законам, сотворенным магией Арианны, а не моим желаниям. Даже разум, казалось, раздвоился. Я

словно угодила в ловушку, начиная терять связь с настоящей собой. Жизнь красивой миниатюрной девушки становилась все реальнее. Ари улыбалась подругам, а перед глазами видела волевое мужское лицо, и сердце ее стучало все быстрее, быстрее, и этот стук заполнил собой весь мир.

Глава 10

Чутье, похожее на худого дикого волка с горящими зеленою глазами, глухо заурчало внутри. Смутная тревога заворочалась в груди, и Эйден раскрыл глаза. За окном только начинало смеркаться. Значит, почти минул день. Мужчина не пошевелился, размеренное дыхание не нарушилось, но напряженный слух попытался уловить среди шума леса тот неестественный звук, который мог потревожить чутье.

Нет. Ничего. Шорохи и щебетание птиц. Но это не заставило Эйдена расслабиться. Внутреннему зверю он доверял больше, чем любым магическим трюкам или новомодным изобретениям. Только однажды он не послушал его, за что жестоко поплатился. Поэтому мужчина бесшумно поднялся, скользнул по полу, осторожно ступая на еще целые части половиц так, чтобы ни одна не скрипнула, дошел до печки и потянулся к тонкой ладони девушки, лежащей на краю.

Он слегка тряхнул ее, но Сэйна не отреагировала. Эйден взялся за плечо и потряс, отчего девушка вздохнула тяжело, глубоко, будто ей сдавило грудь. Он скорее угадал, чем сумел предвидеть, что с дрогнувших губ вот-вот сорвется стон, и встряхнул сильнее, предупреждая его.

Она вздрогнула, но глаз не открыла, и тогда маг положил ладонь на высокий лоб, сжал пальцы, заставляя колючую силу дойти до самых дальних закоулков, где во время сна пряталось сознание. Сэйна резко распахнула глаза, схватила за его руку и задергалась, будто хотела вырваться на поверхность из глубины, а он ее топил.

– Тише! – Эйден склонился к самому уху, и, услышав его голос, девушка замерла. Она нервно втянула носом воздух, чуть повернула голову и принялась неверяще разглядывать его лицо.

Маг осторожно вытянул ладонь, освободив из судорожного захвата, и прижал палец ко рту, призывая Сэйну к молчанию. В следующий момент девушка совершенно нелогично вдруг потянулась к его щеке и обвела по контуру, очерчивая резко обозначенные скулы. Уголки губ дрогнули.

– Что случилось с тобой?

Эйден мигом закрыл ей рот и, уже не церемонясь, стащил с печки, крепко обхватив поперек тела. Опять приблизил губы вплотную к уху и шепнул:

– Ни звука! Поняла?

Кажется, в момент резкого рывка и короткого падения вниз она все же пришла в себя, потому что кивнула.

– Я отпущу, – Эйден продолжил говорить на пределе слышимости, – но идти будешь за мной след в след. Ясно?

Она снова кивнула. Пристально поглядев ей в глаза и заметив, что теперь она смотрит осмысленно, Эйден отпустил. Осторожно выбирая место, куда ступить, он первым пошел к двери.

Я видела перед собой лицо кардинала и не могла понять, что стало с ним. Ему плохо, ему больно? Отчего так заострились черты, почему в глазах нет жизни?

– Что случилось с тобой?

Его губы сжались и пальцы стиснули запястье стальной хваткой, а резкий рывок вниз отлично прочистил мозги. Оказавшись на ногах рядом с ним, возле печки в старом доме, я поняла, где и с кем нахожусь. Осталось разобраться, почему вновь нырнула в воспоминания Аны. Ведь ощущения были точь-в-точь как при чтении дневника. Если только не близость зачарованной вещи влияла на меня подобным образом. Вероятно, дневник не интересовало мнение наследницы? Ему просто нужно было поведать историю.

– Ни звука! Поняла?

От обдавшего шею горячего дыхания вздрогнула и кивнула.

– Я отпущу, – шепнул Эйден, – но идти будешь за мной след в след. Ясно?

Поймал мой подбородок, пристально всмотрелся в глаза, и я снова кивнула.

Он отпустил и пошел вперед, а я принялась осторожно ступать на те же самые половицы, пока мы оба не добрались до двери. По ту сторону было достаточно тихо. Я успела заранее напугать себя, но ничего подозрительного не ощутила. Зато Эйден, кажется, мнения не разделял.

Он осторожно посмотрел в дверную щель и отстранился. Сперва повел головой по сторонам, а после кивнул мне на окно.

Послушавшись, снова повторила прежний маневр, добравшись по его указке до лавки, под которую темнейший и заставил забраться.

Как мы вдвоем поместились под ней, ума не приложу, ведь с печки она казалась достаточно узкой. Только я уже ощущала себя некой утварью, которую мало того что перетаскивали с места на место, так еще и запихивали в труднодоступные места. Всегда считала, будто достаточно ловка и сообразительна, но сейчас реальность сыграла не в мою пользу. Я просто не успевала за Эйденем и его маневрами, ощущая себя неповоротливой тугодумкой. Правда, старалась искупить неловкость послушанием. То есть по-прежнему не издавала звуков, в точности следуя указаниям.

Мы залегли на полу, и несколько мучительных минут спустя за окном послышался шорох. Тоже осторожный. Мне почудилось, кто-то с той стороны заглянул в дом, а после отстранился. Теперь уже и тихие шаги можно было различить. Они стали удаляться, и их заглушил наш шорох. Эйден выкатился из-под лавки и вытащил меня. Пришлось не просто быстро выбираться, но сразу же подниматься на ноги и запрыгивать на лавку. Оттуда, повинаясь мужской руке, я перебралась на подоконник. Эйден осторожно выглянул наружу и ловко спрыгнул на землю, протянув руки. Поймал меня, не став полагаться на способность спуститься без лишнего шума. Поставил, развернул и подтолкнул в спину, указав за дом. Я промчалась как можно быстрее, а он скользнул бесшумной тенью, и мы укрылись за поленницей, переводя дыхание.

Здесь остался пенек, на котором раньше кололи дрова, и сюда же я присела. Жаль, топор не сохранился. Не отказалась бы от оружия. У Эйдена был нож и тяжелый медальон, а мне разве только дневником запустить при случае. Книжица зачарована, вдруг ей можно защищаться?

Эйден предупреждающе сжал мое плечо и подался вперед, весь обращаясь в слух. Шаги снова приближались, теперь со стороны леса, а потом послышался и тихий разговор.

– Нет никого. Дом обошел.

– Тогда заходим, – долетел ответ.

Скрип петель и стук двери. Эйден быстро переместился. Осторожно, на носочках прокралась следом и увидела, как он замер под окном и внимательно слушает. До меня тихие голоса долетали

мерным гулом, но слов почти не разобрать. Я понадеялась, что Эйден поймет, о чем они говорят. Самой соваться к окну было страшновато. Разве добрые люди шастают в сумерках по лесу и укрываются в заброшенных домах? Боюсь, только благородные разбойники, ищейки да беглые преступники с сообщниками.

Я сглотнула. Из дома потянуло чем-то съестным, правда, печь никто не затапливал и дым из трубы не валил. Хотя у них же магия! Могут подогреть, наверное, если захотят. У нас имелись печки на электричестве. На дровах тоже, но встречались реже.

Бубнеж продолжился, я покрепче обхватила живот, чтобы голодными руладами не выдал нашего местонахождения. Интересно, Эйден так же хочет есть или сильнее? Если столько лет его тело существовало в замороженном состоянии, он ощущал голод? Его не мучает зверское желание постоянно поглощать пищу? Меня бы мучило. Уже мучает. Водички хотя бы попить.

Мужчина внезапно отполз от окна, поднялся и поманил за собой. Пригнувшись, чтобы не заметили из дома, я поспешила следом, боясь отстать или споткнуться, когда маг свернул на лесную тропинку, и за деревьями нас стало сложно заметить. Он шел быстро, я с трудом поспевала. Ноги вздумали зануть именно в этот момент. Им в туфлях, дарованных благообразными тетушками, оказалось неудобно бродить по лесу. Когда Эйден резко остановился, чудом не налетела на него.

Мужчина наконец заговорил, и я выдохнула, поскольку боялась, что так и продолжим общаться жестами. Вдруг бы что неправильно поняла.

– Они упомянули, будто эта тропинка выводит к поселению, – он указал на ответвление впереди. – Город небольшой, название незнакомо, и пока затрудняюсь сказать, куда именно открылся портал, однако подсказка есть. Проходимцы пришли в дом перепрятать на время добычу.

Точно разбойники!

– Они говорили про караван, который пройдет по тракту. Обычно в этом городе караванщики запасаются водой и едой. Значит, поселение находится возле торгового пути. Бандиты обсуждали вероятность нападения и собирались посчитать охрану. У нас с тобой есть возможность присоединиться к каравану. Он должен следовать на юг, а это частично совпадает с нашим маршрутом.

- Но на него же хотят напасть!
- Не сразу. Им придется подготовиться.
- И как нам присоединиться, если караван придет завтра?
- Ты сейчас пойдешь в город.
- Одна?

– Найдешь постоянный двор. Вероятно, выйдешь к нему, как только лес закончится. Я провожу до конца тропинки, а дальше – сама. Рано утром отправишься на рынок и купишь необходимые вещи и провизию.

- На что?
- Возьми.

Эйден протянул кожаный мешочек.

– Полумесяцы и луны – это местные деньги. Полумесяцы – медные, луны – серебряные, есть еще золотые солнца, но не в этом мешке. Пары лун хватает на обычный наряд, простой еды можно взять и на полумесяцы. Посмотришь на покупателей, сориентируешься.

- А нас возьмут в караван?

– Возьмут, если правильно попросим. Караван идет на юг, точнее в Ольхару. Проще представиться ольхарами, что мужчины, что женщины у них закрывают лица, некоторые даже не говорят на всемирном. К тому же последние столетия активно шло смешение культур, не все южане обладают смуглой кожей и черными глазами.

– А всемирный – это общепринятый язык? Мы же на нем говорим?

От обилия сведений начинала побаливать голова, хотя я прекрасно сознавала, почему самый опасный маг не желал приближаться к городу, пусть даже не очень большому. Но задумка была хороша. В караване не идут пешком, плюс лица закрыты и можно притвориться, что язык не понятен, и не сболтнуть лишнего.

- А на рынке можно найти одежду ольхар?

– Вдали от дома они реже носят традиционную одежду, главное отличие – широкие платки, которыми укрывают волосы и лица, и широкие штаны, а у женщин – верхние накидки до земли, рукава до запястья, на крайний случай длинное просторное платье. Найдешь что-то подобное, нам будет проще. А теперь идем. Завтра встретимся здесь же, примерно через час после восхода солнца. Ты должна успеть.

Он перехватил за руку и потянул за собой. Я последовала молча, переваривая информацию, когда лес внезапно закончился. Впереди показался просвет, и Эйден остановился.

– Теперь сама. Пospеши, пока окончательно не стемнело.

Уже? Мы даже не обсудили деталей. Например, как у них обычно комнату на ночлег снимают. Да, кстати, сколько комнаты стоят? Ах, это мне наверняка озвучат. Но если я вдруг не выйду к постоялому двору? Или это его огни светятся там впереди?

– Эйден, – отвела взгляд от дороги и оглянулась, однако мужчины рядом уже не было.

Маг прислонился к дереву и наблюдал, как девушка оглядывается. Не найдя его, она вновь устремила взгляд на дорогу. Мужчина следил. Много времени она терять не стала. Больше не оборачиваясь, пошла вперед.

Справится. С первой встречи было понятно, что не из робкого десятка.

Эйден устремился следом, скрываясь в сгустившейся тени. За распахнутыми воротами постоялого двора он замер, наблюдая, как Сэйна миновала проход и подошла к двери ночлежки. Решительно, без колебаний, словно каждый день здесь ходила, обогнула пару коренастых фигур с пропитыми рожам, и потянулась к ручке. Ладонь мага непроизвольно дернулась к кинжалу, когда один из мужиков схватил ее за локоть.

– Руку убрал! – она повела плечом.

– Красотка, а ты одна?..

Он не договорил. Охнул и согнулся, когда девушка саданула коленом в пах.

– Ты ж... – последовавшую нецензурную брань Сэйна дослушивать не стала. Распахнула дверь и быстро сбежала от пьянчуг.

Эйден опустил руку, вполуха слушая дальнейший разговор и наблюдая, в каком из окон загорится свет.

– Эй, Бран, в порядке?

– Вот потаскуха! Я ей комплимент отвесил.

– Да, бабы пошли! Дикие! Я на днях к одной подвалил, она оплеуху дала. Болит?

– Со всей силы саданула, стервь!

– Ты присядь сюда. А что, понравилась? Такие служки наглые обычно перед хозяевами ноги раздвигают, а за порогом из себя цацу строят. Хочешь, подкараулим красотку?

– Хозяин дальше пивной не пустит, а мы уже на выпивку все спустили. И комнаты в долг не дал, козел. Сказал на конюшне ночевать.

– Переночуем. А утром поглядим.

– Ну ее! Что там глядеть? Ни кожи, ни рожи. Еще и дикая, с головой не дружит. С такой уснешь, проснуться побоишься.

– Коса красивая. Люблю, когда у девки волос длинный. Такую косу крепко ухватишь и на руку намотаешь. Сейчас бабы пошли, что доска, еще и косы стригут. Поди разбери, девка или парень. Эй! Бран, глянь, что там у ворот?

– На бочку пивную похоже.

– Да ну!

– Говорю тебе. Хозяин бочку на улице оставил.

– Пустая небось, что он – дурак?

– Поглядим?

Мужики, пошатываясь, направились к воротам. Под частоколом тень укрыла обоих, когда склонились над бочкой.

– Что за блажь, Бран? Я ее вижу, а не ухватиться!

– Сат! Колдовство! Валим отсюда.

Но Сат уже свалился, прямо сквозь бочку, а Бран еще пытался сообразить, что к чему, когда тупой удар по голове отправил и его в отрезвляющий сон. Чтобы мозги прочистились, хмель вышел. Утром у обоих башка болеть будет так, что не до красоток.

Эйден оттащил неподвижные тела за ворота и прислонил к забору. Сам вернулся и увидел, что под крышей загорелось окошко. Значит, устроилась. Он оглядел широкий пустой двор и приметил конюшню. Здесь отдыхать приятнее, чем в лесу. Если успеет покончить с делами, будет пара часов подремать.

Разбойники в лесном доме ожидали подельников, чтобы обсудить план действий, поэтому Эйден поторопился уйти. Но пока он прислушивался, точно разобрал, как звякнула заслонка в печи. Деньги на караван понадобятся, а воры всю ночь в прогнившем логове коротать не станут.

Он еще раз взглянул на мерно светящееся окошко и повернул к лесу.

Служанка оказалась бойкая, ловкая и мне понравилась. Я не удержалась, сунула ей полумесяц, а у девочки даже глаза расширились, когда спрятала его в ладошку. Еще бы. За ночлег и ужин в комнату я отдала одну луну.

Девчонка мигом убежала и вскоре вернулась с деревянной шкатулкой.

– Вот тебе.

– Что это? – я как раз расплетала косу, собираясь вытащить из нее репей и прочий мусор.

Она деловито откинула крышку.

– Расческа здесь, вот паста с щеткой, нитки с иглой. А тутошнее желе если на пятно нанести, оно высохнет и исчезнет. Мы эти коробки только важным персонам носим.

– Спасибо, – я улыбнулась. Платье и правда местами подралось, а кое-где оказались пятна. При свете светильника было заметно, до чего довели меня побеги и скитания в лесу. Только в первый черед хотелось поесть. Ужин соблазнял аппетитным запахом из-под крышки.

– А у меня еще минуточек пять есть, – сказала вдруг девчонка и забежала мне за спину. Я оглянуться не успела, как она ловко расплела мне волосы и принялась деловито расчесывать.

– Там мыться будешь, на полочке мыло найдешь. Но чтобы волос жестким не стал, бальзамчика капни сперва.

Она опять показала на коробку. Славная девчушка.

– Волос вишней отливают, когда расчесываешь, а ресницы черные. В предках кто из саркан потоптался?

– Что?

– Ну, предок из саркан был?

– Эм, у прабабушки были вишневые волосы.

– А глазищи небось зеленые и такие, в пол-лица?

Кивнула. Облик Аны до сих пор стоял перед мысленным взором, как и облик Эйдена. Того, другого, светлого кардинала с гипнотическим взглядом.

– Точно сарканка. Они красивые, но вот ростом не вышли. И магии у них совсем мало. Твоя прабабка на континенте родилась?

Давно с островов перебрались?

Я пожалала плечами. Этого дневник не поведал.

Девчонка закончила с волосами и вдруг схватила за щетку и платье.

– Положи, я почищу.

– Да я быстро. Желе это сама делаю. Оно из очисток, но только порошок волшебного сыпанешь, таким становится. Погляди, как очищает.

Она плоской стороной щетки зачерпнула из баночки желе, намазала на самое большое пятно на платье, и буквально за секунду оно высохло, а грязь исчезла.

– Ух ты!

Я и правда поразила. Надо домой такого закупить, когда здесь с делами покончу. Думать об ином исходе не хотелось.

– А где покупаешь порошок?

– На рынке. Там много всяких штучек магических. Здесь караваны часто ходят, нам перепадает вещиц. Жаль, многие дорого стоят. Но выбор имеется: защитные, очищающие, украшающие...

– Защитные? От чего защищают?

Я на секунду отвлеклась от одуряюще пахнувшего блюда, к которому неудержимо влекло.

– От многого.

– А от запретной магии?

У девчонки глаза округлились.

– Никто ж не балуется запретной, но много чего найти можно, если поискать.

Снова ей улыбнулась.

– Спасибо. Ты беги, я сама справлюсь.

Девчонка сверкнула зубами в ответной улыбке и умчалась.

Еду подали вкусную и, главное, сытную. Глотала, кажется, почти не пережевывая. Сытость сказала и на общем состоянии. Глаза начали закрываться, но я мужественно поборол сон, потому что и помыться хотелось. Кто знает, когда повезет в следующий раз.

Ванная оказалась круглой бочкой, над которой вместо вентиля имелся кран и рычаг. Походило на деревенскую колонку. Тянешь за рычаг и набираешь воду в ведро. Я как-то гостила у знакомой и видела

такое. В фамильном особняке, конечно, повсюду были медные отполированные краны, а в кастелане – общая душевая.

По логике, если оба мира сообщались, то местные могли и позаимствовать наши технологии. Ну те, что не заменялись магией. Постоялый двор, судя по всему, небогатый, поэтому здесь и удобства минимальные. А в прошлом городе я толком ничего разглядеть не успела. Наверное, еще доведется.

Надавила на рычаг, вода вопреки ожиданиям потекла теплая.

Намывшись, я замочила в той же воде платье, а после додумалась кинуть в воду желе, чтобы не застирывать. Вода сразу забурлила, а я охнула и отшатнулась. Пены стало столько, что полилась на пол через край.

– Твою ж... ой! – кажется, начала повторять ругательства Эйдена. Сразу вспомнилось, как он отреагировал на медведя. Спас нас, хотя и применил запретный прием. Забрал силы, не предупредив. Понять можно, ведь не до того было, но неприятно.

Пена продолжала литься, и я додумалась вынуть внизу бочки пробку. Вода сразу отправилась в слив и постепенно ушла, а пена потихоньку начала исчезать.

Я достала платье. Пятен не было. Что ж, неплохой способ, если вовремя спустить воду. Отжав ткань, принялась смотреть, куда можно повесить. Присмотрела плоскую доску в углу. Перекинула через нее платье и от ткани тут же пошел пар.

Я снова схватилась за полусухую одежду и быстро сдернула.

Может, это уют у них такой или обогреватель для ванной? Благо подпалин не обнаружилось, и от греха подальше отнесла платье в комнату, где повесила на стул. Белье постирала уже мылом, а потом снова оглядела обогреватель и, подержав возле него руку, ощутила тепло.

Вернулась в комнату, взяла стул и внесла в ванную. Развернула спинкой к обогревателю, добавила белье к платью и со спокойной совестью отправилась спать.

Девочка обещала подняться в шесть утра, но я опять забыла про дневник, который успела спрятать под подушку. В сон провалилась быстро.

– Подарок для самой красивой жены, – улыбнулся супруг, раскрывая ладонь. На ней оказалась миниатюрная золотая книжка-кулон. К ней крепилось колечко, а в него продевалась цепочка.

– Что это?

– При дворе модно вести дневники. Я купил это у мага. Когда захочешь использовать, проведи рукой над обложкой по часовой стрелке.

Супруг продемонстрировал, как это сделать, и книжка тут же увеличилась в размере, став величиной с руку.

– О, – я тут же попробовала провести ладонью в обратном направлении, и книжка уменьшилась, обратившись золотым кулоном.

– Вот сюда, – муж указал на центр обложки, – капни каплю своей крови. Дневник будет откликаться только хозяйке, остальные не смогут прочесть.

– Милый подарок! – я привстала на цыпочки и поцеловала супруга в щеку. Привычный жест. Обычно подобным способом выражала признательность, поскольку, несмотря на нашу свадьбу, воспринимала его больше как наставника. Если говорить честно, воспоминание о дне, когда отец призвал, чтобы объявить о грядущем замужестве, до сих пор приносило боль. Все мечты о любви и будущей сказке разрушились в один миг, когда узнала имя супруга.

Муж улыбнулся и поцеловал руку.

– Канцлер просил сегодня зайти.

– Конечно, иди. Я прогуляюсь по саду.

– Нет. Он пригласил нас вдвоем.

– Вдвоем со мной?

– Да.

– А почему?

– Полагаю, он нам скажет.

Кабинет канцлера оказался совсем скромным. Большой, но темный, со множеством мебели. Повсюду заставленные книгами шкафы, в центре диван и кресла, а рядом бюро, а еще полки, заваленные бумагами. Ощущение захламленности и беспорядка.

Мне поцеловали руку и одарили улыбкой. Только она мне не понравилась. Змеиная. Да и лицо у канцлера узкое, вытянутое. Его не

назвать красивым или даже притягательным. В целом этот человек внушал неприязнь, которой я постаралась не выдать.

– Извините, что оторвали вас от дел, – расшаркался супруг, словно это вовсе не канцлер нас вызвал.

– О, дел всегда слишком много, но это не повод, – мужчина перевел взгляд на меня и снова неприятно улыбнулся, – упускать шанс встретиться с вашей очаровательной женой. О ее красоте говорит весь двор.

– Что вы, – я приняла смущенный вид, – слухи преувеличены.

– Скромность так красит женщину! – канцлер поводил подушечками пальцев по столу, пристально изучая мое лицо. Сделалось совсем неприятно, будто это он меня погладил.

– Что же, Монтеррей Мэнэр, – продолжил мужчина, – в одном вы правы, не станем отнимать время у других важных дел и сразу перейдем к сути. Слышал, ваша жена бегло говорит на нескольких языках.

– На сарканском и ольхарском. Это языки ее предков, – ответил за меня супруг. – Всемирный ей родной, поскольку она родилась уже на континенте.

– Конечно, – канцлер прижал указательные пальцы к губам.

– Еще Арианна неплохо знает язык западных земель.

– Как интересно.

– Выучила забавы ради, – улыбнулся супруг, а я искоса взглянула на него, удивляясь, чему он так радуется?

– Ваша жена талантлива, это хорошо. Вы, наверное, слышали, что светлый кардинал ищет переводчика. Ему нужен беглый перевод с сарканского. Как считаете, мог бы я предложить ему вашу жену?

У меня сердце стукнуло о ребра. Сперва от упоминания кардинала, а затем сжалось от формулировки фразы.

Предложить? Отчего он не сказал рекомендовать? Ведь мы же не на рынке, где меня сперва рассмотрели, а после решили выставить покупателю. Мне всегда очень не нравилось, когда решения принимались вот так: ставили перед фактом, не спросив мнения. Даже приличия ради не обратились напрямую. Кроме пары дежурных фраз и комплимента, бóльшим не удостоили. Словно нарочно подчеркнули распространенную в среде мужчин присказку о том, что мозг

женщины слишком скуден для восприятия поистине важной информации. Но я никогда не считала себя душой.

— О, это такая честь!

Лицо супруга осветилось воодушевлением и преисполнилось благоговения.

— Тогда решено? Завтра попросим вашу очаровательную жену явиться на встречу с кардиналом, он будет проводить отбор среди кандидатов лично. Подойдите к девяти утра.

— Конечно, конечно. Арианна не опоздает!

Глава 11

Рассвет уже окрасил верхушки деревьев, а Сэйна не шла. Эйден давно завершил дела и успел выйти из сарая до того, как проснулись работники постоянного двора. С момента оговоренного срока минуло уже полчаса, но она не явилась. Задержалась на рынке? Заблудилась в городе? До прибытия каравана было чуть больше часа. Ничего не оставалось, как рискнуть и приступить к поискам. Начать следовало с постоянного двора, поскольку соваться на оживленный рынок было крайне неразумно. Значит, сперва комната, где Сэйна провела ночь, а дальше видно будет.

Девочка растерянно стояла у кровати, на которой разметалась вчерашняя щедрая гостья, и теребила передник. Она приходила сюда в оговоренное время, но добудиться не смогла. Потом вернулась еще раз, рассудив, что путешественница очень устала. Девочка даже натянула покрывало повыше, ведь вся одежда гостьи почему-то оказалась в ванной. Теперь она пришла в третий раз и мучительно размышляла, звать ли хозяина. С гостьей явно что-то не так. Обычно постояльцы просыпались от стука в дверь. Иногда приходилось немного потрясти. Самым пьяным доставался кувшин воды, но на белом лбу и щеках гостьи уже и так блестели холодные капли. Девочка сама побрызгала ей в лицо.

Служанка отпустила передник и окончательно решила звать хозяина, когда занавески на окне зашуршали, и в комнату запрыгнул мужчина. Девочка поразилась столь сильно, что в первый момент открыла рот и застыла. Там ведь высоко до земли, а с крыши опасно спускаться. Как он сюда забрался? Прилетел?

Мужчина заметил ее и, небрежно запустив руку в карман, вынул золотой. Его блеск поразил сильнее всего остального. Человек подбросил его в воздух, и шокированная служанка ухватила на лету. Приблизила к глазам, чтобы рассмотреть. Она впервые увидела на собственной ладони настоящее солнце.

Станный посетитель без слов покачал указательным пальцем из стороны в сторону, словно предупреждал не глупить, а после

развернулся к девушке на кровати. Подошел ближе, склонился и взял за руку. Прижал пальцы к тонкому запястью, послушал. После зачем-то отвел с шеи распущенные волосы и дотронулся уже там. Постоял неподвижно какое-то время и решительно опустил ладонь на гладкий лоб гостьи. Чуть сжал пальцы, и темноволосая голова, в прядях которой вчера так красиво плясали вишневые искры, качнулась из стороны в сторону.

Девушка резко раскрыла глаза. Она посмотрела в потолок: непонимающе, растерянно. В глазах мелькнуло возмущение. «Разве можно, словно с вещью?» – хриплым со сна голосом гневно спросила она. Кажется, собралась еще что-то добавить, но тут человек обернулся и повелительно махнул служанке ладонью. Девочка послушно попятилась, переводя дух.

Как хорошо, что гостья очнулась. Может, у нее какая болезнь? А мужчина, наверное, маг. Ведь не зря ей показалось, будто от его руки пошло свечение. И раз постоялица не испугалась, значит, все в порядке. Служанка выскочила в коридор и плотнее затворила дверь, опустив в карман ладошку с зажатым в ней золотым.

Эйден сложил на груди руки и после повторного восклицания: «Разве можно?» произнес:

– Разве нет?

Чему бы она ни возмущалась, но сейчас явно было не время разбираться в вопросе. Зато и неожиданный ответ заставил сосредоточить взгляд на нем, а после прийти в себя. Мужчина наблюдал, как возмущение сменяется осознанием, а взгляд Сэйны мечется по комнате и останавливается на окне. Девушка дернулась, резко села и охнула, едва успев поймать соскользнувшее покрывало.

– Утро! Я проспала! Я просила меня разбудить!

– Тебя будили, – спокойно проинформировал маг.

– Но...

– Но ты спала.

Она выглядела ошарашенной, раздосадованной и смущенной одновременно. Потом прижала ко рту ладонь, выдохнув:

– Мы опоздали.

– Пока нет, – развеял опасения Эйден, – но поторопиться не мешает.

Сэйна рванулась к краю кровати, не отпуская покрывала, и пробормотала:

– Отвернись.

Он выполнил просьбу и принялся смотреть на занавески, развевавшиеся от легкого ветерка.

Девушка соскочила на пол и на носочках пробежала в другой конец комнаты.

Он стоял, слушал, как она в спешке собирается, и по самому тихому звуку мог бы сказать, что именно Сэйна делает.

Вот обернулась на него, дыхание слегка участилось, и послышался шелест упавшего покрывала. Легкая ткань прошуршала по коже, потом девушка встряхнула и расправила на руках платье, тихонько воскликнув:

– Какая милая девочка, а я про дырки забыла.

Эйден насторожился и чуть повернул голову, прислушиваясь к шуму в коридоре.

– Не смотри!

Он хмыкнул.

– Не смотрю.

Ничего тревожного, обычный постоялец. Мужчина снова перевел взгляд на занавески, вновь погружившись в мир звуков.

Отняла от груди платье, торопливо надела. Затянула туже пояс на талии, застегнула пуговицы. Схватила туфли, уронила одну из них.

– Стихии! Ты пришел, – вновь заговорила девушка, с трудом сдерживая волнение, – потому что я не явилась в лес. Как теперь быть?

Она почти закончила, он слышал, но еще не просила его повернуться. Пробежала тихонько босиком по полу до кровати, подняла подушку, достала что-то из-под нее. И лишь после села на край постели обуться.

– Ты здорова? – задумчиво уточнил Эйден.

– Я? – в голосе прозвучало искреннее удивление. – Да. А что?

– Твои сны.

– Мои сны? – в вопросе послышалась настороженность.

– Похоже, страдаешь наведенными сновидениями, с чем это связано?

– Наведенными? То есть их кто-то навел? – Она вымученно рассмеялась. – Забавно. Можешь повернуться.

Он обернулся. Сэйна стояла полностью одетая и торопливо заплетала волосы в косу, путаясь с лентой. Выглядела девушка в высшей степени раздосадованной и так нервничала, что уже затянутая лента, завязавшись в узел, сорвалась с кончика косы, и та вновь расплелась.

– Бездна!

– Помочь?

– Завязать волосы? Стихии! Темнейший кардинал еще и парикмахер?

Она издала ироничный смешок и встряхнула ленту, торопясь распутать узел.

– Спешка только мешает делать все быстро, – заметил Эйден, – на кого злишься?

– На себя!

Плюнула на собственные попытки и кое-как стянула волосы, оставив первый узел болтаться рядом со вторым, после чего бросилась к двери. Выглянула в коридор, но тут же снова захлопнула дверь.

– Там постояльцы. Лучше через окно?

Устремилась мимо него к окошку, намереваясь посмотреть количество людей во дворе, но, вскрикнув, резко затормозила.

– Ай!

Эйден поймал за волосы.

– Не надо метаться и паниковать.

– Больно же! – она схватилась за его запястье.

– А ты не дергайся, – велел маг, стягивая ленту.

Девушка настороженно скосила глаза на его руки. Маг пропустил меж пальцами пахнувшие лесной ягодой пряди и принялся туго переплетать распутанной лентой. У него ушла пара минут, чтобы поднять волосы наверх и стянуть в крепкий узел.

Сэйна осторожно ощупала новую прическу.

– Зачем мне такая шишка на голове?

– Чтобы никто за косу не хватал.

– Профессионально управился. Твои волосы были еще длиннее?

– До пупа. Закончила сборы? Тогда идем.

Он указал ей на дверь, а сам развернулся к окну.

– погоди! – окликнула Сэйна. – У меня идея, как обоим выйти через дверь, не привлекая внимания.

– Вот, – девочка глянула по сторонам и вытащила из-за спины ворох мужской одежды. – Старая, хозяйская, в чулане лежала. Она чистая. Есть широкие штаны, а рубашка и без того просторная.

Хозяин постоянного двора был довольно упитанным. Эйден безусловно стройнее.

– А вот платок. Здесь несколько пятен, на светлом заметно, но, если узел таким образом стянуть, станет не видно.

– Спасибо. Объясни еще раз, пожалуйста, куда повернуть, чтобы дойти до рынка?

– Из ворот направо, прямо по улице два перекрестка пройдешь, а налево – рынок. Его не пропустишь.

– Запомнила. Спасибо.

– А корзинку с едой мигом вам в комнату подниму.

– Лучше мешок какой-нибудь. Рюкзак?

– Рю... что?

– Ничего. Неси корзину.

Девочка убежала, а Эйден молча принял одежду.

– Теперь спокойно закроешь лицо и выйдешь. Караванщикам ведь нужно сделать припасы?

– Припасы готовятся заранее и подвозятся к определенному месту.

– Успеем к отходу?

– Как поторопимся.

Он развернул штаны, и я заметила, что хоть те и широкие, но явно коротковаты. Стук в дверь отвлек от размышлений на тему, как маг будет в этом выглядеть? Выйти с постоянного двора куда ни шло, но вот изображать добропорядочного человека, чтобы внушить доверие главе каравана, едва ли получится. Придется мне молнией лететь на рынок.

Я выглянула в коридор и приняла от девочки корзину. Честно говоря, воображала себе такую классическую вещь, которую неудобно таскать в руках, а оказалось, плетеный из мягких кожаных полосок короб-мешок имел лямки и закидывался на спину.

Отдав припасы Эйдену, больше не стала задерживаться, уверенная, что дальше он справится сам.

– Защитные накопители, защитные накопители, – повторяла про себя, пробираясь к выходу с рынка. Мне подсказали, что самая лучшая

лавка с редкими вещами находилась там.

Вот сейчас буквально на ходу выберу один и успею к приходу каравана. Ведь с остальными задачами управилась быстро. Нигде не задержалась, даже не позволила себе получше изучить обстановку. Хотя рынки во всех мирах похожи друг на друга, как и люди.

Лавка выглядела колоритно. У нас бы подобная обладала неким громким названием, вроде «Мощь стихий», или «Четыре главнейших элемента», или «Тридцать три способа управлять природными силами». Здесь на вывеске было выведено простое: «Накопители».

Я переступила порог, войдя в полутемное прохладное помещение, в котором пахло, словно в старой библиотеке, не переставая рассуждать про себя, как удобно маги придумали со всемирным языком. Получается ли, будто за основу взяли язык соседнего мира? Или он существовал всегда, как объединяющий обе стороны?

Колокольчик звякнул над головой, напомнив о наших магазинчиках раритетных вещей. Торговец за деревянной стойкой спросил: «Чего изволите?»

Я обрадовалась, что в данный момент оказалась здесь одна, и не только из-за спешки, но и по причине уникальности запроса. Ведь помнила, как удивилась девчонка на постоялом дворе, когда услышала о запретной магии.

– Мне нужен универсальный накопитель. Удобный, чтобы проще было надевать, снимать, и защищающий от запретной магии.

– Запретной? – ожидаемо удивился торговец и оглядел меня внимательным взглядом, слегка пригладив черную кудрявую бороду. Потом вдруг склонился вперед и громким шепотом произнес: – Если существуют подозрения, девушка, вы обязаны сообщить властям. Вам угрожают?

– Мне? – надеюсь, удивление вышло не слишком наигранным. – Кто может угрожать? Я роман прочитала.

Мужчина выглядел озадаченным.

– Какой роман?

– Там были маг и принцесса. Она его полюбила и умерла ради любимого, понимаете?

– Понимаю? – удивился мужчина. – Нет.

Тогда оставь расспросы и продай накопитель. Думаешь, легко изображать восторженную дуру?

– Но как же? Она погибла! Отдала всю себя возлюбленному, рассталась с жизнью, потому что не имела защитного накопителя. А ведь могла и выжить. Замуж выйти и жить с ним счастливо. Он-то понял, что любит ее, когда стало слишком поздно. В этом все дело! Теперь понимаете?

– Хм. – Мозг торговца со скрипом прогибался под нелогичными объяснениями.

– Я хочу накопитель. Вдруг мне тоже предстоит встретить своего возлюбленного?

– Из романа?

– Да!

На меня наконец-то посмотрели, как на дуру.

– Браслет хочу или кольцо. Или колье? А может, диадему?

Мужчина поскреб макушку, оценивающе поглядев на потенциальную покупательницу. Появился отличный шанс подсунуть заваливающую вещь, которая никому и даром не нужна.

– Кольцо столько заряда не вместит. Диадема для повседневной носки не годится. Колье больно тяжелое, – он посмотрел на мою шею и хохотнул: – Переломит, чего доброго.

– А браслет?

– Чтобы с защитой от всех трех? Нет. От мгновенной гибели нужна сильно мощная вещь, такие только под заказ. Для затвора крови есть серьги, вот.

Он достал из-под прилавка массивные кольца с подвесками. Видимо, подобные вещицы все же были в ходу, поскольку затворить кровь могло пригодиться не только по причине запретной магии.

– Есть еще варианты, но эти самые мощные.

Ага, и подороже выйдут.

– Ну, а против наведенного соблазна браслет был, к серьгам подойдет.

Как и подумала, за ним продавец полез аж на самую верхнюю полку позади стойки. Кажется, там валялись коробки, стихии знают какой давности. Даже пыль взлетела, а мужчина чихнул несколько раз, пока рылся среди свертков.

– Дорогой, – припечатал бородач, выложив на прилавок вещь. – Но надежный.

Я перевела взгляд с браслета на серьги, демонстрируя на лице явную растерянность. Хотя вторые даже не думала приобретать, ведь капля моей крови нам порой бывала очень полезна.

— Значит, на комплект не хватит? — разочарованно протянула, открыв мешочек и высыпав из него все, что осталось, на прилавок.

Думаю, серебряный браслет и правда стоил недешево и точно дороже сережек. Он и по виду смотрелся иначе, более внушительно. Продавец мог заупрямиться, но выгоднее все же было продать то, что никто не брал, чем подсунуть более ходовой и дешевый товар.

— В романе-то вашем маг не иначе как принцессу соблазнил? Роман на то и роман, — со знанием дела пригладил бороду мужчина и снова хохотнул. — Значит, браслет берите. Правда, он на всю сумму выйдет, даже дороже.

Продавец задумчиво подвигал монетки, затем скользнул по мне взглядом. Скромное платье и пакеты в руках, которые сама же несла, его не впечатлили. Я успела порадоваться, что золотой дневник-кулон надежно скрыт строгим воротничком подобранного тетками платья. Оставалось надеяться, что победит не жадность, а практичность.

Бородач решительно сгреб монеты в ладонь.

— Ладно, красавица, забирай.

Я мчалась по тропинке со всех ног.

— Эйден! — он ждал на оговоренном месте, прислонившись к дереву. Все же выбрался благополучно, почти в этом не сомневалась. — Вот!

Налетела на него и тут же сунула в руки пакеты с вещами.

— Переодевайся.

Маг без лишних слов взялся за веревку, которой они были перемотаны, и свернул в кусты.

Я облокотилась о дерево и постаралась выровнять дыхание. Под ногами лежала корзина-мешок и отданный девочкой платок. Подняла его и вспомнила, что сунула магу все вещи, включая собственный наряд для переодевания.

— Эйден!

Протиснулась сквозь кусты, разводя в стороны назойливые ветки, и обнаружила себя на крутом обрыве над рекой.

– О-ой! – взмахнула руками, а маг, оказавшийся всего в шаге, успел перехватить за талию, и потянул назад. По инерции прижалась теснее, хватаясь свободной рукой за ближайшую ветку, и под ногами увидела штаны и рубашку.

Быстро он разделся.

– Я тебе платок принесла, – растерялась и принялась изучать ветку с зелеными листиками, хотя пришла вообще-то за вещами.

– Оставь на траве. Не нужно прыгать с обрыва.

Он разжал руки, и я бочком переместилась в сторону, чуть не наступив на лежавшие здесь же остальные пакеты. Мужчина, напротив, шагнул вперед и, оттолкнувшись от края, нырнул в речку. Вошел красиво, без громкого плеска и почти не подняв брызг.

– Умыться надумал? А раньше?

– Тебя ждал, чтобы точно не заблудилась.

Или в панику не ударилась, не обнаружив мага на оговоренном месте.

Мужчина ухватился за нависшую над рекой ветку, мышцы напряглись, а я уставилась на показавшуюся из воды грудь, когда Эйден подтянулся на руках. Старые глубокие порезы давно затянулись. Худоба практически сошла на нет. Он быстро восстанавливался, и мне бы задуматься, насколько действенна проклятая кровь, но отвлеклась. Взгляд непроизвольно obeжал поджарое тело, отмечая и запоминая детали. Тонкие белесые отметины отчего-то совсем не портили его, создавая неповторимый и причудливый рисунок. Темные волосы прилипли к шее, вода с них стекала по плечам, струясь вдоль узоров, обвивших предплечья. Падала прозрачными каплями на напряженный живот, с проступившими под кожей мышцами. Вот еще отметина на бедре, по форме похожая на звезду, а неровные лучи изогнулись, когда Эйден оперся коленом, чтобы подтянуться выше. Он запрыгнул на берег и наклонился за одеждой, пока я застыла в созерцании. Ни одной мало-мальски оформленной мысли в сознании, и взгляд продолжал блуждать, спускаясь по широкой спине. Один из шрамов был особенно длинным, от лопатки до самой талии. Книзу он сужался, повторяя очертания тела...

Эйден выпрямился, чуть повернул голову и бросил через плечо:

– Хочешь помочь?

– Что?

Мужчина невозмутимо вытянул в сторону руку с поднятым платком, предлагая в качестве полотенца, а я упустила ветку. Та хлестнула мелкими сучками по щеке, мигом приведя в чувство.

– Просто жуткие шрамы! – ляпнула, попятившись.

Маг на меня не смотрел, но уголок рта искривился в усмешке. В глазах, точно знала, снова таился промозглый холод.

– Страшно?

– Мне... мне еще переодеться.

Точно давешний медведь с хрустом продралась сквозь кусты, выбравшись на поляну. Зажмурилась на мгновение и потерла горевшее лицо ладонями. Что на меня нашло?

– Одежду забыла, – донеслось из зарослей.

Проклятье!

Он перебросил пакеты через заросли, вероятно, решив не пугать больше положенного впечатлительную натуру. А я тут же полезла в карман платья и вынула купленный браслет. Спешно застегнув его на щиколотке, только тогда перевела дух, а затем принялась торопливо переодеваться.

Глава 12

Караван в моем воображении представлял из себя длинную процессию, где люди на верблюдах едут по бескрайней пустыне. Только местные караванщики, избалованные прелестями магического мира, со мной бы не согласились. Зачем качаться на верблюде, когда можно плыть над землей в шатре? Разного размера, разной степени комфорта, в зависимости от того, сколько в вашем распоряжении лун или солнц. Некоторые напоминали паланкин, некоторые – шатер с легкими развевающимися занавесками, и все они парили на некой платформе, вроде ковра-самолета, только не из ткани.

Когда Эйден вывел к месту стоянки, я очень постаралась сохранить невозмутимое выражение лица и не заглянуть под ближайшую платформу – может, там колесики, а парение – чисто визуальный эффект.

Мы успели в последний момент. Люди уже проходили к шатрам, а арксак^[5] давал страже команду отвязать лошадей. Я порадовалась тому, что Эйден назначил срок встречи с расчетом на определенный запас времени. Иначе отличная задумка могла провалиться. По моей вине.

Замерев, где темнейший оставил, как и договорились по дороге, опустила глаза в лучших традициях покорных женщин и решила, что успею изучить принцип устройства каравана позже. Бросая взгляды из-под ресниц туда, где маг говорил с арксаком, не уставала удивляться изменившемуся облику Эйдена. За счет просторных светлых одежд и высокого роста, он выглядел крупнее, точно настоящий велмир^[6], которым и переоделся. Для полного сходства с образом часть монет он нанизал на нить и повесил на шею, сказав, что на юге так многие ходят. Новый большой платок мужчины закрепил на голове обручем и повязал на лицо, оставив открытыми только глаза. Должна признаться, это придало им еще большей пронзительности, хотя куда больше? Для меня только хуже стало. Раньше было на что отвлечься (вперить взгляд в переносицу, например), а теперь вечно коситься на платок или обруч, чтобы по спине не бегали мурашки, выглядело странным.

Наверное, я тоже смотрелась необычно. По крайней мере меня разглядывали. Покрывало на волосы, платье до земли, так что даже туфель не видно, скрывали всю фигуру, но будь я на месте остальных путешественников, тоже не сдержала бы любопытства. Помнится, в Мэнэр-холле клялась себе, как ничто не заставит облачиться в наряд до щиколоток. Только все дело в мотивации, а Эйдену дара убеждать хватило бы не только на двоих, но и на целую толпу.

Бывшее платье, в котором теперь отпала нужда, обмотала вокруг талии, не желая с ним расставаться. Вдруг понадобится? Снова сбегать, когда сама попала в категорию порталщика вне закона, было неразумно, но мало ли что. Волосы переплела в две косы, укрыла покрывалом, также оставив открытыми только глаза. Когда Эйден, выйдя из кустов, увидел «беременную» спутницу, то замер, словно на стену налетел.

— Чем не аргумент принять в караван? — указала на небольшой живот. — Хочу произвести на свет малыша среди любимых родственников на родной земле. Хороший предлог?

Он кивнул. Никак не прокомментировал и после слова не сказал по поводу маскарада, но возражать не стал.

Разговор мужчин не слышен был там, где я стояла, только в какой-то момент оба обернулись в мою сторону. Догадалась, что речь зашла о «беременной жене». Темнейший развел в стороны ладони и пожал плечами, а затем слегка подергал ткань на груди, изобразив жест, будто ее выжимает, а арксак рассмеялся. Сделку закрепил увесистый мешочек, вынутый Эйденем из кармана.

Маг поманил к себе, и, подойдя ближе, увидела, как из сундука лично для нас извлекли шатер и скатанные вместе рейки раскладной платформы. Расторопный слуга подвел пегую лошадь. Достопочтимый велмир изъявил желание ехать верхом, а не по-женски в шатре. Седобородый старичок по приказу арксака принялся читать заклинание над нашей платформой, обходя ее по кругу.

Люди в караване покончили со своими делами, и я начала волноваться, как бы не пошли разговоры о задержке «из-за тех двоих», привлекая к нам более пристальное внимание, когда двое из привязанных лошадей вдруг громко заржали, взбрыкнули и поднялись на дыбы, ударив копытами в деревянную стойку и пустив по ней трещину. Несколько мужчин бросилось успокаивать животных.

Платформа в этот момент воспарила над землей, а помощники раскатали на ней шатер. Старичок быстро забормотал в иной тональности, шатер тут же встал куполом, словно на пружинах. Слуги торопливо сцепили между собой палки, служившие дополнительным каркасом и креплением для ткани, после чего подвязали части полога к столбикам, сформировав таким образом вход, и расправили над ним ажурную занавеску. Один из работавших парней повернулся ко мне и протянул руку. Я чуть было не взялась за нее, собираясь вскарабкаться на платформу и прикидывая, удастся ли сделать это достаточно ловко. Все выглядело надежно, но я волновалась, как бы рейки не продавились под ногой, отчего легко оступиться.

Негромкий, но на редкость отрезвляющий окрик: «Хей!» – и парень вздрогнул, нервно отдернув ладонь. Я от неожиданности отступила назад. Подняла взгляд, приметив удивленное лицо арксака, взглянула на Эйдена, едва не заledenев от спокойного выражения, знакомо хранящего угрозу, и осознала собственный промах. Он ведь предупреждал, что у южан к женщине не могут прикасаться посторонние мужчины. Более того, она сама подобного не допустит. Парень сглупил, предложив помощь по привычке, а я опростоволосилась еще сильнее.

Пытаясь хоть как-то исправить положение, покорно склонила голову и обхватила руками импровизированный живот, являя собой образец раскаяния и смирения с намеком, что у беременных случаются нелогичные поступки. Арксак благодушно рассмеялся, Эйден подошел ближе и вдруг поднял меня на руки. Пока я в шоке обхватила его руками за шею, мужчина прошептал: «Лошадей не хватит отвлекать внимание, Сэйна».

– Извини, – ответила тихо, вложив в слова максимум раскаяния.

Он поставил на платформу, где я поспешила укрыться в шатре. Легла на груды подушек, которые кинули сюда помощники, и устроилась со всем удобством. Судя по сервису и благодушию арксака, Эйден не поскупился на оплату дороги. Наш недешевый пакет выбранных услуг отличало дополнительное и замечательное свойство, о котором я узнала позже, – снаружи шатра никто не мог слышать, о чем говорилось внутри.

– Айна! – крикнул предводитель, и все платформы пришли в движение, выстраиваясь в определенном порядке. Моя покачнулась, и

я вцепилась в ближайшую подушку, глядя сквозь ажурные занавески, как мужчины запрыгивают в седла, а платформы с деревянными конструкциями, на которых лежали товары, окружают всадники.

Эйден направил коня ближе к шатру. Многие мужчины не из числа охраны предпочли способ передвижения верхом. Удобней было приглядывать одновременно за собственным добром и за окружающей обстановкой. Почти все женщины, путешествовавшие с караваном, ушли в шатры. Что удивительно, детей не оказалось совсем.

Мы двинулись в путь.

Арксак и несколько стражников свернули с дороги и вернулись немного погодя, подав сигнал. Всадники направили лошадей к ответвляющейся тропе, платформы выстроились одна за другой. Миновав пространство между деревьями, караван вышел к широкой поляне. Эйден предположил, что это одно из мест ночлега, которые, впрочем, каждый раз менялись. Толковый предводитель никогда не озвучивал расположение стоянки заранее.

Сейчас маг наблюдал, как четко по плану вперед пролетают платформы с товарами, стыкуются друг с другом. Затем пришел черед наездников спешиться, лошадей также согнали в круг, а уже после очертили чуть более широкий радиус путем установки шатров. Они точно забором окружили перевозимые ценности. Эйден усмехнулся – товар ценнее. И наконец, четвертым кругом встала стража. Очертив внешний барьер в виде средней глубины рва, они разделились на небольшие группы по двое или по трое и принялись доставать еду.

Если разбойники не дураки, нападать во время стоянки не станут. Маг в караване опытный, хоть и староват. Арксак проявлял к нему большое почтение и точно платил не как мелкому паву^[7]. Хотя старик не особенно напрягался: наводил простецкие чары да контролировал платформы. Эйден усмехнулся. Вздумалось же рассуждать о стариковской экономии, когда и того минимума не мог вытянуть. Три общепринятых ряда классификации, к какому теперь относился он? Только и способен, что напугать лошадь, создать мираж или вправить кости. Для пущего эффекта мог заблокировать перед испуганной девчонкой дверь или ввести в легкий транс для наглядного ответа на вопрос, но если что посерьезнее, то без вынужденной спутницы никак. Будто в соответствии с принципом: «Держи врага еще ближе».

– Эй, кочевник, присоединяйся! – долетел крик предводителя.

Эйден взглянул туда, где уже пылал яркий костер, а люди из шатров постепенно перебирались на наспех сооруженные сиденья, пеньки, ветки, несли провизию и садились не столько погреться, сколько передохнуть от дороги и расслабиться за беседой.

Арсак проявлял к нему редкое дружелюбие, звал почетным обращением «кочевник», хотя ольхары давно уже осели на южных землях. Причем угодничества не было в помине. Естественно, предводитель любил туго набитые кошеле, но перед богачами не лебезил. Кого принимать в караван, тоже определял исходя из собственных предпочтений. В Эйдене, вероятно, ощутил себе равню.

Мужчина чувствовал, как ноют мышцы после долгой езды в седле, но отдыхать не спешил. Ночи хватит, а пока важнее было присмотреться к людям. Он махнул рукой арсаку и прошел к шатру. Откинул полог. Сэина разметалась на подушках. Покрывало брошено в углу вместе с платьем из ее мира, нижняя тонкая рубашка укрывала до талии, а дальше пряталась под широким поясом просторных и легких штанов. Две тугие косы темными змеями притаились на светлой постели. За день девушка ни разу не показалась из шатра. Спала?

Эйден присел рядом и коснулся запястья пальцами, слушая пульс. Навейные сны вытягивали массу энергии, когда казалось, будто отдыхаешь, зато потом наступал откат.

Пульс ровный и сильный. Значит, и сон обычный. Караван оказался весьма кстати, иначе она свалилась бы где-то по дороге. Девушка пошевелилась, повернулась на бок и подтянула ноги к груди. Тонкая штанина чуть подскочила, а под ней блеснул металлический край. Маг склонился, положил на изящную ступню ладонь и сдвинул ткань выше. Серебряный браслет из тонких металлических нитей оплетал щиколотку. Эйден внимательно его изучил. Магический. И даже из той категории, что принимают нужный размер, поскольку, являясь с виду украшением для запястья, ногу обхватывал не слишком плотно. Накопитель. Темнейший провел пальцем по серебряному краю, слегка задев кожу. Защитный. Девушка тихо вздохнула и снова повернулась на спину. Эйден внимательно оглядел ее, но под тонкой тканью виднелись лишь очертания тела, никаких заметных украшений. Значит, один? Разве что ворот у рубашки высокий и более плотный. Маг провел кончиками пальцев по шее от подбородка вниз. Толстая

нить или шнурок. Узнать, что на нем, можно было лишь просунув ладонь в декольте. Однако если переходить к столь интимным жестам, то проще сразу раздеть, тогда точно ничего не пропустит. Маг убрал руку.

Сэйна оказалась большой любительницей украшений.

Мужчина оперся на ладонь, дотянулся до мешка с провизией, лежащего у девушки над головой, и затем выбрался из шатра.

Вокруг костра собрались мужчины и женщины. Сели кругом, разворачивая свои припасы. Пара помощников арксака разносила горячее питье из дымящегося походного котла. Эйден коротко кивнул и тоже принял кружку. Он слегка развернулся, устраиваясь так, чтобы свет падал на другую сторону лица, закрытую складками платка, а остальное оставалось в тени. Есть, не снимая покрывала, – вызывать подозрения, а так никто не обращал внимания. Все достаточно устали. В отличие от них с Сэйной, большинство путешествовало не первый день.

Начались разговоры, люди ели и делились собственными впечатлениями от путешествия, высказывали предположения, обсуждали новости.

– Я слышала, в вашей стране у мужчины может быть несколько жен, это правда? – вдруг обратилась к нему одна из женщин. Она нарочно под села ближе, приметив рядом свободное место. Эйден окинул ее взглядом, оценив привлекательную внешность незнакомки. Женщина была красива, молода и знала себе цену, а еще путешествовала с собственными слугами. Трое крепких парней в роли охранников, но ни мужа, ни брата рядом. Вероятно, ехала кого-то навестить на юге.

Он поднес к губам кружку, отмечая жадный искрящийся любопытством взгляд, неспешно отпил обжигающего, чуть горчившего хмелем напитка. Внутри разлилось тепло, потеснив назойливый, точно прилипший к внутренностям холод, и Эйден кивнул, включаясь в игру.

– Может.

– И от чего зависит количество? – она понизила голос и улыбнулась. – Я слышала, от состоятельности мужчины.

«Состоятельность» прозвучало весьма двусмысленно. У кочевников основную роль играло, конечно, богатство. Сколько

женщин ты мог обеспечить, столько жен и брал. Но незнакомка умудрилась вложить в слово иной подтекст.

– Состоятельность, – Эйден выдержал паузу, отвечая на ее взгляд, пока девушка не потупилась, принявшись разглаживать складки на юбке, – важна.

Видимо, из-за особенных ноток, проскользнувших в голосе, незнакомка зарделась. Мужчина сделал новый глоток. Кровь прошумела по венам, циркулируя быстрее.

– А сколько у тебя? – красавица кивнула в сторону шатра, глаза озорно блеснули. – Или одной достаточно?

Он улыбнулся, отчего незнакомка задышала чаще и стянула с шеи платок, обмахнувшись им несколько раз. На обозрении оказались два аппетитных полушария стиснутой лифом груди.

– Достаточно ли одной?.. – Эйден задумчиво побарабанил пальцами по кружке.

– Зависит от женщины? – с улыбкой подсказала незнакомка.

– Разве не от обоих? – парировал маг, а она рассмеялась, словно хорошей шутке.

– Я слышала, на юге много горячих мужчин.

– Погода располагает, – проговорил Эйден, – на юге жарко.

Он сосредоточился на еде. Неприятель тоже замолчала, хотя явно хотела расспрашивать дальше. Она искоса бросала на него взгляды, а платок вновь укрыл грудь, поскольку и другие путники принялись коситься на привлекательные округлости.

Эйден слушал беседы людей, строя дальнейшие планы, а приметив знак арксака еще прежде, чем тот поднялся, оказался на ногах раньше всех. Он незаметно отдалился от костра, пока остальные засуетились, разливая остатки хмельного напитка. Разговоры давно ушли от серьезных тем к шуткам, люди расслабились, кто-то даже расшумелся. Это заметил и предводитель, рассудив, что пора разбредаться по шатрам и набираться сил в преддверии нового дня.

Эйден ушел в тень, решив еще раз оглядеть внешний контур. Поужинавшие охранники держались спокойно, им дали обычной воды, а это снова говорило в пользу арксака. Убедившись, что в эту ночь можно отдохнуть, мужчина повернул к шатру, но, не дойдя до него, остановился. Прислонился к дереву и стал наблюдать за девушкой, подсаживавшейся к нему у костра. Она караулила рядом с платформой.

Мага полностью скрывала тень, и незнакомка его не замечала. Сперва она стояла, оглядываясь, потом стала прохаживаться туда-сюда. Эйден заметил и сопровождающих, замерших чуть поодаль. Едва ли ловушка, но проверить несложно. Когда девушка потеряла терпение, топнула о землю ногой и развернулась в сторону собственной платформы, он неслышно возник из тени на ее пути. Неприятная буквально налетела на него, а маг крепко обхватил за плечи, не позволяя упасть.

– Приятная неожиданность, – проговорил Эйден. – Вы заблудились?

Платок упал будто сам собой, когда темнейший медленно опустил ладони, так что они скользнули вниз по женским рукам. Жар, идущий от тела красавицы, взметнулся подобно костру, в который подбросили веток. Она задышала чаще. Полушария груди поднимались и опускались, невольно приковывая взгляд. В мощной энергетике, бесспорно, и крылась суть женской привлекательности незнакомки. Вокруг нее словно потрескивал воздух, чаруя и притягивая мужчин. Девушка промолчала, но ее желание стало почти физически ощутимо, когда он слегка отступил. Напряженное ожидание повисло в воздухе. Ощущения, которые сложно подделать.

Эйден наклонился и поднял платок.

– Замерзли? – протянул ей. Ткань пощекотала нежную кожу, по которой мгновенно побежали мурашки.

Девушка помотала головой.

– Я искала тебя, чтобы спросить.

– О чем?

– Об одной из ваших традиций, но этот платок сбил меня с мысли. Не накинешь обратно?

Эйден пропустил шелковую ткань через ладонь и завел второй конец ей за шею, расправляя на плечах. Неприятная чуть запрокинула голову, когда он склонил свою и спросил:

– Вспомнили?

– Нет, – шепнула она и поднялась на цыпочки, прижавшись губами к его губам. Мага окутал аромат пряных духов и желания. Жесткие кончики густых кос пощекотали опущенные вниз руки. Ее энергетика оказалась столь мощной, что накопитель, спрятанный на груди под рубашкой, начал нагреваться.

Темнейший на миг заколебался. Стоит ли упускать шанс взять то, что девушка столь щедро предлагала, сама того не замечая. Старик-маг при караване отдыхал в шатре, стража следила за контуром. Кто мог поймать на месте преступления? Уж точно не трое коренастых парней, сопровождавших молодую госпожу. Здесь даже не было нужды вытягивать самому. Сексуально притягательные личности обладали более мощной силой, она сама выплескивалась из тесного сосуда, в котором бурлила. И энергия безусловно пьянила. С момента воскрешения тело ломало день за днем без привычной магии, и это было пыткой, поскольку он постоянно чувствовал силу рядом.

Незнакомка обвила его шею руками, пытаясь пробудить отклик. Самонадеянная красота, в жизни не знавшая отказа и привыкшая полагаться на впечатление, которое всегда производила на мужчин. Она явно не ведала о поговорке: «Гуляя по лесу, опасайся волков». Эйдену ничего не стоило ответить на поцелуй и заполнить медальон сполна. Необходимость в этом имелаась, а вот желания не было. Напротив, тело отреагировало на излишний напор красавицы более привычным для себя образом, напрягшись в ожидании возможного удара со спины. Шум прерывистого дыхания действовал на нервы, аромат с нотками амбры раздражал обоняние. Рука непроизвольно дернулась к поясу.

Однако довольно. Не хватало еще спонтанных жестов, на которые охрана незнакомки точно среагирует. Эйден разорвал поцелуй.

Отстранился резко, поймав застонавшую от разочарования девушку за локоть. Та покачнулась. Она дышала тяжело, бурно, а его дыхание ни на йоту не сбилось. Отпустив ее, маг искоса глянул в сторону, где в тени скрывались провожатые. Все оставалось по-прежнему мирно.

– Так меня еще не целовали, – выдохнула незнакомка.

Так – это никак?

– Знаешь, а ты удивительный. Не похожий на других. В тебе чувствуется страсть, но она такая... скрытая.

Каждый ощущает близкое себе. Эйден мог осязать силу, а вот девушке ближе было чувственное влечение.

– Мой шатер совсем близко, – облизнула пересохшие губы и тут же прикрыла ладонью рот, будто испугавшись слетевших слов. Вероятно, впервые делала подобное предложение сама и теперь

пыталась понять, как это вообще с языка сорвалось. Эйден не сомневался, девушку прежде нередко забавляло отказывать распаленным поклонникам. А маг не спешил хвататься за щедрое предложение. Напротив, смотрел в ожидании торопливых объяснений, что она не то имела в виду. Незнакомка даже открыла рот, но опровержения так и не произнесла.

– Хорошо, что близко, значит, недолго идти, – ответил он. – Давно пора спать.

И отвернулся, оставив красавицу на попечение ее помощников. У собственного шатра даже не обернулся ей вослед. Ухватился за один из шестов, легко запрыгнул на платформу и скрылся внутри, задернув полог плотнее. Хотя здесь не было нужды выветривать удушливый запах благовоний. Все подобные духи напоминали ему спертый воздух пещеры и раздражали. Благо аромат Сэйны едва замечался, разве только если склониться к самой шее. Эйден всегда предпочитал более нежные запахи, и слабо различимый аромат лесных ягод его устраивал.

Лунный свет, пробиваясь сквозь ткань, мягко очерчивал предметы, перетекая с одного на другой. Нежно скользил по бедру, рукам и щекам девушки. Сон его столь же недобровольной, сколь и нежеланной спутницы по-прежнему казался крепким и безмятежным. Эйден устроился с краю и вытянулся на постели, когда в лесу прокричала какая-то птица. Он прислушался, но все было спокойно. Сэйна заворочалась, раскинулась на подушках и забросила на него руку. Мужчина посмотрел на ладонь, легшую ему на грудь, и легонько провел пальцами от тонкого запястья до локтевой ямки. Девушка вздрогнула во сне и вдруг раскрыла глаза.

– Эйден? – позвала, резко садясь на постели.

– Пока не испарился, – отозвался маг, повернувшись на бок и подперев ладонью голову.

– А который теперь час?

– Ночной.

– О, – ее губы округлились, выдав удивленный возглас. – Я так долго спала?

– Сильно устала? – лениво поинтересовался маг.

– Да. В последний раз нормально отдыхала в Мэнэр-холле, хотя... нет, там тоже плохо спалось.

Она поводила плечами и вдруг принялась развязывать ленты. Эйден наблюдал, как Сэйна распускает волосы и начинает массировать затылок.

– Вот как туго переплела, даже голова заныла. Есть тоже охота. А где еда?

– Здесь, – Эйден вытянул руку, указав на корзину в углу. Девушка повернулась в ту сторону, привстала, и браслет снова мягко блеснул на щиколотке. Маг обвел его пальцем по контуру, и Сэйна мигом уронила обратно только что вынутую лепешку с мясом.

– Точно работает? – спросил мужчина, перехватив взгляд расширившихся глаз. – Или помочь проверить? – Он так быстро опрокинул ее на спину, что девушка даже среагировать не успела.

– Нет! Я... – не совладав с сорвавшимся дыханием, она не закончила фразы и уперлась руками в его грудь.

– Почему же только один накопитель? – Эйден склонился ниже.

– Денег не хватило, – просипела она.

– А этот зачем?

– Он мне нужен!

– От запретных чар? – мужчина нарочно провел пальцем вверх по скуле до виска, наблюдая, как она судорожно сглатывает. Боится соблазна? Здесь и магия не нужна!

– Будем убеждать другого медведя на словах. Хотя, вероятней, уже не его, а тех, кому положено отслеживать продажу подобных вещей. Они даже менее сговорчивы, чем дикие звери.

Девушка медленно опустила ладони, перестав сопротивляться, и смотрела, не мигая.

Что ж, пускай. Теперь уже поздно.

Эйден заставил себя отстраниться и стянул с головы обруч с платком. Взялся за длинную рубашку, когда Сэйна мягко коснулась руки.

– Извини. Я не подумала. Прости, пожалуйста. Просто...

– Что?

Он отшвырнул ткань в сторону и упал на живот, заведя руку под голову.

– Тебе не понять.

– Не понять, что боишься. Это очевидно.

– В лесу пропадали девушки, – она обхватила себя за плечи, – а кто возвращался, не помнили себя. Ты...

– Убийца?

Она сжалась сильнее.

– Манипулятор?

– Прекрати! Просто я не хочу стать зависимой! Это мерзко, когда тебя контролируют, когда ты не властен над собой. Не собираюсь давать даже шанса!

– Твой главный страх, Ана? – усмехнулся кардинал.

– Прекрати называть меня так! Я лишь приняла меры предосторожности.

– Как знаешь, – он сдвинулся еще ближе к краю, предосторожности ради, а то уж больно пугал несчастную девушку, когда тонкая ладонь снова коснулась плеча.

– Я ведь не называла тебя убийцей. Не мне знать, как это происходит, но едва ли та энергетическая сущность, тот туман был разумен и что-то понимал. Ты, вероятно, даже не помнишь ничего из того времени?

– Ты себя убеждаешь или меня?

Она замолчала, а потом глубоко вздохнула и вдруг придвинулась вплотную, будто приняла некое решение и боялась передумать.

– Помоги проверить браслет.

Наклонилась к нему, удерживая руку на плече, и волосы прошлись мягким водопадом по обнаженной коже спины, укутали плечи, легли в его пальцы невесомой волной, стоило их раскрыть. Повеяло легким ягодным ароматом. Оставалось еще немного развернуть голову туда, откуда доносилось тихое дыхание, взять в ладонь точеный подбородок и проверить, смог ли браслет закрыть ее силу.

Эйден повернул голову, поднял руку и, прикрыв ею рот, зевнул.

– Слишком много заманчивых предложений на сегодня. Да и настроение ушло.

Он даже не пытался вновь отодвинуться, Сэйна в возмущении отпрыгнула сама.

– Какая непостоянность! – произнесла с иронией.

– Да, – он с наслаждением закрыл глаза, – все нестабильно в последнее время.

Мужчина слушал тишину и снова догадывался по малейшим шорохам, что делает Сэйна. Ему даже не было нужды ее видеть. Вот девушка закусила нижнюю губу, как часто делала, когда нервничала: не по центру, а чуть прихватывая зубами левый краешек. Потом попыталась выровнять дыхание, успокоиться и еще некоторое время смотрела на него, решив, видимо, что темнейший уснул. Он хорошо чувствовал этот взгляд и столь же хорошо расслышал досаду в тихом вздохе: «Посеял сомнения, а мне теперь мучайся».

Сон повторился. Я резко проснулась и принялась озираться в испуге, схватившись руками за шею. После короткого разговора с магом, нашей почти ссоры, а затем позднего ужина снова уснула. И вот. Сон повторился. Такой же, как в Мэнэр-холле. Готова поклясться, что на шее опять появились едва заметные синяки.

Эйден? Я приподнялась и перевела настороженный взгляд на мужчину, но маг неподвижно лежал с краю, опустив голову на подушки. Полог шатра был задернут, никого кроме нас двоих внутри. Но почему тогда ощущения столь реальны?

Не удержавшись, отодвинула ткань и выглянула наружу. Платформы сгруппировались вместе, формируя круг, в центре стояли деревянные шатры с товарами, а внешний контур окружала охрана. До меня долетало тихое бормотание, когда мужчины коротко переговаривались друг с другом. Еще доносились звуки ночного леса, окружавшего лагерь. Видимо, съехали с дороги, чтобы организовать стоянку.

Рассматривать дальше не стала, вернулась обратно. Сперва посидела немного, глядя, как лунный свет освещает лицо Эйдена. Мужчина и правда крепко спал. Значит, привиделось?

Опершись на локоть, чтобы очутиться ближе, стала изучать его, сравнивая с далеким образом, показанным дневником Аны. Брови вразлет, прямой нос, узкие крылья чуть подрагивали на вдохе. Скулы выделялись резче, но, кроме этого, следов истощения почти не осталось. Волосы даже казались гуще, у них появился блеск. Четко очерченные губы были крепко сжаты, и та складка между бровями хоть и стала менее заметна, но по-прежнему выделялась отчетливо.

Волевое лицо и, как говорил маэстро, со своей харизмой, без капли слащавости. Я даже задумалась на тему мужской

привлекательности, припомнив Вашека. Его называли красивым, девушки так и млели. Рослый, накачанные мускулы, правильные черты. Он любил покрасоваться в одежде, которая отлично подчеркивала торс. Эйден был худощав и выше ростом, однако в его мышцах крылась большая сила, я успела это оценить. Он не красовался, всегда на изготовку, всегда оценивая то, что происходило вокруг. Тот взгляд, поразивший Ану в самое сердце, исчез навсегда. Этот мужчина никому не даст второго шанса.

Я потянулась к платью, свернутому в углу. Там, в кармане лежала книжка-кулон. Прежде чем лечь спать, сняла его со шнура на шее. Не хотела рисковать и вновь погружаться в навязанные сновидения. Переложив дневник на ладонь, некоторое время изучала магическую вещицу. Сон тоже вызван не ей. Слишком четко магия Аны отражала воспоминания, словно погружала внутрь картины. Одно хорошо – теперь я точно знала, главное, не держать дневник близко к телу. В кармане ли, под подушкой, он всегда срабатывал. А вот стоило отодвинуть на некоторое расстояние, и связь терялась. Вот только досмотреть его все равно придется. Рано или поздно Эйден перестанет нуждаться во мне, и что тогда? Мог дневник дать ответ, каковы шансы благополучно выйти из игры?

Вздохнула. Браслет не помог против странного сна, но ведь он защищает только от определенного вида запретной магии, разве нет? А если совсем не работает? А разрядиться мог? Сколько он там у торговца лежал? Кстати, нельзя сбрасывать со счетов, что ушлый бородач подкинул пустышку. Подсунул обычное украшение. Как мне отличить подделку от стоящей вещи?

Как бы там ни было, но Эйден посеял сомнения. Теперь я мучилась, пытаюсь понять, как заставить мага проверить накопитель. Предложить сперва наполнить медальон? Тогда смогу прочувствовать разницу и понять, как ощущается отнятие силы. В прошлый раз из-за активации портала меня мутило, и все ощущения сбились.

Взгляд устремился вверх, и тогда я увидела звезды на темном небе.

О-о! Как удивительна и красива настоящая магия! Ткань словно истончается, когда смотришь, становится почти невидимой. И в этом мире правда дышится легче. Красота и тишина. Так мирно вокруг, только шея продолжает саднить.

Глава 13

Весь следующий день явился повторением предыдущего, с той лишь разницей, что я не спала. Вместо этого сразу после завтрака, когда объявили сбор лагеря, устроилась по ту сторону ажурной занавески, чтобы изучить местность. Эйден вновь предпочел путешествовать верхом, держась впереди платформы и почти не оборачиваясь. В караване многие мужчины ехали на лошадях, а вот из женщин я заметила двух наездниц. Одна в возрасте, с обветренным лицом и в мужской шляпе, а другая молодая и очень привлекательная. Мне даже показалось, что на лошадь она забралась исключительно ради желания покрасоваться. По сравнению с первой дамой, которая превосходно держалась в седле, второй езда определенно доставляла неудобства. Тем не менее девица не спешила и не возвращалась в шатер, а, гордо задрав подбородок и сжав поводья затянутой в перчатку рукой, ехала среди остальных наездников, приковывая к себе взгляды мужчин.

Некоторое время она держалась впереди, и я вволю налюбовалась эффектным темно-зеленым костюмом, а после стала отставать, пока не поравнялась с Эйденем. Маневр был явно рассчитан, чтобы привлечь внимание, поскольку, когда маг интереса не проявил, девушка что-то сказала ему. Эйден ответил коротко, едва повернув голову, и после времени, проведенного с ним бок о бок в молчании, наездница с независимым видом придержала лошадь, поравнявшись со мной. Едва не столкнувшись с летящей платформой, девушка оглянулась.

– Ой, – ахнула она, – кажется, ушибла ногу.

Скорее отсидела, поскольку удар был совершенно не замечен со стороны.

– Не против, если на минуточку сойду к вам?

Я недоуменно похлопала глазами, поскольку мы с Эйденем еще раньше договорились, будто его спутница всемирным не владеет и говорит исключительно на южном диалекте. Весьма удобно, чтобы не ляпнуть лишнее.

Молчание и недоуменный вид, как ни странно, сгодились в качестве одобрения.

– Вы так милы!

Девушка изящно спустилась с лошади прямо на мою платформу.

– Я вас не затрудню. Нога перестанет болеть и тут же вернусь в свой шатер.

Я развела руками, демонстрируя полнейшее непонимание.

– О, вы не говорите на всемирном?

Пришлось повторить жест.

– Что, совсем? Хотя я слышала, будто ольхары любят традиции и редко отпускают своих женщин учиться другой культуре. – Она устроилась на краю, свесив ноги и продолжая болтать: – Не жарко вам ехать весь день в накидке?

К слову, пока терпимо, но потихоньку становилось жарко. Наверное, климат менялся.

– Какие странные традиции у вашего народа. Даже мужчины закрывают лицо. С чем это связано?

Живя в этом мире, могла бы поинтересоваться. Однако странно, что, не разговорив Эйдена, ты выбрала в собеседницы меня.

Будто услышав эти мысли, маг обернулся и взглянул на нас, а дева расплылась в улыбке. Она, конечно, сделала вид, будто не заметила и смотрит в другую сторону, но выглядела очень довольной.

– Я где-то слышала, – продолжила девица, прочно оккупировавшая мою платформу, – будто платки носят из-за близости пустынь. Жарко, потому и закрываете лицо.

Вернее предположить, что это из-за песка, который в ветреную погоду норовит попасть в нос и рот, раз уж там пустыни. Не удивлюсь, если настоящий традиционный костюм снабжен не только платком, но и вуалью для защиты глаз или чем-то похожим.

– А верно, – девица вдруг резко сменила тему, перейдя на обращение, принятое между хорошо знакомыми людьми, а не совершенно чужими друг другу странниками, – что большинство браков на юге совершается по договоренности? И тебя так отдали?

Отличный вопрос для той, кто едва ли ответит. Девушка, я не говорю на всемирном. И ни слова не понимаю.

– Ах, ты хорошо умеешь слушать, – вздохнула собеседница.

Я просто молчу, хоть и выразительно. С намеком, можно сказать.

– Видишь? Теперь он обратил на меня внимание. Уже два раза посмотрел. – Она удовлетворенно улыбнулась и продолжила болтать,

чувствуя себя все свободнее с той, кто якобы ни слова не понимала из ее речи. – Сколько тебе лет? Явно старше меня.

Явно. Незрелость так и бросается в глаза.

– Вон там мои сопровождающие, это брат дал. А отец вызвал срочным сообщением и велел ехать к нему на юг.

Девушка указала рукой на троих мужчин-наездников, державшихся чуть поодаль.

– Он торговец, и его дело процветает. Часто отправляет караваны. Я слышала, как брат рассказывал жене, будто отец надумал устроить мой брак. С южанином. Конечно, при деньгах. Вероятно, собирается укрепить какие-то связи, но я всегда считала ольхар пошлыми дикарями. У них может быть несколько жен!

Она всплеснула руками, а после стала задумчива.

– Может, и не дикари вовсе, – принялась созерцать спину Эйдена. – Ты ведь единственная жена, а на бедняка он не похож. Да к тому же такой, что коленки подгибаются. Вчера точно могла упасть после поцелуя, если бы не поймал.

Я поперхнулась и чуть не выдала себя. От неловкой ситуации спасла лишь полная сосредоточенность девушки, которая не отрывала взгляда от мага.

– Все зависит от женщины, – словно отвечая собственным мыслям, задумчиво произнесла она, – я бы смогла стать единственной.

Надеюсь, мои глаза не сделались размером с хорошее чайное блюдце. Она вообще адекватная?

– Перед отъездом умыкнула у брата книжку про южные племена. Прочитала лишь пару страниц, но непременно продолжу. Там написано, мужчине достаточно обратиться к вашим богам и произнести клятву, а женщине дать согласие, чтобы брак считался законным. Не знаю, насколько это правда. Я прежде думала, полная ерунда, но теперь понимаю, как удобно устроено. Никаких долгих подготовок и нудных церемоний. Клятва и согласие. Все. Вот, например, встретил в дороге кого-то особенного и понял, что не стоит терять время. Она станет женой по закону, и никто не оспорит брак. Договорные обязательства разобьются вдребезги, но предъявить уже будет нечего. Ведь это выход!

Девушка выглядела почти счастливой, совершенно не замечая моего шокированного взгляда. Зато Эйден, снова оглянувшись, его

заметил.

Бездна! У меня в голове возникли страшные подозрения. Едва дождалась, когда болтливая спутница вновь заберется на лошадь, чтобы почтить меня своим отъездом. Как тяжело порой притворяться не знающей языка.

Арксак скомандовал остановку, объявив, что неподалеку протекает река. Он велел помощникам доверху наполнить свободные бурдюки, поскольку вскоре дорога должна была свернуть на самый пустынный участок, где вода пригодится.

Эйден спешил. Вручив подошедшему помощнику нужную тару, он отвел коня ближе к кустам, растущим вдоль берега, привязал к низкому деревцу и принялся чистить.

Я соскочила с платформы и пробралась к магу. Встав между кустами и лошадиным крупом, оказалась скрыта от глаз остальных путешественников и потому рискнула заговорить. Предполагала начать более спокойно, но в сдерживании эмоций не преуспела, выпалив пусть тихо, но резко:

– Значит, браслет нельзя, а применять запретные приемы можно?

Рука со щеткой, плавно ходившая по лошадиному боку, замедлилась. Эйден обратил на меня внимание, но переспрашивать не стал, дозволив самой объясняться.

– Жертва привязывается к магу, плохо соображает, ходит за ним как приклеенная. Так?

– Это запущенный случай и печальный итог, – кардинал вернулся к прерванному занятию, – потому следует быть точным в дозировке.

– Точным? Как в аптеке? Она уже зомби! – я с трудом удерживала голос не громче шепота.

– Кто?

– А ты вчера половину лагеря перецеловал? «Слишком много заманчивых предложений на сегодня!» – передразнила его. – Девица планирует стать единственной при живой жене! Беременной живой жене!

Мне хотелось отобрать мерно ходившую по лошадиному боку щетку и зашвырнуть подальше, потому что маг и бровью не повел.

– Это при том, что едва встретила мужчину, поцеловалась с ним, но даже понятия не имеет, вдруг он одержимый психопат!

– Точная формулировка.

Я всплеснула руками, уже не зная, как поколебать эту полнейшую невозмутимость. Задрала ногу, поставила ее на камень и подняла ткань почти до колена, указав на браслет.

– Его нужно проверить.

Маг выразительно поднял брови.

– Прямо сейчас!

– Я похож на сумасшедшего?

– Да.

– Применять запретный прием за спиной недремлющего мага?

– А вчера он дремал? Маг спустился к реке, я видела.

Я демонстративно щелкнула застежкой и стащила с ноги браслет.

– Готова зарядить медальон-накопитель, если согласишься.

– Успокойся, Сэйна. Прекрасная незнакомка не зомби.

– Значит, кровь любишь больше?

– Не слишком, хотя ко вкусу твоей начинаю привыкать.

– Да что еще сделать? Почему ты отказываешься?

Маг задумчиво постучал пальцем по подбородку.

– Не люблю, когда настаивают.

– Неужто?

– Ты не терпишь зависимости, я – приказов. Каждому – свое.

Эйден оперся на круп коня и насмешливо созерцал, как раздраженно одергиваю накидку и стискиваю в ладони защитный накопитель.

– Нет, значит?

– Настойчивые женщины пошли. Совсем времена изменились.

Чтоб тебя! Я буквально упрашиваю, а он издевается.

– Мужчины нынче нерешительные. Отказываются. Даже не понять: почему?

Он сделал вид, будто размышляет.

– Отчего же непонятно? Вдруг увлекусь, не остановлюсь вовремя.

Привязка привязкой, но до конца путешествия ты нужна мне живой.

Знакомая улыбка холодным призраком мелькнула на губах, прозрачные глаза плеснули равнодушием.

Я резко отвернулась, а чтобы не огибать его, пошла вдоль зарослей и дальше по широкому кругу снова к лагерю. Мало дара убеждения, отрезвлять горячие головы маг тоже хорошо умел.

Вернувшись к шатру, бродила рядом с ним, пока арксак не прокричал: «Грузите воду на платформу, скоро выдвигаемся!»

Зона пустынь началась внезапно. Вот ехали-ехали, по бокам росли чахлые кустики и деревца, а потом за поворотом открылась равнина без растений. Каменистая неровная местность, в которой разве что перекасти-поле встречалось. И по ней каравану предстояло брести весь день. Арксак предупредил, что миновать эту территорию удастся лишь вечером. Он понукал всех ехать быстрее, несмотря на пекло, поскольку после захода солнца температура на этом отрезке падала слишком резко, и задерживаться было нельзя.

Я укрылась в шатре сразу же, как только повеяло жарким зноем, а в горле мигом стало сухо. Душно было всем, однако всадники не спешили на платформы. Как я предположила, это увеличивало нагрузку на мага, управлявшего ими, потому женщины имели роскошь укрыться в тени, а мужчины продолжали ехать верхом. Мне довелось оценить, зачем арксак наполнял бурдюки водой. У каждого в шатре была питьевая в бутылках, а вот речную использовали для охлаждения. Всадники умывали лицо и поливали ей головы так, чтобы часть выплескивалась на плечи и грудь. Мне тоже захотелось встать под импровизированный душ, но приходилось довольствоваться обтираниями. В деревянные бочонки, установленные на каждой платформе, тоже набрали речной воды. И я периодически погружала туда платок, прячась в шатре, чтобы беспрепятственно отереть лицо и грудь. А потом пришла идея, как сократить это томительно тянущееся время.

Я запустила руку в карман платья и извлекла кулон. Провела над ним ладонью, отчего дневник сразу увеличился в размерах, и открыла страницу. Вдохнула поглубже, настраиваясь на то, что ожидало впереди, и перенеслась в иное время.

Знойный мир пустыни подернулся дымкой, отпуская меня в прохладу старого замка, где по широким коридорам я шла вслед за слугой. Сегодня светлейший кардинал проверял возможных помощников, одного из которых собирался выбрать себе в переводчики.

В просторной комнате, примыкавшей к кабинету правой руки самого владыки, набилось прилично народу. Оказывается, были во

дворце те, кто неплохо говорил по-саркански. Я изъяснялась благодаря бабушке, родившейся на островах, а ольхарскому научил дедушка. Это был необычайный симбиоз двух культур. Отсюда мне досталось сочетание оливковой кожи, зеленых глаз и вишневых волос.

Женщин в приемной не оказалось, что и неудивительно, ведь на данный период времени из смесок высокого положения во дворце жила лишь я. Не пожелай муж представить ко двору, тоже осталась бы в фамильном поместье. Не любила служить экзотичной диковинкой, которой все любовались на манер любопытных детишек, увидевших пеструю птичку.

Свободных стульев не осталось. Какой-то вежливый господин поднялся, едва я вошла, и уступил место. Поблагодарив его за проявленный такт, присела и принялась ждать. Солнечный диск медленно катился по небосводу, а я наблюдала за ним через окно, и когда огненный шар повис над горизонтом, слуга назвал мое имя. Неожиданно ощутив робость, спрятала дрогнувшие руки в складках платья, а когда вошла, то остановилась на пороге, и слуга закрыл за спиной дверь.

Хозяин кабинета стоял у двери на балкон, глядя на королевский сад. Он услышал стук и обернулся. Ни прежде, ни после я не помню, чтобы так реагировала хоть на одного мужчину. Бабушка любила рассказывать легенду о половинках, предназначенных друг другу судьбой, и о том, как повстречала дедушку, как вышла за него замуж, сколько преград им выпало преодолеть на долгом пути к собственному счастью, и сейчас ее слова всплыли в памяти. Едва ли его светлейшество был предназначен мне свыше богами, едва ли столь романтический бред в отношении чужой жены хоть единожды мог прийти ему в голову. Такие мысли и меня не должны были посещать, но никак иначе не выходило объяснить эту странную дрожь в теле, сумасшедший стук сердца, потеющие ладони и шум крови в ушах.

– Арианна? – он обратился по имени, что в высшей степени соответствовало приличиям и занимаемому им рангу, но сердце все равно болезненно сжалось в груди. – Прошу, садитесь.

Я промямлила что-то вроде: «Друзья зовут Ари», – и тут же покраснела, поскольку о какой дружбе между мной, супругой государственного служащего, пусть и приближенного ко двору, и его светлейшеством могла идти речь, но кардинал лишь улыбнулся.

Улыбка у него была красивая, отражавшая безмятежность взора. Эта спокойная уверенность в каждом жесте буквально покоряла скрытой силой. И я тихонько увязала все глубже и глубже в каких-то совершенно невозможных фантазиях и мечтах. А где-то далеко иная реальность вновь отражала острый контраст с холодной усмешкой и пустым взглядом.

Кардинал приблизился к столу, возле которого я примостилась на самом краешке кресла, и поднял с него бумагу.

– Ваши бабушка и дедушка по прямой линии являлись представителями двух совершенно различных культур.

Я сглотнула и кивнула, пытаюсь разогнать назойливый шум в ушах.

– Объяснение столь чарующей внешности, – сделал комплимент мужчина, а я покраснела, как никогда в жизни, почти под цвет собственных волос.

– Значит, вы имели возможность с детства изучать оба языка?

– Д-да, – откашлялась, а кардинал протянул бокал с водой, но я едва не уронила его, случайно соприкоснувшись с мужчиной пальцами.

– Не волнуйтесь, – ободряюще проговорил он, – это простая беседа. Хотите, выйдем на воздух?

Он указал в сторону балкона.

– Нет, благодарю, – отпив из бокала, отставила его на стол.

– Здесь отмечено, что вы говорите свободно, без акцента?

– Да, акцента нет.

– Вам легко даются языки?

– Мне очень хотелось говорить с бабушкой и дедушкой на их родных диалектах. Оба оказались отрезаны от привычных с детства мест и культур, от своих семей, переехав на континент, я полагала, что таким образом порадую их.

– Весьма похвальная черта – забота о родных. – Кардинал опустил листок на стол, изучающе разглядывая меня и едва ли представляя, какую бурю эмоций способен вызвать этот взгляд. – Свидетельствует о чувствительной натуре.

Я склонила голову и снова покраснела.

– Ана, – он обратился так, подчеркнув собственное расположение и неумовимо изменив сокращение, принятое среди моих друзей.

Вероятно, хотел вдохнуть уверенности, чтобы прекратила мучительно краснеть, но вряд ли осознал, в какое невероятное волнение привел этим обращением. Как встрепелось сердце в груди от короткого слова, произнесенного его глубоким чарующим голосом. Боги!

– Арианна?

– Да? – я встрепенулась, усилием воли возвращаясь в реальность.

– Вам несложно перевести для меня небольшой отрывок? Он продублирован на двух языках.

Я готова была сделать для него что угодно, но строчки прыгали и плясали перед глазами, от волнения с трудом смогла разобрать написанное. Невнятно пробормотав логически несвязанные фразы, дословно озвучив отдельные слова, я поднялась и положила лист на стол.

– Извините.

– Ничего, – он снова улыбался.

– Не буду вас задерживать.

Он кивнул, и я, поспешно развернувшись, отправилась к двери, мысленно произнося ругательства на двух языках, которыми владела свободно, и заодно на западном диалекте от досады на собственную невменяемость.

– Одну минуту, Ана, вы уронили.

Я резко затормозила, а кардинал приблизился со спины и протянул небольшой лист. Мельком взглянув на него, тут же покачала головой:

– Нет, нет, это не мое. Здесь ода солнцу оксидентского ^[8] поэта на трех языках. Кто-то другой позабыл.

– Тогда я ошибся. Всего доброго.

Я спохватилась, что не соблюла ритуал прощания, и тут же сделала реверанс.

– Благодарю за оказанную честь.

С каждым шагом лошадей, приближавшим всадников к маячившему впереди горному проходу, означавшему конец пустыни, Эйден чувствовал возрастающее напряжение. Достаточно узкое пространство. Если делать ставку на усталость людей, преодолевших за день изнурительный путь, то можно укрыться впереди, используя

простейшие маскировочные чары. Маг в отряде один, он достаточно стар, способен и пропустить легкие колебания магического фона.

От размышлений и пристального разглядывания растущих впереди скал Эйдена отвлек игривый вопрос:

– Вам не жарко? У меня еще осталась вода.

Мужчина обернулся.

Прекрасная незнакомка тряхнула потемневшими от влаги волосами и задорно улыбнулась. Тонкая ткань эффектно облепила аппетитные формы, на которые природа не поскупилась. Вот только Эйден не заметил, чтобы во второй половине дня девушка ехала верхом. Ей и утра хватило вдоволь растряситься в седле. Значит, лишь сейчас, когда зной стал спадать, выбралась из шатра.

– Не стоит, благодарю.

– Но ведь душно!

– Одежда не успеет просохнуть до заката, – он выразительным взглядом окинул ее наряд. – А после заката здесь холодно.

– Правда? – она улыбнулась, покачнувшись в седле ближе к нему. – Придется греться?

– Начинайте разводить костер.

Он отвернулся и сосредоточил взгляд на переходе сквозь горы, совершенно проигнорировав, как покраснела от его ответа девушка. Глаза ее загорелись гневом, но мужчину это не интересовало. Увидев впереди нечто, привлекавшее особо пристальное внимание, он пришпорил коня.

Платформа затормозила резко. Я рухнула на груды подушек и оказалась выдернута из воспоминаний дневника. Быстро уменьшив книжицу, прицепила кулон на шнурок вокруг шеи и выглянула наружу.

Пустыня почти закончилась, и мы подъезжали к проходу через горы, оказавшемуся частично заваленным камнями.

– Расчищаем завал! Работаем осторожно, не вздумайте пораниться. В скалах гнездятся мотры!^[2]

Резкий окрик арксака подстегнул помощников броситься к повозкам и стащить с них нужный инструмент. Я нашла глазами Эйдена. Он как раз спешил, чтобы в следующий миг заскочить на платформу.

Взяв меня за запястье, маг утянул следом в шатер и задернул полог.

– В горах часты обвалы? – снова попыталась выглянуть.

– Случаются. Не открывай, нарушишь звуковую защиту.

Выпустив полог, оглянулась на темнейшего кардинала и ощутила тревогу.

– Что случилось?

– Меня устроил твой вариант. Ты собиралась проверить браслет, а я хочу максимально зарядить накопитель. Он может пригодиться.

– Почему?

– Хорошее место для засады, а обвал задержит путешественников как раз до наступления сумерек.

– Разбойники? – ахнула. Ведь почти забыла о них и намерении напасть на караван.

– Я бы удивился, не окажись там никого.

Эйден шагнул ко мне.

– Подожди. Только сниму браслет.

Непонятно чего испугавшись, я оказалась излишне неловка, запутавшись в слоях одежды. Заметив подобную медлительность, Эйден опустил на колено, сам приподнял ткань накидки, затем штанины и расстегнул защитный накопитель.

Когда маг выпрямился и снял свой платок, а потом вдруг склонился ко мне, очередной приступ паники заставил вцепиться в его рубашку. Когда он осторожно взял в ладони мое лицо, я окончательно струсила и, выпустив ткань, нащупала на его боку нож.

– Давай уколем? Стихии с проверкой!

– Можно, – он не стал спорить. Нежно проведя большим пальцем по скуле, ласково улыбнулся, – но тогда мотры разорвут тебя на мелкие кусочки.

– К-кто?

– В переводе со всемирного «кровопийцы». Любят гнеститься на скалах. Обладают острым слухом и невероятным нюхом. Очень милые создания, пока не почуют кровь. Однако если хочешь рискнуть...

Его пальцы поднырнули под мои, раздался щелчок застежки, и на свет появился незнакомый клинок размером чуть меньше ладони. Блеснуло острие, и стало кристально ясно, что мне не хочется быть разорванной. Я первая поцеловала Эйдена, а он ответил.

Прохладные пальцы прошли по коже, лаская, чуть поглаживая, удерживая совсем мягко. Легчайшее прикосновение губ к губам, подобное тому случайному касанию, когда кардинал разыграл обман для Вашека. Сейчас он не действовал резко, как при столкновении с медведем, но голова закружилась.

Медальон наполнился до предела, и, не разрывая губ, он защелкнул браслет на запястье Сэйны. Почти сразу сила, что плескалась рядом, оказалась отрезана тонкой пленкой защиты. Маг продолжал ощущать ее. Прежде смог бы легко разрушить чары браслета, а что теперь? Защитный накопитель представлялся досадной преградой, оборвавшей поток энергии и позволившей отпустить контроль над процессом.

Губы Сэйны раскрылись, словно побуждая повторить ее излюбленный жест – чуть прихватить зубами нижнюю. Обоих окутало тишиной, как непроглядным туманом, скрадывая объятия, очертания фигур и шум дыхания. Молочный полог, заплетающий не хуже паутины, оборвал поток воздуха. И лишь далекий пронзительный крик успел прорваться сквозь почти захлопнувшуюся ловушку. Резкий крик, отдаленно похожий на птичий.

Мотры!

– Что это? – я не сразу вспомнила, где нахожусь. Мне чудился лес и клочья тумана. Прозрачные капли, дарящие прохладу в сухом зное пустыни. И вдруг странный звук.

Эйден выпустил и резко развернулся. Отдернул полог.

– Один из помощников поранился. Досадная неосторожность.

Он стал опускать руку, но я успела взглянуть.

– Стихии! – закрыла глаза ладонью, спасаясь от ужасного зрелища. – Они даже не попробовали его спасти?

– Мотры пикируют вниз из гнезд, которые отлично замаскированы в камнях. Бросаются разом, рвут жертву когтями. Сложно спасти.

– Что теперь? Они... они продолжают работу?

– Думаешь, им стоит остановиться и порыдать для приличия? Водить караваны непросто, но платят хорошо. Все эти люди осознанно

идут на риск. Пожалуй, стоит предложить помощь, вдруг справимся быстрее. Солнце клонится к закату.

– Эйден, – ухватила его за локоть, когда мужчина, закрепив обручем платок, уже собирался уйти.

– Да?

– Расскажи арксаку. Предупреди о засаде.

Маг хмыкнул.

– Никогда не действуй слепо из лучших побуждений, Сэйна. Если станут искать виноватых, тебя обвинят в первую очередь. Будем оставаться вне подозрений.

Я опустила руку, вперила глаза в браслет. Мужчина провел пальцем по серебряному краю, и по коже побежали мурашки.

– Он работает.

Маг отдернул полог и ушел.

Глава 14

Обвал расчистили, все тронулись в путь, а Эйден подъехал к платформе в начале каравана, на которой сидел седобородый старик. Теперь нужно было внимательно наблюдать за тем местом, где скалы сужались. Есть засада или нет, выяснится скоро. Сумеет распознать ее заранее и привлечь внимание старика, вырвет для них преимущество. Игра пойдет по новым правилам, а это шанс.

Ветер проходил по расщелине в горах, но серая громада стояла непоколебимо. Лишь местами породу прорезали тонкие упорные растения, свешиваясь вниз с отвесных стен. Где-то наверху сыто прикрыли глаза поужинавшие мотры, а сам воздух мог быть наполнен почти незаметными в этом сумраке сиреневыми переливами.

Собрались ли разбойники ранить караванщиков из засады, позволяя хищникам завершить неблагодарное дело, или решили не рисковать вблизи от любителей свежей крови? По крайней мере было незаметно... Проклятье! Вот они, чары!

Эйден плавно развернулся к старику, который мужественно боролся с дремой, излишне сосредоточившись на попытках не упустить управление платформами. Утомительный переход, помощь в разборе завала и измельчении камней утомили его сверх меры.

– Прошу прощения, – громко обратился кардинал. – Не найдется у вас средства от зуда в глазах?

Выдавать обширных познаний, заявив в лоб, будто на таком расстоянии не только заметил, но и распознал определенные манипуляции, мужчина не мог. Зато пожаловаться на один из редких симптомов – вполне. Встречались в мире магии люди, излишне чувствительные к возникновению новых чар. Неожиданно появившийся зуд мог сигнализировать, что в ставшие привычными потоки влилась чужая сила. Случаи, когда подобные способности выручали людей в совершенно непредвиденных ситуациях, были известны. Эйден надеялся только, что, сделав ставку на опыт, а не на молодость, арксак не прогадал. Бывалый маг, отвечавший за магическую составляющую передвижения каравана, не должен

сбрасывать со счетов любые необычные проявления. Но обратит ли внимание старик?

– Нет, – отрезал тот, недовольно поглядев на него. Про себя он ворчливо добавил: «Мало сил тратится на эту поездку, так еще южанин пристал».

– А не прочтете ли простенький заговор?

Старик даже выпрямился, оскорбившись столь наглому предложению.

– Я не баба-южанка и не из горного клана, чтобы знать заговоры!
[\[10\]](#)

– Прошу прощения, – Эйден слегка поклонился, – мерзкий зуд помутил мой разум. Мешает ехать верхом. Чем больше смотрю вперед, тем сильнее чешется.

Он тронул коня, направляя в сторону и краем глаза следя за реакцией старика.

«Так ступай в шатер, коли ездить верхом не умеешь», – в сердцах пробурчал тот, но все же посмотрел в указанном направлении. Он прищурился, недовольно крикнул и вдруг насторожился. Эйдену хватило мгновения заметить и узнать, а старик потратил целую минуту:

– Маскировочные чары. Арксак, засада впереди!

Караван притормозил.

– Всем покинуть шатры!

Резкий приказ предводителя прозвучал неожиданно, хотя я была настороже. Ни криков, ни звуков борьбы не доносилось снаружи, да и остановка совершилась плавно, словно у кого-то платформу повело, как несколько раз случалось в путешествии. Я мигом распахнула полог и прыгнула на землю, озираясь кругом. Женщины покидали удобные укрытия и так же растерянно оглядывались. Со мной рядом остановился всадник и спешил. Я оглянулась, полагая, что это Эйден, но вместо него увидела ту самую девушку, которая сбила меня с толка собственными высказываниями, заставив считать ее зомби.

– Опять задерживают движение, – обратилась она ко мне. – Маг совсем старый. Что за караван такой!

Я сперва раскрыла рот, поглядев ее влажный от воды зеленый наряд, который не самым приличным образом лип к телу, а потом

взглянула вперед. Там маячил проход между скал, который постепенно сужался. Люди еще пытались понять причину остановки, когда над караваном пронесся новый приказ.

– Спешиться! Построить защитный круг! – громкий голос долетел до самого ущелья.

И вот тогда началось. Те, кто поджидал впереди, сообразили, что отряд намерен обороняться, и раскрыли себя. Я вдруг увидела множество мужчин в черном, которые возникли из ниоткуда и рванули к нам.

Разбойники!

Среди путешественников случилась суматоха. Кто еще не успел, поспешно спрыгивали с лошадей, женщины кидались в разные стороны: кто вздумал бежать обратно к платформе, кто рванулся в направлении к пустыне.

– В центр! – закричал арксак. – Все в центр!

Его послушались. Громкий хлопок послужил сигналом для коней, которые рванули в сторону, сбиваясь в табун, точно их этому заранее обучили. Люди проявили меньшую слаженность. Они толкались и напирали, пытаясь сообразить, где центр, а шатры вдруг опали с легким хлопком, стянувшись объемными кулями. Те устремились к разным точкам, создавая круг. С платформами стали твориться удивительные вещи. Они принялись раскладываться вширь и в высоту, стыковаться друг с другом, формируя собой заграждения. Вокруг лагеря стремительно складывался настоящий частокол и оставалось все меньше проемов для входа. В них протискивались мужчины, а следом подступала охрана.

И тут я заметила, как одна из женщин в панике мечется между кулями. Она чуть не бросилась в неправильную сторону, и я перехватила ее у открытого проема. Дернула за руку, разворачивая обратно. «Туда!» – прокричала в побелевшее лицо, и в тот же миг резкий, сильный толчок в бок отправил меня сквозь дыру в стене. Я упала и проехала по земле, но быстро сгруппировалась и подскочила на ноги, чтобы заметить, как перед моим носом захлопнулся проход. Ладони уперлись в высокий частокол.

От испуга потратив несколько драгоценных секунд на осознание, что оказалась за спасительным ограждением, стала искать иной вход, но увидела сплошную стену. На другой стороне, обращенной к

ущелью, где поджидали разбойники, отступала охрана. Там должно было закрыться в последнюю очередь. Я побежала вдоль частокола, кляня себя за то, что, выручая другую, не заметила подлой твари, ударившей в спину. Мне удалось приметить мелькнувший в дыре зеленый рукав, когда проход исчез. Стерва решила избавиться от меня! Не поздоровится ей, дайте только выбраться из передраги живой!

Ущелье вновь замаячило перед глазами, а напротив сплошной частокол. Прохода больше не было.

– Откройте! – я ударила кулаками по дереву. – Помогите мне!

Странные звуки раздались позади, вынудив резко обернуться. Инстинкт самосохранения буквально взвыл внутри, а похолодевшей спиной прижалась к частоколу. Да защитят меня стихии!

После выкрика мага арксак дал сигнал, и караван остановился. Охрана выдвинулась вперед, а помощники принялись резво рассыпать поперек дороги какой-то порошок, проводя им черту.

Эйден пригляделся к темной массе. Такой он прежде не видел. Магическая пыль, призванная создать заслон? По логике, она должна быть зачарована, и это определенно новое изобретение. Если судить, сколько высыпано и какой ширины полоса, порошок готовили для экстренных случаев, вроде нынешнего. Цель тоже ясна: задержать врага и дать людям форы.

Громкий приказ арксака долетел до ущелья и, подобно урагану, закрутил в суматохе всех. Путешественники бросились к центру наспех организованного лагеря, вокруг которого стали стыковаться платформы. Стража тоже отступала, но более слаженно, спиной назад и держа оружие на изготовку, а со стороны горного прохода к ним рванулись люди в черных одеждах. Эйден прикинул соотношение разбойников и охраны и способность последних успеть укрыться за формирующимся частоколом. Он оценил, что бандитов много и они быстрые, но тут нападавшие резко затормозили перед проведенной на земле чертой. Кардинал заметил удовлетворение на лице арксака, следившего за организованным отступлением, когда это выражение сменилось досадой, руганью и коротким приказом: «Не мешкаем, ребята!»

У нападавших тоже имелся свой козырь. Из их сумок выползали на свет синие йэнны, твари со змеиными головами на длинных узких

шеях, с пушистым хохолком и острыми зубками, шестью короткими лапами и длинным хвостом. Разбойники хорошо подготовились и немало потратили на устойчивых к магии существ, которых можно было отыскать только на юге. Никто, кроме ольхар, не умел отлавливать и дрессировать этих рептилий, а своих секретов южане не раскрывали. Они знали, как заговорить йэнну, чтобы не напала, или натравить на врага, а желающим купить выдавали специальные амулеты для защиты от агрессивных существ. Твари принялись поедать магический порошок, прогрызая в нем тропинки, а тактическое отступление стражи превратилось в очень быстрый бег за растущие стены.

Эйден оказался внутри частокола прежде, чем последние охранники влетели в стремительно закрывающиеся проемы. Помощники бегали по кругу, используя жерди, прежде державшие шатры, чтобы устроить из них подпорки. Стража принялась формировать внутренний защитный круг вдоль стен и проверять, как работают в бывших платформах скрытые отверстия.

В центре лагеря уже сгрудились женщины. Мужчины сходились сюда же, а некоторые, особо отчаянные и жаждавшие хорошей потасовки, влились в ряды охраны. Эйден глянул в их сторону и рассудил, что смелость не должна граничить с тупостью. Опасность получить ранение и привлечь внимание мотр могла оправдать себя, только если иного выбора не оставалось. А потому он спокойно направился в центр, слыша, как позади кто-то громко разглагольствует, будто бабам положено прятаться внутри стен, а настоящие мужики должны быть снаружи. Арксак на это и ухом не повел, а кардинал был с ним согласен. Лезть в открытую потасовку с вооруженными разбойниками? Парни и так крайне разочарованы. Они потратили немало времени, наводя справки, собирая силы, устраивая засаду, но план провалился. Бедняги повстречались не с тюками добра и беззащитными, пойманными в ловушку путешественниками, а оказались перед колями щерившегося в небо частокола. Зачем в таком случае огорчать их еще больше, размахивая перед лицом оружием?

Эйден остановился, сложил на груди руки и бегло пробежался взглядом по лицам путешественников. Многие казались напуганными. Кардинал нахмурился. Он стал озираться, выглядывая Сэйну среди бледных и взволнованных лиц. Не нашел. Отвернулся от центра и

поспешил приблизиться к частоколу, вопреки логике отыскивая девушку между готовыми к обороне мужчинами.

– Тоже хорошей драки захотелось? – сверкнул ему бесшабашной улыбкой один из путешественников, с виду полный сорвиголова. Он и на прошлой стоянке больше других шумел после выпивки и рвался помериться кулаками. – Слышал, вы, южане, больно горячи в схватке. Кровь-то кипит!

Просто закипает, поскольку лишь сумасшедший и самоубийца сейчас полезет по ту сторону к вооруженным до зубов разбойникам, чей тайник опустошил в старом доме. Но, кажется, Эйдену вот-вот предстояло стать и тем, и другим. Сэйны не было в круге. Он стиснул зубы и запрокинул голову, напрягая слух и пытаясь различить ее голос среди шума и гомона. Показалось, услышал.

Маг бросился к одной из подпорок, но кто-то вдруг ухватил за руку:

– Куда ты? – испуганно воскликнула незнакомка в зеленом наряде.

Он выдернул из захвата ладонь. Не обращая внимания, как арксак тоже что-то закричал, уцепился за жердь, взбежал по отвесному забору, оттолкнулся от зубьев и перепрыгнул на ту сторону. Кувырок компенсировал удар о землю с такой высоты, и маг оперся на руки, оглянувшись по сторонам.

Сэйна оказалась неподалеку. Она прижалась спиной к ограждению и не шевелилась, вместо того чтобы уходить от разбойников, продвигаясь вдоль частокола. Последние рвались к заслону с бешеной злостью, словно намеревались порубить его в щепки. Рискую быть замеченной, вместо побега на сторону, обращенную к пустыне, девушка демонстрировала не свойственную ей заторможенность.

Уже открыв рот, чтобы крикнуть: «Беги!» – Эйден осознал причину неподвижности. Перед Сэйной он заметил синее извилистое тело. Хохолок топорщился, сочащийся изо рта яд падал на каменистую почву, слышалось тихое шипение.

Йэнны добежали до ограждения, пока разбойники осторожничали, пробираясь по узким тропинкам среди темного порошка. Змееголовое существо привстало над землей, и с тихим хлопком на его затылке раскрылся капюшон – сейчас атакует! Однако

вместо броска тварь вдруг плавно закачалась из стороны в сторону, словно пыталась зачаровать жертву.

Маг осторожно шагнул вперед. Что бы ее ни отвлекло, второго шанса не будет. Йэнны слишком ловкие и быстрые. Они проворные, юркие и атакуют мгновенно, словно имеют глаза даже на затылке.

Распознав шорох шагов, тварь развернулась всем телом быстрее, чем был способен зафиксировать взгляд, и кинулась на него стремительно. Эйден отклонился на одних рефлексах, пропустив извилистое тело в нескольких сантиметрах от собственной груди. Второй бросок твари оборвался уже в воздухе, когда голова отлетела и покатилась по земле, отсеченная кинжалом. Тело упало к его ногам, продолжая извиваться, и Эйден отбросил его в сторону. Оружие, отнятое у бандита в подворотне, не подвело, жаль, не было времени этому порадоваться. Маг успевал лишь подобрать кинжал и кинуться к Сэйне, закрывая собой от разбойников. Держа на отлете ладонь с зажатым клинком, он положил вторую на накопитель, фиксируя, словно в замедленном темпе, как бандиты подбегают к ним и делают замахи. Резкий росчерк руки с ножом, заклинание, и две человеческие головы покатались вслед за змеиной, а у третьего, ниже ростом, отвалилась часть черепа.

Тела еще падали и запах крови только наполнял воздух, когда раздались пронзительные крики. Темные тени возникли из ниоткуда. Они упали с неба, накинувшись на мертвых разбойников и затормозив приближение живых. Эйден рванул Сэйну за руку, устремляясь вдоль частокола. Воздух рассек свист бросаемых вдогонку кинжалов.

Только бы не зацепило!

Один воткнулся в дерево совсем рядом, другой с глухим стуком отскочил от стены. Эйден ускорился, попутно пригибаясь, Сэйна вскрикнула, но частокол уже укрыл их спины.

Перед глазами вновь расстелилась пустыня. В лицо дохнуло холодом, когда беглецы пересекли невидимую черту. Караван ее миновал, а двое безумцев возвращались назад. Маг не останавливался, утягивая девушку по обратной дороге. Последний луч солнца скользнул по их лицам, словно прощался, а несущиеся вослед крики приглушило завываниями ветра.

Эйден обернулся. Сэйна выглядела очень бледной, щеки приобрели почти зеленоватый оттенок, накидка слетела с головы, косы

растрепались, а рука в его ладони дрожала.

– Нам нужно поймать волну холода, – крикнул маг.

– Что?

Мужчина обхватил девушку руками за плечи, наклоняясь ближе и стараясь перекрыть ветер:

– Природная аномалия! Волна холода приходит после заката. Ты откроешь портал, а она смывает наш след. Только успевай перенести до того, как проморозит насквозь. Когда ощутишь приближение, я сосчитаю до трех. Представь себе подножия гор, ущелье, которое видела.

– Как понять, что ощутила приближение волны?

– Перепутать сложно, – заверил маг. – Просто держи в голове, что это единственный шанс выбраться живыми. Закрой глаза!

Сэйна послушалась, и Эйден крепко прижал ее к себе, стараясь максимально укрыть от холода. Ветер нарастал, бросал в лицо мелкую каменную крошку с песком, земля покрывалась инеем. Прищурившись, маг вглядывался вперед, зная, что разбойники не сунутся следом. Воздушная круговерть все нарастала, свист и вой перекрыли остальные звуки, белоснежный ураган стремительно несся по пустыне.

– Раз, – девушка вздрогнула и спрятала лицо на его груди.

– Два, – с мощным свистом ветер хлестнул по щекам, выбив из легких воздух. Толкнул в спину, пытаясь сбить с ног. Пробрался во внутренности, укрывая инеем кожу, одежду, волосы. Проморозил горло.

– Три! – на последнем выдохе маг подал сигнал.

Пальцы уже не ощущали тонкой ткани, руки не слушались, не могли удержаться. Ветер опрокинул навзничь, земля и небо перемешались друг с другом. Реальность растворилась, тело утратило чувствительность, а мощный удар отключил сознание.

Глава 15

– Эй, живая, нет?

Кто-то расталкивал меня, пытаюсь привести в чувство. Я слышала голоса, но отреагировать не получалось.

– Вроде дышит?

– Холодная. Лед того теплее. Откуда взялась?

– Мож кто бросил? Оставил в ущелье? На живую не похожа.

– Говорю, дышит. На вот поддержи, сейчас зеркальце достану. Молод еще, смерти не видел. Я уж трупы повидал. Сколько проводником брали, развлечение у них такое – ввысь карабкаться. А в горах сам знаешь, накатит холод, не всякий выдержит. Эта живая пока. Только одежда никуда не годится. Как у южанки. Точь-в-точь по пустыне шастать, но днем. Ночью не хуже, чем в горах. Места наши такие, знать надо особенности, чтобы после мертвечиной не лежать. Придержи ей голову.

– Ну, чего?

– Ща, погоди... Запотело! Говорил тебе, дышит! Ну ка, поднимай.

Меня куда-то понесли. Я пыталась сообразить, где же очутилась и где Эйден? Почему говорят только про меня? В этот момент чужие руки переложили на жесткое ложе, я едва-едва ощутила прикосновение к лицу и тяжесть чего-то, укрывшего сверху, а после закачалось, поплыло. Повозка, а может, платформа, мерно постукивая, тронулась в путь, а меня утянуло в крепкий сон.

– Дома отогреем, может, еще оклемается.

Эллина радостно улыбнулась, вот только в глазах улыбка не отразилась. Подруга ловко ухватила меня за локоть и прижала к себе, заговорщицки прошептав на ухо:

– Тебя назначили переводчиком светлейшего? Я ушам не поверила.

Я тоже. До сих пор не верила. Когда муж прибежал с ошеломительной новостью и показал назначение, долго не могла принять этот факт. Супруг довольно сказал, что кардинала впечатлили мои знания языков и беглая речь. А мне понадобилось время

сообразить, как такое могло произойти. Экзамен провалила из-за собственного волнения, потом с руганью на себя удалилась. Я что, высказалась вслух, продемонстрировав беглую речь? Боги! Но все равно этого мало. И тут меня осенило. Он подал оброненный кем-то листок, который я с ходу перевела. Там на трех языках была написана поэма. Очень напыщенная и со сложными оборотами. А светлейший искал переводчика с одного. Так вот что произвело впечатление. Да вдобавок к ругани. Стыд какой!

– Берегись, подруга! – шепнула Эллина на ухо.

– Постараюсь не сплеховать.

– С делом точно справишься. Слышала, как ты щебечешь на иных диалектах не хуже, чем на всемирном. Я о другом. Его светлость – опасный мужчина, не навреди себе.

– Что ты хочешь сказать?

– Он получил должность кардинала при нашем повелителе.

– Разве не самый достойный занимает этот пост?

– Конечно, милая, – подруга улыбнулась. – И то, что занял именно он, говорит в пользу Эйдена. Но разве ты не слышала, из кого выбирают светлейших?

– Из сильных магов.

– А еще?

– Людей высокого положения?

– Еще?

– Правая рука владыки должна обладать умом, проницательностью, сообразительностью.

– И?

– Все.

– Что значит все? Ты про эскорино не слышала?

– Телохранителей владыки?

– Да. Хранители тела. Звучит? Мужчины, обладающие особыми навыками. Выходцы из семей, чья преданность проверена веками. Знаешь, как и где их тренируют? Забирают мальчишками, растят подальше от дворцовой жизни и здешних искушений в особом месте, куда даже вход засекречен. Нечто наподобие храма, судя по принятым там порядкам. Возращают в мальчишках уникальные навыки, тренируя тело столь же тщательно, как магические способности. Не все, кстати, выживают, зато, когда готовы, попадают сюда. Говорят,

эскорино выполняют любые приказы владыки. Так что, милая, о способностях его светлейшества нам только догадываться. Человек пропадет, никто и не заметит.

– Прекрати, Эллина! Что ты говоришь? Хоть раз замечала, насколько чистый и светлый у него взгляд? Эйден не способен...

Я не желала даже произносить вслух, а подруга закончила:

– Убить? А если будешь представлять опасность?

– Для кого?

– Вдруг позволишь себе нелестные высказывания о владыке, оговоришься пару раз, он почувствует угрозу. Могут быть проблемы.

– Разве кардинал не должен соблюдать определенные заповеди?

– Конечно. Чтобы разум всегда был чист и ясен, а низменные стремления не сгубили высшего мага, ему запрещено все: ни вина, ни дурмана, ни азартных игр и особенно никаких женщин! Это самое печальное. Однако ни слова о случайном исчезновении людей.

– Эллина!

– Да. И не качай головой. В остальных случаях тоже можно нарушить. Запреты запретами, но он остается человеком! Хотя насчет мужских особенностей ходят слухи. Говорят, будто эскорино с момента созревания начинают принимать особенные препараты. Снизить тягу, так сказать, чтобы не возникало ненужных желаний. Они не могут быть с женщиной физически, не могут иметь детей. Но я считаю, страсть – это не только физиология. Влечение – одно, но как запретить любить? А не хотеть любимую женщину разве возможно?

– Эллина! Ох! Ну зачем ты мне это говоришь?

– Прости, отвлеклась. Ты просто прелесть, Ари, и ужасно мила. Я искренне люблю тебя и не хочу потерять. Будь осторожна с переводами, документами, не наделай ошибок. Это не поэтические строки, может попасться иное содержание.

– Шпионаж?

– Не нервничай. Даже если и так, ты едва ли догадаешься. Они позаботятся, поверь.

– Как не нервничать? Ты говоришь, что я попаду в руки к монстру, поскольку светлейший – шпион и убийца!

– Он маг. Сила и мощь. Есть эскорино, которые прикрывают спину, а кардинал идет впереди. Он представляет императора и ведет переговоры с его позволения, предупреждая малейшую угрозу.

Слушает, о чем говорят послы тех государств, что ненавидят империю владыки, отправляется на встречи, где в тени бархатных портьер кроются опасности. Его долг узнавать заранее, откуда придет угроза.

– И это уподобляет его святому.

– Ари, он живой человек. Не обожествляй его. И у кардинала есть слабости.

– Не говори гадостей о нем, Эллина, я не желаю слушать.

– Ох, малышка, – она покачала головой. – Хорошо. Считай, разговора не было. Только запомни мои слова.

– Запомню.

Я очнулась, ощутив непомерную тяжесть на груди. Она будто вытянула из оков сна и вернула к реальности. Кожа горела, мысли смешались. Я все еще пыталась говорить с давней подругой, а надоевшей нависли какие-то лица. Все незнакомые. Двое бородатых мужчин и женщина с изможденным лицом.

– Кто вы?

– Очнулась. Я ж говорил!

– И не отморозила ничего.

Первыми заговорили мужчины.

– Ну-ка, отойдите, – женщина вдруг замахала на них руками. – Успеете насмотреться. В чувства привели, так не наседайте.

Она присела на край очень жесткой кровати и принялась отирать мое лицо влажной тряпкой.

– Мы тебя согрели, а ты не просыпалась. Вроде живая, но добудиться никак. Говорить можешь? По-нашему говоришь?

Я кивнула, хотя еще не успела сообразить, стоит ли признаваться в знании всемирного. Наверное, стоит, раз спасли.

– Вот и отлично! – обрадовалась женщина. – Вы, южанки, часто только на своем лопочете. Неудивительно, конечно, раз мужики за вас все решают. У нас, в горах, иначе. Женщина в доме – хозяйка, а муж за его пределами – владыка. Ты как в ущелье оказалась? Мы уж напридумывали всякое. Сбежала от кого? Или кто на смерть обрек? Муж есть?

То количество вопросов и шума, который производил женский голос, провоцировало стук молоточков в висках, я на все покачала

головой. Однако это не слишком помогло скинуть давящую тяжесть и прояснить мысли.

– Нет у нее мужа, видали? – непонятно чему обрадовалась женщина, а мужчины сразу подступили ближе.

– А мы тебя спасли, понимаешь? – наклонилась она, и я попробовала принять вертикальное положение, чтобы отодвинуться подальше к стене, как перед глазами потемнело. Прижала пальцы к лицу, вдыхая глубоко. Кислый запах, исходящий от женщины, спровоцировал приступ дурноты и прибавил чуточку сил отодвинуться.

– Надо отблагодарить. Отблаговаришь?

Она вновь приблизилась, а я зажала рот ладонью и кивнула.

Женщина довольно потерла руки и отклонилась.

Стихии! Вовремя. Только чем их отблагодарить? Серебряным защитным браслетом? Золотым кулоном, который на самом деле дневник? Я коснулась запястья, ощутив накопитель, и потянулась к шее, но раньше, чем шнурок, мои пальцы нащупали гладкий металл чужого украшения.

– Подарок! Вот от него, – сказала женщина, указав на одного из мужчин помоложе.

Я недоуменно посмотрела на гордо подбоченившегося парня.

– Только надели, вытянул тебя из сна. – Она впихнула в руки теплый кувшин, приятно согревший ладони. – Выпей, полегчает, а то зеленая вся.

Я с трудом удержала посудину. Ладони тряслись, тело болело, кожа горела. Запах скисшего молока ударил в нос, опять вызвав дурноту, и меня вывернуло. Кувшин упал сверху и разбился.

– Э-э-э, – протянула женщина.

– Простите, – первое, что удалось выговорить.

– Совсем слаба? Ну да ладно. Окрепнешь. Защита рода поможет. – Она поднялась и направилась к ведру в углу комнаты, с кряхтением наклонилась к нему, охнула и потерла поясницу. Двое бородачей даже не шевельнулись.

– Я могу... отблагодарить... серебром.

Слова дались тяжело. Дурнота отступала, а потом опять накатывала волнами, но я вытянула руку с браслетом.

– Да на что он нам? – ответила женщина, приступая к уборке. – Взнос за жену отдать? Еще куда ни шло. Только на что нам теперь малолетку выкупать да самим растить, коли вот она – невеста взрослая.

– Кто невеста?

– Ты. Я ж говорю, защита рода тебя вылечит, поскольку невеста теперь.

– Чья?

– Сына моего, – она снова махнула рукой в сторону низкорослого крепыша, который опять подбоченился. – Замуж за него пойдешь.

– Зачем?

– В род наш войдешь, женой станешь, тем и отблаговаришь. Сама же согласилась. Вот и ожерелье новобрачной твое согласие уловило. Не захочешь теперь с женихом расстаться.

– Не захочу?

Да, я демонстрировала поразительное скудоумие, хотя мне все подробно разъясняли. Вот только объяснения казались полным бредом.

– В горах ценности иные, понимаешь? Взрослые невесты на вес золота. Племена кругом бедные, жизнь суровая, потому дорого обходятся. Только боги сами распорядились, удачу послали.

И пока я пыталась переварить сказанное, женщина закончила убирать беспорядок на полу и достала глубокую миску. Она зачерпнула из деревянной кадки, налила в новую посудину, а затем поднесла мне.

– Надо выпить, а тож еще долго не отпустит.

– Подождите, – я хрипло запротестовала, а женщина вдруг ловко перехватила миску, прижала к моим губам, а второй рукой уцепилась за волосы и заставила запрокинуть голову. Насильно влила в рот жидкость, которую я по запаху ошибочно приняла за кислое молоко. Пришлось, давясь, проглотить, а после вновь прижимать ко рту ладони, но тошнота и сама пошла на убыль. Женщина похлопала рукой по плечу.

– Ничего, ничего, невестушка. Выпить трудно, зато легчает быстро.

Отпустило и правда скоро, но возвращение к реальности совсем не понравилось. Судя по тому, что я оказалась в ущелье одна, Эйден либо не перенесся, либо его каким-то образом выбросило в иное

место. И теперь было непонятно, где же маг. Как он там? Ему помогли?

Обдумывать произошедшее было тяжело, и я пыталась отогнать навязчивые мысли, хотя они то и дело возвращались, заполняли голову, стискивали тревогой грудь и даже побеждали другие опасения. Какая невеста, стихии! Какой брак?!

— Гляди, гляди, запоминай. Хозяйство вести — дело нелегкое. Вот передам дела в твои руки, сама хоть дух переведу. А рану пока не тревожь, пускай заживает.

Рука висела на перевязи, но, перехватив злорадный взгляд женщины, я прижала ее к груди. Мне буквально вчера довелось постичь смысл выражения: «Не давай обещаний, если не знаешь, о чем попросят». И хотя слабо помнила, когда обязалась отплатить за их помощь, это привело в действие некий магический круг, за который я не могла теперь выйти. Обещание для горных племен оказалось сродни нашей клятве.

Дом и весь периметр двора стали единственными местами, доступными для посещения, а дальше — ни шагу. Вчера ночью я пыталась уйти и прочувствовала на себе понятие «Защита рода». Руку, толкнувшую калитку, хлестнуло магией и содрало кожу. Рана кровоточила всю ночь, пока женщина не решила, что новоприобретенную невесту уже достаточно проучили, после чего произнесла заговор и перевязала руку. Зато и меня перестало удивлять, почему никто не сторожит.

Жених день ото дня становился смелее в «ухаживаниях», если так можно назвать странное поведение, когда тебя пытаются прощупать на предмет пышности форм, хватают за ноги, за руки и пристально рассматривают. Иногда он проявлял чудеса галантности. Схватив за косу, тащил к горящему очагу, а волосы едва что не в огонь совал, наблюдая, как пряди меняют цвет. Ему бесконечно нравились вишневые искры, он даже пытался ловить их ладонью. А однажды и вовсе выкинул такое, что должно было окончательно впечатлить невесту: поймал за подбородок и заглянул в рот, осмотрев зубы.

Я просто изнывала от невозможности придумать способ сбежать от этих гостеприимных людей, твердо решивших со мной породниться.

– Как у вас обряд проводится? Все племя собирается на свадьбу? – решила узнать, каковы шансы удрать непосредственно с церемонии. Ведь если меня выведут за пределы дома, который и есть родовое гнездо, защитного контура не станет? Там, наверное, и ожерелье легко снимется. Пока оно даже не расстегивалось.

– Обряд простой. Руку порезать, кровь с жениховской смешать, потом произнести, что женой его становишься, а он свое согласие выразит. На том и породнимся. Угощение для всех погода наготовим, когда супругами станете. Соседям объявим и столы сообща накроем.

Ясно. Значит, за пределы двора даже во время свадьбы не выпустят.

– А теперь довольно болтать, дальше пошли.

Она направилась вперед, оглядывая весь небольшой, но уютный двор. Деревца здесь сплошь оказались низкорослыми и коренастыми, похожими на местных людей. А хозяйство на столь крохотном участке пригодной для возделывания земли вели очень скрупулезно. Я обнаружила похожие на наши теплицы, вероятно, в соседнем мире и позаимствованные.

– Эх, – женщина цокнула языком и остановилась. – Подломил ветер. А я плодов в этом году ждала. Уж как за ним ухаживала, чтобы прижилось.

И принялась перевязывать надломленное деревце. А после принесла для него подпорку, к которой прочно примотала ствол.

– У вас нормально так замуж выходить? Жены впоследствии не сбегают? – наблюдая за ее действиями, завела речь о своем.

– Сбежишь, как же! – засмеялась женщина. – Меня, думаешь, спрашивали? Тоже так вышла, только не в расщелине нашли, конечно, а украли. Семья прежде на равнине жила, там муж и углядел. Денег за ним не водилось, вот и умыкнул, пикнуть не успела. С тех пор живем.

Она будто даже вздохнула, но непонятно, грустно или с ностальгией.

– Уж как печалилась первое время! Ничего. Пообвыкла. Жизнь она везде свою волю диктует, не с утеса ж бросаться. Так что эти мысли оставь. А то я заметила, как ты себе в горло вцепилась.

– Когда вцепилась?

– Да хоть бы позавчера. Своими глазами видела. Вот и говорю, не пытайся. Защита рода не позволит.

Позавчера? Когда снова видела старый сон, а утром появились едва заметные синяки на шее?

– Ничего, привыкнешь. Всему обучим. Я когда в семью вошла, даже заговорам научилась, – она указала на мою руку, – конечно, не так лечу, как веды^[11], не с детства обучалась, на равнине этого нет, но тоже могу. А как родишь, так вовсе некуда податься станет. Гляди теперь, здесь у нас овощи растут. Их укрывать нужно, иначе не выживут.

Очередная бессонная ночь застала на крохотном освещенном луной дворе. Здесь даже деревянные качели были, наверное, сооруженные в бытность моего жениха ребенком. На них я и устроилась, плотнее завернувшись в вязаную кофту с чужого плеча.

О том, что в последнее время мне не спалось, даже упоминать бессмысленно. Большую часть времени по ночам проводила именно здесь. Руке стало лучше, но к домашним делам пока не привлекали. Думаю, сия честь приберегалась до времени после замужества. Однако это не мешало всюю считать меня своей. Жених даже полез целоваться вечером, а я его укусила. Он в ответ замахнулся, но не ударил. Отец окрикнул: «Негоже невесту воспитывать». Вот жених сразу и вспомнил, что время до свадьбы – это пора ухаживаний и милых признаний, а с остальным и подождать можно, пока женой не стану. Он бурно выразил собственное отношение грубыми ругательствами и ушел.

Покачиваясь на поскрипывающих качелях, я оглядывала двор и думала. Все эти дни только тем и занималась, что думала. Рассуждала, где может быть Эйден. Сочиняла, как выберусь отсюда и куда отправлюсь. Мне даже удалось потихоньку вызнать дорогу до равнины. Тропа была одна и шла вниз по горе.

Забавно, наверное, для порталыщика интересоваться тропой. Но попасть в руки еще одного охотника по мою душу хотелось не больше, чем выйти замуж. Облик ликвидатора врезался в память до мелочей. Только к концу недели я все же дошла до высшей степени отчаяния и, наплевав на способность ликвиадо отследить, предприняла попытку. Как оказалось, в этом мире есть украшения, которые неплохо блокируют магические способности. Ожерелье мигом сдавило шею так, что стало не до порталов. В глазах потемнело, я осела на землю и

потом еще приходила в себя. Благо ночью никто не думал за мной наблюдать.

Лунный свет рассеянно скользил по земле, по траве. Ветер шевелил листья. Я принялась покачиваться и разглядывать перевязанное хозяйкой дерево. Нет, едва ли выживет. Вон и листочки повяли. Не будет у них вкусных плодов, ради которых, как говорила женщина, ее сын карабкался в самую опасную расщелину за ростком, а затем пересаживал на новое место.

Так и качалась, пока уставшие за день хозяева мирно спали в кроватях. Думала, смотрела, а затем пришла одна дикая мысль. Я глядела на дерево, оно махало повядшими листочками, а идея укоренялась в мозгу. Не моя, конечно, а вычитанная давно в фамильной библиотеке. Там были энциклопедии, в том числе о разных племенах, их обычаях и вот...

Я соскочила на землю и отправилась к дому. Заглянула в окно кухни. Очень осторожно, чтобы рама не скрипнула, его приоткрыла. На щеколду окно не запиралось, поскольку в этих краях воров никто не опасался. Красть было попросту нечего. Протянув руку, осторожно вытащила из подставки нож и вернулась на улицу. Возле дерева устроилась на коленях и стала отрезать подпорку, а после откинула прочь.

Ветер усиливался, что в горах было не редкостью, и мне стало зябко, даже кофта не спасала, но отказываться от затеи я не спешила. Вытянула руку и, морщась, быстро, но аккуратно полоснула ладонь. Вероятно, можно было и палец проколоть, только испугалась, что этого окажется недостаточно. Сделав надрез на коре, приложила к нему ладонь и смешала свою кровь с проступившим древесным соком. После я произнесла: «Становлюсь твоей женой», – а ветер покачал ветками, словно дерево дало согласие. Последним штрихом стали перерезанные полоски ткани, скреплявшие ствол наподобие бинтов.

– Ты уж извини, супруг, – я поднялась. Ветер продолжал раскачивать деревце, пока стояла рядом и пыталась прочувствовать, насколько стала частью этого рода. Замотав ладонь только что отрезанной полоской ткани, сняла с запястья браслет и положила у корней. Этого хватит на новую невесту. Пусть лучше по чести договорятся, чем красть.

Громкий хруст переломившегося ствола, который не выдержал напора ветра, грустно упавшая набок верхушка и листочки, устлавшие землю, напомнили, что ночь не бесконечна. Я попятилась к забору, бросая взгляды на дом. Там по-прежнему крепко спали. Оставалось толкнуть калитку и понять, насколько абсурдной была затея.

Я вздохнула, набираясь смелости, и, откинув крючок, толкнула дверцу ногой. Послышался скрип петель, калитка распахнулась, а ногу, преодолевшую невидимый порог, даже не пощипало. Осторожно сделала шаг, а со второго уже неслась сломя голову по тропинке, уводящей прочь.

Я свое обещание исполнила и стала женой. Дерево тоже было частью рода, его даже с большей любовью растили, чем собственное дитя. С замужеством быстро покончила, в одночасье сделавшись единственной в мире вдовой древесного мужа. Он благородно освободил меня от силы защитного круга, я его – от мучительной смерти, перерезав бинты. Сколько бы оно само увядало?

От быстрого бега задыхалась, но и не думала сбавлять шаг. Утром меня уже не будет в поселении. Луна освещала дорогу, а та надежно вела вниз, разветвляясь на убегавшие к другим домам тропинки.

Глава 16

Харчевня скромно приткнулась с краю тропы. Мужчина уперся руками в ее стену и прислонился головой. Сейчас он зайдет внутрь и попросит еды. Она нужна ему, чтобы продолжить путь. Пройти осталось немного, он чувствовал, но нога разнылась, а желудок уменьшился до размеров наперстка. Когда он наполнял его в последний раз? Сложно вспомнить. Но если бы не досадная слабость тела, мог уже найти девушку, потому что зов влек сюда. Маг был уверен, поскольку сам его создал. Капля крови на кончике ножа помогла узнать направление.

Отдыхать, пока не достигнет цели, не в его правилах, но, преодолев весь долгий путь, он, кажется, превысил физический предел, за который даже ему было не шагнуть. Пока очнулся в расщелине, где повезло оказаться не на острых камнях, а на ворохе опавшей листвы и старой хвои, пока отогрелся, зарывшись точно в кокон, потерял время. Затем начал подъем, отыскивая дорогу. Пил стекавшую по камням воду, а в одном месте нога соскользнула с мшистого валуна, и он сорвался. Хорошо, успел ухватиться в полете за торчавший корень, умудрился ничего не сломать, только вывихнул ногу. Пришлось вправлять. Затем снова полз вверх и отыскал тропу. Шел по ней бесконечно долго. Так сколько минуло? Дней пять? Вода была, он собирал ее в найденную засохшую тыкву, из которой сделал типлор^[12]. Едой служила горная ягода, съедобные клубни растений, молодые побеги катрана. Один раз нашел среди скал гнездо, оказавшееся пустым. Иногда птица пролетала над головой, однако начать охоту тоже требовало времени, а его не было. Мужчина точно не знал, куда забросило Сэйну.

Солнце давно встало, а теперь снова клонилось к закату. Ужасно хотелось остановиться и присесть, а лучше прилечь, но я шла. Шла и шла. Практически валилась с ног от усталости, однако если упаду, все равно поползу вперед, а пока брела, спотыкаясь.

Результатом долгого побега стал увиденный на краю широкой тропы домик. Над дверью была выбита надпись «Харчевня», и я предположила, что она означала отдых. Ни забора вокруг, ни второго

этажа или чердака с комнатами под крышей здесь не оказалось. Не постоянный двор близ города у оживленной дороги, но какая разница, если там можно попросить воды? Всего лишь глоточек, один глоточек! Я забыла взять ее с собой, когда сбегала.

Ясно, что в нормальном состоянии опасно соваться в незнакомое место, но где была моя вменяемость сейчас? Перед глазами маячила надпись «Харчевня», и я видела только буквы да темную со сколами дверь. Шла на нее, подобно тарану, не глядя под ноги, и споткнулась о камень. Полетела вперед, собираясь проломить дверь лбом, а врезалась во что-то иное. Тоже твердое, но определенно не дерево. Эта безликая тень шагнула от стены, преградив путь, а точнее оборвав мой полет. Я отшатнулась и выровнялась, стиснув ладони. Подняла кулаки, собираясь оттолкнуть препятствие. Довольно с меня тайлов!^[13]

Кулаки разжались медленно, а руки опустились. Мне пришлось отступить. И еще на один шаг. Проклятый камень подвернулся снова, я взмахнула руками, но устояла и зажмурилась.

Мираж. Солнце напекло голову.

– Сэйна.

Слуховые галлюцинации. Я зажала уши ладонями и помотала головой. Только вытряхну из нее бред и пойду дальше. Мне совершенно нельзя сдаваться сейчас.

Совсем чуть-чуть приоткрыла глаза – не исчез. Стоял напротив. Надо дотронуться, тогда и испарится.

Несмело вытянув руку, осторожно ощупала прямой нос, высокие скулы и потрескавшиеся сухие губы. Отдернула пальцы. Проверенный способ никогда не срабатывал с этим мужчиной. А мозг тем временем оценивал информацию, сопоставлял голос, фигуру, рост, и мне уже начинало казаться, что совершенно безразлично, напекло солнце голову или нет.

Он точно живой? Что, если не дотрагиваться, а сразу обнять? Целиком?

Трижды проклятый камень попал под ногу, а маг, наверное, решил, что разучилась ходить, когда не дал упасть снова. Но я лишь собиралась убедиться, что он точно реален, а не замерз неизвестно где. Только шею резко сдавило. Ожерелье, которое не снялось даже после побега, припомнило, как было подарено не деревянным супругом, но живым тайлом. Слова женщины, заявившей, будто не захочу уйти от

жениха, обрели иной смысл. Мало какая девушка задумается о другом, если рискует получить удушье.

У меня потемнело в глазах. Ошейник предупредил, а не наказал, как при попытке переноса, и мне удалось прохрипеть.

– Не прикасайся.

Он разжал руки сразу, и чтобы точно не упасть, я опустилась на землю. Обняла колени, вдыхая больше воздуха, пока снова не перекрыло. Дом выпустил, а эта проклятушая вещь продолжала помнить об обещании.

Мужчина присел на корточки напротив. Облокотился о стену, устроил локти на коленях. Посмотрел в глаза. Долгий безмолвный взгляд. Я смотрела в ответ. И мне совсем не хотелось нарушать молчание, просто пришлось.

– Люблю ходить в невестах. А это кольцо новобрачной. Оно умеет сжиматься.

Эйден проследил за рукой.

– Здесь принято выполнять обещания, когда спасают жизнь. Я согласилась на жениха.

Он посмотрел чуть выше моей головы, и взгляд стал таким... Наверное, хотел убить... меня за дурость. Не жениха же в самом деле. Подумаешь, ошейник нацепил. И правильно сделал. Ведь я любила сбегать.

– Тебе не холодно? – мне хотелось узнать, что же с ним произошло. – Ты похож на кочевника в обносках. Сплошные дыры.

– Мысли греют.

– А крови не хочешь?

– Смотря чьей.

Вздохнула и потербила ожерелье.

– Куда тебя забросило, Эйден?

– В ущелье.

Сердце сдавило. Значит, перенос сработал для обоих, и он мог быть совсем неподалеку. Вот только жених с отцом наткнулись на меня и не пошли дальше.

– Кто тебя нашел? – спросил маг.

– Двое мужчин. Живут в горах. Там поселение чуть выше на склоне. Рассказывали, как часто бродят по ущельям и ищут особые

камни. Округлые с небольшими буграми и наростами, по форме словно соцветие. Говорят, так порой отыскивают жеоды^[14].

Да. Отец жениха однажды набрел на один. Надолго хватило.

– Снова выглядишь истощенным.

– Случается. Здесь не было медведя, это хорошо.

Я прикрыла глаза, не зная, плакать или смеяться.

– Как ты меня отыскал?

– Нить поиска или просто зов.

– Зов?

– Да, – он оттолкнулся от земли и непривычно медленно для него поднялся. – Хочешь еще посидеть или зайдем внутрь?

А я и забыла от шока, как хотела пить.

– Разве деньги остались? У нас ведь ничего теперь нет. Я и браслет отдала.

Он достал из кармана ту нить с нанизанными монетами, которой довершал свой образ велмира.

– Я тоже люблю ожерелья.

Смахнув с ресницы каплю, подозрительно похожую на слезу (все же солнце в горах слишком яркое), проговорила:

– Разбойники выручают во второй раз. Они оказались не настолько плохи.

– На небесах им это зачтется, – кивнул он.

В горах не любили чужаков. Хозяин принимал заказ без особого удовольствия. Я этого не понимала, поскольку какая разница, если платят полумесяцы, а не отбирают еду силой.

– Много съедите, остальным не хватит, – проворчал он.

– Кому остальным? – насторожилась, но хозяин уже ушел на кухню, хлопнув дверью.

– Эйден, – мы устроились за квадратным столом, и я склонилась к мужчине, – а если будут искать?

– Нас ищут.

– Я о женихе и его родне. У меня ожерелье новобрачной. Не похоже, что металл драгоценный, но оно зачаровано. А еще они так радовались взрослой невесте.

– Все зависит от того, насколько печалются теперь.

– Не знаю. Я оставила серебряный накопитель в качестве платы за спасение. Он может пойти как взнос за новую невесту.

– Делай ставку на то, что перевесит: хлопоты, связанные с поиском уже готовой жены, или покупка новой.

Я поморщилась.

– Покупка.

Пожал плечами.

– Разные места, разные традиции, разные нравы.

– А как правильно рассудить?

– Добавь еще факторы. Симпатию?

– Ох, его мама была не в восторге. Бабушкам и будущим свекровям я вечно не нравлюсь. Не чувствуют во мне стремления к заботе.

– Здесь не женщины пускаются в погоню.

– Касательно жениха, – я намотала на палец кончик косы, – ему определенно нравились мои волосы.

– Волосы легко отрезать. Зачем к ним прилагаться женщине?

Я фыркнула.

– Его удовлетворили мои зубы, по крайней мере целовать пытался.

Эйден откинулся на спинку.

– Пятьдесят на пятьдесят, – прокомментировал он. – Могут искать, а могут и нет.

– Точный расчет...

Меня прервал хозяин. Он вышел из кухни, неся заказ, и стукнул перед носом глиняным горшочком с едой. Ей оказалась некая каша из незнакомой крупы, тушенная с мясом. Мужчина водрузил рядом кувшин с питьем. Затем отер о передник две вилки, воткнул в горшочек и, буркнув невнятное пожелание (вряд ли приятного аппетита), вернулся на кухню.

– Как думаешь, съедобно?

– Блюдо кочевников? – Эйден кивнул. – Определенно.

Он первый взял вилку, не отвлекаясь, подобно мне, на рассуждения, что же это за незнакомая крупа, а мясо какое, насколько приборы чистые, и приступил к еде.

– Что за блюдо кочевников? Ты подозрительно осторожно его ешь.

– Нельзя сразу есть много.

– А, – я сообразила, что, конечно, нельзя, если до этого толком не ел, только сама на его месте вряд ли смогла бы удержаться. – Так что за блюдо?

– Его традиционно готовили в яме в песке, укладывая на дно плоские камни. Дров нужно немного, камни нагреваются от костра и после отдают тепло долгое время. Еды проще приготовить в большом объеме.

– Откуда тайлы его знают?

– Через горы издавна проходит путь в южные города. Он короче, чем если ехать по равнине. Та лежит в стороне.

– Значит, ассимиляция культур. Взяли друг у друга самое полезное. А в чем его здесь готовят?

– Земляная печь.

Я сперва отложила вилку, решив начать с питья. Жажда снова принялась мучить, едва шок немного отступил. Полагаю, кабы не она, ни за что не решилась бы это отведать.

– Запах тухлых яиц, – поморщилась, сделав глоток. – Тоже питье кочевников?

– Местная вода, – Эйден, не колеблясь, попробовал. – Полагаю, лечебная.

– Лечебная? – я зажала нос и выпила еще. Со второго раза на вкус ощущалось не столь плохо. После воды пришел черед каши, а она вдруг показалась намного аппетитнее, и голодный желудок в предвкушении заурчал.

– Ох, – отодвинула горшочек. – Хорошо, когда культуры ассимилируются, а горцы готовят блюда кочевников. Им оно удастся.

Эйден взглянул в окно.

– На улице темно, пора думать о ночлеге.

– Он не даст нам комнату.

– Смотря как просить. Любезный!

Отнюдь нелюбезный владелец харчевни высунул голову из кухни.

– Доели? Так пора дальше ехать.

У Эйдена на ладони появилась серебряная луна. Он прокатил ее между пальцами, и блеск привлек внимание хозяина. Тот выразительно сглотнул, но проговорил:

– Полумесяц с вас.

Эйден подбросил монетку, поймал и сжал в ладони.

– Настолько не любите незнакомцев?

– А чего вас любить? – подбоченился хозяин, поглядывая на руку мага. – Один такой дочку сманил. Уехала, куда боги ведают. Довольна там поди, до родного отца ей дела нет.

Мне хотелось сказать, что дело вовсе не в чужаках, но вмешиваться не стала.

– Уехала? – удивился Эйден и вдруг подкинул монету высоко, а та зазвенела и полетела прямо к хозяину. Мужчина ее поймал.

– Сами поезжайте дочь проведать. Благодарю за гостеприимство.

Он поднял кувшин, делая из него глоток, а я отодвинула стул, решив, что более ждать нечего, и недоумевая, к чему быть щедрым со столь неприветливым субъектом. Эйден поставил посудину со стуком и начал подниматься, а я уже повернулась к двери.

– Погоди...

Решился ли хозяин харчевни нас приютить, узнать так и не довелось, хотя я вся обратилась вслух. Любые слова, которые собирался произнести этот достойный человек, заглушил грохот распахнувшейся двери и шум голосов. Жених явился на порог, одетый по-походному, с отцом и отрядом добровольцев. Пятьдесят процентов склонились в пользу «Могут искать».

– Эйден, – я медленно села обратно, пока парень, резко замолчав, пялился на меня, явно не ожидая столь быстрого окончания поисков, – это мои спасители.

И ухватила мага за рукав, не зная, что теперь делать.

– Ты только не убивай их, – зашептала, вспомнив кошмарный момент в пустыне.

Маг ничего пообещать не успел. Жених пришел в себя и громогласно прокричал, ткнув в темнейшего пальцем:

– Это еще кто?

Теперь не ответила я. Тогда несостоявшийся муж решительно переступил порог и оказался за спиной Эйдена, пока тот совершенно спокойно сидел, словно мы продолжали мирно ужинать.

– Эй, чужак, – на плечо мага легла широкая мозолистая ладонь, – ты сидишь с моей женщиной.

Мне сделалось нехорошо, а лицо кардинала не изменилось, разве что залегшая между бровей складка стала отчетливей. Будучи

совершенно бесстрастным, он подхватил в руку вилку. На миг показалось, маг запустит ее в горшочек, но Эйден лишь перекатил прибор между пальцами, как недавно монету. На сердце сразу похолодело, и возник вопрос: насколько опасным оружием может служить вилка?

Мужчина поймал мой взгляд, усмехнулся и положил вилку, припечатав ладонью к столу.

– Эй! – вконец разозленный жених тщетно пытался привлечь внимание. – Ты не слышишь?

– Слышу, – маг оставался невозмутим, – я размышляю, что, будь она твоей, не сидела бы сейчас со мной.

Тайл сурово нахмурился, пытаясь сообразить, как на подобное ответить, да еще в похожей манере.

– Ты плохо понимаешь всемирный, чужак? Или лучше назвать тебя вором? – Он, гордый выбранным оскорблением, обернулся к группе поддержки, а те кивнули, пусть вразлад, но выразили одобрение. – Так держать. Поведились чужаки прибирать к рукам наших женщин. Добей его, чтоб остальным неповадно было.

Жених и добил. Ткнул в мою сторону пальцем и, чтобы уж ни у кого не осталось сомнений, заявил:

– Это моя невеста. Она за спасение обещание дала. Убирайся, пока отпускаем. Понял?

И он вновь сдвинул плечо мага, а в следующий момент заорал и отдернул проткнутую вилкой руку. Я даже не успела заметить, как прибор вновь оказался в ладони Эйдена, а маг уже резко отодвинул стул и поднялся. Пока участники поискового отряда переводили взгляд с жениха на чужака, пытаясь понять, что сейчас произошло, кардинал сложил на груди руки.

– Она ко мне пришла, со мной и останется.

Гордый тайл подобного не стерпел. Он выхватил кинжал и сжал в кровотокающей ладони.

– Ты ответишь за кражу чужой невесты!

Я подскочила со стула, уронив его.

– Нечестно! – мой вопль едва ли мог привлечь внимание – всего лишь женщина кричит, когда мужчины ведут разговор.

– Он безоружен!

А теперь я их задела. Разные места, разные традиции, разные нравы. Даже когда кричишь наобум, можешь затронуть чужой кодекс чести. У Эйдена в руках даже вилки не было. Хотя где-то определенно прятался кинжал, но он пока не явился на свет.

Что жених, что остальные мужчины ко мне не повернулись, ясное дело, но знала, услышали. Тайл, гневно сверкая глазами и уже держа у груди свою гордость – острый клинок, надумал спросить:

– Я за честную схватку, чужак, оружие есть?

Плавным движением опустив и подняв кисти, маг извлек клинок чуть меньше ладони и мой складной нож, продемонстрировав их недомужу. Выбирай, какой больше устроит. Один смешной, годится для резки хлеба и сыра, а второй выглядит небольшим, но в руках конкретного мужчины опасен, а в сочетании с магией точно смертелен.

– Не мог он меня украсть, я сама из дома вышла!

Кто б мне поверил. Заявление было настолько смешным, что даже поисковый отряд зафыркал, а жених на миг утратил силу воли, позволявшую игнорировать женщину в комнате, и не удержался от ответа.

– Родовая защита никого не отпустит!

– Я исполнила обещание.

– Врешь!

– Я за дерево вышла!

Чего-о-о?

Это слово отразилось на лицах присутствовавших, как будто было написано там жирными буквами.

– Дерево тоже часть рода! И оно было мне мужем... недолго. А теперь я замуж не пойду.

У жениха задергалось веко, его отец открыл рот, а позади стоявшие забыли сделать вид, что в упор не замечают и в целом глухи на оба уха. Лица Эйдена я не видела, но остальным точно требовалось время переварить. Только если уж ловить момент, то сейчас:

– Бери выкуп, что за себя оставила.

– Выкуп? – жених точно взбесился. – Вот твой выкуп!

Он швырнул на пол мой браслет и пнул ногой, так что тот подкатился к ножке стула и, врезавшись, жалобно звякнул. Остальные проводили его оценивающими взглядами, втайне гордясь: «Хорош наш тайл, серебром разбрасывается». Мне же вдруг стало ясно, что довела

парня, накрутила до настоящего застлавшего глаза бешенства. Он и о поединке забыл, когда бросился ко мне. Все так же сжимая в руке нож. Собирался на месте убить?

Вероятно. Только вдруг упал. Я еще смотрела в налитые кровью глаза и видела блеск красивого клинка, когда тот вылетел из сжатой ладони. Глаза тайла вдруг закрылись, а сам он кулем свалился на землю.

Это как?

Проглядела момент, когда Эйден встретил жениха ударом. Заломил руку, выбил клинок и ударил так, что тайл не поднялся. Кардинал стоял расслабленно, ножи снова исчезли из опущенных вниз ладоней, а молодой и крепкий парень лежал у его ног. Неподвижный, будто вышибло дух.

Крепко обхватила себя за плечи, глядя на него, а отец тайла уже бросился к сыну. Убедился, что жив, я выдохнула, а шорох доставаемых клинков остальных наблюдателей вторил громкой ругани.

– Паскуда! Дерьмо мотры! Проклятый южанин!

Они сформировали полукруг и подступили, желая сперва как следует напугать, а уж после хорошенько проучить. Они ждали в полной уверенности увидеть страх на лице кочевника.

Не увидели. Эйден им улыбнулся.

– Все сразу? – он развел руки в стороны: – А я не взял столько ножей. Тогда по очереди в рукопашной?

Мужчины переглянулись и слаженно убрали клинки. Маг стянул через голову дырявую рубашку, бросив под ноги тому, кто оказался ближе.

– Ты первый?

Неровный свет закоптевшего светильника выхватил из мрака все отметины на теле кардинала. Я отвела от шрамов взгляд, но остальные, напротив, уставились. Стихии! Мне показалось или правда разглядела на обветренных лицах удовольствие от подобного зрелища?

– А ты горазд драться, чужак.

Ушам не поверила, что это сказал отец тайла. Остальные одобрительно загудели и как-то по-новому посмотрели на распластавшегося на полу парня. Будто уже со стороны оценили точность и силу удара.

– Со всеми по очереди схватку выдержишь?

– Проверим?

Он был так спокоен!

Мужчины переглянулись.

– Идет, – протянул отец, – только сперва горло промочим. Хозяин, подай-ка питья нам и джанчину^[15].

И сам принял от бородатого мужика брошенную Эйденом рубашку, протянул обратно магу. Когда кардинал молча оделся, кто-то из мужчин хлопнул его по плечу.

– А присядем-ка, в ногах правды нет!

Они быстро сдвинули несколько столов, на один из стульев усадили недомужа, похлопали по щекам и дали пригубить из глиняной кружки. Рядом устроился его отец, и тут же позвали присесть Эйдена. Он не отказался, сел, а пока устраивался, кивком указал мне на внутреннюю дверь рядом со входом на кухню, после чего поглядел на хозяина. Выразительный взгляд: «Спрячь яблоко раздора, пока харчевня цела», – и тот ни слова не говоря вывел меня в узкий коридор, сунув в руку ключ.

– Комната в конце, – а когда пошла по указанному направлению, пробормотал: – Одни беды мужикам от вас, девок.

Глава 17

Луна светила в окно, я лежала на застеленной кровати, смотрела на круглый диск в небе, а уснуть вновь не могла. Все тревоги последней недели и этого сумасшедшего дня здорово сказались на нервах. Мне бы не помешало хорошее успокоительное, но где его взять?

Я перебралась на подоконник, выглянула наружу, жалея, что во дворе нет качелей.

Дверь не скрипнула, отворившись, но, ощутив чужое присутствие, повернула голову. В проеме темнела высокая фигура. Эйден стоял, прислонившись к дверной притолоке.

– Спишь на подоконнике?

– Уступаю кровать победителю. Вы уже подрались?

– Отложили до завтра, а пока напились.

Он зашел, не закрыв двери, и приблизился ко мне. Протянул руки к шее, легко расстегнул и снял ошейник.

– Вернем?

Мои пальцы дрогнули, коснувшись освобожденного горла.

– Как ты это сделал?

– Жених разрешил. Сказал, отпускает. Он внимательней рассмотрел магический браслет, и тот ему понравился.

– Правда? – я прикусила губу, давя в груди истерический смех: – Больше моих зубов и волос?

– Он даже решил не оставлять их на память.

Я со вздохом прислонилась к прохладной раме, а маг опустил ожерелье в карман.

– Передам позже. Желаете умыться?

– Умыться?

За неделю я позабыла, что существует подобное понятие, как ванна или даже душ. Бочка, в конце концов. Когда с водой негусто, люди привыкли бережно собирать ее в дождевые кадки, сливать в общий резервуар и экономно расходовать. За все время мне довелось лишь обтираться мокрой тряпкой да обрести столь неприятный опыт, как настойчивые мужские подглядывания. Жених бессовестно

наблюдал, прячась за занавеской, а я не решалась снять с тела простыню и всячески изворачивалась, пытаюсь освежиться.

– Почему ты решил, что мне это нужно? Неужели стала пахнуть подобно отчаянным тайлам?

– Целебный источник окончательно залечит руку.

Залечит руку? Заметил. Наверное, я слишком осторожничала и чересчур ее берегла.

– Давно поранила?

– Дня три как. В первый раз, когда попыталась сбежать. Матушка жениха ее заговаривала.

Я спрыгнула с подоконника.

– Где целебный источник?

– Предполагаю, внизу. Хозяин берет откуда-то целебную воду, и вернее всего построить харчевню рядом с источником или над ним, чем всякий раз ездить к нему.

– Идем скорее!

Мы вышли в коридор и свернули на уводящую вниз темную и узкую лесенку. Дверь в зал оказалась открыта, и я увидела человеческие тела, беспорядочно лежавшие в большой комнате. Сердце екнуло и пропустило удар, но тут же вновь застучало только чуть быстрее, когда слуха коснулся громкий храп, подсказав: в харчевне не случилось побоище, гости попросту устроились на ночлег. Кто как смог: на стуле, на полу, даже на столе. Я успела удивиться, но не понять, каким образом хозяин заведения, человек немалых форм, мирно заснул на столешнице среди мисок и кувшинов, бережно прижав к груди один из них. Эйден уже шел вниз по лестнице, и я поспешила следом.

Мы спустились до еще одной деревянной двери, чуть приоткрытой. Вошли в темное помещение. Держась рукой за стену, я медленно продвигалась вперед, старательно ощупывая земляной пол ногой на предмет камней, пока помещение не расширилось, превратившись в подобие пещеры, но со стропилами на потолке. Они поддерживали каменный свод, сквозь отверстия в котором проникал лунный свет.

– Снова этот запах, – я помахала возле носа ладонью, не рискуя вдохнуть глубоко.

– Сера, – пояснил Эйден.

Я последовала за ним дальше, вертя головой по сторонам. Неподалеку в стене вода по каплям набиралась в глубокую, выдолбленную в скале чашу, а рядом стояли кувшины. Чуть дальше обнаружился настоящий неглубокий бассейн. Из его середины торчали каменные наросты, а местами виднелись провалы на дне.

– Он ведь не отсюда набирает для гостей, а вон из того питьевого фонтанчика?

– Как знать, – усмехнулся маг, – что для гостей, что для чужаков. Эту нужно еще остужать.

От воды и правда поднимался пар. Такая импровизированная ванна, а может, и корыто для стирки, кому как, но у меня при виде природного чуда кожа зачесалась. Даже к запаху принялась. Выветрится, куда он денется.

Эйден принялся раздеваться, а когда я застыла с зажатой в руке кофтой, совершенно спокойно поинтересовался:

– Идешь?

– Знаешь, ты первый, – признаюсь, покраснела, хотя в полумраке это было незаметно.

В действительности я легко могла зайти с другой стороны, где сталагмиты разделяли бассейн словно на две части, и там отыскать место поглубже, а лучше хороший провал. Забавно, что так по-дурацки стеснялась в присутствии мага, которого наличие меня смутить не могло.

Эйден избавился от изрядно потрепанного наряда кочевника, а я отдалилась и перешла по краю на другую сторону, один раз чуть не поскользнувшись на осклизлых камнях.

– Края скользкие, – предупредила, обернувшись, и увидела, что маг уже погрузился в воду, раскинул в стороны руки и положил голову на бортик, закрыв глаза. Я поспешно отвернулась, вода едва доходила ему до колен.

Стихии, да что здесь смущаться! Мнусь, словно святая невинность, в ожидании, пока мужчина оденется. У меня здесь горячая вода с пузырьками!

Я пригляделась к источнику и нашла то, на что надеялась. Достаточно широкий провал в породе начинался сразу от бортика.

Отлично. Можно скинуть одежду и сразу запрыгнуть в этот темный колодец, в котором не видно дна.

Когда попробовала сесть на край, чтобы аккуратно спуститься в воду, ноги попросту проскользили вперед, а я и пикнуть не успела, как занырнула с головой. Дна не нащупала, оттолкнулась рукой от стены, вытащив себя наверх, и громко закашлялась.

– В порядке? – прозвучало из-за каменных наростов.

– Кх, в полном.

Мрак! А как теперь выбраться?

Сэйна, ты – дурында. Зачем выбрала бездонный колодец? Села бы, как нормальные люди, на дно. Будет выглядеть очень забавно, если не сможешь влезть обратно, а начнешь пыхтеть и пробовать перебраться куда помельче, чтобы в итоге доползти к другому краю.

Ладно. Оставим пока эти мысли. Просто немного насладимся процессом.

Горячая вода приятно пощипывала кожу, пузырьки щекотали. Очищающий источник унимал надоевший зуд и смывал грязь. А еще тепло словно убаюкивало занывшую руку. Хотя на третий день после заговора она уже чувствовала себя относительно неплохо.

Мне захотелось и волосы распустить. Позволив им напитаться влагой, принялась тереть голову, то погружаясь, то выныривая, если удерживающая на поверхности рука вновь соскальзывала с края. Выплыв в очередной раз, не услышала плеска с другой стороны и повернулась увидеть, где маг.

– Не купайся долго, – раздалось со спины, – вода едкая.

Одетый Эйден уже стоял позади и конечно сразу оценил, насколько крутой спуск я выбрала. Буквально отвесный.

– Выхожу. Только отойди немного.

Он спокойно отдалился на такое расстояние, с которого сложно смутить, словно во мрак нырнул, куда не доставал свет. Наблюдал или нет?

– Отвернешься?

– Уже.

Подняв волосы наверх, свернула жгутом, отжимая, и закрутила в тугую шишку на голове. Затем попробовала подтянуться на руках, упершись в стену ногами.

Бездна! Куда там!

Я окунулась с головой.

Натуральная бездна!

После третьей попытки, положила ладони на край и прислонилась к ним лбом.

– Нужна помощь? – раздалось из темноты.

– Нет! – переполошилась и сползла обратно по самую шею. – Ты смотришь?

– Не смотрю.

– А что делаешь?

– Слушаю тишину.

Тишину? Откуда ей здесь взяться, когда я так громко пыхчу. Ну же, Сэйна, хоть сейчас не будь дурой. Прими помощь и выйди из положения достойно, словно так и было задумано. Ты ведь даже не маг с ловкостью, как их там, эскорино, которые перелетают высокие частоколы, срубаят головы одним движением ножа и сами выбираются из каменистых ущелий.

– Эйден, помоги.

Я услышала его шаги, он появился в круге света, склонился над моей «ванной». Мужчина, конечно же, не поскользнулся на камнях, интуитивно выбрав правильное место, куда наступить, а заодно упереться, чтобы вытащить меня.

Я протянула руки, он ухватил за запястья. Даже не пришлось помогать себе ногами или опираться на колени, чтобы выбраться. Он вытащил из воды и отступил от края вместе со мной, прижав за талию. Эйден уже оделся, и стекавшая с моего тела и облепивших волос вода частично впиталась в чистую рубашку и брюки, совершенно отличные от наряда кочевника. Жесткий лен той одежды сменила уютная, точно махровая клетчатая ткань, привычная для гор.

Я не спросила откуда. Стало совершенно не до того, потому что маг, снимая с талии ладонь, вдруг сжал мои пальцы и резко развернул спиной к себе. Затем мужчина быстро, но плавно провел руками по моим бокам, начиная от коленей и до самых плеч.

Мокрые волосы мигом просохли и укрыли спину до бедер пушистой волной, а не мокрыми сосульками, и все капли на коже волшебным образом испарились. Эйден убрал руки, и слышно было, как отступил.

– Для тебя есть чистая одежда, я положу на камни. Хозяин решил подарить наряд дочери.

Значит, подарил.

Я не ответила. Пока не могла говорить, да и в голове стало пусто. Только кивнула, и он снова ушел, растворившись в своем сумраке. А потом прошедший по коже озноб от прохладного воздуха пещеры напомнил, что пора одеться, и лучше поскорее, ведь сухие волосы теперь не промочат ткань.

Маг проводил до комнаты и открыл дверь, пропустив внутрь, а когда обернулась, сказал:

– Мне досталась спальня хозяина.

– С ума сойти! За что?

– Просто так.

– Щедрой души человек, как оказалось?

Эйден кивнул.

– Отдыхай до утра, потом отправимся в путь.

– Хорошо.

– Приятных снов, Сэйна.

Это едва ли.

– Постарайся ни за кого не выйти замуж этой ночью.

– У меня может получиться, они все пьяны и спят.

Я послала воздушный поцелуй.

– Спокойной ночи, Эйден.

Навеянные сны изматывали едва ли не больше бессонницы. Физически я спала, а вот морально пребывала в изнуряющей тревоге и волнении. Отныне всегда носила кулон на шее, чтобы случайно не потерять, но каждую ночь убирала в карман снимаемой одежды, пока жила в доме спасителей. Нельзя было погружаться в навеянные сны и становиться совершенно беззащитной, пока главной задачей было придумать способ убежать. Хотя, вероятно, их ожерелье новобрачной могло не позволить снам случиться, только я не рисковала. В эту же ночь вдали от семьи, с которой умудрилась породниться пускай и ненадолго, я вернула книжке ее прежний размер и положила ладонь на страницы. Засыпать не собиралась, и главная причина опять же в

неумении проснуться самой. Я желала вырваться из оков дневника, когда захочу...

– Ари!

Оглянувшись, увидела идущую ко мне по садовой дорожке подругу. Я сразу узнала это место. Пруд, окруженный зарослями с кувшинками на водной глади, высокие цветы, высаженные на берегу, большая ива, склонившаяся к воде. Сад при дворце и мое любимое место прогулок. Как странно было ощущать себя здесь, в воспоминаниях, навсегда оставшихся на страницах дневника. Как странно было раз за разом возвращаться в чужое прошлое и видеть себя другой женщиной.

– Привет, – мои губы улыбались, но вряд ли искренне. Ана радовалась встрече с дорогой подругой, а далекая я – нет. Просто потому, что не умела дружить. Не позволяла себе открываться людям ни в дружбе, ни в любви. Преодолеть этот барьер, проникнуть под кожу, чтобы стать близким и родным человеком, за все время смогла лишь Миранда. Она жила в приюте неподалеку, я – у очередной из родственниц. С тех пор мы не обрывали связь, даже в кастелану поступили вместе. Правда, помимо основных занятий, подруга вечерами посещала курсы медсестры, чтобы иметь более широкие возможности для подработок, а я в это время ставила эксперименты над волосами всех желающих обитательниц общежития.

– Ты ни за что не поверишь, какую чудную вещь я раздобыла, – Эллина склонилась к самому уху и прошептала, попутно косясь по сторонам.

– Обруч на голову, что позволит без труда транслировать любую речь на всемирный?

– Глупышка, – подруга рассмеялась, – у тебя голова в последнее время одними переводами занята! Ну кому нужна подобная безделица? Кроме тебя?

– Не знаю, – пожала плечами и перевела взгляд на воду. Блики плясали по легкой ряби, а ветер легко качал чашечки прекрасных цветов. – Мне бы пригодилось.

– Наш кардинал настолько суров? – Эллина расправила легкие юбки очаровательного платья и шаловливо толкнула плечом.

– Вовсе нет, наоборот.

Просто мне всегда хотелось сделать еще лучше. Я желала выполнять его задания, чтобы вновь и вновь видеть на лице улыбку. Пыталась исполнить любое поручение не просто хорошо, а идеально.

– Не ругает? – притворно нахмурилась подруга. – Ты в последнее время стала чересчур молчаливой. Это слишком непростое поручение для тебя, Ари? Переживаешь?

– Нет. Не переживаю.

И это была чистая правда.

Просто пропадаю, Эллина. Теряю себя. В его присутствии обретаю крылья, но лишаюсь разума, осторожности, собственного я. Готова раствориться в звуках его голоса, готова работать сутки напролет, лишь бы еще больше времени проводить рядом. Смотреть. Иногда касаться невзначай. Впитывать и запоминать каждое движение. Боготворить. И молчать, и держаться, чтобы не выдать себя ни единым жестом.

– Всегда знала, что ты чересчур ответственна.

– Мне кажется или ты вся светишься?

– Заметно? – она рассмеялась.

– Эллина, ты влюбилась?

– Малышка, я вечно влюблена, но это другое. Поверишь ли, что исключительно верна мужу, но при этом отчаянно ему неверна.

– Не поняла.

– У меня появилась одна диковинка, очень пикантная штучка.

Подруга протянула ладонь, на которой красовалась широкая печатка со странным символом, отдаленно похожим на музыкальный ключ с изящной вязью слов по гладкой поверхности. Только буквы были мне незнакомы.

– Тебе подарили?

– Да. Но это большой секрет, поскольку дар от человека, о котором столь долго и безуспешно мечтала. И я просто счастлива.

– Что это?

Взяла вещицу и принялась вертеть, рассматривая с разных сторон.

– Повелитель снов.

– Как?

– Все тайные желания он превращает в реальные сновидения. Редкая вещь.

– Реальные сновидения? Серьезно? – я искренне рассмеялась. – Сны изначально не реальны.

– Зато действительны ощущения. Поверь, они о-очень настоящие.

– Зачем иллюзии, когда есть неподдельные чувства?

– Испытать то, что не может случиться в реальности. А еще потому, что в выдуманном мире не нужно никого делить, – она с легкой грустью посмотрела в глаза и сжала мою ладонь, – можно просто получать наслаждение. Готова поклясться, его поцелуи наяву столь же хороши, сколь и невозможны!

– Ты говоришь загадками.

– Не работай так много, позволь себе расслабиться, – она подмигнула, подхватила кольцо и со смехом подскочила на ноги. Легко увернулась, когда я попыталась ухватить ее за платье, и убежала, исчезнув из виду за зарослями цветов. Такая веселая, красивая и юная, совершенно беззаботная в своих желаниях и проявлениях эмоций.

Вечером, устав от долгой работы, потому что ожидался приезд важных лиц, а еще больше от иссушающих чувств, я сидела на широкой кровати, проходясь расческой по распущенным волосам. Многие придворные дамы отращивали густые локоны до талии и тщательно ухаживали за ними ради сложных и затейливых причесок. Мне же от бабушки досталось настоящее богатство, не требовавшее особого ухода, а длина, по дворцовой моде, даже превышала необходимый предел – мои волосы опускались ниже бедер, и единственная морока состояла в том, чтобы каждый вечер тщательно и долго их расчесывать. Обычно этим занималась служанка, но сегодня я отпустила девушку, чтобы посидеть в тишине и спокойствии, механически проводя щеткой по шуршащим прядям. Супруг уехал по делам. Его вновь отправили куда-то с поручением. И с одной стороны, он радовался тому, как много внимания стал получать от высокопоставленных лиц, в частности от канцлера, а с другой – говорил, что жалеет о наших частых разлуках. Но жалела ли я? Нет. Ведь я не любила. И что поделать, коли моей жизнью распорядились по-своему, а сама я была не властна ни в чем, даже в принимаемых решениях? Была ли моя вина в любви к совершенно другому мужчине вместо законного супруга?

Будь у меня Повелитель снов, какие бы мечты он претворил в реальные сновидения? Я покраснела, словно девочка, которой впервые довелось встретить мужчину. Нет. Эти желания запретны, слишком неправильны. Наверное, поэтому влекли еще сильнее.

Убрав расческу, легла в постель. Устроившись поудобнее, закрыла глаза. Усталость ощущалась во всем теле. Так приятно было вытянуться на мягких пахнущих свежестью простынях и позволить себе расслабиться. Уже начала проваливаться в сон, когда неожиданный стук потревожил покой.

Поджидающий за дверью поздний визитер поклонился.

– Его светлейшество просит прибыть. Срочное послание требует вашего немедленного перевода, – слуга, который всегда приходил за мной от имени кардинала, вновь почтительно склонил голову. – Его светлость выразил сожаления по поводу причиняемых неудобств.

– Что вы! Конечно. Одну секунду!

Я спешно накинула поверх ночной сорочки длинную плотную накидку, укрывшую меня до самых пят, перетянула распущенные волосы лентой и побежала вслед за слугой. Только на этот раз наш путь пролегал не знакомыми коридорами, а совершенно иной дорогой.

В растерянности остановилась у прежде не виденных мной двустворчатых дверей, и только спустя несколько минут поняла, что меня пригласили в личные покои кардинала. Слуга оставил в просторной комнате, вероятно приемной.

– Добрый вечер, Ана, – кардинал вышел ко мне из других дверей, одетый в просторную рубашку и штаны. В отличие от обычного придворного костюма, эта одежда смотрелась на нем неофициально и как-то совсем по-домашнему. Хотя с какой стати ему одеваться в нечто иное в собственных покоях?

– Благодарю, что пришли. Простите за столь неурочный час, дело не займет и получаса, но оно не терпит до утра.

– Конечно, – слегка присела в поклоне и тотчас, повинувшись движению его руки, направилась к двум креслам, стоящим рядом с огромным камином.

Мы устроились, и его светлейшество протянул бумагу. Это послание точно не было обычным, я вгляделась в буквы, пытаюсь понять написанное, но слова казались совершенно не связанными друг с другом.

– Вы понимаете? Хотя бы примерно?

– Пока не совсем, – я склонилась ближе к камину, вглядываясь в строчки и напряженно размышляя, что означают разрозненные фразы. От переводчика всегда требовалось донести правильный смысл, и неважно, каково точное значение отдельных слов. Порой в одном языке встречались понятия, которых не имелось в другом. Подобрать эквивалент, вот что необходимо, но это невозможно сделать, не зная различий культур. Я принялась размышлять о прежде слышанных традициях, перебирая в уме рассказы бабушки, поскольку одно выражение натолкнуло на определенные мысли.

– Могу предположить... – принялась менять фразы местами, а когда они стали обретать смысл, начала передавать суть внимательно слушающему мужчине.

– Благодарю вас, – он одарил той самой желанной улыбкой. Скользнул взглядом по моим зардевшимся щекам и вдруг, словно зачарованный, стал пристально рассматривать волосы.

– Невероятный оттенок, Ана! Словно искры сверкают. Вы позволите?

Я кивнула, не сумев выдавить и слова из пересохшего горла. Здесь, совсем рядом с ним, ощущая тепло от камина в его собственных покаях, чувствовала себя так, так... как никогда прежде не чувствовала.

Он осторожно протянул руку и взял кончик перекинутого через плечо хвоста.

– Живое пламя в ладони. Ваши волосы – часть уникальной красоты, Ана. Лишь огонь способен до конца раскрыть всю прелесть.

– Огонь? – Я смутилась и разволновалась одновременно.

– Не внешний, а тот, который горит внутри. Скрытый глубоко, но столь сильный, что его отблеск озаряет вас всю. Будто нечто чудесное заставляет его пылать еще ярче.

Он снова улыбался, любясь мной, как мог бы художник смотреть на по-настоящему красивую картину, созданную кем-то очень талантливым. А я...

– Это вы, – сорвалось с губ так легко и так опрометчиво.

Испуганно закрыла ладонью рот, но он, предатель, уже выдал меня с головой. Боги! Для мужчины его положения комплимент красоте был столь естественен, а я тут же раскрыла все тайны.

Кардинал резко опустил руку и поднялся. Он обошел кресло, остановился за высокой спинкой, положив на нее локти. Сцепил ладони в замок и стал глядеть в огонь.

– Простите.

Он не ответил.

– Ради всех богов, извините меня!

Я тоже подскочила, сгорая от стыда, и бросилась мимо него к выходу, отметив мимолетно, как дрогнули крепко сцепленные ладони, словно... словно что? Он хотел остановить? Чтобы сказать о невозможности подобного признания или чувств? Объяснить очевидные вещи? Может, он и остановил бы, но, даже не сумев вежливо попрощаться, я выскочила в коридор и побежала прочь.

Невероятно! Книжка стукнула об пол, когда я резко дернулась в этом полусне и с трудом выдернула себя из чужих воспоминаний. Эмоции Аны были столь сильны, что я вся дрожала от переизбытка чувств.

Пришлось заставить себя подобрать книжку, когда хотелось зашвырнуть куда подальше. Снова превратила ее в кулон, а после спрятала в карман подаренного наряда. Сон убегал настойчиво, но усталость никуда не делась. Ничего лучше, чем лечь в постель, сделать было нельзя. Так хотя бы тело отдохнет.

Глава 18

– Начало нашего путешествия мне понравилось больше, – я вздохнула, оглядывая расстилавшуюся впереди водную гладь. Огромное зеркало, в котором отражались плывущие по небу облака, выглядело потрясающе. И не будь мы в магическом мире, я бы непременно сказала, что это волшебное место. – А мы сможем здесь пройти?

– Пройдем, – Эйден был занят тем, что повязывал на голову платок, а еще один протянул мне, после чего подал вещевой мешок, из которого я извлекла женские сапоги.

– Где ты их взял? – примерила и убедилась, что обувь пришлась впору.

– У хозяина харчевни много ненужного добра.

– Поразительно, как все вы сдружились!

Перед глазами до сих пор стояла сцена утреннего прощания, когда гордые тайлы, мало что не утирая скупую мужскую слезу, прощались с темнейшим кардиналом. «Приезжай, дорогой!» – хлопали по плечу, приглашая в гости. Только очередной бывший жених помалкивал и поглядывал в мою сторону. Пока Эйдену вручали мешок с провизией на дорожку да настоящий горский клинок в красивых ножнах, который он принял лишь в обмен на свой старый (не тот, что для хлеба), парень с синяком в пол-лица вдруг сунул мне в руки букет. Мелкие голубые цветочки, которые росли здесь по крутым склонам, внешне немного походили на привычные в ином мире ромашки. «Держи», – буркнул он, и я даже слегка растрогалась. «Найдешь себе жену, не переживай». «Угу, – буркнул он, – найду. Джанчин равноценную плату предложил. К твоему браслету свой медальон отдал, осчастливил отца. Теперь сговорят за меня невесту с равнины».

Что ж, понятно. Меня выкупили. Два магических накопителя по ценности вполне равны взрослой жене. Но теперь некуда самим запастись энергией.

Жених вдруг ухватил за косу и с таким сожалением на лице ее подергал, словно и правда хотел оставить на память. Только я быстро выдернула волосы из мужской руки, а ему сунула в ладони одежду,

выданную его матерью. Прости, но не готова проститься с косой. Я ее с детства холила. Вспомнить хотя бы те жиденькие прядки, что достались от рождения. Как сейчас перед глазами недовольные лица тетушек, у которых выпытывала всевозможные рецепты масок для укрепления волос. А еще умудрялась тиранить горничных, экономок и любых других представительниц женского пола. В итоге все же добилась такой густоты и блеска, и сама же отрастила до этой длины, пока все кругом поголовно остригались. Зато теперь окружающие с восторгом смотрели, а некоторые завистливо говорили, будто исключительно природа постаралась. Как ни грустно было прощаться с обоими накопителями, но даже на них я бы косу не выменяла.

Присев на валун, принялась переобуваться.

– Почему ты сказал им, будто путь недолгий, в ослах нужды нет? Судя по простору, понятие «близкий» здесь совершенно не подходит.

– Животных нужно будет вернуть или оставить где-то, чтобы хозяева смогли забрать. Но я не планирую обозначать траекторию нашего с тобой путешествия.

– Ясно. Значит, здесь ты соблюдаешь предосторожности, но при этом лицо не прятал. Прежде максимально уменьшал шансы, чтобы тебя узнали, а с тайлами вовсе не позаботился.

– Я забочусь, когда есть необходимость, но лишних движений стараюсь избегать.

– Потому что выпивать в компании друзей, но с платком на лице подозрительно?

– В этих местах люди живут по своим обычаям. Их культура очень самобытна и обособленна.

– Но от властей они зависят.

– Да, и недовольны нынешним положением дел, но суть в другом. Даже если здесь слышали о темнейшем, то едва ли знают в лицо. И портретов, полагаю, ты нигде не видела.

– И правда. А почему?

– В их верованиях существует запрет на изображение людей.

– Поразительно!

– Что именно?

– Как много ты знаешь о всяких привычках разных народностей. Это входило в программу обучения кардиналов?

Эйден в ответ одарил одним из своих странных и совершенно непонятных мне взглядов, после чего сказал:

– Идем.

Чуть раньше, когда мы отошли на приличное расстояние от харчевни, вдруг свернули с дороги и устремились по едва заметной тропе, а после вышли к этому плато, посреди которого раскинулся солончак. Маг рассказал, что прежде здесь было соленое озеро, теперь высохшее, но в сезон дождей вода скапливалась за счет осадков. Ее слой оставался совсем неглубоким, так что пересечь солончак мы могли. Зачем? Другой вопрос, на который мне, естественно, никто не собирався отвечать. Я предположила, чтобы достичь темнеющей на той стороне гряды холмов.

Пока шли, под ногами поскрипывали кристаллы соли.

– По сути, та же пустыня, только с соленой водой, – высказалась я, поскольку зеркальная гладь кругом казалась бескрайней.

– Это горное плато, но, с другой стороны, ты права. Кроме соленой, иной воды здесь не найти.

Эйден шел впереди, я следовала за ним, наблюдая, как ветер треплет белую ткань, повязанную вокруг его головы. Сейчас он был похож на настоящего жителя пустыни. Ступал осторожно, но уверенно, чуть прищурившись, оглядывая горизонт. Белизна окружающего пространства и правда ослепляла, а горы вдали будто и вовсе не приближались, несмотря на наше движение. Подобной нереальной картиной можно было с удовольствием наслаждаться, путешествуя, например, на летящей платформе или устроившись в лексире нашего мира. Идти пешком, конечно, утомляло, однако вид впечатлял. Раз вдали я увидела красивых розовых птиц, которые что-то выискивали в воде. Из любопытства на минутку присела на корточки, всматриваясь в прозрачное озерцо. Лишь белые кристаллы под ногами. Некоторые казались достаточно острыми. По таким не походишь без сапог. Еще Эйден предупредил, что поскользнуться легко, и я дала себе зарок быть осторожной. Не хотелось повторить эпичное скольжение, случившееся в источнике, из которого едва выбралась.

– Эйден, – окликнула мага, он успел отойти на приличное расстояние. Я подскочила, ускоряясь, чтобы его догнать. – Ух!

Угодила ногой в соляную полынь и плюхнулась на заднюю точку, ощутимо отбив и вдобавок промочив штаны. А вода оказалась

холодной. Вот тебе и выполнила зарок.

Маг уже вернулся и протянул мне руку. Помог подняться, а когда начала с досадой изворачиваться, оглядывая мокрые штаны, Эйден вдруг взял за плечи и вынудил на него посмотреть.

– Сэйна! Ходи осторожнее.

– Я случайно.

Он вздохнул, перевел взгляд на горизонт, будто размышляя, говорить или нет.

– В сезон дождей корка соли здесь становится тонкой, можно неудачно провалиться.

– То есть там полости под этой коркой? А почему раньше не сказал?

– Просто иди за мной или рядом.

И он снова отправился вперед, точно был заведен на определенный набор действий, и тратить силы на остальное являлось непозволительной роскошью. Я быстро догнала и пошла сбоку.

– Вот какой толк от магии вокруг, объясни? Есть способность открывать порталы, но делать этого нельзя. Идем пешком, когда могли бы закрыть глаза, представить место и тотчас перенестись.

– Не будь за нами слежки.

– И знай я конкретно место, куда нужно попасть, но я не знаю. А в остальном?

– Что в остальном?

– Где техника, которая выручит в подобном случае? Нельзя пользоваться магией, но существуют разные механизмы. Почему у вас до сих пор в ходу кинжалы вдобавок к магическим штучкам?

– Техника здесь не работает или работает неправильно, но чаще просто ломается. Многие пробовали. Реvolver легко взрывается в руке, двигатели глохнут. Использовать можно лишь то, что отвечает местным природным и магическим законам. Нам бы пригодилась платформа, не будь мы с тобой в бегах.

– Но другое вы заимствовали? Например, теплицы?

– Заимствовали, совершенствовали, изобретали сами. Миры достаточно автономны.

– Что ж, вы все-таки извлекли пользу из знаний о той стороне, зато мы о вас ничего не знаем.

– Какой вам прок? Тот мир все равно пуст.

Ну да. В нем нет магии. Я решила не продолжать разговор, иначе выдохнусь раньше времени. Подобно Эйдену собралась идти к маячившей вдалеке точке шаг за шагом, не отставая. Все равно иным способом добраться до нее было невозможно.

Мы прошли, кажется, очень много, потому что горы значительно увеличились в размерах, а потом полил дождь. Я даже не заметила, как собралась облака, так сосредоточенно пыталась ступать осторожно и вместе с тем не сбиться с шага.

– Все, – уселась на соляной столбик возле небольшого углубления, в котором бурлила вода. – Не могу больше.

Эйден наблюдал за этим актом дезертирства, не выразив недовольства. Затем снял со спины мешок и устроился рядом. Вытащил из него нечто завернутое в непромокаемую бумагу, а после протянул мне.

Еда!

Я вцепилась в хлеб и мясо и принялась поглощать с жадностью, невзирая на дождь. Благо он лил не сплошным потоком, пока это была обычная морось. Маг тоже взялся за свою порцию.

– Скажи, еще долго?

– Гораздо меньше, чем прошли. На той стороне есть соляные хижины, переночуем в одной из них. Последний рывок. Готова?

Нет.

Я вгрызлась в хлеб, чувствуя себя несчастной, а мелкая водяная пыль собиралась на щеках и скатывалась вниз.

– Дождь еще усилится, – Эйден посмотрел на небо. Он закончил с едой, а я медлила, стараясь совсем немного растянуть наш отдых.

Мужчина молча наблюдал за мной какое-то время, убедился, что намек о скором ливне возымел мало эффекта, а после поднялся и начал стягивать влажную рубашку. Я не собиралась смотреть, даже обещание себе дала, что вообще не буду обращать внимание, но не удержалась. Мясо застряло в горле, когда глазам предстала исполосованная грудь, а я разглядела среди старых отметин еще одну глубокую борозду на плече, возможно, полученную в ущелье. С этого расстояния ее легко было заметить. Лечебная вода неплохо обработала рану, но рубашка липла к ней, раздражая. Дождь и правда чуть припустил, вместо пыльной мороси зачистив мелкими каплями.

– Почему ты не вылечишь магией? Забыл нужное заклинание?

– Помню.

– Сила нужна? – я кое-как проглотила последний кусок бутерброда.

– Себя лечить невозможно, – коротко пояснил маг и достал из мешка ткань для повязки.

Я поднялась.

– А самому бинтовать плечо неудобно.

Маг не прокомментировал и помочь ему не попросил, а принялся молча складывать ткань, чтобы сформировать из нее подушечку на рану вместо повязки. Он собирался положить ее под рубашку и терпеть дальше. Я, конечно, уловила столь явный намек, что моя забота особо не требуется, но как раз в этот миг осенило.

– Подожди! Ведь можно использовать заговор, и она затянется. Я видела, как это происходит, когда матушка жениха лечила мне руку.

– Да? – Эйден прищурился, сжав ткань в ладони. – И ты хочешь попробовать?

– Почему нет?

– И правда, почему? – он запрокинул голову к небу, подставляя лицо дождю, а затем провел ладонью, стирая капли так устало, что я бы даже сказала обреченно, и лишь после равнодушно взглянул на меня. – Заговорить непросто.

– Я помню, как она делала. Наклоняешься к ране близко, ведешь ладонью и произносишь «Затянись». Что сложного?

– Наука ведов нечасто дается чужакам.

– Мир магический, а дар у меня есть, значит, своя в какой-то мере. Однако если не хочешь, не стану уговаривать.

Тоже смахнула рукой капли с лица и отвернулась. Одежда постепенно напитывалась влагой и тяжелела. Нужно идти, а то станет совсем холодно.

Значит, последний рывок? Где бы взять сил на него?

Я оглянулась. Эйден подступил ближе, но снова незаметно для меня, и просто глядел. Вот почему он иногда так смотрит? Кто бы мог объяснить?

– Хочешь помочь, помоги.

И опустил на соляной столб, позволяя начать над собой эксперимент. Я прикрыла глаза, вспоминая действия женщины. Затем склонилась над его плечом и зашептала над раной близко-близко,

чтобы дыхание касалось поврежденной кожи, слегка задевая щекой кончики его волос. А пальцами легонько вела по обеим сторонам, как бы объясняя телу, что оно должно исцелиться, а ране – что следует закрыться, поскольку ей здесь не место. Представляя вместо изорванных краев цельную гладкую кожу, проговаривала с той же интонацией, которую слышала: «Затянись, затянись, затянись».

Прошла минута или больше, не открывая глаз, чтобы не нарушить удивительного ощущения хрупкой связи с чем-то сильным, могущественным, я осторожно провела рукой по плечу, ощутила рубец, и сама себе не поверила. Получилось!

Тут же убедилась в этом собственными глазами.

– Вышло! – я даже в ладони хлопнула. – Ты видел? Видел, как она исцелилась?

– Благодарю. – Он слегка наклонил голову.

– Стихии! Я талантлива! Я могу быть полезна не только порталами.

– Настоящая находка.

– Вот ты и нашел, – прозвучало двусмысленно.

– Главное, снова не потерять, – он усмехнулся, а мне почудилось за этой ухмылкой внутреннее напряжение, и взгляд на миг точно обжег, но все выстудило привычное равнодушие, а я даже пытаться не стала понять, о чем он думал. Радость от нового открывшегося умения прогнала прочь унылое настроение, владевшее мной минуту назад.

Стены заброшенной хижины действительно были сложены из блоков каменной соли. Я прежде не видела ничего подобного. Да и сейчас с трудом просматривала сквозь завесу дождя, и плохо верилось, что мы дошли. Я так и вовсе практически доползла, в отличие от железобетонного кардинала. Не знаю, как их тренировали для личной охраны владыки, но этот мужчина совершал марш-броски с поразительным упорством. Хотелось бы знать, что он так жаждал получить в конце?

Внутри дома стол, скамья и кровать-лежанка были сделаны из таких же коричневых соляных блоков. Я вползла следом за Эйденом и плюхнулась на скамью, положив голову на стол. И даже на холод уже было плевать.

– Сэйна, – он потряс за плечо. – Сними одежду.

В другое время подобное предложение привело бы меня в чувство. Но не в этот раз. Не было сил раздеваться.

– Суши на мне, – слабо пробормотала, даже не шевельнувшись.

– Будет ожог.

Ну и стихии с ним! Потом залечим, наверное.

– Сэйна.

Я все поняла по его интонации. Оба промокли, а пронизывающий ветер, нагнавший нас в предгорье, пускай и не был волной холода, однако выстудил тело не хуже. В хижину лично я ввалилась на деревянных ногах, даже зубы уже не стучали, заледенели. И конечно нужно было раздеться, высушить одежду и согреться в ней сухой и теплой, а иначе легко заболеть. Как тогда продолжить путь и где лечиться? Но видят стихии, я очень старалась пошевелиться, чтобы сделать, как он сказал. Только никак не могла оторвать голову от стола.

– Раздену сам.

Угроза? Посчитаю ее за счастье. Скромность заледенела вместе с телом.

Он взял меня на руки, подобно тому, как усаживают на колени детей, чтобы сперва стянуть через голову рубашку. Мне бы насладиться процессом, когда тебя уверенно раздевают мужские руки, волнуяще касаясь обнаженной кожи, но, как назло, общее снижение чувствительности лишило и этого удовольствия. Едва на теле осталось только местное белье – хлопковые шорты и, как я называла, «повязка для груди» – маг поднес к губам бутыль.

– Пей.

Фу! Запах сразу не понравился. Хотя если это из разряда целебных жидкостей тайлов, то и неудивительно. Они невероятно действенны, но гадостны на вкус. Эйден запрокинул мне голову, а я с трудом сделала глоток.

Мрак! Это неизвестное пойло согрело так, что запекло даже в кончиках пальцев, и превратило меня в древнего зверя из легенд. Теперь я могла плевать огнем.

– Еще.

Появились силы замотать головой, но, конечно, вырваться от Эйдена я пока не могла. Он разжал стиснутые зубы и влил дополнительную дозу испепеляющей гадости.

Маг выпустил из крепких объятий и переложил на лежанку, когда у меня потек нос, заслезились глаза, а вместе с кашлем стал выходить холод, и зубы снова отбивали дробь. Только постель оказалась жесткой и остужающей. Я свернулась на ней калачиком, стараясь сохранить тепло, которое стремительно поглощалось жестокой внешней средой, едва Эйден перестал прикасаться.

– Одевайся, – он положил рядом сухой наряд, а я подтянула ближе и прижала к груди, сжавшись сильнее.

– Сэйна.

Мне не хотелось двигаться. Жалобно протянув: «Темно же, ничего не видно», – естественно, ничего не добились. Ни отговорки, ни общая слабость его не смягчили. Маг щелкнул пальцами, и под потолком зажглась лампа.

– Теперь светло.

Я сделала попытку сесть, только зубы опять застучали.

– Брр, ой! – упала обратно, закружившись, точно на карусели. – Кардинал, ты чем опоил?

Он усадил меня, придерживая за плечо. Любой нормальный мужчина совсем бы раздел и согрел, а этот помог натянуть одежду, направляя руки, ноги и голову.

– Тем, что вчера пили в харчевне. Испытанное на других средство.

– Это настоящее пойло. Как ты ходил? – я прислонилась к стене, поглядев в качающийся потолок. Зубы уже не стучали.

– Я не пил.

Маг провел ритуал над собственной одеждой гораздо быстрее, чем провозился со мной.

– Притворялся? А почему?

– Яд для тела.

Присмотрелась к этому телу, пока маг заканчивал одеваться, и поняла, что приятно рассматривать его. Прежде у Вашека мне нравились широкие плечи, и я всерьез считала накачанную мужскую фигуру образцом силы, а теперь получала эстетическое наслаждение, рассматривая Эйдена. И конечно, напрочь забыла о данном обещании больше не смотреть. Нижнюю часть быстро скрыли широкие штаны. Обтягивающий костюм пошел бы магу больше, лишний раз подчеркнув поджарую фигуру, в которой не было ничего лишнего, включая и перекачанную мускулатуру.

– Неужто правда? – вздохнула я. – Ты не совсем мужчина?

– Нет? – повернул голову Эйден. – А кто?

– Мужчина, который не может с женщинами, да?

Я определенно спрашивала не о том, но уже понесло. Такая бесшабашная смелость вдруг накатила, такая легкость в мыслях.

– Чего не могу? – маг преспокойно доставал еду из мешка.

– Ничего, – страшным шепотом произнесла я, – вот раздеть, одеть, и все.

– У тебя язык заплетается, так сложно разбирать слова.

– Я о контактах. Физических. Понимаешь?

– Понимаю.

– Не можешь?

Он серьезно качнул головой.

– Не могу.

– Как?!

– Никак. Вот одеть, раздеть, и все.

Ураган его побери! Не шутит? Вот чудится, что усмехается, или же нет? Неужели про препараты все правда?

– Тоже яд для тела?

– Хуже. Яд для души. Ты будешь есть или сразу спать?

– Подожди, я же пытаюсь выяснить.

– Желаете проверить опытным путем?

– Н-нет... наверное.

Он оставил еду и даже присел рядом. Пока я всерьез задумалась над вопросом, провел ладонью по моим волосам. От руки пошло тепло. Эйден поигрывал длинными прядями, просушивая отдельно каждую, а не как в прошлый раз все сразу. Ему определенно нравилось разделять их на более тонкие и протягивать по собственной ладони. Волосы снова играли малиновыми искрами, хотя в доме не было ни очага, ни открытого огня. Маг поворачивал руку и любовался игрой света и сменой оттенков, заворожив и меня процессом. А потом вдруг схватил оставшиеся пряди целиком, сжал в хвост и провел по всей длине. Они даже заискрили, а я ойкнула. И кружение как-то разом прошло.

– Так есть или сразу спать? – вопрос был задан столь интимным шепотом, что я по-настоящему растерялась.

– А можно все сразу?

Съедобная пища и соль под спиной – звучит забавно, – что еще нужно для отличного отдыха? Чтобы мужчина, лежащий с краю, придвинулся ближе? Вдвоем гораздо теплее. Хижина защищала от ветра и дождя, но очага здесь не имелось.

Я чуть повернула голову. Если так посудить, маг с начала путешествия ко мне лишнего раза не прикасался, только по нужде – и снова забавно. Мы однажды с Вашеком устроили поход и ночевали в деревянном домике на природе, еще в начале наших отношений, так бывший жених весь извелся, честно стараясь держать обещание не приставать. Нормальная мужская реакция на девушку рядом, а вот Эйден крепко спал.

Я слегка передвинулась. Обнимать уснувшего кардинала, конечно, не стала, но позволила себе рассматривать его какое-то время, вновь пытаюсь распознать суть харизмы. Она точно крылась не в лице, несмотря на выразительность черт.

– Не спится? – Эйден открыл глаза и повернул ко мне голову.

Стихии! Я даже подскочила. Он всегда так чутко спит, что даже от пристального взгляда просыпается?

– Снова есть охота, – нашлась с ответом. – Еду экономим, порция была маленькая.

– Прикидываешь, насколько съедобен?

Он оперся на локоть.

– Скорее ядовит. Но я намеревалась тайком пробраться к мешку.

– Сон – лучшее средство от голода. Ты ведь устала и готова была спать на столе.

– В последнее время всегда так. – Я легла, сложив на груди руки. – Устаю, а не могу уснуть. Далеко ли до конца пути? Мне нужно заранее записаться на прием к психотерапевту, подлечу нервы.

Он, конечно же, промолчал, не собираясь открывать своих планов. Ну и ладно.

– Знаю хороший способ.

– Да-а? – а как же препараты, захотелось спросить. Но этим вечером я явно думала не о том. В оправдание себя могла добавить: «Молодая женщина, харизматичный мужчина, здоровые реакции», – но, во-первых, слишком опасный мужчина, во-вторых, повторять опыт с местным алкоголем больше не стоило.

– Определенное звучание голоса умеет успокаивать и снимать тревоги.

– Расскажешь на ночь историю, стихи прочтешь, и все?

– А чего ты ждешь? – и снова прищур показался насмешливым.

– Серенады, по меньшей мере, – фыркнула и запустила руку в волосы, убирая с лица.

Заметила, как рассредоточился взгляд мага, невольно проследившего за движением ладони. И мне бы удержаться, но в отместку за его насмешки медленно пропустила блестящие пряди сквозь пальцы. Мужчина словно насилиу оторвал глаза и перевел на мое лицо, оценив призывные взмахи ресниц. Ответил на поддразнивание улыбкой. Правда, она оказалась совсем не такой, как обычно. От этой улыбки у меня сердце упало, сорвавшись с бешеной высоты. Потупившись, сипло произнесла:

– Давай историю. А лучше расскажи о другой Арианне Мэнэр. – Я тоже знала, как сбить кардинала с настроя.

Он промолчал.

– Слышала, она была красивой.

– Была, – негромко повторил, – была.

– Какой еще? Что-то кроме красоты?

– Смысл техники расслабления в том, чтобы слушать молча. А ты задаешь вопросы.

– Кто еще может рассказать? Просто ответь, я больше не стану приставать.

– Ана была умна, любознательна, легко запоминала любую информацию и любила узнавать новое. Интересная собеседница. Развивала память с детства, много путешествовала, отправляясь в поездки с бабушкой и дедушкой, бегло говорила на трех языках, не считая всемирный, много читала. Хорошее чувство юмора, природная грация и живость. Невероятный оттенок волос. У нее было немало талантов и бездна обаяния.

– Просто прелесть? – мне вспомнились слова Эллины, подруги Арианны из дневника.

– Прелестная обманщица.

Мне сразу расхотелось спрашивать дальше.

– Я могу заставить тебя уснуть, Сэйна, или заснуть сам. Что выберешь?

– Выбираю сказку.

Легла на бок, устроив под щекой ладони, и закрыла глаза.

Его голос звучал теперь совершенно иначе. Тихий, завораживающий, произносящий непонятные мне слова. Почти шепот, рождавший приятное покалывание в затылке. Это была не сказка, и не стих, и определенно не серенада, но слова звучали в одном ритме, в обволакивающей приятной тональности. Я уснула незаметно и крепко проспала до утра, несмотря на то, что изредка ежилась во сне от холода.

Дождь шуршал по крыше и за стенами соляной хижины. Маг бесшумно поднялся. Пригодится набрать питьевой воды и наполнить типлор до краев. Он на секунду обернулся, посмотрев на спящую девушку. Да, Ана была прекрасна, словно статуэтка или изумительная картина. Ей можно было любоваться бесконечно. По сравнению с утонченной красотой предка, Сэйне недоставало изящности черт, этой скрупулезности удивительного скульптора, однажды сотворившего шедевр. Его и невозможно было повторить. Только отдаленное сходство в линии носа и губ, тот же точеный подбородок. Привлекательна, однако не невозможно прекрасна. Лишь внутренний огонь, так ярко освещавший облик женщины, затерявшейся в глубине веков, теперь сиял в глазах другой.

Глава 19

Стихии! Как же быстро я опьянела вчера!

В висках давило, но хотя бы не болела голова. Вяленое мясо на завтрак казалось почти безвкусным, как и сухари, однако утоляло голод, только запасы подходили к концу. В корзине-мешке оказалось немного еды, зато имелся интересный сосуд из тыквы, к которому я с жадностью приникла. Маг набрал дождевой воды ночью. И не в первый раз выходило, пока я спала, он умудрялся делать что-то еще. Для отдыха ему хватало гораздо меньше времени. А, вероятно, спать урывками было привычным делом. Мне, признаться, и тех часов, что выделялись на сон, не доставало. Кто бы дал целые сутки? Однако стоило заикнуться о способности кардинала отдыхать непродолжительное время, как тот коротко ответил: «Отоспался». Больше я с подобными вопросами не лезла.

Покинув соляную хижину, мы продолжили путь и вскоре стояли у подножия высокой горы, я бы даже сказала – скалы. Отвесной с одной стороны, но с достаточно пологим склоном с огромными валунами с другой. Запрокинув голову, отсюда пыталась рассмотреть вершину, попутно интересуясь, уж не туда ли нам надо?

– Туда, – кивнул Эйден, а я мысленно застонала, заранее пожалев себя.

Мужчина шел вперед вдоль подножия, выглядывая что-то среди камней и валунов. В один момент вдруг остановился и с досадой подхватил с земли некую деревяшку. Я приблизилась и принялась рассматривать полусгнившую грудку, которую он разгребал ногой.

– Что это?

– Бывший подъемный механизм.

– Лифт на гору?

Мужчина как раз бросил под ноги одну из частей конструкции и ответил:

– Уже нет. Разрушен.

Он запрокинул голову и принялся смотреть вверх.

– Эйден, давай в гору не пойдем, давай гору обойдем?

– Слишком долго.

– Мы сильно торопимся?

– Дело в припасах. Здесь их сложно найти, все заброшено.

– А наверху? Что там?

– На краю горы был храм, а дальше торговый городок. Не сбейся мы с пути в пустыне, прибыли бы с караваном туда.

– Это не моя вина! Та стерва вытолкнула за ограждение, – непонятно с чего я сорвалась.

– Помню, ты уже говорила, – маг снова поворошил ногой грудку, а после отвернулся и хотел пойти дальше осматривать склон. Я ухватила его за руку и попыталась развернуть лицом к себе, но не тут-то было. С места не сдвинула.

– Эйден, давай поговорим.

– Давай не будем, – он бросил взгляд через плечо, но тут же остановился и развернулся, что-то выглядывая над моей головой.

– Лестница богов! Забыл о ней.

Мужчина быстро прошел мимо, направляясь обратно, а я с досадой прикусила язык. Все сложнее и сложнее становилось вот так идти за ним к непонятной цели, ощущая себя при этом врагом, которому не доверяют, и попутно источником магических сил. Может, из-за голода, холода и усталости моя раздражительность требовала выхода, но магу явно было не до того. Он в целом равнодушно реагировал на мое присутствие рядом и, наверное, это бесило больше всего.

Сделав несколько глубоких вдохов, попыталась себя успокоить. Все дело в усталости от нелегкого путешествия, и не только в физической, но и моральной. Мне не доводилось прежде оказываться в подобном положении. Не было необходимой закалки. Но опять же винить, кроме себя, некого. Не за отсутствие тренировок, конечно, у меня была обычная жизнь, а не подготовка в тревожную бригаду, зато Эйдена выбрала сама. Могла предпочесть ликвиадо.

Я устало остановилась за спиной мага и увидела ряд углублений, вроде ступенек, выдолбленных в каменных глыбах. Вот только это подобие лестницы забиралось все выше, и выше, и извилистой змейкой терялось на внушительной высоте. Представить себе подъем по ней мог лишь безумец или тот, для кого забраться наверх было равносильно вопросу жизни и смерти. Сдавалось мне, именно такой человек стоял рядом.

– Слишком крутой подъем, – ответила на взгляд мага. – И эти ступеньки обтесались вовне. Сорваться – раз плюнуть.

– Согласен. Идем.

– Без страховки? Эйден, хоть бы перила были, понимаешь? Вероятность подняться есть, но у меня проблема – на большой высоте начинает кружиться голова. Ты же не сможешь держать меня и страховать.

– Нет. Но могу сам послужить страховкой. Обвяжемся одной веревкой.

Он снял с плеч мешок и принялся рыться в нем, хмурясь все больше.

– Веревки нет? Ты забыл взять в харчевне?

Я почти ощутила облегчение от данного факта.

– Не забыл, – покачал головой, – просто у хозяина оказался дрянной материал для веревок.

Он достал свернутый в круг моток.

– А что не так? – я склонилась ниже, чтобы заметить на волокнах очень мелких жучков. Веревка накануне тоже промокла от дождя и, вероятно, это выкурило насекомых наружу.

– Порвется, – маг замахнулся и швырнул веревку подальше. – Нужна новая.

– Где ты ее возьмешь? – Я пронаблюдала за полетом развернувшегося в воздухе мотка, скрывшегося где-то за валунами. – Пошли в обход.

Маг молча скрестил на груди руки, оглядев меня с головы до ног.

– Я еще дойду, а ты...

Окончание фразы повисло в воздухе, предполагая для нас двоих только два выхода: либо одному – самому незакаленному – найти последнее пристанище среди каменистых валунов, как той веревке, либо обоим совершить восхождение по самой опасной и крутой в мире лестнице, но с возможно благополучным исходом. Будь я менее истощенной в результате последних приключений, вероятно, взялась бы с ним спорить, но упадок сил, особенно явно ощущавшийся этим утром, говорил не в мою пользу. А если нам брести по каменной пустоши еще неделю? Я и солончак едва миновала.

– Надо было захватить больше еды! – тоже скрестила руки на груди.

– Обчистил кладовую и унес все, что оставалось. Если помнишь, хозяину довелось принимать гостей, они прикончили его запасы, а у нас с тобой не было времени ждать пополнения.

Наверное, это тоже моя вина? Ведь новый бывший жених явился вернуть беглую нареченную.

– Знаешь...

– Знаю. И предлагаю тебе успокоиться.

Он сделал шаг ближе и вдруг поймал за косу, отчего весь мой раздраженный настрой мигом улетучился.

Я схватилась за основание волос, в то время как Эйден взялся за конец.

– Не смотри так на нее!

– Человеческий волос выдерживает на разрыв до нескольких десятков райван^[16]. Семьдесят точно. Ты едва ли весишь более шестидесяти.

– Нет! – я попыталась отобрать у него волосы, но он нарочно крутанул рукой так, чтобы обмотать косу вокруг запястья, а пушистый кончик укрылся в кулаке. Стихии! Надо было всегда закалывать наверх, как он учил.

– Это шанс, Сэйна.

– Нет!

Какой шанс? Вдобавок ко всему лишиться той уникальной черты в моей внешности, которой гордилась больше всего? Кажется, даже слезы на глазах выступили, и я дернулась, увидев в руке Эйдена красивый кинжал. Его подарили на память тайлы. Хороший подарок, наточенный. Свет так и плясал на острие, когда маг продолжил наматывать косу на кулак, пока моя голова не запрокинулась.

Я закрыла глаза, а слезы бежали по щекам уже независимо от моих попыток их сдержать.

– Это всего лишь волосы, Сэйна. Отрастут.

Я ощутила нечто совершенно невероятное – почти бережное прикосновение к своей щеке. Распахнула глаза, увидев его лицо совсем рядом. Маг провел костяшками пальцев, с зажатым в них клинком, по коже, осушая мокрую дорожку. Холодок лезвия пощекотал шею, когда мужчина завел руку мне за голову и снова крепко натянул волосы.

– Жизнь дороже.

Глаза мага словно сделались на тон темнее, пока я в них смотрела, но именно за эти секунды он резко полоснул кинжалом несколько раз, и голова избавилась от привычной тяжести. В ладони мужчины осталась лежать моя коса. Эйден отстранился, и я тоже отвернулась, чтобы закусить зубами палец. Чувствуя, как плохо справляюсь с эмоциями, отступила еще дальше, бездумно прислонившись боком к большому камню и наблюдая, как ветерок скатывает каменную крошку к подножию горы.

Эйден работал молча, а я не оборачивалась. С легкостью могла представить, как он разделяет волосы на пряди, переплетая между собой и едва ли используя магию. Рассудила, что, вероятно, всех эскорино так обучали – обходиться в походах собственными силами, поскольку разное могло случиться. Если судить по темнейшему, личную охрану владыки в свое время готовили бездушных машин, вытравливая из них слабости, чтобы развить основной навык – выжить в любых условиях.

– Иди ко мне, – позвал маг, выдергивая из глубоких раздумий. И я вернулась к подножию лестницы, где он обвязал вокруг моей талии готовую веревку, к которой и прикоснуться боялась. После проделал то же с собой, соединив нас обоих в этом, по сути, капкане. С другой стороны, он был ведущим в связке, его возможности удержать меня на скале были значительно выше. Сорвись мужчина вниз, я точно полечу следом. В любом случае и при всяком раскладе выходило, что без него мои шансы выбраться равнялись нулю.

– Если сорвешься, портал не сработает. – Предупредил маг.

– Как не сработает? Почему? Нельзя использовать дар на скале?

– Можно.

– Так в чем проблема? – я в ужасе от услышанного попыталась осмыслить озвученный факт. – Потому что это правда проблема! Зачем вам магия, если нельзя лечить себя, нельзя создать переход в воздухе?

– Магия подчиняется собственным законам, как и любая ваша техника.

– Объясни, объясни эти законы!

– У магнита одинаково заряженные полюса отталкиваются. Магия в теле отторгает саму себя. Отсюда нулевой результат самолечения. Магия привязана к земле, увлажненной и напитанной зачарованными источниками. Есть места, где она истощилась, есть места, где ее очень

много. Земля как излучатель, чем выше от нее, тем слабее привязка и меньше возможность открыть полноценный портал. Ты разорвешь пространство, благодаря собственному дару, но подпитку с той стороны не получишь, и портал захлопнется, не позволив завершить переход.

– Это плохо, это все очень плохо!

– Идем, Сэйна.

Снова его «Идем» и никаких ободряющих слов.

– Эйден, – веревка натянулась, когда он поднял ногу на ступеньку, – мне страшно.

Он оглянулся:

– Я не позволю тебе упасть.

Какую-то часть пути преодолела достаточно бодро, постоянно пребывая в тонусе и переступая с одной ступеньки на другую, но затем все больше и больше начала ощущаться усталость в руках и ногах. С ростом высоты дышалось сложнее. Шли не быстро, осторожно, поскольку ступеньки извивались по горе и опора для руки меняла сторону. Скала оказывалась то слева, то справа, а один раз лестница немного углубилась в расщелину и стены нависли с обеих сторон.

Я шла, нащупывая пальцами любые углубления, которые послужили бы опорой. Вероятно, стоило попробовать ползти на четвереньках, но едва ли это могло облегчить состояние. В груди сдавливало, ноги и руки подрагивали, а в голове скопилась тяжесть, виски и лоб точно медный обруч обхватил.

– Эйден, – я простонала, а он понял без дальнейших слов, позволив усесться на одну из наиболее широких ступенек. Прислонившись к отвесной стене, рискнула глянуть вниз. Голова сразу закружилась, пришлось зажмуриться и начать практиковать дыхательные упражнения.

Высоко! Не думала, что уже настолько вверх забрались. Впрочем, стоило запрокинуть голову, как выяснилось – радоваться рано. Там еще идти и идти. Вот что за люди сломали тот «лифт», ведь подъем на нем едва ли был сопряжен со столькими опасностями и сложностями. Когда забросили эти места? Обживали их точно давно, а потом, вероятно, не стало смысла задерживаться в неласковом краю. Может, ушла вода? Пересох какой-то источник, и все. Добрести бы до

вершины. Затем, конечно, придется снова куда-то идти, но сперва хотя бы подняться.

Передышка закончилась. Эйден поднялся на ноги первым, а мне пришлось помогать себе руками. Одна из них соскользнула, и я ударилась плечом, но не обратила на это внимания, мигом распластавшись по стене и прижавшись к ней, чтобы переждать приступ паники и головокружения.

– В порядке? – донесся голос мага.

– Да, – поняла, что ответ прозвучал тише шепота и уже громче произнесла: – Да.

Он снова повел меня вперед. Не наблюдай я перед собой его спины, паника бы захлестнула уже давно. А так был якорь, вернее сказать, маяк, который при этом не просто вел, но держал меня на скале. Каждый шаг совершался потому, что он обещал – не позволит упасть, и я поверила.

Так мы и продолжали путь с короткими перерывами в местах, где возможно было присесть и выпить воды. И всякий раз при взгляде вниз сильнее кружилась голова. То, что прежде казалось настоящей высотой, с каждым шагом превращалось в несерьезное расстояние, а действительно высоко становилось на новом привале.

И вот он забрезжил вверху, наш спасительный конец подъема. Я видела край скалы и просто не могла поверить, что до него оставалось немного. Восхождение почти завершилось удачей, когда вдруг пошел дождь. Я услышала, Эйден приглушенно выругался. На тяжелые серые тучи, стянувшиеся над нашими головами, он обратил внимание уже давно, но надеялся, что успеем. Не случилось. В этот раз начиналась даже не морось, как вчера. Приличные капли забарабанили по камню, голове и спине. Маг оглянулся на меня, после чего достал кинжал и сжал в той руке, которой прежде держался за скалу, лишив себя этой опоры.

– Будь осторожней.

Буду. Уже поняла, что на этом пути легких дорог не предвидится.

И я действительно была осторожна, но при этом устала и снова промокла. Хотя бы холода пока не ощущала, продолжая карабкаться по ступеням. Клянусь, что тщательно выбирала, куда наступить, и не понимаю, как сорвалась. Сперва одна нога соскользнула, за ней следом качнулось тело, и вторая нога отправилась в бездну, а пальцы

процарапали твердую породу. Я больно ударилась, и полетела с края, стесывая кожу о камень. Пыталась ухватиться за что-то, но лишь раскрошила ногти.

Резкий рывок, когда мысленно простилаась с жизнью, и веревка натянулась, а я повисла ногами над обрывом.

– Не виси! Взбирайся! – услышала сдавленный окрик Эйдена и поняла, что кому-то сейчас приходилось едва ли не сложнее, чем мне. Наверное, только эта мысль и придала сил. Ведь вариантов было два: либо повиснуть кулем от страха и шока, ожидая, что маг вытащит, и стянуть обоих в пропасть, либо помогать ему и карабкаться обратно. Я вцепилась пальцами в край и стала нащупывать ногами малейшие выбоины, чтобы упереться, оттолкнуться, приподняться. Прижималась грудью к камню, пытаясь проползти еще один миллиметр вверх, а потом еще один.

Я выбралась почти наполовину, когда смогла дотянуться до протянутой ко мне ладони мага. Он стоял на коленях, упершись левым, а тело отклонив вправо, к самой стене. Одной рукой мертвой хваткой вцепился в кинжал, который успел вогнать в расщелину камня под наклоном, другой тянул меня, помогая окончательно вскарабкаться на скалу.

Эйден привстал над землей, подтягивая ближе, а я подлезла под его руку, протиснувшись между магом и камнем. Шея уперлась в скос следующей ступеньки. Мужчина теперь едва умещался на выступе, ему оставалось совсем мало пространства. Он уперся ладонью в щербатую стену рядом с моим плечом, прижав к ней столь тесно, что дышалось с трудом, но я бы не подумала возражать. Пока он так закрывал своим телом, была уверенность, что точно не упаду.

– Мне нужно вытащить кинжал и забраться выше.

Я вцепилась в него крепче, снова запаниковав. Маг поудобнее перехватил подарок, принесший столь невероятную пользу. Видимо, не зря говорили про лучшую службу подаренных или добытых в бою клинков. Оружие тоже должно признать хозяина, чтобы в неподходящий момент не выскочить из скалы. А иначе при подобном раскладе ни одна веревка не спасет. Только Эйден вогнал его с такой силой, что заклинило насмерть, и проще было его здесь оставить, чем вынуть обратно.

– Мне нужна твоя помощь.

Не иначе как от наступившего вслед за падением шока я слегка отупела и не сразу сообразила, какая помощь. Если вдвоем дергать за рукоять, то от резкого рывка, когда кинжал выскочит, вместе улетим туда, откуда только что выбралась.

– Нужно расширить щель в скале.

Он просил не физической помощи – стало доходить до меня. Для сильного заклинания, раскрывающего камень, достанет и капли крови. Я сделала попытку вытащить руку, но Эйден качнул головой, чтобы не дергалась.

Ни к чему прокалывать палец. Окажись в этих горах мотры, уже бы радостно утащили меня на свой пир. Пока инерция тянула по камням, намереваясь скинуть в пропасть, я сильно ударилась и оцарапалась. Болели плечи, руки, ноги, да и все тело. Думаю, оно покрылось ссадинами даже под одеждой.

Маг склонился к моей шее и прижался к ней губами. Там скала тоже оставила один из порезов. Я закрыла глаза и повернула голову, чтобы дождь не заливал лицо. Ощутила прикосновение языка, обжигающе горячее в окружающем каменном холоде. Этот жар мог согреть меня всю. Здесь, на краю отвесного монолита, когда едва не простилась с жизнью, легкое касание ощущалось столь остро, как, пожалуй, ничто, испытанное прежде. Но Эйден отстранился, и я услышала, сумел вытащить клинок. Чтобы мне не пришлось сползать обратно на скользкий участок, маг сам полез вверх. Ощувив его движение, не раскрывая глаз, заставила себя расцепить руки. Сжалась в комочек, стараясь максимально оставить ему пространства, дать возможность ухватиться за выступы и надежней упереться в выбоины.

– Идем, Сэйна, – позвал он.

А у меня дрожали ноги, болело тело, и я не могла идти дальше.

Мне стоило огромного труда просто перевернуться и встать на колени. Запрокинула голову, пытаюсь оценить оставшийся путь, а отрезвляющий дождь хлестнул по лицу.

– Я поползу.

Глава 20

Что может быть лучше, чем лежать на вершине скалы, преодолев последний пролет опасной горной лестницы, приоткрыв рот, глотать дождевые капли, и понимать: «Выбрались!» Даже холод практически не волновал. Ведь живы!

Внизу скапливался туман и, если повернуть голову и взглянуть туда, казалось, будто каменная лестница теряется в облаках, а мы выше них. На небе. Так высоко над всей землей.

– Поднимайся.

Мой личный тиран снова не давал отдыха, заставляя двигаться и опять куда-то идти.

– Проведем ночь в храме, а завтра достигнем города.

Он вынудил встать и опереться на его плечо. Сквозь мутную мглу не видно было ничего, и лишь несколько шагов спустя я стала различать стены строения.

Храм оказался заброшен, как и соляная хижина внизу. Удивительное сооружение, вырезанное из цельной скалистой вершины явно вулканической породы. Здесь был и внутренний двор, и монументальная башня. Множество скульптур различных животных по периметру, словно защищающих сакральное место от вторжения чужаков. Эти каменные, но столь искусно вырезанные, что казались живыми, существа были мне не знакомы. Они сочетали в себе черты птиц, хищников и водоплавающих, а в когтях, лапах или ластах держали сказочные растения и цветы. Храм на облаках, посвященный самому удивительному творцу – природе, место, где не действуют человеческие запреты и ограниченные представления о том, что нельзя связать воедино столь различных существ. Святилище, где невозможное становилось возможным.

А внутри башни за тяжелой дверью и каменными ставнями крылись чудесные письмена, вырезанные на стенах, проиллюстрированные сложными гравировками, рассказывающими прекрасные истории. По оставшимся отверстиям, можно было предположить, что прежде стены усеивали еще и драгоценные камни, а может, полудрагоценные, которые сверкали в лучах света и

рассыпали радужные искры. В этом заброшенном месте осталась лишь магия и то, что не смогли унести грабители. Я чувствовала, как легко дышится кругом, меня буквально пронизывали живительные потоки силы.

О чем здесь когда-то молили богов? Невероятная забытая красота, где в центре зала уцелел только круглый очаг.

Эйден усадил меня на возвышении, представлявшем собой широкую скамью. Она поднималась над полом сантиметров на тридцать и опоясывала очаг. Маг принялся ходить по залу, плотно закрывая каменные ставни на окнах, пока комната не превратилась в некий темный колодец, куда теперь не залетал ветер. По кругу за скамьей лежали каменные диски, накрывавшие некие отверстия. Эйден сдвинул один и поднес к отверстию огонек. Ровное мягкое пламя замерцало возле его ладоней, а затем стало загораться по всему кругу. Кардинал сдвинул каменную крышку с очага, и тот тоже вспыхнул. Он пылал без дров, облизывая темный пол, но не вырываясь дальше каменного круга.

Тепло начало оказывать свое благотворное действие, и я потянулась к нему озябшими руками. В это же время каменное сиденье подо мной стало нагреваться. Если бы не сырая одежда, можно было ощутить себя совсем на небесах.

– Что это? – указала на огоньки.

– Отопительная система, – ответил маг, – как и очаг, и скамья. На вершине холоднее, чем внизу, без тепла ночь не провести. Прежде обитавшие здесь служители культа придумали наименее затратный принцип обогрева. Провели трубы в отдельный отсек под камнями, куда поступает газ. Чтобы не нагнеталось давление, сделали отводы. Пока он горит, здесь тепло.

– Ты уже видел подобные системы?

– Встречал описания.

– А когда газ весь сгорит?

– Погаснет, но после скопится вновь.

Эйден уже закончил с манипуляциями и устроился рядом.

– Разденься, высушу одежду.

Я молча сняла рубашку со штанами и обувь, оставшись в белье, а сама села на корточки совсем близко к огню, чтобы тепло окутало тело и подсушило тонкую ткань, а мне бы не пришлось вновь мерзнуть до

потери чувствительности. По привычке потянулась укрыться волосами, а тронула неровные края, чуть касавшиеся плеч. Они тоже подсыхали, и оказалось, что волосы у меня немного выются. С прежней длиной из-за тяжести подобного не случалось.

– Возьми, – Эйден положил одежду рядом на скамью и потянул за плечо обратно. – Ты села слишком близко к огню.

Я вернулась на теплую скамью. Нужно было приложить усилия, чтобы одеться, но и без одежды казалось тепло.

– Удобно с дождем. Все стирается прямо на тебе.

Я устроилась на боку, натянув рубашку вроде покрывала. Правда, длины не хватало.

– Сэйна, оденься.

– Не хочу. Тело болит.

– Снова одевать тебя?

– Мне ведь не заговорить эти ссадины самой?

– Нет.

– Вылечи меня. Пожалуйста.

– Не силен в заговорах.

– Залечи магией. Что тебе стоит?

– Это стоит тебе твоей же магии. Хочешь расходовать на подобные мелочи?

– Для тебя рубец вполплеча – это мелочь.

На груди, животе, в местах, пострадавших от удара, ссадин оказалось много. А боль ощущалась тем сильнее, чем больше согревалось озябшее тело. Но магу, конечно, казалось роскошью тратить на подобное силу, заключенную в крови. Он к своим ранам так же относился – само заживет. Но мне было больно терпеть.

Я вздохнула и подтянула ноги к груди, безуспешно пытаюсь целиком укрыться рубашкой. Мне стоило поблагодарить его, ведь боль – тоже благо, когда означает, что ты жива. Хотя так себе опыт – срываться с края. Я вечно ругалась: «Бездна, бездна!» – и чуть туда не улетела.

– Спасибо. Ты держишь слово. – И вздумала же испортить благодарность, пошутив: – Дашь слово не убивать меня в конце?

Не стоило смотреть на него после этих слов, тогда бы и ответ прозвучал шуткой.

– Не могу обещать.

Взгляд был серьезен. Глаза прозрачные, чистые, но невероятно пустые. Холодные.

Вздрыгнула. Не удержалась. Это ведь про таких, как я, придумали: «Не лезь на рожон».

– Отличный стимул идти дальше, – мой смешок прозвучал невесело.

– Тогда сбеги.

Из пустого взгляд стал пронзительным, острым. Но какой пугал больше? Я отвернулась. Знать бы, куда бежать.

– Ложись. Я вылечу их.

Уступка от Эйдена? Или пока оценивал меня сканирующим взором, представил, как буду уныло плестись позади, морщась от каждого шага, и снова замедлю движение?

– Мило с твоей стороны.

Я послушно легла. Истерить теперь, что ли. Или правда кидаться в ночь за стенами храма и бежать в неизвестном направлении. Мы все еще были полезны друг другу, так почему бы не извлечь этой пользы?

Кровь на шее давно смылась дождем, и мужчина, достав клинок, сослуживший нам отличную службу, привычно уколол палец. А ведь и правда привычно. Я даже не вздрогнула при виде оружия в его руках. Вот и вопрос свой произнесла, позабыв, что кардинал защищает до определенного момента. Только оно само так происходило. Типичная женская наивность, выраженная в безотчетной вере, что ради особенной меня маг изменит собственным планам. Конечно, не изменит, умом я это понимала. Только когда женщины думали головой, а не чувствами?

Я ощутила тепло от его ладони, в районе груди, где боль от ранок стала отпускать, и довольно вздохнула. Эйден лечил быстро, почти не касаясь меня, а когда перешел к ногам, я поняла, что внимательно слежу за ним. Изучаю сосредоточенное лицо и сжатые губы.

– Это тяжело? – оперлась на ладони, наблюдая, как он проводит рукой над последней ссадиной, которая затянулась на глазах.

– Для меня.

– Почему?

– Много причин.

Он отстранился, быстро окинул взглядом, убедиться, что больше нечего лечить.

– Но ведь я не похожа на Ану, – хмыкнула негромко.

– Не похожа, – кивнул он.

– Тогда и не смотри. – Я крепко прижала к груди рубашку.

– Не смотрю, – он перевел взгляд на огонь. Как всегда. Отворачивался, если просила. И в этот момент захотелось сказать какую-то гадость, а пересилить себя было непросто.

– Спасибо... за лечение. И за веревку. Мне... не хотелось упасть.

Нервно передернула плечами и снова вспомнила, как едва не простилась с жизнью. Воспоминание окатило ледяной волной, я потянулась рукой к волосам и в судорожном жесте сжала в кулаке неровные концы, прошептав:

– Пригодилась.

Эйден так внезапно накрыл своей ладонью мою, что я вздрогнула. По инерции повернула к нему голову, совсем не ожидая, что его рука опустится на шею и вдруг сдавит пальцами в не менее судорожном жесте. На краткий миг вспомнился мой брачный ошейник, я лихорадочно вдохнула, а маг склонился и резко прижался к открытым губам. Стихии! Не ждала поцелуя. Не в этот момент. И не привыкла, что он может быть таким жестким в своих прикосновениях. Совершенно не тот поцелуй, когда мягко спрашивают разрешения, выявляя границы дозволенного. Он требовал и настаивал, и не мог ждать.

Я упала на скамью, куда он толкнул, а маг выхватил из рук и отшвырнул прочь рубашку. Ладонь крепко сжала плечо, стоило лишь дернуться прочь, и снова жаркие губы прикоснулись к моим, а когда сломили сопротивление, заставив ответить, спустились к шее и ниже.

Я чувствовала тяжесть его тела, как оно придавило к твердой скамье, и чуть шершавые ладони на обнаженной груди, на животе и бедрах, губы, оставлявшие повсюду горячий след. Сумасшедшие поцелуи, увлекающие и меня в его безумие. Путающие в паутине тумана, в желаниях, заставляющих пылать, точно горящую спичку.

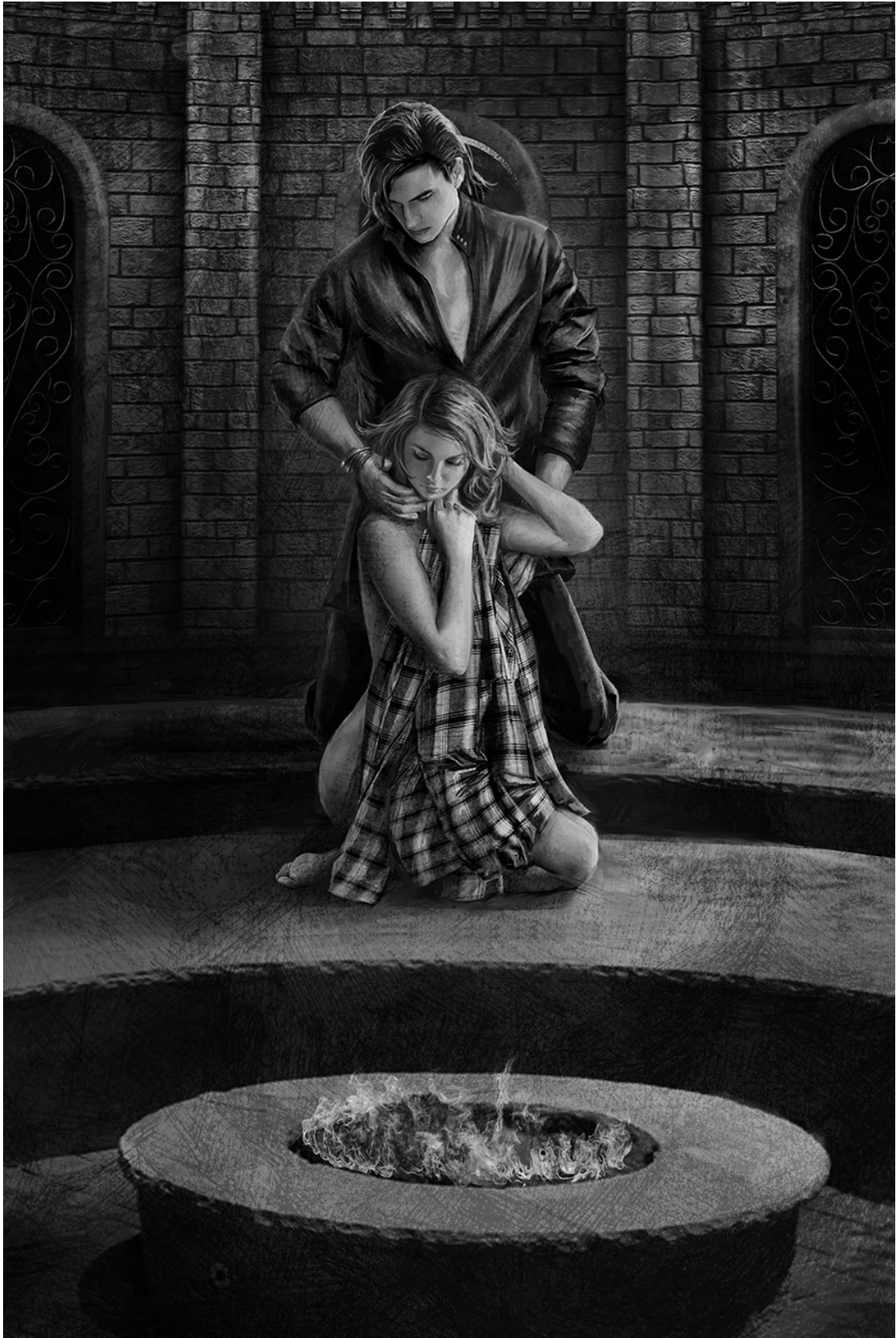
Боги! Эйден! Зачем?

Когда я раскроюсь тебе, позволяя взять все, что захочешь, разве сможешь мной обладать? К чему намеренноводишь с ума? Зачем так целуешь меня? Что это? Отчаянная попытка, поскольку за спиной осталась бездна? Или желание вынудить забыть о побеге, подчиниться и пройти весь оставшийся путь? Это для меня на нем множество

разветвлений, а у тебя лишь две точки – из начала в конец. Мне хотелось умолять: «Нет, Эйден, нет», – но не нашла в себе сил просить его остановиться.

Этот мужчина заставил позабыть об ином. Сейчас я хотела, чтобы он владел мной. Готова была отдаться вся без остатка. Если только мог взять, а нет, так сойду с ума и попросту задохнусь от желания. Даже прохладный воздух обжигал горло, но и головы не запрокинуть, чтобы глубже вдохнуть, поскольку Эйден был надо мной, крепко прижимая к скамье. В его глазах тоже светилось безумие. Оно разгоралось ярче, сильнее. Пугая, гипнотизируя. Если его создавали машиной, то не смогли до конца убить желания тела. И сейчас это мучило меня, а его приводило в исступление. Не позволяло довести до конца то, что начал, завладеть тем, чего хотел.

Я бы не выразила протеста, попробуй он сейчас убить. Так было проще все прекратить. Разве намеренно не дразнила во время пути, полагая, будто обрету преимущество, хоть толику власти и контроля над ним? Не обрела. Разве не позволила прикасаться к себе сейчас, когда он чуть не упустил меня на скале? Расчетливая Сэйна, напрочь промахнувшаяся в собственных расчетах. Хотела его страсти, а теперь она вызывала боль.

Легкое движение воздуха у горла, и звон, словно на пол упала сталь. Резкий рывок, когда он дернул меня вниз, крепко прижав к себе за талию, а я выгнулась, глядя в потолок храма с побитыми временем фресками диковинных существ. Единое целое противоположностей. Невозможное, ставшее возможным. Их облик размывался перед глазами от горьких слез, а потом сухие фрески задрожали, посыпавшись вниз от моего пронзительного крика. Он соединил в себе: жажду, страх, мечту и потерю. А мое тело впустило в себя Эйдена, вобрало силу первого проникновения. Его боль, ярость и желание. И крик сменился стоном. Я не верила себе. Я все-таки утратила разум.

Но как же хорошо было в этом бреду. Слезы, стоны мешались с рваным хриплым дыханием. Требовательность, глубина его движений во мне, бешеный ритм, унимающий ломоту напряженных мышц и зарождающий в теле огонь, который в итоге сожжет, не оставив и пепла. Я чувствовала, Эйден погубит меня, но никому прежде не отдавалась столь полно, поскольку до глубины души поразило новое знание – это бывает вот так. В объятиях мужчины можно потерять себя, обрести, умереть и снова воскреснуть.

Рассвет ли настал за закрытыми ставнями? Огонь погас, камень грел слабее, но холода не ощущалось. Скорее абсолютная тишина и пустота там, где с пробуждением не почувствовала присутствия Эйдена. Я не проснулась рядом с ним этим утром. Маг ушел раньше, а гулкий зал перестал быть сакральным местом, он казался скоплением серых безликих камней и непонятных надписей. Лишь стены, очаг да скамья и абсолютная тишина вокруг.

Рубашка укрывала меня сверху. Я села, оглядываясь, нашла штаны и белье и оделась. Потянулась заплести косу, снова вспомнила, что длины для нее не хватит. Пропустила спутанные волосы сквозь

пальцы и еще больше взлохматила их. На долю секунды позволила слабость представить вместо своей руку Эйдена, то, как ночью запускал в густые пряди ладонь, привлекая к себе, заставляя прогнуться навстречу.

Ночью для обоих царила здесь магия, но по разным причинам. Я до сих пор не знала, для чего построен храм. Знал ли Эйден? Сакральное место, исцеляющее даже то, что невозможно исцелить, возвращающее данное природой, но отнятое людьми. Например, мужскую силу и способность обладать женщиной. Надеялся ли маг на это? Ведь теперь я поняла, он не шутил, когда дразнила его в соляной хижине, а Эллина не обманывала Ану.

Ему с трудом удавалось держаться, он тяжело дышал, нависнув надо мной. Я впервые отчетливо видела эмоции в его глазах: жажда обладать и бессильный гнев, накатившее следом безумие, потому что не сможет, и желание убить, чтобы покончить со всем этим уже сейчас. Он выхватил клинок и занес... Первый способ забрать магию, самый надежный. А потом сталь звякнула об пол, Эйден отшвырнул оружие прочь и резко прижал меня к себе. И затем...

Чудесное исцеление! Выход невероятному напряжению, что копилось столь долго.

Мое тело пригодилось темнейшему, кто бы мог подумать? Просто дар с умением открывать порталы и проклятой кровью.

Я шла по кругу, ведя пальцами по вырезанным на стенах надписям, обводила точно живые рисунки. «Да катитесь вы в бездну, из которой он меня вчера вытащил!» – велела проклятым воспоминаниям, ударив ладонью по стене со сложными гравировками изображений. Ненавижу быть зависимой, ненавижу быть слабой. Нужно делать выводы, искать пути, найти выход для себя, поскольку вчера слишком отчетливо поняла, как не хочу умирать.

Что для него – исцеление, для меня – минутная слабость. Столько всего позади! Побег от ликвиано, путь из пустыни в горы, подъем по лестнице богов. А еще дневник Аны с ее болью, страстью и запретной любовью. Так много! Живому человеку сложно балансировать на краю и не давать выхода эмоциям. Только одного жаль, что реальность превзошла чужие мечты. Но я справлюсь. Он ведь вернется еще. Скорее всего, с добычей. Сколько здесь птиц гнезилось вокруг. Маг

поймает и приготовит, а у нас будут силы двигаться дальше. «Идем, Сэйна», – скажет он.

Гулко стукнувшая дверь мигом выстудила из головы мысли, логичные рассуждения и заставила обхватить себя за плечи. Эйден вошел, держа в руке ошипанные тушки птиц.

– Завтрак в постель? – Я заставила ладони разжаться и опустила руки, искоса поглядев на мага. Лицо бесстрастно, как всегда. Вчерашний огонь в нем уже не горел. – Это мило. Только мне нравится хорошо прожаренное мясо, а костра больше нет.

– Есть хворост, – ответил мужчина и скинул со спины целую вязанку.

– Обжарить птиц? Серьезно? Щелкни пальцами, и все.

Я протянула руку, кивнув на кинжал в ножнах.

– Обойдемся без этого.

– Что так? – изогнула брови, наблюдая, как он поджигает тонкие веточки. – Мне не жалко. Быстрее поедим, быстрее двинемся в путь.

– Не большой любитель крови.

– Печально, – слегка побарабанила кончиками пальцев по губам, он проследил.

– И не люблю зомби.

– Ясно, – пожала плечами, – будешь максимально обходиться своими силами.

– Как и прежде.

Глава 21

Город казался очень пыльным и светлым одновременно, шумным и к тому же находящимся в беспрестанном движении. Я рассматривала высокие стены, машинально отмечая, что в первом городе, возле которого ночевала в дорожном трактире, они были определенно ниже.

– А тут еще и путников проверяют? – шепотом спросила Эйдена, кивнув на ворота и скучающих стражников. Те выборочно останавливали входящих, указывая на кого-то из толпы.

Маг задумчиво изучал людское течение, пока я оглядывала наши с ним промытые дождем и поизносившиеся наряды тайлов на предмет использования в роли платка для лица. Бесполезно. Ткани явно не хватало.

– Южане привыкли обороняться или это на случай осады? Тебя здесь могут узнать?

Он пожал плечами.

– Эйден.

Маг наконец опустил глаза и посмотрел на меня. Кажется, впервые за все утро.

– Есть идея, – я принялась отрывать от низа рубашки полосу ткани.

Влившись в людской поток, протискивалась вперед, ведя мага за собой. Повязка, закрывшая его глаза и часть лица, не позволяла Эйдену видеть, но я крепко держала мужчину за руку, стараясь не отставать и не торопиться, чтобы не привлечь к себе лишнего внимания.

– Ты! – указал стражник, и у меня сердце упало. – Сюда.

От страха не сразу направились в его сторону, механически сделав еще несколько шагов вперед, когда дородный мужчина в добротной одежде чуть правее меня отделился от потока и пошел к охраннику. Я с трудом перевела дух. Всякие оборванцы из гор привлекали меньше внимания, чем похожие на торговцев добропорядочные граждане с тугими кошельками. Таким наверняка разрешение на торговлю требовалось, которое стража была вправе проверить.

Кое-как совладав с нервами, все-таки сбилась с шага. Идущий позади огромный, точно медведь, косматый мужик с черными волосами выругался на незнакомом наречии и выбросил ладонь, намереваясь то ли схватить меня, то ли оттолкнуть. Я интуитивно напряглась в ожидании удара, когда Эйден резко ударил основанием ладони в локтевой сустав громилы, перебив движение руки на подлете. Мужик охнул от боли, а маг быстро ухватил меня за плечо и увел влево, затем вперед и вправо. Мы быстро затерялись в людском потоке, продолжив путь как ни в чем не бывало.

Я больше не сбивалась с шага, но так стиснула ладонь мужчины у себя на плече, что у обычного человека, пожалуй, затрещали бы кости.

– Ты видишь сквозь повязку? – спросила его.

– Чувствую, – ответил, продолжая удерживать курс.

– Умеешь драться с закрытыми глазами?

Он промолчал, как обычно, когда считал, что вопрос не нуждался в ответе.

«Слушаю тишину», – вспомнилось мне.

– Последние новости? Нашел какой-нибудь знак?

Предок устроился на возвышении в любимом кресле, взирая сверху, точно настоящий властитель.

– Браслет. Хозяин лавки доложил о подозрениях насчет использования запретной магии.

– Такие подробности неинтересны. Дальше!

– Есть предположение, что ушли с караваном. Но пока дошел запрос и мы отследили, караван прошел бóльшую часть пути. Когда мы нашли его, мага там не оказалось.

На миг почудилось, будто поручни кресла раскрошатся под ладонями предка, но тот взял себя в руки.

– Ищи в горных поселениях за ущельем! Он мог спокойно проехать его с караваном, а после выйти, если заподозрил хвост.

– Проверил. Прочесали местность, побывали в харчевне, одной на всю округу, чужаков там не видели.

– Или легковерным идиотам не сказали, поскольку имперцев терпеть не могут. Ты, вероятно, и заявился при всем параде, чтоб больше страха нагнать?

И вновь этот древний козел был недоволен. Арс столько сил положил, пытаясь отыскать темного, который точно в воду канул!

– Конечная цель каравана?

– Южный город.

– Отправляйся туда. Пошли людей на рынок, где все пополняют припасы. А еще пускай закроют ворота и проверяют каждого, кто вздумает выйти.

– Ольхары любят нас еще меньше тайлов. Это ведь торговое поселение, через него каждый день проходит много людей. Создадим прецедент, южане взбесятся. У них и так растет недов...

– Ты меня услышал! – прадед стукнул кулаком по подлокотнику, раздался треск.

– Да, – Арс склонил голову.

– Тогда вперед.

– Слушаюсь, – он шагнул к выходу, не поднимая головы, иначе просто изжарил бы предка взглядом. Кто как не регент виноват, что после смерти последнего владыки и прихода к власти мальчишки в тех частях империи, которые были завоеваны, стало расти недовольство, а пресыщенность двора превратилась в притчу во языцах? Дед нынешнего правителя никогда не кичился богатством столь явно, умел соблюдать некий баланс. Ресурсы стекались ко двору, поскольку траты были непомерны, его блеск уже просто ослеплял, зато обратно в провинции помощь не шла. Бедность отдаленных районов росла, целые территории, прежде разведанные и заселенные людьми, оказывались заброшены. Ломались ирригационные системы, ухудшались, но не чинились дороги, количество разбоев возросло и много чего другого.

Предок все гордился своим умом и жаловался, будто Арсу тот не достался, но при этом не видел, что взгляды его устарели, а от недовольства народа отмахивался, точно от назойливой мухи. Заявлял, будто империя еще века простоит назло всем соседям. Конечно, Арсу нет дела до каких-то там нищих в далеких районах, но вот ощутить на себе презрение оборванцев было внове и оказалось неприятным опытом. Будь на то его воля, бросил бы их в подземелье и сам пытал, заставив вымаливать прощение на коленях.

– Ну-ка постой, Арс!

Тот замер.

– Где именно этот южный город?
– В той же стороне, что фамильное поместье.
– Вот как? – тонкие пальцы с проступавшими костяшками погладили гладкое дерево подлокотника.

– Растяните сигнальную сеть.
– Вокруг дома?
– На всю территорию поместья.
– На сколь долгое время?
– Неделя, месяц, сколько понадобится.
– Ведь маги не потянут столько. Их придется бесконечно менять...

– Возьми сильных! Набери из эсорино!
– Охраны владыки?
– Именно! Поставь их там, стражай угрозой жизни правителя. Пускай валятся в обморок или вовсе выгорают! Плевать! Решай проблему, но чтобы я первым узнал, если кардинал переступит черту моих владений.

– Сделаю, регент. Не беспокойтесь. Это просто один человек против нас всех.

Лицо предка внезапно потемнело, а дерево все же раскололось под пальцами.

– Не просто человек. Не просто. Внешность, поступки, слова – все в нем сплошной обман. Он подстраивается, он меняется, он делает, чего не ожидаешь, а бьет быстро и наверняка. Даже та девчонка не понимает, с кем связалась. Теперь иди и отыщи обоих. Нельзя позволить ему продолжить путь.

Арс вновь поклонился.

Устроившись на краю фонтана и обняв колени руками, я наблюдала за центром площади и задавалась извечным вопросом: «Где взять денег». Зазывала в разноцветном кафтане весело выкрикивал ритмичный стишок, приглашая празднующихся гостей и жителей города взглянуть на представление. Я подумала, что, наверное, выступление каких-то циркачей, но только немного погодя в центре площади остановилась женщина в не менее ярком, чем у зазывалы, костюме. Легкая газовая юбка из разноцветных полотен вобрала в себя все оттенки радуги. На красном лифе и широком поясе звенели

монетки, вероятнее всего, обычные кругляши, покрашенные золотой краской, чтобы походить на настоящие солнца и завлекать богатство.

Женщина вскинула руки над головой, зазвенели браслеты на ее кистях, она притопнула ногой с такими же браслетами и крутанулась вокруг себя, попутно прогибаясь в поясице. Я заметила, как несколько прохожих остановились, привлеченные мелодичным звоном. Танцовщица принялась вращать кистями и притоптывать, а браслеты и монеты, украшавшие ее, начали отбивать определенный такт, складываясь в некую мелодию. Мне даже любопытно стало, как она это делает, и я перебралась от фонтана ближе к кругу, образованному вокруг женщины зеваками.

Остановившись впереди, наблюдала за ней, невольно постукивая в такт необычному, но завораживающему танцу своей ногой. Зазывала, заметив, что все больше людей скопилось вокруг танцовщицы, достал из-за пазухи бубен и принялся стучать в него приделанным сбоку молоточком. Попутно он обходил круг, чуть вприсядку, чтобы привязанная к шее шляпа наклонилась в сторону зрителей, а в нее сыпались настоящие монеты. Возле богато одетых горожан он даже останавливался и склонялся ниже. Меня зазывала миновал совершенно равнодушно. В таком виде самой впору было обходить всех со шляпой.

Женщина вертелась и изгибалась все быстрее, удивительно плавно, гармонично и невероятно пластично. Она не обладала красивым лицом, но завораживала собственной грацией и живостью, яркими полными губами и роскошной гривой блестящих черных волос. Меня на какую-то долю секунды укололо сожалением, а рука прошла по коротким обрезанным прядям. Однако почти сразу велела себе прекратить и не поддаваться упадническим настроениям. Волосы спасли мне жизнь, а я принялась жалеть об утраченной косе.

Танец закончился неожиданно быстро, а может, он попросту заморозил меня настолько, что я перестала замечать время, подобно остальным зрителям. Женщина поклонилась и выпрямилась, положив ладонь на бедро и откинув назад волосы. Она обвела взглядом толпу, и один из мужчин вдруг сорвал с шеи цепочку с полумесяцами и бросил танцовщице, а я с завистью проследила за ее полетом. На ожерелье Эйдена осталось до печального мало монет. Многие мужчины в толпе носили подобные, и порой даже не в одну нить, иногда с разными монетами. Удобно. Вместо мешочка на пояс, чтобы сложнее было

срезать. Танцовщица поймала свой дар на лету, сверкнула белозубой улыбкой и кокетливо повела плечиком, буквально тут же растворившись в толпе. Мужчина тоже направился прочь, а люди принялись скандировать:

– Еще! Еще!

Зазывала, который не спешил покидать площадь, принялся махать руками, пытаясь перекричать остальных:

– Наша прекрасногоглазая Урхель устала, – толпа разочарованно заухала, но мужчина продолжил, – однако я вижу здесь столько прекрасных дам.

Послышались женские смешки.

– А может, найдется и та, кто захочет бросить Урхель вызов? – Он вытащил из-за пазухи новые предметы, в которых я узнала пояс с монетами и мелодичные браслеты. – Зрителям выпадет судить. Кто завоюет больше монет, – он тряхнул шляпой, – тот и победит.

– Какова награда? – выкрикнул кто-то.

– Если она превзойдет нашу несравненную плясунью, отдам половину собранных монет.

– А если нет? – поинтересовался бойкий женский голос.

– Тогда весь выигрыш забирает Урхель, – широко улыбнулся зазывала.

Толпа загудела, но скорее в предвкушении. И сразу несколько девушек вытянуло вверх руки. Я сделала вывод, что танец был здесь известен, раз многие не боялись выступить против уличной танцовщицы. Остальные же предвкушали интересное зрелище и не уходили, готовые облегчить ради этого свои кошельки.

Я принялась наблюдать за новыми участницами своеобразного состязания, все они повязывали пояс и надевали браслеты. Однако с каждым новым выступлением приходилось признать, что снова победила неповторимая Урхель. Последняя вновь возникла в толпе, остановившись недалеко от зазывалы, и сияла улыбкой, снисходительно взирая на танцы остальных. Мне тут же подумалось, что ей довольно редко приходилось проигрывать.

Зазывала поставил весы и вновь и вновь высыпал собранные в платок монеты на вторую чашу против тугого платка с выигрышем Урхель. А когда тот снова перевешивал, ссыпал монеты в установленную рядом вазу.

И вдруг в центр вышла еще одна участница, а я оторопела, узнав в ней стервозину, что вытолкнула меня за защитный круг. Девушка оказалась не одна. С краю круга замер седовласый мужчина. Он смотрел недовольно, сложив на груди руки, зато стоявший рядом другой человек, чуть моложе (в его волосах седины было наполовину), улыбался, положив руку спутнику на плечо.

Красотка замерла в центре, вызвав бурю аплодисментов среди мужчин. Она еще не начала танцевать, а уже приобрела поклонников. Я крепче стиснула зубы. Конечно, не из зависти к красоте, а от воспоминаний о подлом приеме, повлекшем за собой дальнейшие трудности пути.

Мелодично зазвенели браслеты, танец начался, и зрители затаили дыхание. Урхель брала техникой, мастерством исполнения и той живостью, что вдыхала жизнь в каждого, имевшего счастье смотреть. Новая танцовщица привлекала красотой и чувственностью. Ее движениями любовались, линиями тела восхищались, а от манящей улыбки загорались взгляды. Тот второй человек, кто пришел вместе с ней, и вовсе раздулся от гордости. А девица остановилась и поклонилась, заслужив бурю оваций. К ее ногам упало ожерелье из полумесяцев с несколькими серебряными кругляшами по центру, а рядом приземлилось еще одно полностью из звенящих лун. Какая щедрость! И не жаль серебра на девицу? Ты ведь обратно не отберешь, даже если вместе прогуливались. Я внимательно оглядела брюнета, стоявшего рядом с седовласым. Ну что же, не беден, это факт, а еще явно зол, поскольку впился взглядом в другого, кинувшего монеты. Зазывала остановился со своей шляпой, которую зрители неплохо наполнили, пока красотка танцевала, но почему-то не поспешил к весам сразу.

– Выбирай! – крикнули в толпе.

Дева улыбнулась и, легко наклонившись, взяла ожерелье из лун.

– Красота выбирает богатство, – улыбнулся брюнет, глядя, как бледнеет от злости его оппонент, а толпа рассмеялась.

Зазывала с дежурной улыбкой поблагодарил за выступление и отправился к весам. Пересыпал собранные монеты в платок, завязал его концы и устроил на чаше. Стрелка качнулась и замерла почти на середине, лишь едва-едва отклоняясь в сторону Урхель. Я видела, что стервозина недовольно поджала губы, а толпа загомонила.

Слушая выкрики, поняла, что требуют признать ничью и поделить выигрыш между двумя исполнительницами, поскольку второй досталось два ожерелья. Сторонники Урхель кричали, что уговор шел о монетах, а поклонники черноволосой мегеры заявляли, будто уклон у весов незначительный, и снова добавляли про ожерелья. Когда спор пошел на новый виток, начавшись с заявления, что вторая цепь с монетами прилетела к танцовщице от ее спутника, а в ответ донеслось, будто неважно, кто именно бросил, зазывала громко крикнул, призывая к тишине.

– Подождите, подождите. Не стоит спорить! Вдруг среди вас есть еще кто-то, желающий бросить вызов несравненным танцовщицам? Найдутся ли девушки?

Когда за спиной раздались смешки и подначивания, обнаружила, что шагнула вперед и замерла недалеко от центра круга, ошарашенно оглядываясь. Четыре стихии! Что на меня нашло? Злость к мегере помутила разум?

Зазывала обрадовался мне, как родной, вероятно потому, что отвлекла внимание толпы и прекратила споры. Он с воодушевлением протянул пояс и браслеты, позволяя осознать, что обратно в толпу не вернешься. Я бросила взгляд на стервозную красотку. Она смотрела с презрением, уверенная в собственном превосходстве. Не узнала. Глянула на Урхель. Та спокойно улыбалась, не пытаясь оценить меня взглядом, как прошлую соперницу.

Ну все, Сэйна, соберись. Сама спрашивала: «Где взять денег», – вот стихии и ответили. В движениях ничего сложного. Все танцуют примерно одинаково, дело в пластике и манере исполнения. Вспомни, что говорили учителя, приглашаемые родней, дабы вдолбить тебе в голову танцевальные основы. С их методикой обучения и занудством тетушек существовал реальный риск постичь самые истоки танца.

Ах, если бы внутренние уговоры помогали обрести уверенность в себе. Я растерялась. Принялась разуваться, затем повязывать пояс, не глядя на толпу. Нанизала браслеты, как положено, бросила взгляд в сторону весов. Ваза прилично наполнилась монетами. Даже половины хватит не только на ночлег, но и пополнить припасы. Оставалась одна проблема – перещегоолять предыдущих танцовщиц. Судя по реакции толпы, я на них впечатления не произвела, что и неудивительно.

Внезапно Урхель с улыбкой вышла ко мне и, заслужив одобрение толпы, протянула ладонь с красной круглой коробочкой на ней.

– Позволишь?

Растерялась еще сильнее. Это что?

Танцовщица быстро мазнула по моим губам мягкой палочкой, затем вытянула полы рубашки, завязала узлом под грудью и крепче стянула пояс на бедрах. А напоследок приколола к волосам искусственный цветок с блестками. Она решила, что, раскрасив мой образ, вдохновит наконец к активным действиям. Зазывала тоже начал слегка постукивать бубном, побуждая к танцу. Пришлось закрыть глаза, отрешившись от реальности. Решила представить, что танцую не перед толпой, а для себя. Расслабленно кручусь под любимую мелодию. Ведь ничто не мешало добавить в их традиционные пляски немного себя и своих элементов. Танец – это в первую очередь вдохновение.

Я встряхнула руками, вплетая мелодичный звон браслетов в стук бубна, повела бедром, заставляя монеты звенеть. Перед глазами мелькали воспоминания из жизни в кастелане, танцы, веселье, а потом это все оттеснило на второй план другое, вдруг представила, что танцую для кого-то особенного. Для мужчины, в ком хочется пробудить восхищение.

И я отдалась на волю танца, сочиняя, добавляя к увиденным движениям свои собственные, заставляя руки порхать, подобно птицам, ноги ступать так легко, словно они танцевали не на земле, а едва касались облаков, позволяя телу отвечать музыке. И кружиться до тех пор, пока не почувствовала, что еще немного и упаду. Я вскинула вверх ладони и замерла. Монеты и браслеты звякнули резко, их мелодия взвилась и оборвалась. А я стояла, тяжело дыша. Никто не аплодировал. Все смотрели на меня и даже не двигались, не тянулись к своим ожерельям и простым кивком не выражали одобрения. Зазывала застыл в стороне, опустив к земле руку с пустой шляпой.

Маг подошел к площади, собираясь отыскать Сэину и сообщить ей, что пора отправляться на рынок. Он выменял произведение тайловского искусства ручной работы из тонко выделанной кожи на монеты, и теперь нашейный кошелек пополнился лунами, а на поясе вместо прежних ножен, под стать удобному клинку, снова красовались старые и потертые, под стать костюму.

Темнейший как раз протиснулся сквозь толпу, не найдя девушки у фонтана, когда увидел прекрасную незнакомку. Она танцевала в центре круга, а толпа притоптывала в такт ее движениям и подбадривала красавицу. В первый миг мужчине стоило немалого труда замереть на месте и наблюдать невозмутимо. Пока он остановился, справляясь с расшалившимися инстинктами, приметил и двух сопровождающих девушки, и охрану.

Незнакомка его не заметила, она была полностью поглощена своим выступлением и тем интересом, что проявляли восторженные зрители. В конце, приняв заслуженные награды, не отказала себе в удовольствии покрасоваться еще немного. Ну, а после подняла с земли самое дорогое из ожерелий и вернулась к двоим сопровождающим, а толпа начала гомонить.

Эйден отвел от девушки взгляд как раз, когда раздались первые смешки. К центру круга шагнула Сэйна. И во второй раз за короткое время пришлось усилием воли сдерживать себя, чтобы остаться на месте. Он поправил на голове полинялый тараби^[17], незаметно сдернутый со статуи южанина перед входом в дорожную лавку пряностей. По местной моде, мужчины носили его так, чтобы максимально открыть лицо, Эйден же натянул до самых бровей, а складками платка укрыл щеки, являя собой прекрасный образчик дремучего тайла. Местные посмеивались над такими, называя их туриками^[18]. Закрыв глаза затемненными кварцевыми пластинами, широко распространенными в городе, мужчина продолжил смотреть.

Зрители перешептывались и хихикали, пока смущенная участница уличного состязания неуверенно принимала пояс и браслеты. Просторная одежда тайлов из штанов и клетчатой рубашки, обтянувшей узкие плечи, годившаяся для женщин в горах, явно проигрывала пышным юбкам и обтягивающим лифам местных красавиц. В первом южном городе, где смешалось столько рас, немногие следовали древнему обычаю носить поверх одежды покрывало. Обрезанные волосы Сэйны завились на концах, спускаясь чуть ниже ушей, оттого казались еще короче. Девушка скинула сапоги, с босыми ступнями в не по размеру широких штанах, подвернутых чуть выше щиколотки, она производила такое жалкое впечатление, что захотелось вытащить ее из круга, но мешало внимание толпы. После

выступления предыдущей красотки зрителям было сложно понять, на что девчонка надеялась. Разве могла сравниться с двумя претендентками на выигрыш? Гордая, статная Урхель и прекрасная темноволосая незнакомка. Последняя с чувством собственного превосходства оглядела конкурентку, замершую в центре. Издевка Урхель оказалась тоньше, та решила покрасить Сэине губы и прицепить к волосам сверкающий цветок.

Зазывала, видя нерешительность участницы соревнования, приносившего им в каждом городе немало монет, тоже надумал помочь и начал отбивать такт, когда Эйден шагнул вперед, сдвигая с дороги одного из мешавших ему зрителей и собираясь подать девушке знак. Мужчина возмущенно запротестовал и попытался ухватить мага за плечо, солнце же красными бликами вспыхнуло в коротких волосах, а Сэйна будто очнулась. Она вздохнула, закрыла глаза и вскинула вверх руки, делая первый шаг. Зазвенели монеты и браслеты, отзываясь каждому движению, сперва робко и нерешительно, а потом вдруг запели. Не разноголосо, создавая безумный будоражащий ритм, а в совершенно особой тональности, рождая настоящую музыку тела. Спустя несколько секунд бубен смолк. Зазывала опустил руку, потрясенно наблюдая за танцем, забыл даже, что должен обходить со шляпой толпу. А в самой толпе не осталось тех, кто продолжал видеть перед собой неказистую оборванку. Удивительное чудо исполнения, для которого мало красоты и техники, но нужна душа, особый внутренний огонь, что наполняет танец жизнью, – вот что наблюдали они.

Эйден на миг прикрыл глаза, обрывая мучительные видения и отгоняя прочь нежеланные образы, когда Сэйна остановилась. Она выпрямилась и оглядела зрителей. Не было аплодисментов, гомона и бури споров, ответом ее танцу стала тишина. Благоговейная, не прерываемая даже шепотом. А потом она нарушилась звоном монет. Они полетели на землю, укладывая сверкающий контур вокруг босых ступней танцовщицы. Следом упали ожерелья, а Сэйна опустила на них потерянный взгляд, переводя глаза с одного на другое.

– Выбери! – закричали зрители. – Выбери!

Дарители выступили вперед.

Полумесяцы, луны и солнца, медные, серебряные, золотые. Девушка смотрела и не понимала, как следует поступить. Эйден завел

назад руку, расстегнул застежку и бросил монеты. Они стукнули об изящную ступню, Сэйна отдернула ногу и перевела почти обреченный взгляд на очередного дарителя. Увидела его и тут же оживилась, быстро присев на корточки, подхватила ожерелье в ладонь. Толпа разочарованно простонала: «Она выбрала тайла в обносках».

– Посмотри на другие! – крикнул кто-то.

– Гляди, там есть солнца!

– На что тебе оборванец?

Маг невозмутимо слушал выкрики наряду с перешептываниями: «Турик тараби занавесился». «Пластины нацепил, смех да и только». Все верно. Бедный житель гор появился в торговый город и на радостях приоделся.

Сэйна крепче прижала ожерелье к груди, словно его собирались отобрать.

– Красавица, он угостит только лепешкой! – заявил один из тех, кто бросил ожерелье.

– И сам ее испечет! – поддержал другой, а в толпе захохотали.

Девушка завела ладони за шею и застегнула ожерелье, а дарители разочарованно замолчали. Зазывала вновь поспешил вмешаться. Он уже собрал брошенные монеты и теперь намеревался положить их на весы.

– Внимание, определим победительницу!

Стрелка качнулась и указала на платок с моей наградой.

Урхель сдержанно захлопала, не показав и вида, будто расстроена проигрышем, зато вторая исполнительница оттолкнула седоволосого человека, пытавшегося ее удержать, и шагнула вперед.

– Нечестно! – крикнула стервь. – Взгляните на волосы, какая из нее тайла? Она же наполовину сарканка! Танец пришел с островов! Он у них в крови. Выступление нельзя засчитывать. Следует поделить выигрыш между теми, кто честно заслужил.

Я посмотрела на девушку и сжала ладони, так сильно было желание пойти и разобраться с ней за все «хорошее». Стервозная мегера! Ты даже не поверишь, какой только крови во мне не намешано. Сарканской едва ли на треть. Обернулась к Эйдену. Он смотрел на меня, скрестив на груди руки. Выражение глаз скрывали темные пластины, а лицо неплохо маскировал платок, но его поза показывала

полную невозмутимость. Пришлось и самой заняться дыхательными упражнениями, чтобы успокоиться.

Зазывала обернулся к напарнице. Конечно, он был не против взять всю награду. Даже люди притихли, ожидая развития событий. Для них смотреть на ссору – все равно что на интересное представление. Наверное, предвкушали, как начну отпираться или попросту вцеплюсь брюнетке в волосы. А ведь я была близка к этому. Но какой смысл заявлять, будто кровь родственницы, от которой по наследству достался даже не цвет волос, а их оттенок, сильно разбавлена последующими поколениями? В общем, я не собиралась радовать мегеру и молчала.

Урхель, которой предложили решить судьбу выигрыша, подошла к весам и склонила голову, переводя взгляд с них на вазу. Не знаю, какие чувства боролись в душе уличной танцовщицы, однако она отступила и, поведя рукой в мою сторону, слегка поклонилась, признавая победу.

Толпа возликовала, воздавая дань подобному поступку, а зазывала с довольно кислым лицом высыпал монеты в одну кучу, отделил от нее половину и, завязав в платок, отдал мне. Одобрительные возгласы толпы напрочь заглушили дальнейшие слова девицы с каравана. Дарители подняли свои ожерелья, а я крепче прижала к груди платок и отправилась прочь.

Глава 22

Эйден нагнал за фонтаном и пошел рядом. Я была довольна собой. Раздобыла монет, теперь мы могли поесть и с комфортом поспать.

– На что бы ты потратил выигрыш? – искоса взглянула на мага.

– Умей я танцевать? – слегка наклонил голову.

– И звенеть браслетами.

– На лошадь.

Лошадь? Мне мигом представилось, как еду верхом, а не топаю по пыльной дороге, и захотелось найти скакуна прямо сейчас. Даже несмотря на то, что уроки верховой езды не числились среди любимых. Вероятно, потому что на них вечно загонял кто-то из родни, со словами: «Ты из аристократического рода! Не позорь его!»

– Сколько может стоить лошадь?

– Зависит от выбора. Выносливая, чтобы потянула двоих, и быстрая, на случай погони, обойдется дорого.

– Погони?

– Нам следует быстрее пополнить запасы и уйти.

– То есть не будет нормального ночлега? – я оказалась жутко разочарована. – Вновь спать в заброшенном месте, забытом даже стихиями?

– Желаете кровать в каземате?

– Если к ней прилагается матрас! Уж точно не хуже, чем на каменной лавке! – Маг бросил на меня взгляд, но дурацкие пластины скрывали его глаза.

– Здесь не останемся. Ты привлекла внимание.

Споткнулась. Ненамеренно, просто оттого, что перестала следить за дорогой. Сложно проявлять железную волю, когда дико хочется выть. Он поймал за локоть, а я обрела равновесие и резко выдернула руку из захвата.

– Я танцевала, потому что хотела выручить денег! И если не веришь, а только и думаешь, будто стремлюсь быть на виду, то отправляйся дальше сам, а меня брось здесь!

И сунула ему в руки платок.

– Меня тронула твоя речь, – абсолютно равнодушным тоном заявил кардинал, – не смею более ни в чем подозревать.

Ох, где бы добыть клюку, как у бабушки Эги!

– Значит, остаемся? – спросила язвительно.

– Ты уже осталась, хотя в храме предлагал тебе сбежать. Теперь поздно сворачивать на полдороге.

– Это половина пути?!

– Это образное выражение, – маг и бровью не повел. – За воротами чуть дальше должны стоять дома тех, кто не желает платить городские налоги, однако взамен не получает городских благ и защиты. Отыщем подходящий дом, предложим денег за ночлег и потребуем у хозяев перину.

– Есть я тоже хочу!

– Уже ищу, где могут продавать лепешки.

Мне сразу вспомнились шутки дарителей.

– Почему лепешки? И для чего ожерелья? Зрители кричали: «Выбирай».

– Лепешки – самая дешевая пища. Ожерелье – признание.

– Лучшей танцовщицы?

– Женщины.

– Поясни?

– На юге принят обычай, если мужчина очарован женщиной и признает ее лучшей среди остальных, то может вручить в дар ожерелье.

– Это ведь цепочка с деньгами, по сути, кошелек?

– Для проявления симпатии из «кошелька» не принято вытаскивать монеты, только срывать целиком. Когда женщина поднимает, выражает согласие на встречу. Принять, а после не явиться, равносильно серьезному оскорблению.

– Значит, согласие на свидание? Теперь понятно. А ты пригласишь на лепешки? – я поиграла монетами на шее. – Какие они на юге?

– Сладкие.

– Отведаю с удовольствием!

– На рынке и купим.

– Просто купим и съедим по дороге?

Промолчал, ведь и так все понятно. Да и без надобности эти свидания, когда кругом сплошная романтика: хижины, солончаки да

горы.

– Жаль. Правда жаль, что не выбрала другое ожерелье, – а еще чуть не ляпнула и «ликвиадо», хотя Эйден мог прочитать по лицу. – Имела шанс вкусно поужинать и в приятной компании.

– Не только поужинать, – произнес мужчина, оглябая препятствие в виде двух южан необъятных размеров. Я разминулась с ними с другой стороны, а когда вновь встретились с магом, он продолжил, – если в конце танца за спиной очаровательной уличной танцовщицы не обнаружена охрана, отец, брат или жених, то ужину ничего не стоит перерасти в прогулку с продолжением.

– Приятная компания, да еще продолжение! – я мечтательно обмахнулась рукой. – Но твой тон намекает, будто подобное порицается? А если так, значит, вчера мы вели себя очень плохо!

Мужчина не повернул головы. Интересно, если в него стрелять, пули будут отскакивать?

– А когда это случается в храме, куда принято идти каяться?

– В храм.

Железобетонный! Чтоб его!

– А в нашем мире следует обращаться к стихиям, исповедуясь наместникам четырех основ мироздания. Кто у вас отпускает грехи?

– Любой, кто возведен в сан.

– А кардинал может?

Мне плохо удавалось с ним шутить, я даже рассмеяться не успела. Маг перехватил за талию и развернул лицом к себе.

– Хоть сейчас, – сказал он, проводя большим пальцем по рту и стирая с него яркую помаду, нанесенную Урхель.

Вероятно, со стороны жест выглядел резким, почти грубым, притом что часть краски смазалась еще и на кожу, однако его воздействие оказалось непередаваемо. Дрожь прошла по телу, губы приоткрылись, глаза расширились, я молча уставилась на Эйдена, а он так опасно наклонился, словно и правда намеревался стереть остаток карминового следа своим поцелуем. И ладонь опустилась на поясницу, вызывая те самые воспоминания до мурашек по коже, но это оказалось не объятие. Мужчина резко отступил, крепко прижав к себе, для того чтобы пропустить свору оголтелых собак, мчавшихся от стражи. Сами стражники бодро проскакали следом, а я повернула голову, провожая их взглядом, и губы Эйдена вдруг скользнули по виску, а пальцы

прошлись по волосам. Он сказал тихо, склонившись к самому уху, зато отчетливо:

– Опасно оставлять следы, Сэйна.

Дыхание теплое и голос почти ласковый, но холодок пробрался по горлу, потому что темный кардинал хорошо умел убеждать. Одним только тоном да стремительным жестом, которым отбросил в лужу вынутый из волос сверкающий цветок. Тот приземлился точно по центру и исчез в грязи.

У меня не было опыта таскать чужие вещи. Абсолютно никакого. Однако стянуть, подпрыгнув, с протянутых над узкой улочкой веревок полотняный платок оказалось легко. До чего только не дойдешь, когда нужда заставит. Вся родня, включая тетушек, сейчас бы рыдала от умиления – я оправдала возложенные на меня надежды опозорить славный род.

Сдернув платок, помчалась вперед и юркнула за угол. И здесь же притаилась, а когда убедилась, что пусто, принялась быстро обматывать ткань вокруг груди, утягивая потуже, чтобы сделать максимально плоской. Едва закончила, как чуть не выдала себя воплем, поскольку Эйден всегда подкрадывался незаметно. Маг опустил на мою голову тараби.

– Теперь похожа на мальчишку? – уточнила, поправляя головной убор.

Он кивнул, а я перевела дух. Совсем не хотелось вновь вызывать его недовольство.

– Считаешь, на рынке внимания не обратят? Там много людей, толпы покупателей.

– На этом не обратят.

– Каком этом? – удивлению не было предела, поскольку наш путь лежал через неширокие улочки напрямик к главному рынку. Сама слышала, как Эйден уточнял направление.

– В подобном крупном городе точно есть место, где вещи стоят дешевле.

– Потому что можно торговаться?

– Потому что краденые.

Я словно в стену врезалась.

– Мы идем в злачный район? И потому я маскируюсь под малолетнего бродягу?

– Рынок недалеко от главного, разве что чуть в стороне. Прислуга и экономные горожане берут там продукты.

Мне пришлось промолчать. Возразить было нечем, кроме желания держаться подальше от подозрительных мест, а не стремиться к ним быстрым шагом.

Бутылки, флаконы, баночки, а еще песочные часы, перевернутые заполненной чашей вверх. Все это стояло на неровном прилавке. Мне удалось устроиться неподалеку на перевернутой бочке у самой стены оживленной улочки, где сучились деревянные столы, а между ними сновали покупатели. Делала вид, будто устала и присела отдохнуть. Песчинки медленно падали, а я следила за ними. Когда наверху не останется ни одной, нужно будет уходить вдоль по улице и пробираться к городским воротам. Эйден велел. Сам перевернул часы, и сказал: «Когда время выйдет».

Мешок висел на спине, оттягивая вниз плечи, но я не рисковала его снять. Поставлю под ноги, а ловкий воришка пробежит мимо и подхватит, как сама недавно сорвала платок. Хотя ноша и тяжеловата, но ведь они здесь натренированы, что хочешь унесут. А внутри еда и самое необходимое. Сбережения потрачены, осталась пара полумесяцев в ладони. Дело за лошадью. Ее-то Эйден и пошел искать.

– Чего, малец, – подслеповато щурясь, улыбнулась щербатая старуха, сидевшая по ту сторону прилавка, – часики понравились или снадобья интересуют?

Очень понравились, а вы и не заметили, как их перевернули.

– Ага, – просипела странным басом, пытаясь скопировать мальчишечий голос. Пришлось срочно исправляться, – чего есть от горла?

– От горла, – она противно захихикала, – эти отвары не для мальцов.

– А чего тут такова? – продолжала прикидываться бревном, поскольку песок еще оставался в часах.

– Для мужской силы, – хитро поглядела старуха, – но тебе рановато.

Как по мне, так не только всегда рано, но еще и бесполезно.

– Вот здесь женские снадобья, – хорошо поставленным голосом торговки просвещала бабуля, отдаленно напомнившая бабушку Вашека.

– Для женской силы? – просипела я.

– Дурачье-е, – протянула торговка, – для зачатия, – показала зеленый бутылек, – чтобы семя сгубить, – синий флакон, – и от разных болезней. Когда подружка появится, заходи, продам тебе это, а ты ей подаришь, – стукнула длинным ногтем по синему боку.

Стихии!

Я вдохнула поглубже, опуская глаза, точно вправду смутилась мыслям о подружке, а сама в который раз безуспешно прибегла к дыхательным упражнениям.

Что, если магия храма даровала Эйдену в тот момент не только пресловутую мужскую силу? А вдруг семя перестало быть пустым? Или это уже за гранью и противоречит магическим законам? Ну как устаревший двигатель в ретролексире на новый заменить. Новенький работать будет, а идентичными свойствами обладать – нет. Потому что прежний устарел, такие уже не выпускают. Вот и мужчина вырос, больше не тот мальчик, в котором вытравили способность продолжить собственный род. Так стоит ли переживать из-за вероятности?

Миранда всегда поражалась, наблюдая, как вожусь с ее крохой, и говоря, что у меня талант ладить с детьми. Но просто я их любила. Любых возрастов, от маленьких до больших. Мне было интересно придумывать веселые игры, а дети взамен дарили чистую радость. Вероятно, и правда удивительно находить подход почти к каждому, но я искренне любила детей... чужих детей.

– Возьму одно снадобье, – пробасила, бросая на прилавок монетку и глядя, как у старухи глаза на лоб лезут, – мамке пригодится.

Эйден миновал несколько темных закоулков и тупиков, возле которых караулили местные красотки, пытаясь уболтать любителей женского тела заглянуть на огонек. Впрочем, их дружки, прячущиеся в темноте, Эйдену не интересовали. Он равнодушно проходил дальше, только раз свернув с дороги к низкому окошку неприметного домика. Надолго возле него не задержался, а продолжил путь, пока не набрел на уютный дворик и вошел в него, миновав низкую арку. Уют милому

месту придавала теплая компания, сидевшая за столом и игравшая в кости.

Азарт – одна из людских слабостей. Участники развлекались, зрители наблюдали. Вполне мирное занятие. Даже кости были настоящие: без смещенного центра тяжести, без магнитов внутри и магической способности менять выпавшую сверху цифру. Одинаково плоские грани, равной площади и гладкости, ребра и вершины правильной формы. И точки все присутствовали, единого размера и от одной до шести. К чему облегчать шулерам тренировку? Из желающих присоединиться мало кто мог подметить, что бросок у игроков поставлен по-разному. Кто-то столь ловко придавал кубикам вращение, что оно мешало кости перевернуться после приземления, и на вершине оставалась все та же цифра. Некоторые отлично скатывали кубики в нужную плоскость, чтобы максимально увеличить шансы для выпадения двух боковых граней. А один виртуоз ухитрялся придержать кубик мизинцем, прежде чем заставить скользить в заданном положении.

Кардинал подошел к столу и остановился. Будущих эскорино учили искоренять в себе слабости. Замечать, когда ведут нечестную игру, чтобы предупредить обман. Мало ли какого развлечения захотел бы владыка. Эйден знал о способах, а теперь еще и наблюдал за искусной игрой. Он не первый заглянул в мирный, не представлявший угрозы дворик, все места за столом оказались заняты.

– Чего хотел? – возник рядом юркий малый.

– Ищу неплохого коня.

– О, как, – прищелкнул языком собеседник и мигом исчез. Он материализовался тут же неподалеку, возле одного из сидевших игроков и склонился, зашептав тому на ухо. Быстрый взгляд на мага, легкий кивок на кардинала и в сторону арки – выясни, что за парень, как явился сюда и не прячется ли чуть подальше его дружок-стражник, – были ему ответом.

Эйден продолжал наблюдать за игрой и разорением какого-то бедняги. Малый же вернулся столь быстро, как и растворился за аркой. Доложил, что маг забрел на рынок. Ходил, покупал, робко интересовался лошадьми, а после пришел сюда. На главной улице ожидал только мальчишка с вещами. Уточнение про мальчишку вызвало на лице игрока некую гримасу, но не слыша интонации, с

которой тот прошептал это слово, было сложнее сделать вывод. Внезапно за столом освободилось место. Юркий малый почти ласково обхватил проигравшего за плечо и ловко без лишнего шума проводил за арку. Кардиналу показали на стул.

– Какую лошадь ищешь? – обыденным тоном поинтересовался игрок.

– Гарской породы.

Собеседник кивнул и выкинул кости. Еще пара монет перекочевала из центра к его локтю.

– Хорошая порода. Играешь?

– Не пробовал никогда.

– Попробуй интереса ради. Для начала просто брось.

Он протянул кубики.

Эйден кинул их в центр, выпала тройка. Неумелый бросок. Полнейшее отсутствие даже малейшего навыка в игре.

– Так сколько ты готов отдать за хорошую лошадку? – снова заговорил игрок.

Ответить помешал вернувшийся малый. Он тихо зашептал об ушедшем проигравшемся бедняге: «Если сам отработать не может, то у него сестра...» Игрок прервал его взмахом ладони, а Эйден наконец уловил суть гримасы, прежде показавшейся странной. Интерес.

– Мне не жалко и трех лун, – заявил кардинал, приняв гордый вид.

– Трех лун? – уголки губ собеседника насмешливо изогнулись. – Кто же за отличную лошадку всего три луны дает?

Кости опять простучали по поверхности, а беседа потекла дальше, пока не пришла к итоговой сумме, которой ей и предполагалось закончиться. Эйден с огромным трудом согласился столько оплатить. Ведь это грабеж среди бела дня!

Юркий малый возник снова.

«Имперцы на главном рынке, пока осматриваются», – неслышный шепот наяр не только кардинала, но и самого игрока. «Уведешь», – одними губами произнес мужчина, а малый кивнул и снова исчез.

– Извини, тайл, не продаются больше лошадки. Вот человек сообщил, что всех скупили. Прямо табуном уведут. Половину суммы вперед проплатили.

– Но очень нужна лошадь, – маг из прижимистого скряги тотчас превратился в огорошенного новостью путника, – до зарезу нужна!

Он хлопнул себя по груди, заставив прозвенеть монеты на цепочке.

– Времена беспокойные нынче, – протянул игрок, послушав мелодичный звон. – А пешком всегда надежнее дошагать. «Где лошадь не проскачет, тайл пройдет», – так говорят? – он усмехнулся.

– Не продашь? – отчаянный взгляд мага метнулся к равнодушному лицу. – Ради нее в такую даль ехал!

– Извини, парень, – игрок хлопнул по плечу и снова послушал звон монет.

– А если, – тайл в отчаянии ударил ладонями по столу, – если выиграть?!

«Эх, удалец! – говорил ему взгляд игрока. – Не слишком тебя любит удача».

Эйдену пришлось подвинуть к мужчине последнюю кучку монет, снятых с цепочки, да и ее саму. В кармане осталось лишь два медяка.

– Проиграл, парень, – хлопнул по плечу игрок и убедился, что звенеть там больше нечему.

– Отыграюсь! – глаза мага лихорадочно сверкнули.

– Есть что еще поставить? – заинтересовался игрок.

– Ставлю клинок!

Он положил дрожащей ладонью на стол чудо тайловского мастерства. Отличный подарок, и знающие люди могли оценить его по достоинству. Соперник довольно прищурился.

– Идет, парень. Бросай.

Кости стукнули, перевернулись несколько раз и выдали пятерку. Противник блекло улыбнулся, собрал кубики в горсть, встряхнул и бросил.

Шестерка.

Какой паршивый расклад, буквально на одну точку!

– Забираю, парень, – игрок положил оружие на ладонь, покачал, полюбовался.

Маг промокнул лоб краем тараби, потер глаза под пластинами.

– Переживаешь? Не хочешь клинок отыграть? Больно хорош! Не зря ведь говорят, в третий раз повезет.

– Мне нечего поставить, – Эйден тяжело сглотнул.

– А мальчишка, – игрок поднял голову, – кто тебе?

– Пасынок? – удивился тайл. – Мать его уже того, вот на моей шее и сидит.

– Услужливый мальчик? – противник улыбнулся, взгляд сделался таким, что у темнейшего костяшки пальцев заныли. – Сможет долг отработать, коли его поставишь?

– Пасынка взамен кинжала?

– И десять лун в придачу.

– Мне лошадь нужна, – почти жалобно проговорил тайл.

– Умеешь ты делать ставки, парень! – игрок хлопнул его по спине: – Настоящая гарская лошадка вместо монет, неплохо, а? За толкового работника ничего не жаль.

Кардинал опустил голову, но перед его носом тут же возник красивый клинок. Мужчина схватился пальцами за край стола и крепко сжал. Он еще колебался.

– Ну что, тайл? Коли не годится, уступай место другим.

– Идет, – шепнул маг совсем тихо.

Игрок потер ладони, его пальцы даже подрагивали от предвкушения, так понравилась ставка.

– Мой черед.

Он выкинул кубики. Один из них крутанулся лишний раз и перевернулся набок.

Одиннадцать.

– Бросай, тайл, – игрок расслабленно откинулся на стуле.

Эйден сжал кости в кулаке. Эскорино учили замечать, но не потакать слабостям. Кубики стукнули в пальцах, верхний прижал нижний. Маг раскрыл ладонь и выбросил кости.

Глава 23

Последняя песчинка упала. Не сейчас, чуть раньше. Пора было уходить, а я все тянула. Смотрела в конец переулка, но Эйден не шел. Да и людей на улице становилось все меньше. Оживление спадало, по сторонам появилось больше подозрительных личностей.

Сложно оказалось заставить себя прыгнуть с бочки и побрести по улочке прочь, протискиваясь среди тех, кто еще покупал, и выбираться из квартала. Иногда повеления мага исполнять было непросто.

Я направилась к воротам, мешок оттянул вниз плечи. Эйден сказал, уходить за стену и ждать его там, пока солнце не станет клониться к закату.

Ворота были открыты, в них заходил поток людей, но на площади с фонтаном стало еще оживленней. Люди толпились, что-то обсуждали. Как оказалось, не очередное представление. В голосах отчетливо сквозило недовольство.

– Что за проверки?

– Это они выход перекроют, а нам в очереди торчать боги знают сколько времени!

– Время – деньги.

– Что они себе думают, эти имперцы? С каждым годом законы лишь дурнее становятся.

– Мальчишка у власти, а нужен сильный правитель.

– Хоть какой правитель, все одно, будет грести деньги с юга, как этот их регент.

– Рушится империя-то. К добру ли? Не больно охота войны, сколько за прошлые схоронили? Вот бы мирно пожить.

– Как рабам пожить, пресмыкаясь перед имперцами?

Я отошла на расстояние от гудящей толпы.

Проверка на воротах? И что теперь делать?

У меня побежали мурашки по коже, как только перед глазами будто наяву предстало лицо ликвиадо. Если это он? Стихии!

Я придвинулась к фонтану вплотную и села на землю, обхватив колени руками. Живот заболел, но не от голода. Проглоченное

снадобье начинало оказывать эффект, вызывая мышечные спазмы.

Что теперь делать? Когда придет Эйден?

От волнения становилось только хуже. Успокойся, Сэйна, успокойся. Я схватилась рукой за шею, нащупала цепочку и кулон.

Отвлечься, вот что нужно. Может, не самое время, но ведь все равно теперь ждать. В этой толпе недовольных никто не обратит внимания на мальчишку-оборванца. А мне необходимо досмотреть до конца, чтобы понять, кто все-таки хуже.

Незаметно сняла кулон и провела рукой, а после укрыла книжку, склонившись над ней и положив ладонь на страницу. Уткнулась головой в колени и закрыла глаза. Это не навеянный сон, смогу вырваться из воспоминаний в любой момент.

Придворные толклись в приемной, задевали меня локтями. Толкали, но в кои-то веки не спешили извиниться. Все пребывали в полнейшем шоке. Немыслимо, невероятно! Запретная магия во дворце! Как страшно, как ужасно все это. И ведь девушка была совсем молода. А еще прекрасна. Чудесная Эллина. Она со многими была знакома и водила дружбу.

Я стояла на проходе и всем мешала, но не могла отступить, ощущая эту непомерную слабость, почти до обморока. А не умея заставить себя уйти, проследовать в спальню, где собрались эскулапы, тоже не отважилась.

— Арианна? — меня снова кто-то задел, но в этот раз не прошел мимо. — Почему вы здесь? Не стоит оставаться в комнате.

— Канцлер? — я подняла на него глаза.

— Да вы совсем бледны! Выйдем же отсюда!

Он подхватил под руку и увел прочь. Мы прошли по коридору и остановились в закутке возле окна. Там оказалась банкетка, и канцлер на нее усадил.

— Присядьте, я принесу вам воды.

— Не нужно ничего, благодарю.

— Но вам плохо, — он потянулся к раме и раскрыл окно. Лица коснулся прохладный воздух.

— Что могу сделать для вас?

— Ничего.

Он присел на корточки, чтобы взглянуть в лицо, и взял мои руки в холодные ладони.

– Она была вашей подругой?

– Да, – я выдохнула и зажмурилась, пытаясь сдержать слезы.

– Тише, Арианна, тише, – он погладил по щеке. – Где ваш муж, я велю немедленно его найти.

– Он... уехал.

– Ах, точно, поручение. Позвольте проводить вас до покоев?

Я прислонилась спиной к стене и слабо покачала головой.

– Тогда отдохните немного.

Он отвернулся и прошелся вдоль окна, пока я бездумно смотрела в стену.

– Арианна, сейчас не время, конечно, но мы опрашиваем всех и активно ищем убийцу. Не хотелось бы еще более вас тревожить. Понимаете, тот, кто решился прибегнуть к подобным мерам для увеличения собственных сил, представляет опасность для самого владыки. Наша задача – уберечь правителя.

– Да, я понимаю.

– Вы замечали что-то необычное в последнее время? Ее слова, поступки казались странными? Она проявляла, м-м-м, неудержимую тягу к кому-то? Может, вы видели необычные предметы или...

– Предметы?

– Вы что-то заметили?

– Кольцо. Она называла его Повелителем снов. Широкая печатка с символом, похожим на музыкальный ключ, и непонятными словами по кругу. А при чем здесь вещь?

Канцлер не ответил. Я подняла голову, он смотрел настолько неверяще, будто заявила, что сам владыка забрал силы Эллины, опустошив ее досуха.

– Что случилось, почему у вас такой взгляд? Вы поняли, кто это?

– Нет, – шепнул канцлер, – нет. Это ведь даже невозможно. Совершенно невозможно.

– При чем здесь необычная вещь, канцлер?

– Для маскировки, Арианна. Здесь во дворце сильнейшие маги. Скрыть от них запретный способ сумел бы только умный человек. Он не мог брать напрямую, но использовать некую личную вещь, самый сложный магический предмет, чтобы тянуть через него, вполне.

Этот прием действительно почти никому не известен. Да и вещь должна быть подходящей, редкой, способной поддаться подобным чарам и провести их без сбоев.

– Вы знаете, кому принадлежит Повелитель снов? Вы о чем-то догадались? Скажите, кто убил Эллину, скажите же мне! Схватите! Сделайте с ним то же, что он сотворил с ней!

– Арианна, вы не понимаете.

– Не понимаю чего? – я сжала кулаки, так что ногти впились в ладони. – Кто-то из высокопоставленных лиц, кто-то намного выше ее по положению? Вы сказали, это угроза для владыки!

Он отступил от меня на шаг, качая головой.

– Нет, мы не можем вот так...

Он снова повторялся.

– Чего не можете? – я позабыла, что говорю с самим канцлером, но он и не заметил, все больше и больше теряясь передо мной.

– Мы не имеем права, у нас нет возможности даже просто войти в личные покои этого человека ради обыска. Пока есть лишь подозрения и нет неопровержимых доказательств, нам не откроют доступ. В единственном случае верность этого приближенного будет подвергнута сомнению, если он нарушит одну из заповедей.

Нарушит? Заповеди?

Нет!

В голове зазвучал голос Эллины, вспомнилось счастливое лицо и блестящие глаза: «...в выдуманном мире не нужно никого делить».

Мне кажется, я закричала.

Когда канцлер пришел в себя, когда увел в свой кабинет, где в итоге провели долгое время, то схватился руками за голову и простонал:

– У нас нет другого выбора, Арианна. Нет другого выбора. Вы должны нам помочь.

Затем снова сидели оглушенные, молчали, и наконец он изложил суть своих размышлений и добавил:

– Это могут быть домыслы, невообразимое совпадение, но придется проверить. Какой ничтожной ни выглядит эта вероятность, будто кардинал планирует нечто против владыки, доказательства

найдутся только там, куда имеет доступ он один. В личных вещах, к которым не прикасаются даже слуги.

– Я боюсь, канцлер, что не смогу этого сделать.

– Никогда не предложил бы вам подобного, Арианна, но необходимо провести обыск, а вы должны дать нам шанс, шанс получить этот доступ.

Иными словами, создать прецедент, чтобы появилась причина для обыска. Кардинал нарушит запрет.

– Если он не виноват?

– Тогда мы ничего не найдем, а кроме участников обыска, никто не узнает. Я подберу надежных людей, которым будет известна история от начала и до конца.

– Ходят слухи, что для эскорино это невозможно. – Меня трясло, а беззвучный крик все звучал и звучал в голове.

– Слухи слухами, но никому не ведомо наверняка. Тайны телохранителей надежно укрыты теми, кто растит из них будущих защитников владыки.

– Я не смогу, – повторила, и, кажется, даже губы посинели, а лицо стало бледнее, чем у самого канцлера.

– Понимаю, – он со стоном сжал ладонями голову. – Понимаю.

– Отпустите меня, пожалуйста.

– Да, Арианна, да. Идите. Обязательно придумаю что-то еще, но будем спешить, пока не произошло нового убийства.

Я споткнулась, зацепившись за сдвинутый стулом ковер, уперлась ладонями в стену.

Новое убийство. О, боги! Преступник убьет кого-то еще, и я не спасу его, как не спасла Эллину.

Я шагала за слугой по коридору к знакомым покоем. Шла, точно он вел меня на казнь, а не для помощи светлейшему с переводом. Ноги переставляла с таким трудом, словно к ним привязали камни.

Я куталась в плотную длинную накидку, а под ней лишь тонкая сорочка. Вновь срочный вызов, которого пришлось ждать почти две недели. Срочный перевод для кардинала, работавшего даже по ночам. А во рту у меня золотая пиллюля, и я прижимаю ее кончиком языка к щеке. В нужный момент только надкусить.

Иду, спотыкаясь, замираю перед дверями его личных комнат. Меня проводят внутрь к камину. Здесь так холодно, даже у огня. Очень

холодно. А за окном ночь и все по ту сторону затянуло густым туманом. Говорят, туман к перемене погоды.

– Ана. Спасибо, что смогли прийти. Это будет недолго. – Он всегда разговаривал особенным тоном, не строго, уважительно, почти ласково, но я помнила о дистанции. Помнила с той ночи признания. Почувствовала, как он остановился за спиной. – Вам нехорошо?

Помотала головой, потому что не получалось ответить.

– Присядьте, – попросил он, – к огню.

Мне даже удалось самой обогнуть кресло и устроиться в нем, а Эйден сел в соседнее. Я знала, что он смотрит не на пламя, а на меня.

– Как вы?

Не спрашивай. Ни о чем не спрашивай, пожалуйста.

– Гибель подруги оказалась ужасным ударом.

Боги! Не делай мне еще больнее, Эйден.

Я не смогла, просто не смогла больше держать себя в руках. Разрыдалась и сползла на пол, прижав ладони к лицу. Губы дрожали, слезы все капали и капали сквозь пальцы.

– Ана, – он резко отодвинул прочь кресло, – вы находитесь слишком близко к огню. Ана!

Эйден наклонился, а я повернулась и вцепилась в его колени, судорожно прижалась к ним. Он пытался поднять, но меня не держали ноги. Кардинал опустился на колени сам и взял в ладони мое лицо: «Посмотрите на меня!» Он склонился совсем близко, он так смотрел! Этот чистый неземной взгляд. Он просто не смог бы!

Я не первая преодолела это разделявшее нас расстояние, Эйден поцеловал. Он прижался к моим губам, заглушая рыдания, а я утратила последний контроль и последний разум. Не помню, как надкусила пиллюлю.

Гомон толпы медленно проникал в иной мир. А точнее, это я возвращалась из реальности Арианны. Лицо было мокрым. Сразу ощутила прохладные дуновения ветра на щеках и мигом захлопнула книгу. Вот сейчас, особенно сейчас мне захотелось не просто отшвырнуть ее, но еще и растоптать, разорвать, уничтожить, чтобы и клочка не осталось. Кажется, я ненавидела проклятый кулон, который пришлось вернуть на шею.

Поднявшись на ватные ноги, побрела прочь от ворот в сторону питейного заведения. Я спрячусь там в дальнем углу, чтобы никто не нашел.

Большая кружка чего-то пенного опустилась на стол, наполовину скрыв за ней меня. Слегка потянула носом, почувствовав крепкий запах. А и стихии с объемом, раз там есть алкоголь. Выпью, сколько смогу, и просто посижу немного. Самую малость переведу дух здесь, где мерный гул голосов звучал почти успокаивающе. Даже грохот сердца раздавался теперь гораздо тише.

– Парень, я угощаю, – прозвучало над головой, – разрешишь присесть?

Раздавальщица отошла, а я прикрыла глаза, борясь с желанием спрятаться за кружкой, и выдохнула:

– Садись.

Эйден устроился напротив, а у меня свело судорогой живот.

– Зачем так много? – кивнула на кружку.

– Других порций не подают.

– У ворот суматоха, – сказала ему. – Жители и торговцы недовольны. Говорят, хлопотно всякий раз оформлять разрешение, чтобы выйти.

– Зато внутрь города впускают любого, – задумчиво протянул маг, глядя над моей головой в окно.

Он уже выяснил, что нужно, пока искал меня.

– Как теперь выйти?

Темнейший не ответил, погрузившись в собственные мысли, затем вдруг спросил:

– Ты ушла с рынка сразу, как закончилось время?

– Почти. Самую малость задержалась.

Он посмотрел без эмоций, но вот казалось, будто теперь я научилась улавливать их, даже скрытые совсем глубоко.

– Хорошо, что не задержалась дольше.

– Удалось купить лошадь?

– Не совсем. Но монеты я отдал.

Слегка нахмурившись, пыталась понять, что означало это «не совсем». И кому бы Эйден добровольно вручил наши деньги. А если недобровольно? Тогда и выжить из «участников» сделки мог кто-то

один. Кардинал же в порядке... У меня ладонь сама потянулась вперед. Я ухватилась за круглую ручку и сделала глоток. Пожалуй, чересчур большой. После него так скрутило живот, что даже охнула.

Маг вопросительно изогнул брови, но я отмахнулась от пристального взгляда.

– В полном порядке.

– Не замечал прежде, как ты любишь сидеть в такой позе, – он кивнул на мою скрюченную фигуру. – Сэйна?

Он взялся за кружку и попробовал, но ничего странного не ощутил, снова посмотрев на меня. Пронзительно, как он любил.

– Катись в бездну маг, это последствия снадобья! – накрыла голову руками. Глаза у темнейшего были просто ледяные, словно это я его в храме...

Кружка лишилась своей ручки, треснувшей в пальцах кардинала.

– Тебя нельзя оставлять на рынках одну? – само воплощение хладнокровия сорвался. – Обязательно купишь не то?

– Можно! И очень даже то! Видишь, какая эффективная вещь? – я застонала и уткнулась лицом в деревянный стол. Сейчас сдохну.

Он резко поднялся, отодвинув стул. Большая кружка сменилась кувшином, а кардинал запрокинул мне голову.

– Пей! Тебе не алкоголь нужен, а вода.

В этот раз ему не пришлось заливать почти насильно, я сама делала большие глотки, больше обливаясь, чем наполняя желудок. Но вода помогла. Боль начала понемногу отпустить.

– Ох, стихии, – прислонилась щекой к столу, все еще держа на животе руки. – Что так плохо?

– Ты непривычна к местным снадобьям и никогда не пила подобные настои, будь они от простуды или чего-то иного. И в этот раз не стоило. Большой риск, если только не решила отравиться.

– Ага, решила, – я вдохнула и выдохнула, мышцы понемногу расслабились.

– Зачем?

– Зачем пила? Неужели нужно объяснять?

– Сэйна, мне не дано...

– Ах, все ты можешь! Я уже убедилась. И если на то пошло, то прежде, чем распластать на храмовой скамье, мог бы сам прикупить парочку снадобий.

Он замолчал, и мне не слишком хотелось это обсуждать. Да, едва не отравила себя. Великая потеря для него, потому что пока рано и мы не дошли до конечной точки.

Эйден смотрел в окно, я повернулась туда же. Из питейной хорошо просматривались ворота, люди на площади и фонтан. Маг вдруг взял кружку, обхватив ее ладонями за неимением ручки, и опроверг еще один миф о слабостях эскорино, которых им не позволено иметь. Он осушил ее до дна.

— Это же яд для тела! — у меня округлились глаза.

— Да.

— И? Зачем? Будешь корчиться, как я?

— Слабости нужно изведать, чтобы понять, как с ними бороться.

— Понимаю...

Охране императорского тела не полагались алкоголь, азартные игры, а еще познавать сладости плотской любви. Эйден начал с последнего, затем продолжил закаляться. Какие слабости, когда темнейшему предстояло завоевать мир? Оступаться нельзя.

— Только в следующий раз искореняй слабости с кем-то другим.

Глава 24

Я смотрела на мага и вздыхала, не зная, что нам делать дальше. Эйден устроился лицом к залу и помахивал в воздухе рукой в такт песне. Посетители заходили, выходили, но мы теперь совершенно никуда не торопились. Вот вошли еще трое, а кардинал затянул еще громче.

– Эйден, – зашептала, – не привлекай внимания. Сам же говорил.

– Так уже, – отмахнулся он и продолжил петь.

– Эйден! – я рассмотрела вошедших и пригнулась. – Ну замолчи! Это она. Вон там зашла!

– Кто?

– Стервь с каравана!

Красотка и правда вошла следом за прежними спутниками. Оглядела трактир презрительно и сморщила носик, помахав возле него рукой. Сказала что-то явно из разряда, будто здесь оставаться не станет. Ее темноволосый сопровождающий подозвал одну из раздавальщиц и ткнул рукой в сторону улицы.

– Точно! Пойду п-пздруюсь.

– Стой, ну стой же!

Но даже пьяного мага мне было не удержать. Он бодро поднялся, качнулся и с грохотом опрокинул стул. Сам едва устоял, а затем, грузно и тяжело шагая, направился к выходу. По дороге смачно шлепнул по пышному заду проходившую мимо раздавальщицу, а когда та, взвизгнув, развернулась, сунул в руку монетку за злосчастную кружку питья.

– Горшка не найдеца? – икнул маг. – Чего-то м-мтит.

Я уткнулась лицом в ладони.

– Убирать не хватало! Все дела справлять на улице! – подбоченилась та.

Мегера и двое мужчин ушли, а через окно было видно, что недалеко. Девушка скрылась в поставленном для нее подальше от толчеи шатре у стены, возле которого заняли пост двое охранников, а до нападения на караван их было трое, ее спутники направились поговорить со стражей. Вероятно, насчет отъезда и пропусков.

– Пшел, – услышала голос Эйдена, – н-на воздух.

Он хотел отправиться дальше, затем вспомнил о чем-то, пошатнулся и стал оглядываться.

– А мальчишка? Э! Н-ну там и сиди.

Нетвердым шагом побредя к выходу, умудрился благополучно подняться по ступенькам, споткнувшись только раз, после чего покинул заведение.

Мра-а-ак!

Кардинал выбрался за дверь и, отчаянно шатаясь, отправился к краю здания, временами хватаясь за стены. Свежий воздух слабо остужал, поэтому стремительное верчение перед глазами сперва принял за норму. Как оказалось, его кто-то развернул прочь от угла.

– Э-эй! Што это! Это што? – заплетающимся языком воскликнул маг, пытаясь отстраниться от настойчивого крепыша.

– Со мной пойдешь. Слышишь? – встряхнул за грудки тот и прислонил Эйдена спиной к стене.

Маг благополучно сполз вдоль нее, а крепышу пришлось вновь наклоняться, чтобы его поднять. Он больше не стал разговаривать, а закинул руку Эйдена себе на плечо и поволок несопротивляющегося мужчину прочь от питейной.

Когда его втокнули в неизвестную палатку, задернув за спиной полог, маг благополучно приземлился на грудь подушек.

– Здравствуй, – прозвучал над головой голос, и мужчина поднял глаза. Рядом опустилась черноволосая красotka. Изящным жестом она сняла с его глаз пластины и засмеялась чарующим смехом, а после обняла и крепко прижалась. – Это ты, правда ты! А меня помнишь?

Эйден растянул губы в приветственной улыбке.

– Я не сразу узнала, – она прошагала пальчиками по его скуле и убрала в сторону ткань тараби, – сперва по голосу. А теперь вижу, что не ошиблась. Я так рада! Боялась, ты погиб там, в пустыне.

Она прижалась головой к его груди и обхватила тонкими руками за плечи.

– Услышав в трактире, велела одному из охранников дожидаться, когда выйдешь, и привести сюда.

Она вспомнила об охране и тут же быстро поднялась и выглянула за полог.

– Отойдите от шатра, все трое! Не смейте подслушивать! Я знаю, что отец убрал шумопоглощающую защиту!

– Далеко нельзя, госпожа.

– Встаньте так, чтобы не слышать ни звука чуть громче обычного разговора. Как вы это отлично умеете!

– Исполним.

Смерив раскинувшегося на подушках пьяного мага презрительным взглядом сквозь приоткрытый проем, охрана отошла дальше, а прекрасная незнакомка плотнее задернула полог и снова опустилась рядом с Эйденем.

– Мои спутники пытаются договориться на воротах, но предупредили, что это надолго. Прибыла охрана не из местных, всех ставят в очередь и не желают выпускать без проверки. Знаешь, а мне еще на площади показалось, будто в облике одного из дарителей есть нечто знакомое, только тебя в нем не угадала. Одежда другая и головной убор забавный, еще эти местные пластины от солнца. Однако, знаешь, все равно не смогла бы поверить, пока не прикоснулась к тебе, как сейчас.

Она обвела указательным пальчиком его губы.

– Почему ты бросил ожерелье не мне? Или больше понравился танец той оборванки? – незнакомка с презрением выделила последнее слово.

– Да.

– Да? – девушка обиделась и даже отстранилась немного. – Какой-то босоногой сарканки с обрезанными волосами? Вероятно, тогда ты был столь же пьян, как сейчас. Ах, до чего досадно, что напился как раз перед нашей встречей. Никогда не понимала стремления мужчин пьянеть!

– Я не смог отыскать жены. Ты ее не видела?

Незнакомка напряглась и уселась на колени, громко фыркнув.

– Разве ты не за ней прыгнул? По ту сторону кругом были разбойники и хотели всех растерзать. А еще чудовищные мотры! Мы едва отбились! Хоть в этом хищники помогли, утаскивая раненых бандитов! Так что понятия не имею, куда она пропала!

– И ее дух не являлся тебе в кошмарах?

– Что?

На этом вопросе брюнетка вдруг захрипела, отчаянно вцепившись руками в сжавшую ее горло ладонь. Столь стремительно, что незнакомка не успела заметить, маг из положения лежа переместился на корточки и теперь держал ее за шею, не позволяя вырваться.

– Ты вытолкнула ее из защитного круга, – сдавливая пальцы сильнее, так, чтобы красавица могла лишь сипеть, но не позвать на помощь, пояснил он, совершенно растеряв все признаки опьянения.

– Там... мои... люди...

– Которые могли бы услышать крик, но не стоны.

– От-пус-ти.

– Зачем ты ее вытолкнула?

– Там... была... давка. Случайно... столкнулась... с ней.

Эйден сжал пальцы сильнее, а когда раздался отчаянный хрип, снова чуть ослабил хватку.

– Ты... был мне... нужен.

– Зачем?

– Освободиться от... выбора... отца.

– Всего лишь? Я и сейчас готов помочь.

Он сомкнул ладонь, не обращая внимания на сопротивление, а отпустил, лишь когда брюнетка перестала двигаться. Эйден оглядел бесчувственное тело и достал нож Сэйны. Отсчитал кончиком острия ребра и надавил. Оружие прокололо кожу и вошло в плоть, а на светлой ткани проступила кровь. Маг поднялся, отер нож и воспользовался им, чтобы перерезать завязки, соединявшие четыре части шатра. Он выскользнул со стороны, обращенной к стене, и прошел вдоль нее, незаметно смешавшись с гудящей толпой.

Когда продвигался обратно в сторону трактира и огибал группу мужчин, громко возмущавшихся произволом имперцев, Эйден слегка замедлил шаг. Проходя за спиной одного из южан, бросил на ходу: «Вот так запрут ворота и начнут ольхар убивать!»

В поле моего зрения в окне вдруг возник кардинал, которого тащил другой мужчина, перекинув через собственное плечо руку мага. Третий охранник, про которого подумала, будто погиб в стычке возле ущелья! Я его узнала. Он довел Эйдена до шатра мегеры и втолкнул внутрь. На краткий миг застыла, а затем подскочила и принялась натягивать на плечи мешок с вещами. Выбравшись на улицу,

привстала на цыпочки у стены, чтобы лучше рассмотреть над головами снующих людей полог шатра. Он был плотно запахнут, охрана стояла чуть поодаль, не у самого входа. Что эта дрянь снова задумала?

Мне вспомнилось, как спутник брюнетистой стервы делал заказ в трактире, а после указывал, куда нужно доставить. Если попробовать добраться до шатра с раздавальщицей? Предложу ей помочь и внутрь вместе зайду. Хотя так себе план, если охрана не даст пройти.

Проходящие лошади скрыли от меня шатер. Низенький человек вел в поводу сразу восьмерых, захватив в каждую ладонь по четверо поводьев. Он прошел по направлению к воротам, вероятно, предполагая спокойно влиться в поток торговцев и платформ с товарами, как обычно покидающих город, а вынужден был затормозить, увидев скопление людей. Каждому из выходящих следовало сперва зайти в каменную башню по правую руку, и там им выдавались пропуска. Я отвела от лошадей взгляд и обнаружила, что разносчица вышла из трактира и уже миновала меня, отправившись к шатру с тремя коробками в руках.

Ушла! С досадой прислонилась к стене, завела руки за спину и задумалась. Если стервь узнала Эйдена, то с какой целью велела к ней привести? У нее теперь богатый поклонник, который бросил весьма увесистое ожерелье. Видимо, с серьезными намерениями, поскольку седовласый спутник не иначе, как отец. Значит, кандидатура кардинала в мужья отпадает, ведь так?

В этот момент разносчица подошла к шатру, а путь ей преградил охранник. Он сам забрал коробки, но входить в шатер не стал. Сперва подошел ближе и, наверное, позвал или крикнул громко. Потом постоял. Затем обернулся к своему напарнику, тот в несколько шагов приблизился и постучал по деревянному шесту у входа. Выждав еще с минуту, откинул полог, впуская того с коробками. За происходившим дальше я наблюдала, раскрыв рот.

Охранник не успел донести еду до места. Он едва занес ногу над порогом, как тут же вылетел пулей, уронив заказ на землю и толкнув по дороге разносчицу. Со всех ног помчался в сторону, куда ушли спутники брюнетки. Остальные двое охранников распахнули полог и вломились в шатер одновременно, а следом заглянула любопытная

разносчица. Именно она с криками помчалась прочь, но что голосила, разобрать было сложно. Только эхо донесло: «У...ли». Убили?

Я прилипла спиной к питейной и даже не сразу среагировала, когда за пояс вдруг ухватила чужая рука.

– Уходим! – неизвестно откуда взявшийся Эйден дернул меня от стены и потащил за собой. Возле табуна лошадей мы резко затормозили.

– Садись! – велел маг, подтолкнув к самому невзрачному коню совершенно бурой окраски.

– Э! Куда? – путь преградил низкорослый парень. – Это не твой.

Я напряглась в ожидании скандала, поскольку Эйден ответил:

– А мне он нравится, на гарца похож.

Однако спор с хозяином лошадей внезапно померк на фоне нараставшего кругом волнения. Гул голосов уже отчетливо донес то, о чем кричала рванувшаяся к трактиру разносчица. «Убили, убили», – повторяли кругом. Взгляд метнулся к воротам, где третий охранник что-то отчаянно докладывал спутникам брюнетки. Он и договорить не успел, как они помчались в сторону шатра, а следом двое стражей, оставив свой пост на воротах. Их тут же сменили люди в черной форме, выскочившие из башни.

«Имперцы», – зароптали в толпе. Как оказалось, именно они выдавали пропуска всем выходящим из города.

– Эй! Уйдите с ворот, это не ваш город! – вдруг громко крикнул кто-то.

Прежде спокойно ожидавшие очереди караванчики, торговцы и горожане внезапно заволновались. Тогда на помощь двоим из башни вышло еще пятеро, а один из них приказал, перекрывая шум толпы: «Закреть ворота!»

За начавшейся следом суматохой и мгновенной сменой событий я едва успевала следить. Еще не осознала как следует тот факт, что люди точно кричали об убийстве брюнетки, а прямо на глазах окончательно отрезали пути выхода. Имперцы принялись закрывать ворота, но толпа вдруг стала напирать. Первым выскочил какой-то мужчина и с криком: «Они нас всех перережут!» – помчался вперед. За ним побежали еще люди. На воротах завязалась потасовка, а кто-то ринулся подпереть створки, не позволяя тем окончательно захлопнуться.

– Крепко держись! – Эйден воспользовался тем, что парень отвлекся на драку, и забросил меня на коня. Я даже сесть толком не успела, зато крепко вцепилась в луку седла, а маг поставил ногу в стремя и схватился за повод, другой конец которого по-прежнему оставался у хозяина, когда лошади точно взбесились. Примерно так же вставали на дыбы, ржали и рвались прочь скакуны в караване, когда маг отвлекал внимание путников. Там их удалось успокоить, а здесь парень в одиночку не удержал.

Моя лошадь понесла, но темнейший сумел удержаться и запрыгнул позади буквально на ходу. Люди закричали, отскакивая с дороги, а Эйден пригнул меня к седлу, накрывая собой, и позволил коню мчаться в центре взбунтовавшегося табуна.

Лошади проскочили сужающуюся арку ворот так быстро, что никто не успел бы остановить. Следом наружу рванулись люди, затем послышались визги, громкие вопли и шум, но мы скакали столь стремительно, что постепенно гул стал затихать.

Кардинал направлял коня прочь от города, понукая бежать быстрее. Тем и хороши были гарские скакуны, славясь повсеместно выносливостью и скоростью.

Когда брошенные кости выпали на число двенадцать, хозяин уютного двора долго смотрел на них, а остальные игроки на него. Особенно те, кто забрел сюда, подобно тайлу, и либо уже сидели вокруг стола, либо стояли рядом, наблюдая за костями и планируя собственные ставки. Наконец, мужчина подозвал помощника, и пока Эйден вкладывал кинжал обратно в ножны, сказал:

– Тайл выиграл лошадку. – Затем повернулся к кардиналу: – Он тебе у ворот передаст, устроит? Как раз хозяевам табун поведет.

Маг сделал счастливое лицо.

– Мои не поверят! Настоящего гарца выиграл!

Взгляд его соперника стал еще мрачнее, а Эйден понадеялся, что Сэйна послушалась и уже вернулась на площадь. Встречаться с помощниками игрока пасынку удачливого тайла не стоило. Слишком разочарованным тот выглядел, упустив желанную добычу.

Добавив взгляду эйфории, маг протянул руку ладонью вверх, а игрок нехотя ударил по ней, скрепляя уговор. Простой жест, но очень действенный. Заставлял давшего слово без лишних колебаний его

сдержать. Пальцы обожгло, и кардинал сжал ладонь в кулак, отметив, что игрок будто случайно позабыл упомянуть о породе.

Глава 25

Кажется, целую вечность мы гнали по дороге, когда Эйден наконец перешел на рысь, затем в одном месте заставил коня свернуть на ответвляющуюся тропинку. По бокам встали низкорослые деревья, наполовину укрытые высокой травой. Вокруг щебетали птицы, стрекотали кузнечики. Мирная картина, которую не стоило портить неприятными вопросами.

– Ты ее убил?

Руки, державшие поводья, даже не дрогнули.

– А ты этого не хотела?

– Нет!

Вышло резко, зато это был честный ответ. Я сказала, не задумавшись и не заколебавшись даже на миг. Вероятно, брюнетка заслужила за собственную попытку избавиться от соперницы, но даже в этом случае для меня оказалось невозможным переступить черту.

– Убей я ее, нас бы искали и преследовали одержимые местью отец, жених и их люди. А нам хватает ищеек.

– Тогда что ты сделал?

– Оставил красавице неопасную рану, чтобы родственники сперва кинулись за доктором, а не убийцей. Полагаю, она поймет, когда очнется, как нехорошо выталкивать чужих жен за защитный барьер.

– А заодно спровоцировал панику. Ты же знал, что так выйдет?

– Предполагал.

Я сидела и поражалась тому, как быстро у него в голове сложился план действий, когда приметил незнакомку в окне. Даже кружка с питьем пришлась кстати, окружив мага стойким ароматом алкоголя, который уже успел выветриться.

– Что там сейчас творится?

– Возьмут ситуацию под контроль. В башне всегда имеется дежурный маг. Он, конечно, местный, потому не очень спешил, позволяя от души приласкать имперцев. В любом случае осадок у ольхар останется.

– Мы очень вовремя украли лошадь и проскочили.

– Гарца я выиграл, теперь он принадлежит мне. Разве что масть перекрасили, пытаюсь подсунуть другого коня. Однако малый просчитался, на нем единственном оставив седло.

Теперь стал понятен нечеткий ответ мага относительно покупки.

– Значит, сам выбрал лучшего коня, собираясь поехать на нем, когда пройдет ворота? Забавно.

– Толковые работники на вес золота.

Эйден натянул поводья и остановился, заметив неподалеку относительно широкую речушку, по глубине напоминавшую ручей.

– Не лишним будет его помыть.

И правда, лошадиный пот уже разъедал краску, и та впитывалась в одежду. Сложнее было Эйдену, он ехал на поясице скакуна, а в седле устроилась я. Однако против предложения возражать не стала. Самой бы умыться, а еще размотать платок, который сдавливал грудь.

Спешившись, подошла к берегу, а маг принялся снимать седло.

– Значит, ожерелье против лошади поставил и выиграл?

Поразительно! Азартные игры, алкоголь, от которого, оказывается, не опьянел. Эскорино решил изведать все зарез?

– Выиграй я сразу, навело бы на подозрения. Мне могли не позволить спокойно уйти, а вступать в драку с обитателями трущоб не слишком разумно.

– То есть со второго раза выиграл? А что поставил?

– Кинжал. Я проиграл. Во второй раз бросал кости первым.

Он снял с морды лошади уздечку, а я повернулась к магу спиной, расстегнула рубашку и принялась разматывать платок.

– Что ты мог поставить в третий раз? Разве хоть что-то еще осталось?

Кардинал промолчал. Оглянувшись через плечо, поймала искоса брошенный взгляд и нахмурилась. Что там за драгоценность такая, раз темнейшество не стремился ответить. Вытянув из-под рубашки платок, повесила на плечо и застегнула пуговицы, после чего снова развернулась лицом.

– Что у тебя оставалось для ставки?

– Ты.

Эйден предполагал, что Сэйна разозлится. Но она сжала кулаки и набросилась на него, точно разъяренная йэнна, вынуждая отступить.

Один шаг, второй, а дальше оказался уклон в сторону речки. Пришлось перехватить девушку поперек тела и сжать, притиснув ладони к бокам, попутно развернувшись лицом к воде.

– Я играл наверняка.

Бесполезно. Она не хотела слышать. Вырывалась, сопротивлялась и даже сделала попытку вцепиться зубами в шею. И все это в абсолютном молчании, без ругани, оскорблений и криков. Эйден отклонился и быстро накрыл ладонью ее затылок, тесно прижав голову к груди. Впервые за путешествие она сорвалась до неконтролируемой ярости и стремилась причинить ему физическую боль. Оказавшись неспособной вырваться, девушка со всей силы саданула ему по щиколотке сапогом, и тогда маг ее отпустил. Сэйна взмахнула руками и упала спиной назад, окунувшись в речку. Вода определенно должна была остудить, но не тут-то было. Вынырнув и оттолкнувшись руками, она вцепилась в его ногу и дернула вперед. Эйден успел сгруппироваться, чтобы изменить направление падения и не упасть прямиком на нее. Мужчина вынырнул и отер лицо ладонью, усаживаясь на дно.

– Злейшее зло! – буквально выплюнула Сэйна и хлестнула наотмашь по воде. Маг прикрыл глаза, а брызги ударили по щекам. – Это точно про тебя. Ни слова лжи!

– Конечно, – он облокотился на колени, – легенды не лгут.

– Поразительно, как ты ловок! Алкоголь – яд для тела, но ты пьешь и не пьянеешь! Умеешь правильно выбросить игральные кубики! А особенно поражает уверенность в выигрыше!

– Это бросок Гриего, когда верхняя кость прижимает нижнюю, а при выбросе бьет по ней, стабилизируя в нужном положении. И да, алкоголь токсичен, но к нему нас приучали. Иметь устойчивость к яду не повредит. Азарт – это слабость, зная слабости человека, легко одержать верх.

– А гарема не имелось? Уж больно во всем хорош! Хотя откуда, вас же опаивали разной отравой. Я вижу явное противоречие.

– Тяга к женщине рождает потребность в ней, та ведет к зависимости. В нас вытравливали все подобные желания. И они практически никогда не возникали, но на исключительный случай, когда вдруг не справишься с собой, существовал Повелитель снов.

Сэйна внезапно замолчала, а на лице проступила растерянность, даже испуг. Потом она резко отвернулась.

– Раз уж у нас незапланированное купание, я собираюсь умыться. Будь добр, отвернись.

– Отвернуться?

– Именно! Все уже рассмотрел, больше глядеть не на что!

Маг исполнил просьбу не сразу, наблюдая, как она стягивает с себя мокрую рубашку. Спина ровная, чересчур напряжена. Движения угловаты и отрывисты. За рукав дернула несколько раз, позабыв, что не расстегнула на нем пуговицу. Ткань затрещала. Девушка раздраженно повела плечом и тут же замерла, когда Эйден протянул ладонь и, легко проведя по предплечью, помог спустить ткань ниже.

– Не прикасайся, – прошипела она.

Маг опустил руку.

Сколько еще осталось бесконечной дороги?

Я задавалась этим вопросом, сидя перед Эйденем и ровно держа спину, чтобы меньше соприкасаться с ним, хотя при езде это оказалось не просто. Маг тоже не стремился сократить расстояние. Дистанция ощущалась несмотря на то, что его руки, в которых он держал поводья, были по обе стороны от меня. Среди деревьев вдоль тропы я отыскивала признаки человеческого жилья. Найти ночлег за воротами, когда максимально постарались отдалиться от города, конечно, не вышло.

Держать спину прямо было утомительно, ее уже начало ломить в районе лопаток и поясницы. Отстраненное созерцание дороги, становившейся все менее пригодной для поездки, не слишком помогало отвлечься. Даже переключиться в голове на грустные мысли, что, вероятно, опять будем спать на земле, не выходило. Упорно одолевали умозаключения о том, как опасно становиться на пути темнейшего, чьим планам нельзя мешать.

Внезапно Эйден дернул повод, направив лошадь с тропы. Мы поехали вперед и выбрались на поляну, где стоял покосившийся сарай. Маг спешил, я спрыгнула сама, не ожидая, пока протянет руки. Прошла вперед, оглядывая строение. Прогнившая крыша и сено внутри. Вот он – ночлег. Вздохнула. Придется нагрести больше сухой травы под ноющую поясницу в попытке устроиться поудобней.

Поворошила сено ногой и отпрыгнула, когда оттуда выскочила мышь и с писком промчалась мимо.

Ужин прошел в молчании, на ночлег тоже устраивались без лишних разговоров. Я постелила сворованный платок, чтобы сухая трава не колола руки. Одежда успела просохнуть сама, за помощью к магу не обращалась. Темнейший лежал рядом и смотрел на дыры в потолке, наверное, строил злодейские планы.

Я же бесконечно ерзала. Его рука лежала рядом, отвлекала. Все казалось, будто задевает, даже слегка перебирает кончики волос. И сам он был слишком близко. Я запрокинула голову, посмотрела на мужские пальцы, достаточно длинные, чтобы подцепить те прядки над макушкой, что смешались с сеном. Глупости? Решительно пригладила волосы, а затем повернулась к темнейшему спиной, устроившись на боку. Тщетно было размышлять о собственных ощущениях относительно присутствия Эйдена в моей жизни. Они настолько смешались, что даже не выделить нечто конкретное. Взять хотя бы этот пример: от его близости было тревожно, и одновременно спокойней оттого, что он здесь. Я подцепила пальцами тонкую соломинку и прикусила кончик зубами. Пускай бы опять предложил усыпить, а иначе засыпать буду долго.

Эйден следил за лунными бликами, прыгавшими по потолку и стенам. Сэйна, ворочавшаяся рядом, опять привстала и подгрестила под платок больше сена. Затем легла и потянулась, помяла руками плечи. Лунный свет пощекотал тонкое запястье, а с него перебрался на лоб, затем погладил по щеке и легонько поцеловал свернувшийся у уха локон, решив устроиться на ночлег в мягком колечке. Маг наблюдал за ней, она не поворачивала головы и избегала взгляда. Даже сейчас, едва он посмотрел, отвернула голову.

Внутренний огонь горел так ярко, что мог обжечь, только прикоснись. Одновременно чувственная и исключительно рациональная. Олицетворение обиды и заманчивой приманки, которую легко заглотить. Сэйна всегда четко анализировала происходящее. Даже сейчас размышляла о чем-то или продумывала новые ходы. Можно было попробовать провести вдоль открытой шеи подушечками пальцев, наблюдая, разгорится ли ярче пламя, отвлекая и вытесняя ненужные мысли. Однако она так строго запретила к себе прикасаться.

Маг убрал ладони за голову, а усмешка погасла, спрятавшись в уголках губ. Пора отдохнуть. Впереди короткий, но самый трудный отрезок пути.

Мы снова ехали вперед, минуя степь, поля, берег пересохшей реки, заброшенные поселения. Мне казалось, иногда ветер доносил мелкий песок и жар пустынных равнин, потому я очень обрадовалась, когда свернули к лесной полосе, очутившись среди деревьев. Эйден словно держал в голове карту, зная, где лучше проехать, и это утешало, поскольку хотелось тени и прохлады, а царящий кругом туман рассеивал солнечные лучи.

Кардинал спешился, я спрыгнула следом. Задрала вверх голову, и на лицо упало несколько капель.

Маг отпустил коня пастись и отдыхать после нелегкой дороги с двумя седоками на спине, а сам положил на землю наш опять похудевший мешок.

– Туманное место.

– Облачный лес, – ответил мужчина.

За этот день мы едва ли перебрались парой фраз, включающих больше смысла, прежде чем спешиться, размять ноги, дать коню отдохнуть, поесть самим. Я уже устала от молчания.

– Почему облачный?

– Облака висят низко, в почве воды недостаточно, деревья берут больше влаги из тумана, чем от дождей. По этой причине до сих пор растут, хотя защитная полоса стала уже.

– Она защищает от пустыни? Лес насаждали искусственно?

– Да.

– Двести лет назад ситуация явно была лучше. Ты посещал эти места?

– Нет. Мы изучали карты, чтобы уметь ориентироваться везде.

– А теперь реальность расходится с картами, – я вздохнула, – по ту сторону много заброшенной земли. Немалые изменения за короткий срок. Наверняка насаждения создавались дольше, чем все это пришло в запустение.

Мужчина кивнул, а дальше мы приступили к еде.

Смеркаться начало, когда остановились на краю скалы, нависающей над зеленой равниной. На горизонте собрались дождевые тучи, которые гнал ветер, из-за них становилось еще темнее. В этом месте лес заканчивался, здесь же маг вдруг стянул со спины коня совсем похудевший мешок и с силой хлопнул скакуна по боку. Тот заржал и ринулся обратно по тропе быстрым галопом.

– Эйден! Держи его! – я кинулась было следом, но маг перехватил за руку.

– Пускай уходит. Это последняя часть пути.

– Последняя, – мне сделалось не по себе, – а... куда он пойдет?

– Вернется к хозяину. Такие лошади отлично натренированы отыскивать дорогу домой.

– И что теперь? Куда дальше?

– Дальше ползком.

– В каком смысле ползком?

– В прямом.

Он подошел к округлому валуну и склонился над ним. Мне не видно было, что маг там делал, но камень вдруг закачался и медленно со скрежетом и шумом отъехал в сторону. Затем Эйден поманил к себе и указал на узкую черную нору.

– Нет! – я заглянула туда лишь на краткий миг и тут же отшатнулась. – Я туда не полезу!

– Я пойду первым. – Маг словно не услышал. – Надень на спину мешок.

– Эйден!

Он уже присел на край норы и свесил ноги в черный провал.

– Эйден!

Мужчина оттолкнулся руками и с шорохом исчез в темноте. Слышно было, как шум удалялся, а затем долетел голос:

– Когда приземлишься, вставай на колени и ползи вперед.

Я не сомневалась, что после этой фразы, он так и сделал. Пополз вперед, продвигаясь все дальше и позволяя моему страху остаться здесь одной пересилить ужас перед черными норами.

– Стихии! – прижала к лицу ладони. – Снова бездна!

С дико колотящимся сердцем села на край, сверху уже начал накрапывать мелкий дождик. Зажмурившись, я оттолкнулась руками и заскользила вниз. Мешок закрыл спину от трения, благодаря чему она

не оцарапалась, но, когда ноги коснулись пола, а я зашарила руками по стенам, камень наверху с шорохом и грохотом вернулся на место, закрыв сумрачный свет. Остался лишь неяркий полукруг, очертивший место входа.

Я всегда старалась не дать панике завладеть собой, но сейчас... Прижалась спиной к камню и положила руку на сердце, а потом закричала во весь голос, когда ноги что-то коснулось.

– Сэйна, – позвал Эйден.

Стихии. Я сползла вдоль камня и обхватила колени ладонями. В этой темноте было не различить даже собственных рук. Ничего не видно.

Маг опять слегка коснулся ноги, а я вздрогнула и всхлипнула. Значит, все-таки ждал меня.

– Чем дольше будешь сидеть, тем больше времени мы проторчим в этой норе. Ну же!

Да, он умел вдохновлять как никто другой, но хотелось иных слов.

Я перевалилась с корточек на колени, уперлась ладонями в землю и шумно вздохнула.

– Ползи за мной и не бойся, это просто старый проход в горе.

– К-кто... – я запнулась и снова всхлипнула.

– Я сам его создал. Давай же.

Услышала шорох и поняла, что Эйден пополз вперед. Если буду медлить, то и вправду останусь здесь одна. Я перепугалась и быстро устремилась за ним.

Глава 26

В крошечной темноте время потеряло счет, колени и ладони были невыносимо. Твердый пол и непривычный способ передвижения оказались для меня большим испытанием.

– Эйден, – пропыхтела, – не могу больше ползти.

– Еще немного, – донеслось приглушенное, – мы преодолели большую часть пути. Нельзя останавливаться.

– Давай хоть полежим.

– Ты видела тучи на небе? Пойдет дождь.

– Началась морось, когда мы спрыгнули. Но при чем здесь дождь?

– Проход идет под уклоном, при сильном ливне может заполниться водой.

– Может? – просипела я. – То есть точно заполнится?

– Он был запечатан, но теперь герметизация нарушена.

– В вашем мире есть понятие «герметизация»? Какого мрака, Эйден! Зачем ты меня сюда потащил?

– Потому что останавливаться нельзя.

– Из-за тебя, проклятый кардинал, я теперь ненавижу дождь, лес, туман, пустыни и горы!

– Не будем тратить время на пререкания и обвинения. Пожалуйста, поторопись. – Впервые в его голосе за все время путешествия прозвучала почти мольба, в ответ на нее екнуло сердце. – Неохота сдохнуть так близко к цели, – довершил кардинал.

Мрак!

Однако как бы мы ни торопились, уходящий под наклоном тоннель неумолимо наполнялся водой. Из этого следовал вывод, что ливень на поверхности усилился. Я ужасно устала, но страх удвоил силы.

Сперва колени и ладони только ощущали, что пол стал влажным. Затем вода укрыла пальцы, потом ее уровень поднялся до запястий, но колотить от паники меня начало, когда она дошла до локтей.

– Эйден!

– Близко, совсем близко!

– Мне страшно.

– Мне тоже.

– Да чтоб тебя!

Идиотская паническая мысль повернуть назад, хотя при узости данного прохода только начать пятиться, посетила меня, когда уровень воды дошел до бедра и плескался волнами по стенам.

– Там, впереди, камень, закрывающий выход. Сэйна, я нырну и открою его. Когда вода устремится вперед, удержи дыхание и тоже ныряй, тебя вынесет потоком.

– погоди! – от ужаса, что останусь в этом тоннеле одна, а он куда-то нырнет, я не смогла сразу уловить суть слов, но он уже не ответил. В тоннеле повисла леденящая сердце тишина. Прежде я слышала его дыхание, а теперь только мои шумные вдохи и хриплые выдохи согревали воздух вокруг, а холод становился все ощутимее, поскольку уровень воды рос и рос. Неумолимо и так быстро. Что, если камень не откроется? Что, если он не выплывет обратно?

– Эйден, Эйден, – я звала его шепотом. Одна. В темноте.

Вода касалась подбородка. Сколько нужно плыть до камня? Далеко ли? Хватило воздуха в легких?

Шумно втянула кислород носом, поскольку уже не рисковала открыть рот. Вода поднялась настолько высоко, что приходилось запрокидывать голову, чтобы дышать. Я не двигалась дальше, но и пятиться назад не приносило никакого результата. Уровень уже везде был высоким. Я почти прижалась лицом к потолку, жадно дыша, когда вдруг ощутила течение. Даже не разобравшись толком, почудилось ли оно мне, от испуга сразу затаила дыхание и нырнула. Могла и ошибиться, а еще могла бы вдохнуть поглубже, но уже сложно было мыслить адекватно и действовать четко.

Течение ускорялось и меня повлекло вперед, а потом вода практически забурлила. Воздух в легких начал заканчиваться, мне дико захотелось вынырнуть на поверхность, но пальцы оцарапались о шершавый потолок над головой. Легкие буквально горели, и я с трудом держала рот закрытым, так сильно хотелось кислорода, а потом тело пронесло сквозь полукруглое отверстие и протащило по каменному полу. Вода схлынула, но все кругом было мокрым. Закашлявшись, я лежала, хрипло дыша, побуждая себя привстать хоть на четвереньки, поскольку уровень снова начал прибывать. Вода вернулась, коснулась

щеки и чуть не набралась в рот. Я зажмурилась, затаив дыхание, когда меня обхватили за плечи и рывком вздернули на ноги.

Покачнулась, Эйден удержал и отер лицо ладонью, а после слегка встряхнул.

– Идем. Нам нужно наверх.

У меня настолько дрожали ноги, что, когда он указал на металлическую лестницу, ведущую к люку над головой, я не поверила, будто смогу на нее взобраться. Вода не оставила выбора. Низко на стене горели два светильника, освещая, как стремительно заполняется каменный мешок. Похоже, дождь не просто сменился проливным ливнем, но и близлежащие водяные потоки начали стекаться в отверстие в скале.

Светильники вдруг мигнули и погасли. Снова темно! На слух маг уже взбирался по лестнице, и я нащупала ее и ухватилась ладонями за скользкие бока. Поставила одну ногу на нижнюю ступеньку, затем с большим трудом подтянулась выше, поставила вторую ногу.

– Не открывается. – Мне стоило взобраться по всем этим треклятым ступенькам, чтобы услышать его слова. – Придется расколоть. Нужна сила для заклинания.

Он протянул руку, чтобы я ухватилась за нее и подтянулась выше, почти достигнув его лица. Меня же настолько утомил весь переход, что воспринимала его действия почти равнодушно. Мы оба балансировали на узкой металлической лестнице, при этом маг притянул вплотную к себе и положил ладонь на затылок. Поцелуй был коротким, но опустошающим. Я слабо вспоминала последствия такого обмена магией, но равнодушие еще не покинуло и здравый смысл не спешил приводить в чувство. Какая разница, если в этих условиях все равно нет способа лучше? Меня бросило в жар, затем накатила истома, а после Эйден прижал меня к груди, и люк над нами раскололся. Мужчина заклинанием разбил и сдвинул куски каменной плиты, поскольку физических сил точно никому бы не хватило.

Он выбрался и вытянул меня наверх. А после я села прямо на каменный пол и обхватила руками голову, пока маг ходил по комнате. Негромкий щелчок, загорелись светильники. Помещение выглядело старым, заброшенным, с бесформенной грудой чего-то в самом углу, накрытой истлевшим покрывалом, которое готово было окончательно рассыпаться от любого прикосновения.

– Она не доберется сюда? – посмотрела на люк.

– Даже если поднимется настолько высоко, опасности для нас больше не будет.

– Это твой дом? – оглянувшись по сторонам, потихоньку приходя в себя.

– Нет, – маг усмехнулся, – разденься, нужно высушить одежду и согреться.

Непослушными пальцами принялась расстегивать пуговицы.

– Мы шли сюда за чем-то ценным, но это не твой дом? – уточнила я.

– Полагаю, в моих владениях давным-давно вскрыты все тайники, а само оно разнесено по кирпичику, в попытках отыскать то, чего там никогда не было. Цель нашего путешествия здесь, в поместье канцлера. Едва ли он ее отыскал, иначе владыкой был бы совсем не тот, кто сейчас.

Темнейший усмехнулся.

– Почему именно канцлера?

– Проще было спрятать у него под носом, чтобы точно не сумел найти. Он слишком сильно меня недолюбливал.

Я сразу поняла, о каком человеке он говорил.

– Вероятно, теперь дом принадлежит потомкам того канцлера, с которым ты был знаком?

– Нет. Он не менял владельцев. Мой давний знакомый не только жив, но является регентом при юном владыке.

Я затаила дыхание.

– Такое возможно?

– Не для всех, – Эйден посмотрел загадочно. – Ну что же, сперва обсохнем?

Я сняла одежду и положила на пол, присев на корточки и обхватив колени руками.

– Холодно?

Помотала головой. Нет. И хоть я дрожу, согревать не нужно, достанет сухой одежды. Покрепче обняв плечи, пыталась уверить себя, что это конец пути. Мне до сих пор слышался плеск воды и ощущалось, будто она касается подбородка. С трудом заставила себя начать одеваться, когда Эйден отдал штаны и рубашку, и отошел, занявшись собственными. Я опустила глаза в пол, размышляя,

насколько сильно мужчина желал попасть именно сюда. А ведь в норе кардиналу пришлось тяжелее. Это он нырял в темноту, надеясь, что камень сдвинется. Как же сейчас мне хотелось оказаться вдалеке от этого места. Подальше от мага, его загадок, таинственного нечто, спрятанного в доме старого знакомого. А если точнее – врага. Я устала, просто очень сильно устала.

– Что дальше? – попыталась отжать короткие волосы, но махнула на них рукой, хотя ворот рубашки намок.

– Другие комнаты. Эта прежде использовалась для хранения, отсюда только один проход в алтарную.

– Алтарную? Канцлер религиозен?

– Канцлер обязан уважать религию собственной страны.

Эйден неслышно подошел и остановился позади, а я вздрогнула от прикосновения его ладони к затылку. Волосы просохли, и маг убрал руку.

– Значит, пойдем дальше?

Я кожей осязала его присутствие за спиной. Ощущение опасности и дискомфорта рядом с магом неслабо давило на нервы. Конец пути. Уже конец пути.

Сделала шаг в сторону стены, где виднелись очертания прохода.

– Надеюсь, он там не молится?

– Едва ли и раньше молился. У канцлера всегда и для всего было надежное прикрытие, но мало того, во что реально верил.

– Тогда идем!

Я поспешила к стене и остановилась, пропуская мужчину вперед. Он повернул ручку, затем толкнул деревянную дверь, после навалился плечом, и та закрипела, раскрываясь.

Эйден прошел первым, придержал тяжелую створку, я скользнула следом и сделала несколько шагов в освещенное огнем сотни колеблющихся светильников пространство, прежде чем остановиться точно вкопанная. Стало трудно дышать, голова закружилась от того, что увидела. Дверь за спиной захлопнулась, а я, попятившись, уперлась в стену.

Алтарь здесь был, и вполне обычный. Мраморный прямоугольник, вокруг которого стояли красные хрустальные шары с огоньком внутри. Этим колеблющимся красным светом очерчивались изгибы женского тела, застывшего поверх алтаря. И на понимание

того, что изогнувшаяся в страстной позе женщина – всего лишь статуя, у меня ушло несколько минут. Невероятно искусно выполненная, точно живая, сверкавшая украшениями поверх тонкой шеи, вокруг изящных щиколоток, на запястьях. Даже голову охватывал драгоценный обруч, а волосы спадали до самого пола, и по ним скользили красные блики светильников. Точно живая, но давно ушедшая.

Спазм сжал горло.

– Ана, – негромко проговорил кардинал.

Он тоже узнал. Конечно же, сразу узнал, тут невозможно было ошибиться. Вместо божества на алтаре было ее изваяние.

Эйден подошел ближе. Провел пальцами по волосам, от щеки вдоль шеи до высокой груди, легко очертив изгибы. Рука замерла на поднятых бедрах. Свет так причудливо колебался на алебастровой коже, будто статуя вздохнула от его прикосновений. Еще немного и запрокинет голову чуть дальше, а роскошные волосы заструятся живой волной. Ана улыбнется призывно, заманчиво, как манила вся ее сладострастная поза, чуть шире разведет колени и раскроется ему.

Маг убрал ладонь. Отвернулся. А я... так и стояла, застыв подобно этой же статуе.

Что это? Зачем она здесь?

– Канцлер болен? Он не в себе? Он посвятил святилище женщине!

– Сложно было не заболеть этой женщиной, – задумчиво отозвался Эйден.

– Эта поза, эта...

Маг скривился брезгливо, а мне вдруг стал ясен смысл и сделалось невероятно тошно. Не задыши я часто-часто, и могло вовсе вывернуть наизнанку.

– Уйдем! Уйдем обратно!

Я принялась искать на ощупь ручку, ладонь подошедшего Эйдена накрыла мою: «Нам нужно в другую сторону».

И он потянул обратно, мимо алтаря, к противоположной стене. Провел рукой, и очертания прохода проявились. Трещина пробежала вверх, в сторону, изогнулась, обрисовав контур двери. Затем раздался треск и часть стены выехала внутрь комнаты, съехала вбок, открыв проход, достаточный, чтобы в него протиснулся человек. Впереди оказался полукруглый зал со скамьями, с еще одним алтарем, но

изображениями божеств на нем. Внизу стояло всего несколько светильников и простые подношения в виде полусохших фруктов.

– Так себе угощение, – прокомментировал Эйден, бросив взгляд на пол.

Я опустила на скамью и прижала пальцы к вискам.

– Мерзкий извращенец! Он болен на всю голову!

Маг подошел к тяжелым бархатным портьерам и раздвинул их. По ту сторону в темное окно бились капли дождя. На улице царила ночь, и свет луны заливал лужайки.

– Слуги должны уже спать. Мы можем пробраться в кабинет.

– Кабинет?

– Самая защищенная часть дома, там хорошо прятать ценные вещи. – В уголках его губ появился намек на улыбку. – Ты готова идти? Куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

В доме было тихо, и мы не тревожили спящие по углам тени, крадась совершенно бесшумно. К наиболее защищенному месту подошли абсолютно спокойно и опять же легко открыли замок. Он щелкнул от одного лишь прикосновения Эйдена к ручке.

– Как ты это сделал? – скользнув за ним в темноту кабинета, я наблюдала, как маг осторожно прикрывает дверь.

– Мне удалось подготовиться.

В чужом доме пройти так, чтобы не затронуть охранную систему? Ведь тут не тревожная кнопка, а магия. Неужто канцлер не позаботился о защите? Нам даже ключ не пришлось разыскивать в темноте по неизвестным тайникам! Замок сам открылся. Казалось, будто дом воспринимает Эйдена точно второго хозяина.

И тут я наконец догадалась. Вспомнился спонтанно созданный портал и как кричал владелец «моего» жилища, но в другом мире. Он обещал, будто дом не выпустит, дверь не откроется чужаку. Только я-то была хозяйкой, лишь по другую сторону «зеркала».

– Оба мира зеркалят друг друга, ведь так? Ты купил или построил с той стороны дом? На месте особняка канцлера?

– Ты умная женщина, – улыбнулся Эйден. – Это был заказ на строительство. Пустые стены, очертившие контур, фундамент и крыша, замкнувшие его.

– Поэтому ты хорошо ориентировался в моем мире? Ты там уже бывал. И мой дом нашел без проблем. Кому он принадлежал по эту

сторону?

– В мое время это был городской особняк супруга Аны. Он же в точности повторил структуру прежнего строения, переселившись в иной мир, да еще на старом месте. Подобные «зеркала» притягивают к себе, это зов крови.

– Зачем ты все это делал? Для чего? Правда искал власти?

– Силы, не власти. А это несколько иное. – Все время нашей беседы Эйден крепко держал меня за руку, но сейчас подтянул ближе. – Позволишь?

Кинжал тайлов возник из ножен и быстрым движением прочертил на ладони тонкую черту, а Эйден провел языком вдоль ранки. Глаза полыхнули синим, и радужка посеребрилась, а маг улыбнулся.

– Соединим обе стороны?

Дом содрогнулся, а я устояла на ногах лишь потому, что маг держал.

– Что это?

– Конец поисков. Я готов открыть тайник. Ты пригласила наших друзей?

– Кого?

– Регента и ликвиадо.

– Я никого не приглашала!

Эйден прижал крепче к себе, наклонился ниже, будто мы обменивались тайнами на ушко.

– А как же подсказки? – губы слегка коснулись виска. – Перенос ликвиадо точно ко мне, браслет против запретной магии, указавший на караван, незабываемый танец на площади? Я бы догадался, они, впрочем, тоже. Ведь имперцы явились в южный город, который мы миновать не могли.

– Я объясняла и про браслет, и про перенос, а танец вообще ни при чем!

– Со временем вышла промашка, они примчались с опозданием и не имели счастье им любоваться.

– Это все случайности!

– В мире много случайностей. Однажды ты сказала, что я едва ли помню время после казни. – Маг задумчиво провел по моей щеке.

– Я помню, – тихий шепот, от которого стало еще больше не по себе, как и от ласковой манеры обращения. Он даже держал бережно:

не грубо, не больно, зато крепко. – Помню жажду жизни. Душа не забыла, о чем сильнее всего мечтал перед гибелью. А я хотел выжить, чтобы вернуться! Но что может душа? Убить? Забрать кровь? Она ведь разделена с телом. Зато заманить в ловушку тех, кто поддался чарам... Страсть – это не только тело, влечение – не просто физиология. Я не владел запретными способами прежде, но спустя время отточил мастерство. И это тоже случайность, как видишь.

Я уперлась в его грудь ладонями и попыталась вырваться.

– А теперь черед за финальной закономерностью. Пора главным участникам собраться вместе, чтобы закончить игру.

– Эйден! Отпусти!

Он демонстративно разжал руки, я вырвалась. Маг с улыбкой отступил на несколько шагов, очутившись в центре комнаты.

– Не спешишь открывать портал? С твоей проницательностью ты уже догадалась, куда мы шли и что за ценность в тайнике. Способ обрести абсолютную свободу, ни от кого не зависеть. Понятное желание для женщины, чьей жизнью каждый распорядился по-своему. Отец продал дочь, муж отдал ее канцлеру, тот решил подложить под кардинала. Они преследовали собственную выгоду, совершенно забыв, что ты – живой человек. Я прав, Ана?

– Я не Ана!

– Нет? – он усмехнулся.

– Разве ты не видишь, что я совершенно другая?

– Невозможно забыть, как она танцевала, – Эйден очертил в воздухе женскую фигуру. – Единожды увидев на представлении в честь праздника владыки, запомнишь навсегда. У орксанок это в крови. Твоя бабушка была с островов, она научила не просто танцевать, но жить в танце.

– Разве подобное умение служит доказательством?

– Ана в совершенстве владела тремя языками. Она могла бы зачаровать йэнну, научившись от дедушки-ольхара словам заклинания. Поэтому та не набросилась и не укусила. Однажды ты восхитилась, как много мне известно о традициях разных народов, и в твоих глазах светилась искренность. Но ведь именно Ана научила меня всему, что мог знать человек, знакомый с различными культурами не понаслышке.

– У меня был дневник! Все это время. – Я рванула наверх шнурок с золотым кулоном. – Это вещь Арианны, она хранилась в нашей семье. Наваянные сны, ты помнишь? Ты сам о них спрашивал.

Он равнодушным взглядом смерил крохотную золотую книжку.

– Там написано и о снадобьях? О том, что на юге действенное средство сварит любая старуха из подворотни?

– Почему нет? Что ты можешь знать о жизни Аны, когда тебя не стало?

– Я вижу, что знания не заменяют опыт. Жена тайла была с равнины. Сколько она заговаривала твою рану? Три дня. Ана практиковала науку ведов с детства, и моей ране хватило минуты, чтобы затянуться.

Он не двигался из центра, я не приближалась к нему, но напряжение, словно разряды тока, прошивало воздух.

– Роль выдержана до конца, Арианна. Ты оговорила лишь раз, когда простонала «Боги!» в том храме. В вашем мире верят в стихии.

Я рассмеялась. Какой глупый прокол! На что мне вздумалось лечить его плечо в соляной пустыне? С больной рукой не удержал бы на краю? Но кто тогда ведал о будущем восхождении? А оговорка! Насколько она ничтожна. Один-единственный раз, когда не владела собой.

Глава 27

Смех становился громче, проносясь во мраке чужого кабинета. «Прелестная лгунья», – так темнейший меня называл. Взять себя в руки мне стоило огромного труда.

– Помнишь все, что я говорила? – задыхаясь и утирая слезы, спросила его. – Наблюдал за всем, что делала! Вначале тебя смутил только дар открывать порталы? Ты не подумал тогда, чем все это было вызвано? Бесконечная череда жизней! Невозможность уйти и навсегда от этого освободиться! Твое проклятие, Эйден!

– Ты говоришь о заклятии, Ана.

– Аны больше нет! – судорожно сглотнула. – Как и светлейшего кардинала! Всех тех людей, кто остался в прошлом, канул в небытие вместе с ушедшим временем!

Тщетно пыталась не кричать, потому что перед глазами словно наяву встало то утро. Я надкусила капсулу случайно, и яд попал в обоих. Отобрал сознание. Усыпил. Кто перенес нас на кровать светлейшего? Какое теперь имело значение? Ведь фактически я не спасала невинную жертву от хладнокровного убийцы, но подставляла опасного соперника, помогала развязать руки другому человеку. Никакого реального обыска не состоялось, была лишь подтасовка фактов. А утром я очнулась в чужой постели, разбуженная грозным окриком самого владыки. Ночь, когда между нами ничего не было, но кардинал нарушил запрет. Канцлер стоял здесь же, возле кровати, со скорбным выражением лица. Я перевела взгляд с владыки на мужчину рядом, его руки оказались закованы в браслеты, особенные, изготовленные для сильнейшего мага. Его ресницы дрогнули. Легкий поворот головы помог быстро оценить ситуацию, уловить главное в лицах, фразах, позах, задержались прозрачные глаза только на мне. Не на враге, не на владыке, не на эскорино, окруживших кровать, – на предательнице. Глаза в глаза и в самое сердце. Все мои чувства тогда померкли: растерянность, непонимание, страх, а чистый взор менялся, становясь все темнее, темнее. И сердце сжалось от взгляда, способного убить холодной пустотой, за которой едва угадывалась боль, моя боль,

отраженная стократно. «Ана». А потом его схватили, вытащили из постели и уволокли прочь из комнаты.

Боги!

Я резко отерла слезы.

– Я все равно узнал бы тебя, – произнес он тихо, – лицо и тело не имеют значения.

– Ты всегда был очень умен, Эйден! Как же мог не предвидеть, что я стану предательницей?

– Я полюбил впервые.

Мне пришлось отвернуться. Тяга к женщине – слабость! Чего эскорино стоило влюбиться, да так, чтобы чувство разрушило все, внушаемое годами. Чего стоило довериться женщине, не смея даже заподозрить в ней главной опасности?

Подступившая истерика норовила засосать меня с головой, глубоко, глубоко, откуда не было выхода. На борьбу с ней едва хватало сил.

– Ты полюбил, поэтому проклял.

– Это было не проклятье... – Эйден не договорил. Дверь распахнулась. Внутрь вломились ликвиадо, мужчины в форме и еще один человек с высокомерным лицом, ступавший твердо и уверенно, будто настоящий хозяин. Светильники разом прогнали сумрак кабинета, осветив всех нас.

Последний из вошедших внешне не напоминал старика. Несмотря на седые волосы, он все еще излучал мощь и силу. Канцлер! Мужчина, которого ненавидела едва ли не больше самой себя. Умный змей, обманувший наивную дурочку. Тот, кто, добившись с моей помощью желаемого, не удовлетворился результатом, но продолжил преследовать. Он не оставлял ни здесь, ни в том мире, куда сам же сослал якобы за связь с кардиналом.

– Друзья, вы задержались, – Эйден улыбнулся.

Финальная закономерность. Он снова решил, будто я позвала. Теперь он не искал ни оправданий, ни объяснений моим поступкам.

– Стой на месте! – приказал ликвиадо. – Ни шага в сторону девушки!

Он бросил быстрый взгляд на меня, как и старик. По прожитым годам бывший канцлер все же был таковым. Новый регент уставился жадным взором, а на лице его все отчетливее проступало

разочарование. Родственница, но едва ли похожа. Конечно, он не узнал во мне той женщины, чья красота оказалась для нее роковой. Чья статуя столь искусно запечатлела даже малейшие черты совершенной внешности. Он и не смог бы узнать. Он хотел обладать несравненной красавицей, обычная женщина ему была не нужна.

– Боитесь, что использую порталы? – Эйден смеялся.

– Ты загнал себя в ловушку, – ответил Ликвиадо, – но, если дернешься, останешься лежать на полу. – Мужчина держал руки наготовку, как и стражники. – Явился поквитаться? Надеюсь подкараулить регента в собственном поместье и убить?

– Я пришел за одной вещью, спрятанной здесь.

– В моем кабинете? – по-змеиному прошелестел канцлер.

– Я давно ее искал, – уголками губ улыбнулся Эйден, а старик понял без слов.

– Встаньте за дверь! – коротко велел он. Стража переглянулась, но подчинилась беспрекословно.

– Ты блефуешь, кардинал, ты не мог здесь ничего спрятать, – продолжал Ликвиадо, а затем оглянулся на родственника. – Зачем ты выслал их прочь?

– Потому что наш противник истощен, я прав, темнейший? Казнь не прошла даром, и маг совсем лишился сил.

– Конечно, прав, ведь ты сам выбрал способ. Долгий, мучительный, как оказалось, не самый надежный. Однако я предупреждал, что вернусь.

– Ты еще расскажешь мне, каким образом, а пока вели девчонке открыть портал к источнику.

– К чему ей тратить силы? Источник уже здесь.

Он указал под ноги, молниеносно начертив ступней отпирающий символ. Плиты начали трескаться, я покачнулась, когда земля снова дрогнула, и отпрыгнула назад, глядя, как разверзается передо мной отверстие. Ликвиадо и регент стремительно попятились. Арс Адо от потрясения даже опустил руки с заготовленным заклинанием. В полу ширилась дыра, формируя круг, точнее колодец, с оборванными краями. Источник с голубой светящейся водой. Она вспыхнула так ярко, что мигом погас весь остальной свет, а ровное мерцание выхватило из темноты наши шокированные лица.

– Быть того не может! – прохрипел канцлер. – Магический источник прямо в моем доме!

– Магический? – вскричал ликвиадо. – Он давно исчез! Пересох, напав на землю силой. Его существование – легенда.

Однако оба устали на мерцающую гладь. Кардинал стоял спокойно, не двигаясь, не провоцируя, а я сделала крохотный шаг к колодцу.

Первоначальный план определенно дал трещину, и новый приходилось выстраивать на ходу. Регент сперва убедился, что, как маг, Эйден не представлял угрозы, а затем отослал стражу, едва услышав намек на источник. Ликвиадо оторопел, увидев мерцающий колодец. Он, как и прочие, упорно верил, будто волшебной воды давно не стало, не раздумывая над тем, почему в земле до сих пор оставалась магия. Что питало ее? Однако бывший канцлер не предвидел, что при минимальном запасе Эйден решил воспользоваться помощью самой магии, создать резонанс и отразить образованную волну, чтобы удар пришелся как раз на старых «друзей». Резонирования источника хватило бы расколоть пол под их ногами и отправить родственников в самую бездну. Отличный дар магическому колодцу, ведь Эйден сам бы уничтожил их с большим наслаждением.

Однако в двух ключевых моментах задуманное расходилось с исполнением. Первое – стражники оказались необычными. Эскорино! С каких пор император давал им приказ охранять не себя, а регента? И второе, когда Эйден только сделал попытку усилить отчетливо слышимую им песню источника, он ощутил силу, которая могла помешать направить звуковую волну и сама готова была послужить отражателем.

Он бросил внимательный взгляд на регента и заметил тонкий край браслета. Один – на правой руке, и второй – на левой. Накопители. Непростые. Никогда бы в жизни Эйден не смог предположить, что дойдет до подобного. Браслеты излучали силу эскорино. Запретная магия на самом виду. В действии! Усовершенствованный вариант. Она тянула энергию из стражей, оставшихся за дверью. Вот еще одна причина, почему регент был исключительно спокоен и уверен в себе. Он убедил мальчишку-владыку в том, чего ни один здравомыслящий

человек не позволил бы. Владыка приказал, а эскорино покорились. Столько силы в одних руках!

– Кто же оказался прав в нашем споре? – вздумал поглумиться регент. Он прекрасно чувствовал себя, заранее празднуя победу. – Ты давно начал поиски источника, еще когда был жив старый владыка. А я верно утверждал, что светлейший кардинал хотел власти. Он желал стать новым правителем, но не сознался в этом даже под пытками!

– Силы, не власти, – улыбнулся маг, – но тебе сложно принять это, регент. Ведь силу я хотел не для себя, а ради защиты владыки.

«Истинные эскорино готовы отдать себя до последней капли крови, но так ли они не способны предать?» – задал в свое время вопрос канцлер, а тот, кому служил светлейший, рассудил, что могут, ведь в личных вещах были найдены записи об источнике.

– Регент, будьте осторожны, – выкрикнул ликвиадо, – он мог создать мираж!

Мираж? Смешно. Воздух вокруг потрескивал от магии.

– Ему бы сил не хватило перетащить источник сюда. Как он это сделал?

– Просто, – ответил темнейший, продолжая напряженно размышлять о выходе из безвыходного положения. – Самым простым было создать канал для источника по ту сторону, где никому бы не пришло в голову его искать. В другом мире есть масса возможностей, например, если оставить на анонимном счету достаточно денег, то работа будет оплачиваться регулярно и завершится в срок. Главное, найти надежного исполнителя.

– Ты соединил обе стороны! – восхитился бывший канцлер. – Это же прекрасно. Это нам и нужно. Теперь, когда мой гениальный потомок убедился, что перед ним не мираж, тебе, кардинал, придется раскрыть последнюю тайну. Я же не зря не убил тебя до сих пор. Кстати, Арс, достань-ка вещицу.

Ликвиадо вынул из кармана нечто, напоминавшее амулет в виде лодочки, в центре которого горел алый камень. Эйден с трудом удержал на лице невозмутимое выражение, но челюсти свело. Извлекатель душ! Что же, шантаж всегда был излюбленным методом канцлера.

– Боюсь, после прошлого раза для извлечения почти ничего не осталось. Так в чем же вопрос? – он изогнул бровь.

– Как подчинить источник? Только не вздумай болтать, будто можно выпить водички, это способ для детей. Ты уничтожил главный секрет, я знаю. В источник нужно влить собственную силу, но там должно быть что-то еще. Учти, кардинал, ложь я легко распознаю.

– Какой мне прок открывать вам секрет? Вы меня не отпустите.

– Твоя смерть на этот раз будет безболезненной и быстрой.

Ликвиадо демонстративно опустил извлекатель, и камень потух.

Темнейший улыбнулся.

– Хорошее предложение.

А еще тот самый вариант. Теперь единственный.

– Говори!

– Источник не подчинить, – произнес Эйден, наблюдая, как мрачнеет лицо регента, – но за влитую силу колодец заплатит силой, а вкупе с ценным даром он наградит чем-то соизмеримым.

– Даром? – Глаза регента блеснули, он жадно ловил слова кардинала и старательно сопоставлял со всем, что прежде удалось прочесть. – То есть влить силу нужно с подношением в виде чего-то ценного для себя?

– В любом порядке.

Так вот в чем крылась главная загадка. Бывший канцлер ликовал и мысленно потирал руки. Поэтому темнейший предпринял это путешествие. Он надеялся к своим крохам силы добавить нечто ценное. А регент уж было решил, что кардинал окончательно спятил.

Эйден заметил быстрый оценивающий взгляд на потомка. Тот стоял к регенту спиной, по-прежнему полагая, что главная угроза в комнате – это темнейший. Маг просчитал по отрывистым движениям врага, сколько тому понадобится времени, чтобы достать припрятанный нож, который был обещан ему в качестве легкой смерти. Регент примерился. Ударит между лопаток? Достаточно, чтобы оборвать любой намек на сопротивление, а после несложным заклинанием столкнуть потомка в источник и влить силу. Чем же колодец отплатит за столь ценный дар? За родную кровь и продолжение рода? Глаза регента алчно блеснули, а у темнейшего оказалось в распоряжении несколько секунд, когда свечение браслетов погасло и ненадолго уснула обращенная против кардинала сила.

Эйден приготовился усилить песню источника, другого момента не будет, но... Еще одно но! Пение неуловимо изменилось, а на

поверхности начала образовываться воронка. Пока трое мужчин переклЮчилиcь друг на друга, Сэйна оказалась на краю колодца.

Портал!

Не стоит недооценивать женщину, он понял это давно, а такую, как Ана, тем более. Однако Эйден снова отвлекся на иного врага.

В руках регента блеснул клинок, и остались секунды для нового решения.

Она стояла на самом краю...

Пока бывший канцлер выпытывал у Эйдена, как же подчинить себе источник, я подобралась почти к самому краю. Мне нужно было сосредоточиться, собрать все силы, чтобы расколоть пространство впервые не для себя самой. Смогу ли? А если погибну, перенося всю эту мощь? У Эйдена не осталось путей отхода, он уступал регенту и ликвиадо по силам. А допустить, чтобы магический родник оказался в руках бывшего канцлера, я не могла. Когда колодец опустеет, кардинал сможет воспользоваться шансом и уйти через него.

Эйден не зря подозревал, будто я стремилась к источнику. На поверхности воды уже закручивалась воронка. На висках и спине проступила испарина. Это оказалось тяжелее, чем думала. А в запасе имелось совсем немного времени, какие-то жалкие секунды, прежде чем все поймут, что я делаю.

– У тебя не осталось сил, кардинал, отступи, – прогремел голос ликвиадо.

Последние мгновения, когда позади вдруг раздался надтреснутый голос: «Здесь мой дар и моя сила».

Резкий толчок, и на краткий миг тело вдруг обрело невесомость. Я взлетела и тут же погрузилась в самый центр водоворота. Вода наполнила легкие, плетение силы оборвалось, и почти завершённый портал захлопнулся. Бесконечное кружение и вращение потянуло на дно бездны полыхающего голубым источника.

Я снова отвлеклась не на того противника.

Арианна. Ана. Сэйна. Девушка со множеством имен – сосуд его силы. Он никогда не проклинал ее, лишь отдал свою магию.

«Сэй Ю Ари Тэ Анна, Мэ Ю Нэр, Сэй Ю На, Сэй На». Сэй На – завершающие слова измененного им заклЯтья. «Прими мою силу, Арианна Мэнэр, пока не возродишь». Он переделывал их на ходу, пока

душу вынимали из тела. Оно звучало очень похоже на старое проклятье: «Ты не найдешь покоя, Арианна Мэнэр, пока не возродишь».

Ее новое имя звучало как дань обреченности. И та свобода, о которой говорила – свобода уйти и не возвращаться, – теперь была дарована. Новой жизни не наступит, они больше не связаны. Отданная девушке добровольно магия была столь велика, что, наполнив энергетическую оболочку, не позволяла той ускользнуть даже после гибели оболочки телесной. Словно прочная нить привязывала его сосуд к земле, пока он на ней существовал. И за это время никто не смог догадаться. Девочка с даром открывать порталы родилась в немагическом мире? Невозможно? Да. Невозможно. Если в ней изначально не заложен огромный дар.

Ана. Сэйна. Расколи сосуд, чтобы достать силу, но он намеревался сделать это иначе. Наклонив голову, маг смотрел, как в голубой глубине сияющим росчерком исчезают огненные волосы.

Растерянный ликвиado, между лопаток которого замер не успевший вонзиться клинок, пораженный регент, которому и в голову не пришло, будто девчонка может быть даром, слишком поздно сообразили, что делать дальше.

– Уничтожь его! – закричал бывший канцлер, а в ответ замерцал извлекатель душ.

Поздно. Вы опоздали на те последние секунды, за которые он принял решение. На мгновение, равное последнему удару сердца. Чужого сердца. Источник забрал дар.

Маг запрокинул голову, громко рассмеялся, выплескивая разрывающую изнутри боль, вошедшую в его тело вместе с возвращенным даром. А затем поток сокрушительной силы вырвался из источника и устремился в него, ломая деревянные ножки стула, тонкую перекладину стола, превращая в труху цветы в вазах. Он отшвырнул прочь и ликвиado с регентом, ударил тела о стену. Мощный разряд, пронзивший до кончиков пальцев, заставил закричать и согнуться пополам. Плата, равная ценности дара.

Глава 28

Эскорино не могли войти без разрешения в запертый кабинет. Что бы ни происходило по ту сторону, они вынуждены были стоять и слушать крики, и грохот, и звуки ломающихся предметов. Когда-то давно один из них предал владыку, а остальным пришлось заплатить. Прежде они имели волю принимать собственные решения, исходя из ситуации. Благодаря этому у владыки возрастали шансы на выживание, ведь эскорино были преданы до последней капли крови. Новый правитель всегда выбирал новую, только ему преданную команду, а если он вдруг сменялся, прежние телохранители оставляли свой пост. Однако века назад главный принцип изменился. Не стало центрального направляющего – кардинала, а их низвели до уровня обычной охраны, вынужденной слепо подчиняться приказам и полностью попадать в зависимость от распоряжений владыки. Он же приказал беспрекословно слушаться регента. Не существуй этой обязующей их клятвы, вероятно, отец юного правителя не погиб бы столь рано. Однако теперь эскорино могли лишь наблюдать, но их выводов никто не желал слушать.

Дверь распахнулась. Из кабинета, а точнее из разрушенной комнаты, которая от него осталась, ползком выбрался регент, за ним, шатаясь, еле держась на ногах, вышел ликвиадо, волоча на спине тело девушки.

Эскорино пришлось поймать мужчину, когда тот начал валиться вперед, запнувшись о порог. Один из охраны поднял девушку на руки, другой помог усадить ликвиадо у стены рядом с регентом.

– Нужно вызвать эскулапа, – заговорил один. – У обоих раны, у регента, вероятно, внутренние повреждения.

Мужчины и правда выглядели так, словно по ним прошлась силовая волна, которой даже выставленный щит смог помешать лишь частично. Кожа ободрана, сплошное кровоточащее месиво. Двое телохранителей склонились над пострадавшими, заклинаниями запирая кровь.

– На ней одной нет следов удара, – третий эскорино уложил девушку на пол, присев возле нее на корточки. Она дышала с трудом,

будто только сейчас научилась это делать, одежда на ней промокла до нитки. На вопросы телохранители не имели права, однако проверить кабинет им теперь ничто не мешало. Мужчины скрылись в разрушенной комнате, оставив регента с ликвиадо на несколько минут.

– Ты идиот? – с трудом промолвил предок. – Зачем потратил силы, пытаясь спасти ее, если мог лучше закрыть нас двоих? Эта девчонка больше не представляет ценности.

Он с презрением и злостью оглядел потомка. Его молодость позволила выдержать удар за щитом. А ему, регенту, сила, что забирал у эскорино, не могла дать главное – юности. Арс Адо едва держался на ногах, а старые кости регента ныли, как и все тело. Ликвиадо должен был построить щит мощнее, раз именно он следил за действиями проклятого кардинала.

– Как он ушел?

– Колодец пуст, воды больше нет.

– Мерзавец! Он принес дар, и источник испарился.

– Если бы вы не выслали эскорино...

– Если бы я не выслал, – яростно зашептал предок, – мы не имели бы права подойти к источнику. Никто его не имеет, кроме владыки. На что ты откачал сообщницу?

– Она была даром, значит, ценна для него.

Регент разразился хриплым смехом и тут же закашлялся, а из уголка рта пошла тонкая струйка крови.

– На что боги даровали мне столь безмозглого потомка? Она была ценна для него, глупец, была. А затем он столкнул ее в источник. Все! Хоть на то, чтобы замести следы, тебя хватило?

– Я закрыл колодец обломками мебели...

– Господа, – один из эскорино вышел из кабинета, – темнейший ушел. Теперь опасность для правителя возросла, и мы обязаны вернуться во дворец. О вас, регент, позаботятся, пока не стоит предпринимать пространственных прыжков.

– Сперва доставьте девчонку в мои покои, ее о многом следует расспросить.

Эскорино поклонился.

– Мы выполнили приказ владыки, были с вами во время нападения темнейшего и сделали все, согласно вашим повелениям, однако кардинал ушел. Наши обязательства выполнены. Девушку

заберем с собой, поскольку она являлась пособницей врага. Вы допросите ее, когда вам станет лучше.

Бывший канцлер изменился в лице, не только потому что не желал оставаться без лучшей охраны, но и поскольку его приказы игнорировали, а возразить было нечем.

Эскорино собрались открыть переход. Один снова поднял на руки девушку, а регент вскинул руку и тут же уронил, свистящим шепотом велел Арсу:

– Ступай с ними! – после чего прикрыл глаза и замолчал. Проклятье! Ничего, он скоро восстановится, и вот тогда...

С того момента, как меня грубо ударили несколько раз по щекам, выкрикивая: «Очнись!» – и до ощущения кошмарной тошноты и падения сквозь пространство я делала отчаянные попытки прийти в себя, но никак не могла вырваться из беспамятства окончательно.

– Дайте ей воды, – заговорил чей-то голос.

Я судорожно задышала, глотая воздух, настоящий воздух, наполненный кислородом, а не вязкой заполняющей легкие жидкостью. Нет! Нет! Не нужно воды. Никогда!

Боль начинала разливаться внутри вместе с приходящим сознанием. Эйден столкнул меня.

Кто-то приподнял за плечи, поднес к губам стакан, а меня передернуло. Судорожно затрепыхалась, пытаюсь вырваться из хватки, пролила воду на нас обоих. А затем с трудом раскрыла будто засыпанные песком глаза. Надо мной склонялись ликвиадо и мужчина в форме эскорино.

– Вы пришли в себя, – вымолвил он.

– Пришла, – зло подтвердил ликвиадо, отклоняясь. – Пока останешься здесь.

Выглядел он при этом не лучшим образом. Один из охранников даже подставил плечо, позволяя Арс Адо опереться на него и провожая того до двери.

– Владыка вызовет вас для беседы, когда придет время, – добавил один из телохранителей, после чего все ушли.

Покои, вполне подходящие, чтобы было место перемещаться между кроватью и окном. Небольшие, согласно статусу иномирной гостии, но не каморка горничной. И тем более не камера заключенной.

С давних пор меблировка изменилась. Громоздкие, тяжелые шкафы и кровати ушли в прошлое, уступив место более воздушным интерьерам. Нынче в моде были не вычурные, но строгие и простые линии. Никаких наличников на окнах, лепнины на потолке, резных столбиков и спинок. Размер окон остался прежним, но исчезла разноцветная мозаика, сменившись легкими занавесками. И вот в этой приятной комнатке, а также в компании пары охранников за дверью я коротала дни до встречи с владыкой.

Охрана, кстати, оказалась исключительно вежливой. Несмотря на регулярную смену стражи по ту сторону двери, все они мирным тоном учтиво просили вернуться в комнату, едва я высовывала нос наружу. Меняющиеся служанки – их было две, и они по очереди приносили еду – любезно помогали облачиться в приличный наряд. Из-за тонких браслетов, замкнутых на запястьях и соединенных длинной цепочкой, самой это было сделать непросто. Вероятно, они блокировали способности открыть портал, ведь я ощущала себя совершенно пустой, не способной и на малейшую магию.

Платье по эту сторону границы миров укоротилось до икр. Широкий пояс подпрыгнул под самую грудь. Дворцовая мода менялась вместе со сменой времен, но наряды мне подбирались со вкусом. День на третий даже заглянул местный маэстро. Он ужасно походил на Наби манерой поведения и разговора, только лысым не был. Его шевелюра оказалась столь роскошной, что, увидев короткие обрезанные пряди, парикмахер пришел в ужас.

– Что с этим делать? – потянул он за неровные концы. – Как заплести? Боги! Вам предстоит встреча с владыкой, а здесь такой кошмар.

Предстоит. Ради нее меня даже вытащили из источника и откачали. Маги, чтоб им всем провалиться! Почему никто не додумался, будто я больше не хочу воскресать?

Он щелкнул ножницами в воздухе, но моя ладонь накрыла волосы.

– Не ровняйте концы.

– Помилуйте!

– Ничего не меняйте.

– Что вы вцепились в такое убожество? Их же будто ножом отсекли!

– Все равно.

Я опустила ладонь, но решение осталось неизменным. Парикмахер понял это по выражению лица и всплеснул руками.

– С чем приходится работать! – затем он оглядел волосы уже профессиональным взглядом. – Хотя цвет необычный. Вишневый. И концы выются, частично скрывают неровные края. Значит, здесь можно заколоть повыше, тут оставить...

И он взялся за работу, а я наблюдала в зеркало, удивляясь, что после источника цвет и правда навсегда остался таким, словно на волосы постоянно падал отблеск свечи.

Момент, когда владыка соизволил пригласить для беседы или суда, наступил дня через три. Я уже окончательно устала от своей комнаты и собственных мыслей, беспрестанно меряя шагами расстояние от кровати до окна. И безумно обрадовалась, когда стражники постучали в дверь, а затем вежливо попросили следовать за собой.

Прическа у меня была готова, платье тоже. Не вычурное, но подходящее под цвет волос, подчеркивающее их необычный оттенок. Может, еще поэтому люди, которых встречали в коридоре, провожали нас взглядами. Ана являлась частью преданий благодаря кардиналу, а ее потомок, который помог темнейшему возродиться, стал живой легендой.

Остановка охраны явилась для меня неожиданностью. Мы шли, шли, а затем вдруг налетела на спину замершего впереди мужчины.

Крики и вопли вокруг предвосхитили протяжный вой, напомнивший о тревожной сирене моего мира. Этот звук я слышала не в первый раз, только прежде он звучал в отдалении, где-то по ту сторону двери, а теперь совсем близко. Стража выставила оружие, мимо пронеслись люди. Трое слуг, кажется, и придворный. Еще одна дама впереди осталась лежать на полу без чувств. К ней никто не бросился, даже охрана, поскольку, когда женщина упала, стала видна идущая по коридору фигура.

Человек приближался к нам. И если стража хотя бы за оружие схватилась, то я замерла, подобно кролику перед удавом.

Темнейший кардинал. Стоило лишь вспомнить о нем, как тут же увидела. Эйден шел спокойно, медленно, сохраняя на лице

бесстрастное выражение, глаза глядели в пустоту. Он миновал даму, распластавшуюся на полу, пройдя сквозь нее.

– Снова мираж! – выдохнули охранники и опустили оружие.

«Что вы творите! Поднимите! – захотелось закричать на них. – Не оставайтесь безоружными перед ним!»

Эйден исчез, не дойдя до нас пары шагов. А я уже готова была потерять сознание.

– Продолжим путь, – охрана быстро пришла в себя, но путь мы продолжили не сразу. Сперва им пришлось успокоить одну напуганную пособницу темнейшего.

– Это миражи, они не опасны, – убеждал один.

– Способ напугать несведущих, посеять панику, – проговорил второй.

– И подорвать боевой дух, – добавила я.

– Потревожить охранную сеть, – возразил первый. – Изменник развлекается подобным образом, но это ненадолго. Когда его поймают, быстро научат, как плохо насылать миражи.

Или он окончательно замучает вас бесконечно срабатывающей охранкой. Ведь день за днем я слышала этот вой все чаще. Только на него мне не нужно было реагировать, в отличие от охраны.

– Идемте.

И мы пошли дальше по длинным коридорам, огромным залам, скрытым переходам и потайным комнаткам, пока не оказались в таких помещениях, в которых даже окна отсутствовали.

– Входите.

Двери за спиной захлопнулись, я оказалась в небольшом зале, освещенном светильниками, в центре которого стоял настоящий трон. Справа от него замер ликвиадо, а бархатную подушку на сиденье занимал сам владыка. Я остановилась резко, будто врезавшись в невидимую стену. Стихии! Владыке было на вид лет четырнадцать, не больше. Совсем ребенок! Ребенок, которого посадили на трон, облачив в парадные золотые одежды. А ведь я помнила совсем другого. Тот был стар, когда мне довелось попасть во дворец.

Вдоль стен стояли маги в форме эсорино, а место регента занял Арс Адо.

– Мы пригласили вас сюда, чтобы задать вопрос, – заговорил ликвиадо, а ребенок на троне придал лицу суровое выражение.

– Всего один? – я ожидала много вопросов о собственной связи с кардиналом.

– Будете говорить, когда вас спросят! – отрезал Арс Адо, а владыка еще больше нахмурился.

Ну почему у них правит мальчишка? Мне никак не удавалось отвести от него взгляд. Ребенок, и что с того? Ведь это не моя война, даже не мой мир! Больше не мой. Мне чужды лица, порядки, требования. В этом роскошном дворце нет места для Арианны. И по большому счету все равно, кто здесь будет править. Все равно. Мне совершенно все равно!

– Отвечайте, куда темнейший мог забрать регента, получи он такую возможность?

На меня от неожиданности напало временное онемение.

– Вы не расслышали вопрос? – прозвенел юношеский голос. – Отвечайте немедленно! И учтите, жизнь вам до сих пор сохраняли исключительно потому, что вы могли еще пригодиться.

Боги! Какой максимализм. Значит, владыка казнил бы давно, а регент уговорил использовать в собственных интересах? Хорошая порталыщица, провела много времени с Эйденем. Вдруг узнала нечто ценное? Ну, вот я им и пригодилась, да толку теперь?

– А когда он пропал? – с усилием отвела взгляд от мальчика и посмотрела на ликвиадо.

– Сегодня, на пути во дворец. Регенту стало лучше, и ему открыли портал, но он из него не вышел.

Не вышел?

– Кто может перебить портал? – так получалось, что я задавала больше вопросов.

– Вы спрашиваете меня? – удивился ликвиадо, хотя, по сути, ответ был уже не нужен. – Кто же еще, как не другой порталыщик.

– Упустив вас, он нашел кого-то другого, достаточно сильного, чтобы отследить и сбить портал придворного мага. Так куда они направились?

– Я полагаю, – тревожные мысли не давали покоя, но и правитель, и ликвиадо в нетерпении ждали ответа, – регент в заброшенной пещере. Вероятно, прикован к скале. А где ваш извлекатель душ? Вы забрали его из кабинета или его там уже не было?

Ликвиадо побледнел.

– Я понял, где он! – мужчина повернулся к владыке. – Мне нужны лучшие из стражников, повелитель.

– Нет!

– Да!

Мы с мальчиком на троне воскликнули хором. Только именно я возражала, чтобы Арсу дали в помощь эскорино, а правитель, напротив, привык легко разбрасываться лучшими из своей охраны.

– Благодарю, – моего протеста никто не заметил. Ликвиадо поклонился, эскорино тоже.

– Нельзя! – снова крикнула я. – Это ловушка! Повелитель, не отпускайте их!

Сглотнула, попытавшись совладать с голосом. Первый способ запретной магии – убить, чтобы забрать силу. А мои руки были закованы в браслеты. Напрасная предосторожность. Теперь совершенно ненужная. Эйден способен пересекать пространство вместо меня. И ему не нужно искать другого порталщика.

Однако никому из присутствующих не были интересны возражения бывшей пособницы темнейшего.

Глава 29

Тихий стук капель, знакомые своды. Только проход отсюда теперь запечатан, а вместо него создана ловушка, способная задержать скорых гостей.

Эйден присел на камень, покончив с работой, и посмотрел на прикованного к стене врага. Старые кандалы уже поржавели, но еще неплохо держали запястья бывшего канцлера.

– Какая глупость! – регент бушевал. – Ты не придумал ничего лучше? Сбил мой портал, перетащив в эту пещеру!

Враг боялся, это было заметно по его глазам, когда кардинал достал из кармана извлекатель душ.

– Мне интересно, – заговорил Эйден, – ты давно разработал тщательный план, согласно которому Ана должна была меня соблазнить, так к чему было отсылать ее в другой мир? Цель так или иначе оказалась достигнута.

– Ты, проклятый светлейший, не соблазнялся! – выплюнул регент. – Мне пришлось менять планы!

– А на тебя ее красота действовала безоговорочно, и ты боялся сорваться? Что же случилось потом, раз возвел алтарь в ее честь?

– Зачем тебе далась эта девчонка? – стукнул браслетами по стене канцлер, не отвечая на заданный вопрос. – Почему принес ее в дар источнику?

– Ты стремился обладать женщиной, но, встретив, не узнал? Разве Арианна так сильно изменилась с тех пор?

Ошарашенный взгляд бывшего канцлера стал ответом.

– Я обрек ее существовать на земле, пока существую я. Скитаться неприкаянной душой, пока не появится новое пристанище среди тех, в ком текла ее кровь.

– Неправда! Ты проклял ее, и поэтому она умерла, – проговорил регент.

– Разве? А мне казалось, позволил ей жить. Ну да ладно. Не хочешь отвечать, что сделал с ней, право твое, – Эйден пожал плечами и поднялся с камня, активируя извлекатель.

– Впрочем, избери ты иной способ казни, и дом, повторивший очертания твоего, но в другом мире, мог обрести нового хозяина. Достань у тебя сил убить меня быстро и сразу, я едва ли воскрес бы и не дошел до источника.

– Как ты воскрес? Как?!

– Немногим людям было позволено наблюдать за моей казнью. Эскорино, владыка, пара порталщиков...

– Эти дураки распустили слухи о проклятии и твоём обещании вернуться! – перебил регент.

– А еще там была Ана, – завершил Эйден. – Так за что ты решил наказать нас обоих?

Узник покраснел, на шее вздулись вены, словно он старался удержать эти слова при себе, но не смог.

– Она выбрала не меня!

– Всего лишь глупая месть?

– Она выбрала не меня! – со злостью повторил регент.

– И это был второй просчет. Ты привел на казнь женщину, чье чувство вины оказалось столь велико, что она смогла принять в себя мой дар. Вот так я и вернулся. Впрочем, ты прожил столь долго, но определенно зря. Владыкой так и не стал.

– Я почти им стал!

– Жаль, регент, время для разговоров заканчивается. Я бы с удовольствием еще пообщался. Тебя же собираются спасти или как?

Узник скривился.

– Они еще не догадались, где искать? – удивился Эйден.

– Твоя Ана им подскажет, – по-змеиному прошипел мужчина.

– Моя Ана? Теперь ее зовут Сэйна, и знаешь, – кардинал улыбнулся, – ты прав. Она догадается. Поэтому стоит закончить, пока нас не прервали. Прощай, мой старый враг, – он взглянул в исполненные страха глаза.

– Только не так, – в ужасе прошептал бывший канцлер и в отчаянии посмотрел на горевший алым камень.

– Прояви сострадание! Неужели тебя зря называли светлейшим?

Эйден пожал плечами, а затем подошел вплотную к регенту. Пальцы разжались, роняя на землю извлекатель, а вместо него в руке возник кинжал.

– Прощай.

Крик оборвался, не успев прозвучать.

– Вы бросили силы на спасение регента, но оставили владыку без прикрытия! – я убеждала стражников, уставших быть вежливыми со мной, но точно знала, что мальчик на троне тоже слышит.

Эскорино ушли, вместо них комнату заполнила обычная охрана, а с ними несколько магов.

– У меня отличная стража! И это не только эскорино! – возразил владыка.

Да кто же убедил тебя в подобной чуши? Боги! Ведь регент запудрил тебе мозги в собственных интересах.

– Эйден придет сюда! С ним могут бороться только те, кто знает его методы!

– И они схватят его в пещере!

Устав, что бесконечно вырываюсь, стражники подхватили меня под руки и поволокли к двери.

– Хотя бы перенесите владыку порталом в безопасное место!

– А может, это тоже ловушка? – ответил один из придворных магов. – Чтобы поймать нашего правителя, как регента?

– Со спасением регента вы уже опоздали! А Эйден откроет портал сюда, пока ликвиадо будут искать его в пещере!

– Пускай попробует! – юноша встал со своего трона и ткнул в меня пальцем. – Сразу же сработает сигнал...

Он не успел договорить. Вокруг пронзительно завывало. Меня тут же отпустили, а стража схватилась за оружие. Я мигом отступила от двери, поворачиваясь к ней лицом. Ему ведь не известна секретная комната владыки, если только... если только миражи не были способом отследить, где сосредоточено больше всего охраны во дворце. А уж дворец Эйден знал прекрасно. Я посмотрела на побледневшего мальчишку. Ну зачем они только посадили ребенка на трон? Ведь кардинал убьет его, не задумываясь.

По ту сторону двери послышался громкий шум.

– Там охрана? – вздрогнул владыка, тревожно глядя на запертые створки.

– Конечно! – ответил кто-то. – Ему не прорваться даже порталом. Маги соблюют переход.

И пока все хмурились и пытались уверить владыку, что бояться нечего, я отступила ближе к трону.

– А если это каскад? Прыжок туда, прыжок обратно, один за другим, – проговорила громко, и в этот раз была услышана по-настоящему. Они задумались, а ответил придворный маг, вероятно порталщик.

– Невозможно.

– Невозможно рассеять столько порталов?

– Никто не обладает энергией создавать множественные переходы, как вы сказали: «Каскад».

Плохо дело! Никто из них понятия не имел об источнике, а ликвиадо с регентом и не подумали рассказать.

– Ни один маг не способен сотворить порталы друг за другом без передышки, – повторил еще один из присутствующих.

Теоретики! Эйден всегда действовал так, как другие не ждали. И обычно за короткий период, когда противник оказывался уязвимее всего.

Владыка снова сел на трон и даже попробовал выпрямиться и принять достойный вид. Хотя здесь не было привычного регента с его бесценными советами, не было его заместителя – ликвиадо, а эскорино ушли.

Я вцепилась в ручку трона:

– Хотя бы накопитель у вас есть? Чтобы смогли уйти в безопасное место, если вокруг начнет твориться хаос?

Мальчик бросил быстрый взгляд вниз, где, вероятно, на груди под слоем богатых одежд висел тот самый накопитель, и меня немного отпустило.

– Отойдите от трона, – приказали за спиной, ткнув между лопаток острой сталью, и я послушно отступила.

А затем завывла сирена, прямо здесь, в комнате. И вдоль стен рядом с охраной один за другим возникали миражи. Эйден здесь, прямо напротив, и вон там слева, и справа тоже он. В этот раз кардинал не медлил, бредя словно в пустоте с опущенными вниз руками, он двигался на владыку с окровавленным кинжалом в ладони.

Я схватила мальчика за руку и сдернула с трона. Никто не помешал в этот раз, поскольку стража бросилась в схватку. Владыка тоже не оказал сопротивления, совсем растерявшись. Маги

сосредоточились, формируя защиту против одного, второго, десятого миража, а порталщик, вероятно, сбивал тот самый каскад, пока сам не сбился со счета. Они ошибочно полагали, Эйден всего лишь нашел себе другого помощника, а я обещала, он их измотает. Вся защита оказывалась бесполезной, она развеивала фигуры, но миражи возникали снова и снова, заполняли зал. Они были не только в нашей комнате, но и по ту сторону закрытой двери. Оттуда доносились крики.

А что, если среди подделок есть настоящий Эйден? Вдруг кардинал уже прошел? Я пыталась его отыскать, но они были абсолютно одинаковы с бесстрастными лицами и пустыми глазами. И в точности совершали одинаковый замах, бросаясь вперед с ножом. Охрана проскакивала сквозь бестелесные фигуры, маги расходовали силы и уставали.

Я притиснула к себе мальчика, отступая за трон и шепча ему:

– Активируй накопитель, но не загадывай точку выхода. Я сама. Кардинал попытается сбить твой портал, но перенос осуществится в выбранном мной направлении.

Легкое шевеление воздуха за спиной, и я, подпрыгнув, резко обернулась. Та же фигура с ножом в руке и пустым взглядом.

Замах!

Я закрыла владыку собой, не попытавшись ответить. Нож замер у самого горла. Мираж улыбнулся. Так знакомо...

Настоящий!

– Уйди прочь! Прочь!

Я попыталась отгородиться от него, выставив перед собой ладони. И Эйдена вдруг с силой отшвырнуло к стене. Маг едва успел сгруппироваться, чтобы не налететь на нее с размаха. Короткого взгляда друг другу в глаза хватило, чтобы я успела прочесть собственный приговор и услышать, как кардинал произнес: «Противовес». А затем настигло знакомое головокружение, мальчишка вцепился мне в плечо, и нас швырнуло в портал.

Перед глазами все еще стояло лицо мужчины, а я уже лежала на полу в крохотной кухоньке чужой квартиры, неловко подвернув ногу, и под спиной кто-то громко охал.

– Слезь с меня!

Довольно сильные для подростка руки столкнули на старые доски, а сам правитель поднялся и принялся оглядываться по сторонам.

– Владыка, насколько мощный у вас накопитель? Он должен быть лучше всех остальных, разве нет? – уточнила, даже не сделав попытки подняться с пола.

– Конечно! – парень быстро повернул камень в центре медальона. – Он и след стирает, никто посторонний не узнает точки переноса.

Правитель хотел еще что-то добавить, но нас перебил полный неподдельного изумления возглас:

– Сэй, это точно ты?

Я привстала и обернулась. В узком коридорчике, ведущем на кухню, стояла Миранда.

– Сэйна? – большие глаза подруги были широко распахнуты, и она явно рассудила, что я тоже оказалась миражом.

– Мира...

– Это кто? – перебил мальчишка, указав на подругу. – Я вам доверился, а вы куда привели?

– К другу! – ответила громко и немного раздраженно, раздосадованная тем, что, предприняв маневр, который должен был сбить Эйдена со следа, я вызвала недовольство владыки. Пошла на определенный риск для близкого мне человека, а мальчишка возмутился. Не смогла удержаться от резкого высказывания:

– Разве у вас был выбор не довериться? Именно слова пособницы темнейшего оказались верными, а не ваших советников.

Он вскинул голову и сразу стал казаться выше, хотя ростом превосходил меня на полголовы.

– Миранда – мой хороший друг, – повторила тише. Не стоило провоцировать скандал. Мы ушли от кардинала не за тем, чтобы самим поубивать друг друга.

– Миранда, а это... – пришлось задуматься, как лучше представить владыку государства в соседнем мире.

– Актер? – кажется, не особо веря самой себе, уточнила подруга.

– Кто? – возмутился правитель.

– Нет, – я покачала головой. – Мира, знаешь, ты можешь опять мне не поверить...

– Я видела, как вы двое возникли из воздуха, Сэй. – Только сейчас стало заметно, насколько Миранда бледная и потрясенная.

Она протолкалась мимо нас к окошку, взяла с подоконника чайник и принялась жадно пить прямо из носика.

– Объяснитесь! – пока я уселась поудобнее, наблюдая за подругой, повелитель привлек мое внимание. – Где мы?

– В другом мире, – заявила без обиняков.

– Это жилище, которое я снимаю, – подала голос Миранда.

– Что делаете? – удивился парень.

– Живу здесь со своей дочерью и еще одной женщиной, которая является хозяйкой.

– Здесь можно жить? – недоверчиво уточнил повелитель, оглядывая кухню и коридор. В его представлении это было помещение для слуг, не иначе, поскольку он добавил: – А остальной дом где?

Мы переглянулись.

– Подайте мне выпить, – приказал мальчик, усевшись в своих богатых одеждах на совершенно обычный деревянный табурет, где даже бархатной подушки не оказалось.

Мира протянула чайник.

– Из другой посуды. Из этой вы сами пили, я видел.

Он брезгливо оглядел мою подругу.

– Дайте вина со специями. У меня пересохло в горле, когда увидел, как темнейший готовит заклинание разделения. Я решил, не успеем перенестись.

– Что он готовил? – уточнила, пока Мира, пожав плечами, потянулась к кувшину и налила из него в чистый стакан ягодный компот.

– Заклинание разделения. Я угадал его по движению рук.

– То есть он хотел поделить меня на много маленьких Сэйн? – к горлу подступил комок, придавший горечи прозвучавшему смеху.

– Нет же! Вы не знаете элементарных заклинаний? Как тогда оттолкнули кардинала?

Я предпочла промолчать, поскольку понятия не имела.

– Раз-де-ле-ния, – по слогам произнес владыка, не дождавшись ответа, – то есть разделить нас. Убрать вас с дороги, если так понятнее. Поэтому мне пришлось вас схватить.

— Вы мной прикрылись, как щитом? Я поняла. Вероятно, даже не планировали поступать, как попросила, и точку выхода не загадали лишь потому, что испугались.

— Я ничего не боюсь! — с пафосом заявил владыка. — Просто потратил время, пытаясь выбрать одно из безопасных мест, которые советовали представлять в случае нападения. Этим вы удачно воспользовались.

Повелитель глотнул из стакана и поморщился, найдя в нем компот вместо вина.

— Ясно. — Я осталась сидеть на полу, запрокинув голову на стену. И зачем ликвиадо вытащил из колодца? Ведь почти обрела покой, но пожалуйста, теперь все по новой.

Глава 30

– Здесь невозможно жить! – в который раз возмутился владыка. – И это ваш дом? Мало того что он в другом мире, где абсолютно нет магии, так еще...

– Больше мне нечего предложить! – оборвала я, позабыв обо всех регалиях и прочих важных вещах. Мальчишка окончательно вывел из себя. Его не устроил ни один из вариантов. Ни вента, с ее небольшими комнатками, ни с тяжелым сердцем выдвинутое предложение уехать к родственникам в настоящий особняк. Как же владыке жить в одном доме с целой кучей народа? Как? На вопрос, что же он делал во дворце, прозвучал уникальный ответ: «Это был мой дворец!» В итоге у меня не осталось иных предложений, кроме старого дома. Сюда и прибыли, после скандала с Мирандой. Подруга не желала отпускать и порывалась поехать с нами.

– А если снова пропадешь? Я едва с ума не сошла в прошлый раз. То ты вела разговоры о маньяке, а затем отправилась к дяде, то вдруг никаких вестей. Я же подняла на ноги всех, от тревожной бригады до Вашека. Еще и высказала ему насчет необоснованной ревности. Не могу опять потерять тебя и не знать, что случилось. Хотя бы объяснений я заслужила?

Пообещав рассказать все, но вечером, когда вернется соседка Миранды и сможет присмотреть за ребенком, я попрощалась с подругой. Теперь, устроившись за стойкой, наблюдала, как владыка осматривает помещение с таким брезгливым видом, будто ему вот-вот станет плохо. Сама же размышляла, что если Эйден перенесся следом за нами, то нашел дом пустым. Оставалась надежда, что маг предположит, будто мне не хватит дурости опять сюда явиться. В любом случае, если он что-то предпримет, сделает это быстро. К вечеру все определенно разрешится.

– Значит, постороннему не отследить амулет, а как же ликвидировать? Или те же эскорино? – спросила у замершего возле тревожной кнопки владыки.

– Для эскорино есть маячок.

– Отлично! – я пожелала, чтобы телохранители пришли поскорее. – Тогда они проводят вас в безопасное место.

Парень величественно кивнул и отправился в соседний зал, чтобы там осмотреться. Я наблюдала за ним через открытую дверь.

– Они совсем скоро придут и приведут регента. Он знает, как поступить дальше.

Я опустила голову на ладони, мысленно рисуя образ Эйдена таким, каким его знала: умным, целеустремленным, расчетливым, и снова вздохнула тяжело и обреченно. Он уничтожит тех, кто мешает ему. Пора мальчику понять, каково истинное положение дел.

– Владыка, – он отвернулся от старой лестницы и посмотрел на меня. – Едва ли регент вернется. Поймите, Эйден прошел во дворец, он оказался сильнее ваших придворных магов. Не думаю, что охрана сумела помешать ему уйти вслед за нами.

– Он хочет убить меня, чтобы стать новым владыкой.

Я не стала спорить. Ведь в этом парня точно не обманули. Эйдена когда-то несправедливо обвинили в желании захватить власть, а теперь именно так он и решил поступить. Напрасно, что ли, его казнили?

– Может статься, темнейший преуспеет в попытке имперского переворота.

– Что?

К подобным откровениям с моей стороны владыка не был готов. И сразу же в его глазах из помощницы я превратилась едва ли не во врага.

– Хочу, чтобы вы знали, как может сложиться.

– Никогда! – отрезал парень. – Этого никогда не будет!

Вероятно, он бы вконец обиделся на невольную спасительницу, но мои внутренние опасения, будто Эйден снова окажется быстрее эскорино, не оправдались. Едва владыка уверенно шагнул в сторону входной двери, чтобы выяснить причину непонятных звуков и производит ли их мелькающий за окном странный транспорт, как через портал в главной комнате вывалился злой ликвиадо.

– Ни одного нормального порталщика! – привычно возмутился он, хотя выпрыгнувшие следом эскорино все как один приземлились на ноги. – Владыка! Вы в порядке?

Он склонился в поклоне, как и личная охрана правителя, а когда выпрямился, заметил меня.

– Схватите ее! – мигом указал сквозь дверной проем, но стража не успела исполнить приказ.

– Не смей! – тут же прозвучало повеление владыки. И удивительно было наблюдать, как оно воздействовало на эскорино. В глазах мужчин словно гас свет, а они превращались в послушные машины. Выпрямившись по стойке смирно, ждали, пока парень раздраженно прошествует мимо, возвращаясь на кухню.

– Она меня спасла, – недовольно пояснил он, устроившись на стуле. – Закрыла собой и оттолкнула кардинала, а затем притащила в это убожество. Где регент?

– Мертв, – ответил один из личной стражи, а ликвиадо оторвал от меня убийственный взгляд. – Мы не успели.

– Кардинала там тоже не было, – сквозь зубы проговорил Арс Адо.

– Вы говорили, будто там его и поймаете! Тогда зачем оставили меня во дворце? – возмутился мальчишка, с гневом посмотрев на ликвиадо.

– Я рассчитывал, что желание темнейшего отомстить пересилит его осторожность. Процедура извлечения души занимает больше времени, чем удар кинжалом в сердце.

– И просчитались! – владыка схватил со стола кувшин и швырнул в Арса. Кабы не один из эскорино, оттолкнувший ликвиадо, точно попал бы. Я огорчилась, посудина была металлической, а потомок регента заслужил хорошего удара по голове. – Почему она оказалась права? И где вас носило столько времени?

– Едва обнаружив, что ничего поделать не можем, мы тотчас попробовали вернуться во дворец. Но нас поджидала ловушка. Точка выхода исказилась, выбросив в лесу этого мира. На новый полноценный портал для всех по ту сторону не хватило заряда. Пришлось отправлять одного, чтобы порталщик раскрыл проход во дворец. Главный маг оказался измотан, это вынудило искать среди остальных.

– Время было потеряно, и темнейший ушел, – добавил один из эскорино.

– И маги его не задержали? И охрана?

– Да.

Мальчик бросил быстрый взгляд на меня, припомнив сказанные ему слова.

– Дальше?

– Мы пошли по следу.

– И?

– Он оборвался, – ликвиадо добавил в голос больше яда. – Вероятно, девушка и в этот раз подскажет, куда он мог уйти?

На меня все посмотрели.

– Пускай они подумают. Спорим, у эскорино это лучше получится? – я ткнула в охрану императора.

– В одно из мест, где есть природные аномалии, и магия земли стирает след порталов, – высказался один страж.

Мне вспомнились волны холода в пустыне.

– Так отправляйтесь по этим местам и караульте его там! – повелел мальчишка. – Ему же надо перемещаться и стирать следы. Вот и разделитесь!

Хм, так себе идея.

– Владыка, – эскорино поклонились, – пока мы не поймали темнейшего, вас нужно доставить в безопасное место.

– Пока не поймали, – передразнил правитель, – могли бы и не мчаться сюда, а продолжать ловить. Когда вы его схватите?

– Это лишь вопрос времени, – заявил ликвиадо. – Очень короткого, осмелюсь утверждать.

– Да скажите ему уже всю правду! – не выдержала я. – Хватит кормить байками о скором благополучии. Вы не поймали Эйдена прежде, не сможете и теперь.

– Молчать! – рявкнул Арс Адо. – Вы были пособницей мага, убившего самого регента. Вы строили для него порталы, помогая избегать наших ловушек. И вас станут судить как предательницу!

– Правда? – я рассмеялась. – Значит, мне стоило уйти с Эйденем, а не с владыкой?

– Вы слышали? – разозлился Арс, указав на меня мальчику в золотых одеждах. – А вы приказали не трогать ее.

Владыка вновь казался растерянным.

– Но она меня закрыла и оттолкнула кардинала, а тот назвал ее противовесом.

– Кем? – эсорино выглядели ошарашенными, а мы трое не поняли значения слова.

– Противовес – это исключительная сила обратной стороны, – ответил один.

Мы уточнили одновременно:

– Что?

– Абсолютная сила должна иметь противовес для баланса.

– Так кто абсолютная сила, она? – не поверил Арс Адо.

– Темнейший, вернувший свой дар. Она его противовес. То, против чего сила кардинала бессильна.

– Сила бессильна? – я хихикнула. – Забавно звучит.

Остальным это забавным не казалось, напротив, на меня теперь смотрели совершенно по-особому, с выражением: «О, а ты можешь быть весьма полезна».

– Непонятно лишь, как он вернул магию, – поинтересовался один из телохранителей.

Я тоже с интересом взглянула на Арса. Расскажешь про источник? Или собираешься оберегать светлую память предка?

– Это все она! – мигом перевел стрелки подлец. – Темнейший использовал первый из запретных способов, попытавшись убить ее. Вы ведь не забыли, что именно девушка его воскресила, исполнив пророчество. В ней течет кровь той, из-за кого кардинал предал владыку!

– Арианна Мэнэр присутствовала на казни темнейшего?

– Присутствовала! Еще тогда ее кровь была проклята, а из-за этой девчонки мы вновь обрели могущественного врага.

– Но как она стала противовесом? Для этого нужен мощный магический ритуал.

– Регент его и провел. Ради спасения владыки, потратив на это последние силы. Вы же видели, как он был истощен. Однако подробностей ритуала теперь не выяснить, я сам ничего о нем не знаю, а спрашивать поздно. В любом случае регент всегда действовал только в интересах правителя. Это был величайший из магов.

Врет как дышит, наглец. Да так складно. Совсем как его почивший родственник, даже скорбное выражение лица просто точь-в-точь. Если попробую сейчас рассказать об источнике и зачернить

светлую память великого регента, мне снова не поверят? Вон и головы склонили в память о безвинно убиенном.

Ликвиадо воспользовался всеобщим молчанием, чтобы надавить на владыку.

– Вероятно, уже довольно тратить время, нужно определиться, как быть дальше?

– Именно. Хватит пустых разговоров!

Э-эх! А ведь они могли спросить, что за способ убийства выбрал темнейший и отчего и без того сильный дар кардинала стал еще больше.

– Девушка может быть полезна для охраны владыки? – ликвиадо перевел мысли эскорино в иное русло.

Те задумались, переглянулись и кивнули.

– Она идеальна. И этот дом принадлежит ей, а значит, будет верным предположить, что темнейший не сможет открыть сюда портал без ее на то желания.

Стражи оглядели мой дом, а меня, конечно, позабыли спросить, хочу ли я быть идеальной нянькой-охранником.

– Решено! – заявил ликвиадо. – У эскорино появится шанс самим выследить кардинала, а владыке лучше временно побыть в этом мире, где он сейчас в настоящей безопасности.

– Приказываю вам поймать и казнить его на месте, – торжественно повелел владыка.

Телохранители поклонились.

– Прошу прощения, – я подала голос, когда стало понятно, что нас собрались покинуть, – а вариант, будто позволю темнейшему открыть сюда портал, не рассматривается? Прежде мне не слишком доверяли.

Все улыбнулись, словно оценили отличную шутку.

– Вы закрыли владыку собой, – поступок, поистине реабилитировавший меня в глазах эскорино.

– Все оказалось, как ты говорила, – добавил мальчик в золотых одеждах.

– Ему проще вас убить, что он уже однажды и проделал, – поставил точку ликвиадо, совершенно верно охарактеризовав момент обращения меня в противовес. Теперь из невольной помощницы я превратилась в очень большую помеху планам Эйдена. Вероятно,

практически единственную реальную преграду, не считая владыки, на пути к намеченной цели.

Я замолчала и дальше уже ни о чем не спрашивала, даже когда правитель повелел ликвиадо – торжественно возведенного в сан нового регента – прислать в его временное жилище нескольких магов, для приведения того в надлежащий вид. Хотя какой-то прок от владыки в моем доме.

Кругом наконец воцарилась тишина. Его владычество изволили уйти отдыхать, а я отворила дверь подруге, которая, увидев меня, сразу же сжала в крепких объятиях, будто до этого момента сомневалась, что застанет вечером здесь.

– Сэй, это место просто не узнать, – восхитилась она, когда мы расположились за блестящей стойкой в обновленной кухне. – Теперь я точно поверила в магию.

Подруга поставила на столешницу бутылку вина.

– Красиво!

– Ты бы видела этих магов с накопителями на шеях, как они восстанавливали стены, крышу и пол. Сложновато им пришлось без магического излучения земли. Заклинания затратные. А владыка еще носом тыкал, как плохо и медленно работают. Не представляешь, до чего капризный мальчишка. Они даже старую мебель с чердака снесли и восстановили, а он потребовал собственную из дворца и танцовщиц в придачу, чтобы здесь его развлекали.

– У тебя в доме полно девиц?

– Этого мне не хватало! Никого сюда не доставят. Магов и тех привели лишь потому, что состояние дома угрожало здоровью правителя, а в остальном полная конспирация. Так что владычество надулся и изволил идти спать на обычную двуспальную кровать. Его королевское ложе не влезло в комнату.

Я рассмеялась и пригубила из стакана.

– Не знаю, как во дворцах, но мне нравится эта старая мебель, она выглядит почти новой, только такую больше не делают. Настоящий раритет. Этакая атмосфера древности и прежней роскоши. Кстати, я думала, ты с любым подростком найдешь общий язык.

– Владыка стал исключением. Полагаю, регент нарочно развращал мальчика, позволяя абсолютно все и балуя сверх меры. С ним действительно непросто найти общий язык, уж поверь. И

правитель никудышный. Он не разбирается, что там творится в империи. Из него искусно готовили марионетку на троне с жадой удовольствий. Получай, что хочешь, юный владыка, а нам оставь самое сложное – управление страной.

– Я вот слушаю тебя, и голова кругом. Расскажи по порядку, что случилось. Что за мир там? Куда ты пропадала?

Налив обеим вина до краев, я приступила к рассказу, поведя его с подаренного дядей дневника. И чем дольше говорила, тем быстрее пустела бутылка и путаней становилось повествование, а Мира начинала всхлипывать, и под конец разревелась.

– Сэй, Сэя, бедненькая, как же ты выдержала? Ох, я бы от всего этого с ума сошла!

– А кто сказал, что хоть один из нас остался нормальным после произошедшего? Канцлер точно спятил, Эйден превратился в монстра, и это мы его сотворили, понимаешь? А я... разве меня можно назвать адекватной? За время путешествия так привыкла доверять ему, хотя знала, что в конце от меня избавятся, и все равно повернулась спиной, а он столкнул.

Мира всхлипнула.

– Ты сразу его узнала? Когда он нашел тебя.

– Помнишь, я говорила, как Вашек вошел в кухню, а Эйден навис надо мной. Увидела его глаза вблизи, и словно по голове ударили. Испугалась до жути, затем и вовсе решилась на побег, а в итоге все равно вернулась к нему из-за ликвиадо.

– Невероятно думать, будто тебе больше двухсот лет. Как ты можешь помнить детали?

– Я помню эти две жизни, а детали помогал воскресить дневник. Пыталась оценить произошедшее со стороны, найти в нем подсказки, как быть дальше, но...

– Ты ведь больше не винишь себя за то, что случилось? Правда?

– Я сполна искупила вину.

Прикрыв глаза, вздохнула, снова вспоминая далекое-далекое время. Тогда Эйдена заключили под стражу, а канцлер получил полный допуск в покои кардинала. И став хозяином положения, он раскрыл собственную гнилую натуру, начав свои преследования. Сперва намеки, будто тоже заслужила кары, поскольку была обнаружена в постели светлейшего, а отвратить гнев владыки окажется непросто.

Затем в ход пошли угрозы о высылке в другой мир, как предателей. Супруг, узнавший обо всем со слов канцлера, изменился до неузнаваемости. Начались упреки, обвинения. Самым печальным стала оговорка, что, принеси измена жены иные плоды, вроде почестей и дополнительных подарков, ее еще можно было стерпеть. Мужа приводила в отчаяние угроза лишиться всего и оказаться по ту сторону. Но когда даже это не сломило моего сопротивления, канцлер заставил присутствовать на казни.

– Они мучили его... раны по всему телу, которые кровоточили. Его раздели и приковали к скале, а эта сволочь заставила смотреть. Не позволял отвернуться или закрыть глаза, чтобы видела, как будут разрывать душу с телом...

У меня пропал голос, и Мира протянула свой стакан, тихо прошептав: «Стихии».

– Как я его ненавидела, как же ненавидела тогда! Сама бы убила. И силы воли не хватило бы выбрать кинжал, как сделал Эйден. Миранда, ты видишь, я тоже стала чудовищем.

– Что ты говоришь, что ты? Тебе же больно, Сэй, поэтому...

– Я больше не вижу ясно границы между добром и злом, и тем, что правильно. Мне казалось, поступала как должно, а каков итог? Посмотри на нового владыку, взгляни на роскошь их дворца и что творится за пределами. Мне теперь видится, будто добро может быть злым и наоборот, понимаешь?

– Конечно, понимаю.

– Мира, я еще одного не рассказала, – посмотрела на нее тоскливо, – после той казни выяснилось, что я ждала ребенка.

– Как? – ахнула подруга. – От... от...

– Конечно, от мужа. Он решил заявить права на жену, вот потом...

Глаза Миранды стали большими-большими и настолько печальными, что я едва не разрыдалась, хотя давным-давно пережила это все, а она принялась гладить мои руки, сама с трудом удерживая слезы, лишь бы не прервать моей исповеди.

– Сохранить не удалось. Большая потеря крови и так далее. Удивительно даже, как то прошлое оказало воздействие на будущее. Словно интуитивная память преследовала меня через время. И я саму себя наказывала в странных снах, где грезилось, будто Эйден пришел отомстить. Поверишь ли, мне с детства хотелось быть миниатюрной и

обязательно носить длинные волосы. Еще, бывало, могла ни с того ни с сего загрузить или впасть в тоску, родственники даже докторов приглашали. В нашей семье вообще женская депрессия – это нечто из разряда генетического заболевания, как и отсутствие потомства. Словно все нормальное и обычное шло по другой линии, по которой мне передалась кровь Аны. От ее сестры и брата, сосланных вместе с ней. Тогда вообще всю близкую родню отправили прочь.

– Сэй, ты ведь замуж за Вашека собиралась?

– Хотелось нормальной жизни. Как у всех. И он мне нравился, думала, будто люблю.

– То есть причина всех перерождений в том, что Эйден связал тебя заклинанием?

– У человека есть душа, есть кровь его предков, даже если передается не по прямой линии, а еще есть имя. Ведь от рождения я Арианна Мэнэр. Мне казалось, Сэйна взялось из ниоткуда, сама его придумала, а имя Арианна просто ненавидела. Даже для родни изобрела историю, будто мама хотела меня иначе назвать и вложила записку в оставленный ей на память янтарный кулон. Скандалила до тех пор, пока они не согласились официально добавить второе имя.

– И что же было потом? – тихо спросила Миранда.

– Когда канцлер всех сослал: меня, мужа, сестру с ее детьми, брата, даже деверя с его семьей, он пообещал, что даст время хорошенько поразмыслить, от чего отказываюсь. А напоследок перстень подарил. Кстати, в основе дневника его сила.

– Что за перстень?

– Эллина, подруга из того времени, называла его Повелителем снов. Эскорино не способны на страсть, но по причине хотя бы малейшего риска, что подобное чувство возникнет, они получают зачарованный предмет. Он рождает реальные сны. Знаешь, когда канцлер его принес, то с огромным наслаждением рассказал, что непросто оказалось сотворить подделку. Якобы он превзошел светлейшего, ведь изобрел отличный способ забирать магию через предмет, когда тот, кто его использовал, позволял влечению себя охватить. А Эйден никогда даже не стремился к подобному.

– Он послал твоей подруге подарок от имени кардинала?

– Да. И она поверила. Эллина тоже была влюблена в него, а влюбленность делает нас глупыми. К подарку прилагалось признание,

будто светлейший сражен страстью, но ему не позволено преступить черту. Лишь во сне они могут быть вместе. Романтический бред, на который она попала, попробовав сперва раз, затем снова. Я должна была отобрать кольцо!

Мира сжала лицо ладонями, глядя с ужасом.

– Канцлер убил близкого Арианне человека, чтобы она пришла в отчаяние и стала уязвимой, а затем согласилась помочь ему. Но и того оказалось мало? Он все время пытался сломать, чтобы добровольно ему отдалась.

– Пытался, – кивнула я, – и даже сломал.

– Только не это, Сэй! Он что...

– Он не получил Арианну. Просто не смог достать оттуда, куда она сбежала.

Подруга дрожащей рукой разлила остатки вина. Я глотнула терпкий напиток, заново переживая момент, который окончательно надломил и заставил опустить руки. Большая потеря крови еще не приговор, если доктора борются за жизнь. Вот только жить не слишком хотелось. Эйден у стены, начало ритуала, и боль в глазах светлейшего. Побелевшие губы и взгляд, уже темный и пустой, вновь только на меня. Не на тюремщиков, не на извлекатель душ с пылающим в центре камнем, не на канцлера. С безнадежным упорством погибающего человека он справлялся с душившим его криком, на пределе сил выталкивая из горла слова: «Сэй Ю Ари Тэ Анна, Мэ Ю Нэр, Сэй Ю На, Сэй На».

– Ари? – я даже вздрогнула. – Теперь тебя можно так называть?

Покачала головой.

– По-прежнему не люблю это имя. Ни его, ни любые сокращения.

Разве только Ана вызывала в памяти горькую нежность.

– Как ты освободила его?

– Полагаю, имя и активировало заклятье, и тогда проснулся дар, что позволил исполнить предначертанное – способность открывать порталы. Так я попала в пещеру по другую сторону мира. Меня словно вело вперед, хотя не понимала, что творю. Голоса в голове, смутные образы, очень похоже на сумасшествие. И после все улетучилось, точно не бывало. Однако вспомнить пришлось. Остальное ты знаешь.

– А я Вашеку сказала, что ты вернулась.

– Сказала?

– Да, – Мира опустила голову. – Он правда волновался. Приходил несколько раз и участвовал в поисках, только даже следов не было, где тебя искать. А еще бабка сказала Вашеку, будто ребенка ждешь, и он себе места не находил.

Я поперхнулась вином.

– В смысле?

– Ты будто явилась к ней уже после того, как исчезла из особняка, ну, и вела себя странно.

– Я же не за тем приходила, другого она придумать не смогла? – сразу вспомнился разговор со смотрительницей. – А дяде ты тоже написала?

– Да. Я не должна была, Сэй?

– Почему нет? Вероятно, они тоже волнуются, – я равнодушно пожала плечами. – Родня. Пускай знают, что в порядке. Сказать можно, была занята, искала хороших строителей, способных быстро восстановить дом. Ну и так далее.

– Сэй, а это что?

– Где?

– Вот этот мешок.

Я посмотрела на брошенный под стол мешок и засмеялась.

– Эскорино принесли. Когда они забирали меня из особняка регента, взяли эти вещи, а сегодня передали обратно. Хотя вряд ли пригодится, я больше не хочу отправляться в бега.

– А что там? Можно посмотреть?

– Считай, походный рюкзак со всем необходимым: огонь развести, воды набрать. Если интересно, посмотри.

Я наблюдала, как Мира достает вещи: типлор Эйдена, платок на волосы, зеленый бутылек из-под снадобья...

Закусила губу и опустила глаза. Стоило сразу выбросить, но я сохранила на случай, если и правда отравлюсь и понадобится уточнить состав.

– Это что? – Подруга покрутила бутылек.

– Там был эликсир.

– Волшебный?

– На травах.

– А что-то магическое есть?

– Нет. Со всеми волшебными вещами мы расстались по дороге. Из настоящего магического только накопитель для переноса сквозь пространство, но он у владыки.

Мира разочарованно вздохнула.

– Хотела бы я побывать в том мире. Магия – это ужасно интересно.

Глава 31

Эйден вернулся в пустой кабинет. Без хозяина прислуга не решила, что делать с комнатой, она сгребла весь хлам, завалив им бывший колодец.

Маг взглянул на него и сразу вспомнил момент, когда отданная источником сила сперва бросила его на колени, а затем повалила на пол. Каких усилий стоили тогда попытки просто повернуться на бок. И пускай дышать теперь мог в полную силу, но телом почти не владел. Эйден с трудом уцепился пальцами за острый край, глубоко поранив руку, и столкнул себя в сверкающую непрозрачную глубину. Ярко-голубую, пронзительную синь, становившуюся с каждой минутой все более вязкой.

Он с силой загребал руками, устремляясь туда, где не было дна. Вытягивал пальцы, шаря в слепой сверкающей глубине, пока по ладони вдруг не скользнул невесомый шелк коротких густых волос. Эйден крепко сжал их в горсти и рванул наверх. Так недалеко до края, но так сложно доплыть, потому что вода все гуще, тяжелее, а мерцание тусклее. Легкие разрывались от жажды кислорода, почти как в норе, только в сотню раз больше, ведь девушка так же, как и он сейчас, хотела дышать.

Край нащупал интуитивно, поскольку уже с трудом соображал, где в этом колодце верх, а где – низ. Его перестало выталкивать наружу, напротив, только по тянущей вниз силе Эйден понимал, что следует рваться в противоположную сторону. Мышцы напряглись, как у загнанного животного в последнем броске. Только бы вырваться из ловушки. Рука окаменела в невероятном усилии, вытаскивая обоих на поверхность. И когда он перевалился через бортик и очутился на полу, то отчетливо понял, что ее вытащил тоже, сумел не отпустить. Бледную, неподвижную.

Эйден склонился к Сэйне, надавливая на грудь, пытаясь вытолкнуть из нее воду, а губами вдыхая в ее легкие кислород. Три нажатия и вдох. Повторить. Не позволяя себе спешить, чтобы не сбиться с ритма, хотя паника постепенно оттесняла разумные мысли. Три нажатия и вдох. Повторить. Лишь бы вода оставалась водой. Воду

еще можно вытолкнуть, когда мешает дышать. Губы делятся кислородом, посылая в ее грудь. Три нажатия, вдох, и снова. Зная, но не веря себе, что есть вещи, против которых даже магия бессильна.

Тихий хрип. Почти неслышимый. Губы опять прижались к холодным губам. Три нажатия, вдох.

Она закашлялась, выплевывая пока еще воду, густую и вязкую, и делая вдох самостоятельно, а Эйден резко отстранился и перевернул ее на бок. Ее тело продолжало содрогаться от кашля, а ногти впились в каменный пол. Вдохи стали глубже, с хрипом наполняя легкие кислородом, заставляя биться сердце. Девушка подтянула ноги к груди, сворачиваясь в дрожащий комочек. Эйден перевел взгляд на воду, и на его глазах она обратилась в стекло. А затем стекло рассыпалось на крошево прозрачных застывших капель, развеявшись за доли мгновения. Колодец опустел, остался лишь черный глубокий зев. Источник ушел, выдав награду тому, кто заплатил достойную цену. Теперь его будет искать другой, кто-то, кому дар покажется дороже ценной жизни.

Эйдену хотелось рассмеяться в этот пустой черный зев. Столько добираться сюда, пройти весь путь, сложный еще и от того, что тяжело было постоянно ощущать силу рядом, чувствовать в теле девушки, являться ее частью, которая всегда рвалась к нему. Это наваждение всецело обладать ею, сделать только своей. Ана стала воплощением энергетики, которую пытались извлечь из его тела, не понимая, что оно уже опустошено, сохранив лишь малую толику, почти бесполезную часть. Лишь связь с душой дарила возможность продолжать это замершее существование. Не она тянула магию из тела, как считали враги, а наоборот. Противники же превратили в легенды слухи о проклятье, как и положено, придав им еще большей драматичности. И в итоге он все же перехитрил их и дошел до конца, но поддался слабости, получив взамен отдачу. Противовес как наказание, как самое идеальное из наказаний.

Когда протянул к Сэйне руки, чтобы поднять ее с холодных камней, словно щупальца обвили грудь, и его швырнуло вперед, прямо в темный колодец. А первый в жизни спонтанно открытый портал поглотил и перенес прочь. Чужой дар, оказавшийся весьма кстати.

Он позволил ему попасть во дворец, чтобы убедиться, оттолкнувшая сила теперь принадлежала ей. Стоило Сэйне захотеть, и

кардинал не мог даже приблизиться. После активации накопителя кардинал не последовал за девушкой и мальчишкой в другой мир, это не имело смысла. Время заканчивалось. После побега из дворца пришлось строить портал в горы. Там был каньон, где всегда бушевали ветра, подобные волнам холода в пустыне. Они сбили его преследователей со следа, а темнейший вернулся во владения регента. Немало сил оказалось потрачено впустую, однако и новый уровень дара многое позволял. Эйден отправился на поиски одной редкости, которая могла очень пригодиться. Вряд ли ему и дальше позволят с легкостью пользоваться природными аномалиями, чтобы стирать след, а вот мощный магический накопитель, подобный тому, что был на владыке, мог завалиться в тайниках регента. Не столько из-за ценности подобной вещи, сколько по причине особого отношения бывшего канцлера к власти. Он искренне считал себя равным правителю, а значит, имел права на все редкое и необычное, чем владел тот.

«Если обыскать тайники, наверняка найдется немало интересного», – рассудил темнейший и вернулся в дом старого врага.

Он уверенно вышел из кабинета, в котором из ценного после недавних разрушений уже ничего не осталось, и проследовал по коридору до лестницы. Сейчас здесь было очень тихо. Те слуги, которые жили в доме, без присмотра старого хозяина и в ожидании, когда новый вступит в права, позволили себе расслабиться. Вряд ли хоть кто-то сейчас занимался домашними делами. По крайней мере Эйден беспрепятственно прошел наверх, где находилась прежде спальня регента. Здесь возле приоткрытой двери он и остановился. По ту сторону звучали голоса и происходили бурные обсуждения.

– Так что с ними делать? Владелец-то не вернется.

– Пускай молодой хозяин решит.

– Ему сейчас не до того. А ежели помрут?

– С чего помрут?

– Старого хозяина темнейший убил. Вот они не дождутся его, прознают и от горя помрут. Я сам не единожды видел, как они за ним на коленках ползали.

– Боги с тобой, чего не выдумаешь от страха? То говорил, будто хозяин не велел о них рассказывать, то меня сюда притащил. Небось специально их показал, чтобы не с одного был спрос.

– Притащил, потому как ты у нас смотритель.

— А за личные покои я никогда не отвечал. Ты здесь распоряжался. С тебя и спрос.

Эйден решительно толкнул дверь, разговор мигом прервался, а двое мужчин, стоявших в роскошной спальне, ошарашенно посмотрели на него. Они разом лишились дара речи, увидев перед собой прежнего хозяина. Маг легко нацепил иллюзию, а обоих слуг парализовало от ужаса.

Темнейший спокойно прошествовал мимо, оглядывая просторное помещение, чтобы узнать, о чем велся спор. Оказалось, из спальни существовал такой же потайной проход, как в закрытую алтарную внизу, и сейчас его открыли. По ту сторону раскинулась еще одна спальня, и на ее пороге Эйден остановился.

Их было пятеро. Все в полупрозрачных шелковых нарядах и золотых украшениях. Браслеты, кольца, ожерелья — накопители, разрешавшие хозяину питаться жизненной силой девушек. Регент неплохо усовершенствовал собственное изобретение, которое прежде не позволяло быть пойманным с поличным, а при новом владыке и вовсе превратилось в незаменимую для экстренных случаев вещь. Значит, вот что удлинило его жизнь и помогло неплохо сохраниться при этом. Эйден, как никто другой, знал, насколько преувеличены слухи о силе регента как мага.

Рабыни. Иначе не назвать. Жили здесь вместе, в одной общей комнате, украшенной фресками и алмазной росписью по стенам. Мраморные полы, роскошные ковры, мягкие подушки повсюду. Огромная кровать...

Эйден смотрел на прекрасные лица, гибкие фигуры и красные волосы. Орксанки. Все как одна и заменившие одну, которой был одержим больной мозг свихнувшегося регента. Юные. Значит, их привозили сюда, заменяя тех, кто уже отдал все до капли. А первой в этой череде стала близкая подруга Аны.

Девушки заметили его и опустились на колени. Зеленые глаза зажглись ярким светом. Они умоляюще протянули к нему руки, чтобы вошел, приблизился к ним. Готовые исполнить любой каприз, любое желание. Вишневые волосы укрыли обнаженные плечи, изящные тела застыли, подобно мраморным изваяниям. Юные, красивые, похожие на нее...

Он всего лишь сжал ладони, а из обеих комнат разом вытянуло весь воздух.

– Господин! – просипели позади.

Маг обернулся. Мужчины стиснули пальцами горла и силились что-то сказать. Выражение их покрасневших лиц изменилось, как только Эйден вернул собственный облик. «Темный кардинал», – новым ужасом плеснулось в их глазах осознание. Маг снова оглянулся на девушек, они тщетно пытались вдохнуть, а затем упали одна за другой на роскошный ковер. Позади тоже раздался грохот. Все лишились сознания. Эйден разжал ладони и пошел прочь. С новым обнаруженным даром не требовалось сбивать ищеек со следа.

– Мира, смотри, красить нужно вот так. Отделяешь небольшую прядь и таким образом проводишь кисточкой, – я аккуратно наносила краситель на парик, натянутый на пустую перевернутую банку. Подруга внимательно наблюдала. – Скоро и сама вспомнишь, как это делать, мы же одно направление в кастелане закончили.

Я отдала ей кисточку и краем глаза, не поворачиваясь, проследила, как владыка чуть склонился, внимательно следя за движениями Миры. Ему было не просто любопытно, но очень интересно, и, кажется, тоже хотелось попробовать. Недавно я обнаружила один из покрашенных париков, закинутый в угол. Красители оказались нанесены неровно, но чувствовалось умение смешивать краски, подбирать тона. Кажется, в правителе пропал рожденный художник.

Я взяла пустую палитру и принялась выдавливать туда краски.

– Мейр, не хочешь попробовать?

Мальчик нахмурился. Ему ужасно не нравилось, что я стала обращаться по имени. Ничего. Следует привыкать потихоньку, ведь новостей от ликвиадо не было уже два месяца.

– Больно надо! – фыркнул он, в противовес собственным словам вытягивая шею, чтобы лучше видеть. – Ты надумала устроить здесь салон! В моем доме!

Я решила не уточнять, что дом не его, а вместо этого ответила:

– Нужно зарабатывать на жизнь и как-то всех содержать.

– Арс Адо – новый регент, когда он явится сюда, то компенсирует тебе все затраты. С лихвой. Мне не жалко добавить монет и за

собственное спасение. Придумала ведь, красить людей! Собак куда ни шло!

Я пожала плечами.

— Ну, поскольку наш меценат не торопится, у меня стали заканчиваться сбережения, а помещение маги восстановили, так почему не попробовать? Да и дядя оказался щедр, ссудив необходимую сумму. Среди кошек и собак радужное окрашивание было весьма популярно. А уж если к нему добавить колорирование, то будет и вовсе интересно.

Когда я проходила по улице, то нередко замечала, как оборачиваются вслед девушки, рассматривая мою вишневую немного отросшую шевелюру.

— Нет смысла заниматься животными. Сложно составить конкуренцию уже известному салону «Модная собачка», особенно на первых порах. Поэтому мы предложим нечто новое людям. Думаю, неконсерваторы оценят и плавное смешение всех оттенков красного, и от золотого к карамельному, а некоторым точно понравится радуга.

Мира кокетливо поправила собственные переливающиеся прядки, на которых я как раз и провела последний успешный эксперимент по подбору золотистых тонов. Малышка, спящая в кроватке в зале, хныкнула во сне, и подруга повернулась к ней.

— Может, в спальню отнести, мы не слишком шумим?

— Нет, нет, громкие голоса ее не беспокоят.

Я закончила выдавливать краску, затем наклонилась и достала из тумбочки давешний парик, демонстративно натянув его на еще одну банку. Затем принялась придирчиво осматривать. А вообще, интересный вариант. Необычный. Для экстравагантных клиентов.

— Я хочу во дворец! — заявил правитель. — Мне здесь надоело. Регент обещал отчитываться о происходящем, почему он до сих пор не явился?

— Еще не поймали темнейшего?

— Может, год здесь прикажете ждать? Кстати, я уже есть хочу, где мой обед?

— Ты ведь не очертил им временные рамки, а обед еще не готов.

Наверное, владыка настолько привык, чтобы его приказы исполнялись, что сами стихии решили ответить.

– Эй, народ! – входная дверь распахнулась, а на пороге показался Вашек. – Я купил свежего мяса. Можно приготовить.

И он бухнул на стол передо мной прозрачный пакет с красным куском говядины внутри. Боги! Захотелось вгрызться в него зубами. За работой я не заметила, что и сама сильно проголодалась.

– Я приготовлю, – подруга подхватила пакет и отправилась на кухню, а Вашек покосился на детскую кроватку.

– А чего она здесь?

– В зале плохо слышно, если она плачет наверху, – отозвалась Мира из кухни, а я посмотрела на разделяющую мясной кусок подругу и попросила:

– Можешь не до конца прожарить?

– С кровью? – изумилась Миранда. – Да ну!

– Я тоже хочу с кровью! – заявил владыка.

Дверь снова распахнулась, и опять без стука.

– Доброго дня, – в комнату важно вплыл Наби.

– Маэстро? – я бы меньше удивилась, увидев на пороге злую Асем, прослышавшую, что я все-таки собралась открыть собственное дело, а не отправилась побираться по добрым людям.

– Рубиновая, – Наби поперхнулся и прищурился, оценив новый оттенок волос. – А тебе идет! Сразу освежает лицо.

Он важно приблизился и исключительно профессиональным жестом подцепил мои пряди, рассматривая цвет.

– Какие красители! Как равномерно! Просто ходячая реклама новому салону.

– В «Модной собачке» прослышали об открытии?

– Ваши листовки на каждом шагу.

Из кухни потянуло дразнящими ароматами, а я сглотнула слюну. Наби же прошел дальше и замер возле париков.

– Неплохо. Что это за вариант? Оригинально! – он поднял парик, расписанный владыкой.

Боги! Я не узнавала наше светило парикмахерского искусства, ведь тот расточал похвалы. Еще можно было понять, что понравился оттенок, проявленный магическим источником, но оценить сотворенное руками человека!

– Наше юное дарование, – я указала на владыку.

– Этот юноша? – удивился Наби, а владыку перекосило от выбранного обращения. – Молодой человек, у вас талант. Не хотите учиться у настоящего профессионала?

Он с гордостью указал на себя.

Потрясающе! А прежде отворачивался от осаждавших претенденток в помощницы. Наверное, совсем грустно одному справляться с работой.

Владыка брезгливо фыркнул, а я перевела разговор.

– Как дела в салоне?

– Отлично! – маэстро устроился на стуле.

– Как ваша лучшая клиентка, Асем?

Светило перекосило.

– Опять скандалила, – устало признался он. – Ей не нравится, как теперь стали делать укладку ее Басюшечке.

Печаль какая! Прежде укладку кусачему псу делала исключительно я.

– Сэйна, если ты все это затеяла, значит, не собираешься возвращаться?

– Разве меня звали?

– Ты могла бы и сама прийти.

Захотелось повторить фыркание владыки. Но у него получалось уникально, такое выражение лица в сочетании со звуком просто не скопировать.

– Нет, Наби, не могла бы. И, как видишь, точно не вернусь.

– Сложно держать свое дело.

– Нелегко, но возможно. К тому же дядя поддержал финансами.

Именно дядя, потому что от помощи Вашека я категорически отказалась. Бывший жених до сих пор ходил виноватый и то и дело заявлялся с продуктами, откармливая всех нас и пытаясь задобрить меня. А один раз не выдержал и поцеловал. Знакомо так, привычно. Раньше мне нравилось.

– Ясно, – Наби поднялся, – но ты все равно подумай. Я еще зайду.

Он оглядел комнату, словно примеривался, а каково будет ему, лучшему специалисту, переменить направление и не заниматься больше кусачими клиентами. Я, прищурившись, оценила потенциального работника. Ведь и правда отличный мастер, пускай и не с простым характером.

– Буду ждать, – кивнула ему. Пускай теперь сам подумает.

Глава 32

К концу третьего месяца владыка извелся окончательно. Мы уже все подготовили к открытию и закончили с обучением будущих работников, но волновался Мейр не по этой причине.

– Где регент? – вломился он ко мне в начале ночи, хотя я только легла. – Почему его нет?

– Не знаю, – устало потерла глаза. – Чаю? Успокаивающего?

– Вина!

– Оно еще больше взбодрит.

Мейр поглядел кисло.

– Готовь свой чай.

Мы вместе спустились вниз, и мальчик уселся на стул, пока я принялась кипятить воду и насыпать в чайник травы.

– Собираюсь вернуться во дворец, а ты пойдешь со мной в качестве охраны.

– Нет, – я была категорична. – И не подумаю туда возвращаться.

– Тогда пойду один!

– Иди.

– Если кардинал собьет портал и убьет меня, это останется на твоей совести.

– Переживу как-нибудь, – равнодушно пожала плечами.

– Да что ты за человек такой! Ничего не скажешь, лучшая пособница для темнейшего. Из-за тебя не смогли его схватить, как только возродился. Вот вернусь во дворец, прикажу устроить суд!

– Надо мной? Валяй. Только сперва попробуй и меня затащить во дворец.

– Ты без кардинала ничего не можешь! Ты его противовес, а маг он.

Боги! Ну умел же вывести из себя.

– Тогда попробуй, – я развернулась лицом к мальчишке, – используй против меня любую магию.

Парень закусил губу и промолчал. Заклинаниям его учили, а вот пользоваться ими особо не приходилось. Всегда рядом были исключительные специалисты магического дела.

Мейр принялся качаться на стуле.

– Где мой чай?

Я отвернулась, залила травы кипятком и чуть не ошпарилась, когда с громким грохотом на пол кухни упал регент. Снова точно стихии ответили на мольбы Мейра. Однако бывший ликвиадо пришел не один. Рядом с ним оказался стонущий порталщик с ножом в боку. Нож был настолько знаком, что я с трудом удержала чайник.

– Не умеешь строить порталы, идиот?

– Вы закрылись мной от темнейшего! Вы подставили меня под брошенный им клинок! – заверещал порталщик. – Он мог убить!

– Лучше тебя, дурак, – Арс Адо огляделся, заметил нас и впился глазами в мое лицо.

– Ты!

– Я?

– Регент! – повелительный возглас владыки прозвучал по всей кухне: – Наконец-то явились. Где вас носило? Что все это значит? Где мои эскорино?

– Владыка, – Арс Адо соизволил повернуться к правителю и отвесил ему нечто вроде небрежного поклона, пока я склонилась над пострадавшим. Нет. Лучше Миру позвать, она одно время работала медсестрой. Только хотела подняться, как новый регент перехватил за руку.

– Ты, – повторил он, – пойдешь со мной!

Еще один.

– Что случилось? – Миранда ворвалась на кухню. – Такой шум. О, стихии!

Она увидела на полу пострадавшего и бросилась к нему. Я вырвала руку у ликвиадо и тоже склонилась над стонущим раненым. Пока мы вдвоем исполняли роль сестер милосердия, владыка самолично приблизился к Арсу и ткнул тому пальцем в грудь.

– Что это значит? Вы обещали докладывать. Я дал эскорино, снабдил полномочиями, а где вас носило? Я уже давно собираюсь вернуться в свой дворец.

– Уже не ваш, – огрызнулся Арс Адо и потопал к столу. Там он уселся на стул и обхватил ладонями голову. Пораженный Мейр решил, что ослышался.

– Как это не мой?

– А вот так!

И дальше из регента полился поток откровений. Начиная с момента, как пропали эскорино. А затем подробные описания попыток поймать и заключить мага под стражу, которые проваливались с потрясающей регулярностью.

– В каком смысле эскорино пропали? Куда?

– Нам недосуг было отыскивать ваших телохранителей, владыка. Тут бы справиться с волнением в стране!

– Каким волнением?

Оказалось, народным.

– Он начал с горных районов, а когда тайлы перешли на его сторону, отправился дальше на юг. Дольше всех мы сохраняли острова, но недавно и с ними потеряли связь. Поймите, кардинал не просто зло во плоти, он интриган! Мало слухов, что будоражат людей в империи о маге великой силы, который готов сровнять мир с землей, но ведь он дает обещания. С такой уверенностью, словно собирается выполнить. Мосты и дороги построят! Каналы выроют! Защитные полосы посадят! Все наши прежде завоеванные территории уже перешли на сторону бунтовщика. Мерзавцу верят. А кто не верит, тот боится!

– Что же центр? – спросила я, пока владыка хлопал глазами.

Арс Адо в бешенстве ударил ладонями по столу, не в силах сдержать при себе все, что накопилось.

– Он взял нас в тиски. Когда толпа оборванцев, этих окраинных дикарей, хлынула в города, темнейший пообещал всем, кто сдастся, сохранить жизнь и даже оставить неприкосновенным имущество.

– Исполнил? – уточнила.

– Чтоб ему провалиться!

Я прикрыла глаза, уже точно понимая, что было дальше.

– И все. Они открывали ворота один за другим. Стоило его армии явиться под стены очередного города, как маги лишались чувств, а охранники роняли оружие. Точно слабонервные девицы! Это похоже на бред, но нам докладывали очевидцы. Правда, они заявляли, что кардинал может затемнить свет, остановить ветер, вызвать огонь и обратить воду в лед.

– Как он дошел до дворца? Вы же должны были мобилизовать силы, разве нет? – я все еще выясняла подробности, пока Мейр молчал.

– Мобилизовали и собирались выставить армию, но начались бунты среди рядовых, они нападали на своих командиров!

Мне вспомнилось, как на воротах южного города местные бросались на имперцев.

– Рядовых прежде набирали из дикарей с окраин? – спросила у регента, но тот лишь отмахнулся.

– Он посеял панику в отлаженной системе, владыка! Он...

– Зло во плоти! А вы слишком расслабились в роскоши и не замечали того, что творится под носом. Неужели раньше не было волнений? Вам было проще их подавить, чем разбираться в причинах. Кого интересовало мнение людей, когда во дворце устраивался роскошный прием? Эйден полстраны прошел и за это время успел сделать выводы. Затем он разведал обстановку, узнал суть недовольства в каждом уголке империи и воспользовался знаниями. Разве кардинал золотые горы им обещал? Нет! Каждому нечто конкретное!

– Закрой рот! Здесь и твоя вина! Ты провела его через полстраны! А остальные легковверные идиоты!

Я взяла со стола еще пустую чашку и запустила в регента. Жаль, промазала. Осколки разлетелись за его плечом, а Арс Адо побагровел.

Он стал подниматься со стула, когда заговорил Мейр.

– Что с моим дворцом?

– Его взяли штурмом этим вечером.

– Вы позволили захватить мой дворец и сбежали? – Мейр махнул рукой в сторону стонущего порталщика. – Удрали туда, где он вас точно не достанет?

– Все его противники удрали. А кто вздумал остаться, сильно об этом пожалел. Я успел уйти в последний момент, владыка, и мне нужна она! Это была ошибка оставить ее здесь.

– Ошибка? Ее оставили охранять меня!

Я даже заслушалась, как обо мне спорили, точно о бессловесной вещи. Давайте оставим, нет, лучше перенесем.

– Вы уже лишились ваших владений и дворца! Какой смысл в охране? Если хотите что-то вернуть, используйте единственный козырь. Останетесь на троне, а ему предложите должность...

– Не вашу ли? – Мейр упер руки в бока.

– Уже все равно, но в придачу обещайте ее.

Сказочно просто!

Я услышала, как возмущенно выругалась Миранда: «Вот же скот!» Зато правитель смерил меня новым взглядом.

– Вы уверены, что это хороший план? – обратилась к Арс Адо. – Козырь не очень-то желает ходить против туза. Эйден положил вас на обе лопатки за три месяца, вдруг придумает новую комбинацию, и вы снова проиграете, а меня уже лишите? Обдумайте предложение с разных сторон, а то поторопитесь.

– А пока нужно подлечить этого беднягу, – поддержала Миранда. – Лучше всем отдохнуть до утра и на свежую голову обсудить дальнейшие действия.

Собственно, на этом мы и разошлись. Удрученный правитель отправился спать, Мира ушла к дочке, а беднягу, которому повезло отделаться раной на боку, вероятно, за счет портала, устроили на диване в общем зале. Я тоже собралась подняться наверх, когда ненормальный Арс Адо вновь подступил со своим предложением.

– Ты же спасла мальчишку, так помоги ему вернуться на трон.

– Мне предлагается принести себя в жертву? Я к такому не готова.

– Он вряд ли убьет тебя!

– Что ты? А это с какой долей вероятности прогноз?

Арс Адо сильнее сжал мою руку, как-то весь покраснел и несколько раз открыл и закрыл рот.

– С большой. Из-за тебя он прыгнул в колодец.

Я даже вырываться перестала.

– В какой колодец?

– В тот самый! Подумаешь, сам же туда толкнул. Ты не пыталась раскинуть мозгами и понять, отчего стала его противовесом? Уж точно не предок постарался. Да какие там сложные ритуалы, когда он совсем разленился на старости лет! Даже от удара я его заслонил. А потом очнулся раньше и увидел, как кардинал тебя откачал. Ты оказалась ценнее дара, раз он пошел на риск тебя вернуть. А магия его наказала!

– Вот же ты сволочь! Обо всем промолчал! Нарочно оставил знание при себе, заявив, будто сам спас!

– Все так подумали, я не стал спорить.

– Надеялся использовать к собственной выгоде, вот как сейчас? Или безбожно врешь, надеясь заманить по ту сторону. У кардинала нет слабостей, его теперь не победить.

– Вру? Ты его слабость, как была твоя прабабка, и доказательства на руках. В твоих силах вернуть владыке трон и самой остаться при нем. Не в этом убожестве прожить всю жизнь! – он обвел презрительным взглядом кухню.

– Обещания, обещания. Даже если Эйден вытащил тогда, он не мог знать сути наказания, а потом имел все шансы сотню раз пожалеть. И уж точно не тебе понять, о чем он думал, вытаскивая меня. Я сама не в состоянии, а значит, шансы пятьдесят на пятьдесят.

– Какие шансы?

– Либо убьет, либо нет. И если он выберет первое, то сразу разделается с нами тремя: мной, тобой и владыкой!

Я вырвала руку и отправилась наверх. Правда, уснуть не удалось, как, полагаю, и многим из тех, кто волей судьбы оказался в моем доме. Неудивительно, что кардинал одержал верх. Он и прежде живо интересовался другой культурой, о многом спрашивал. Потому я и стала почти незаменимой помощницей, так как многое знала и могла рассказать. Ему хотелось разобраться в каждом понятии, в традициях. Еще прежде светлейший ратовал за реформы, хотел улучшить империю, усилить связи между присоединенными территориями. Он был умен, обаятелен и стремительно сосредоточивал в руках немалую силу, будучи доверенным лицом владыки, а потом стал мешать. У кардинала появились оппоненты, не желавшие его могущества или, скорее, желавшие подобного могущества для себя. Стоило его главному врагу прослышать о поисках источника, как стали распускаться слухи, будто кардинал обратился к тьме и возжелал силы настолько, что стал забирать ее у других. А затем сложилась теория заговора, и как итог, все, кто боролся против светлейшего, создали идеального врага. Правда, расплачиваться за содеянное пришлось уже другим.

Огромный дворец полнился приглушенными голосами, отчаянными восклицаниями, заговорщицким шепотом, но стоило показаться темнейшему, как они в испуге смолкали. Ему приписывали свойства сверхчеловека, удачно наложив новые слухи поверх старых легенд. В свое время канцлер постарался, а теперь Эйден пожинал плоды. Кардинала боялись так, как прежде, пожалуй, ни одного из ступавших по мраморным плитам древнего строения владык. Поэтому

пытались предвосхитить любое желание, вплоть до того, что изготовили и установили в главном зале новый трон.

Кардинал остановился в дверях и взглянул на этот дар, на который, кланяясь, указывали маги, мастера и прочие обитатели дворца. Очень похожий на тот, что так нравился мальчишке-правителю и стоял в его личных покоях.

– Достойный нового владыки! – подобострастно прошептал один из мужчин, а когда Эйден взглянул на него, мигом побледнел и замолчал.

Золотой трон? Они спятили.

– Вам нравится? – робко произнес еще чей-то голос. На этот раз женский. Если судить по количеству народа, сейчас в тронном зале столпились почти все обитатели дворца. Однако они умудрялись так мастерски сливаться со стенами, что ему оставался широчайший проход.

– Не хватает слуг с опахалами, – усмехнулся Эйден, а через минуту удивленного молчания кардинала у трона уже возникло четверо слуг, которым отовсюду пихали в руки спешно надерганные перья, пытаясь на ходу сотворить опахала. Из каких мест их достали, осталось загадкой, а темнейший с трудом удержался, чтобы не закрыть ладонью лицо.

– Испытайте, ваше темнейшество, – подобострастно прошептали из толпы.

Кардинал двинулся к центру комнаты, а ему кланялись и улыбались дрожащими губами.

Маг остановился у высокого помоста, по сути, тахты с грудой подушек, где можно было расположиться полулежа и куда вели серебряные ступени. Он рассмотрел, что трон был не из цельного золота, но покрыт пластинами драгоценного металла, а камнями оказались неподдельные изумруды, сапфиры, бриллианты. Сверху над этой роскошью свисал черный шелковый балдахин, с золотой вышивкой и тесьмой.

– Трон, достойный темнейшего, – шептали кругом.

Эйден прикрыл глаза. Теперь с возвращением магии он мог не только видеть, но и слышать музыку даже тех предметов, что не обладали сильным звуком. А еще разобрать, если какие-то ноты звучали не в такт, или к музыке примешивалось тихое шипение.

Эйден усмехнулся уголками губ, а затем в восторженной тишине, пока все затаили дыхание, взошел по ступенькам и устроился на последней, уперев локоть в колено и устроив подбородок на кулаке. Он оглядел застывших придворных, потом неспешно завел свободную руку за спину, и все подушки вспыхнули ярким огнем, который мигом перекинулся на балдахин. В толпе в ужасе закричали, кто-то попытался ринуться к дверям, но те захлопнулись и не поддавались даже самым настойчивым попыткам открыть их. Эйден сидел как ни в чем не бывало, пока за спиной не стал затухать огонь. Он не перекинулся ни на дерево, ни на гобелены, не распространился дальше очерченного квадрата. Зато пылал, бесспорно, очень эффектно.

Маг поднялся и наступил на золу, оставшуюся от ткани и подушек, затем ногой подцепил и выбросил на мраморный пол обугленное змеиное тело, затем еще одно и еще.

– Не знал, что змеиные клыки сгодятся для резки по дереву. Но вы позабыли резчиков в подушках.

Он обвел взглядом пораженные лица присутствующих, выделяя среди них те, что казались менее всего шокированными. Пятеро придворных вдруг дико завопили, а стоявшие рядом отхлынули прочь. Мужчины падали на пол и начинали кататься по нему, пытаясь сбить огонь с одежды. Кто-то из особо жалостливых бросился поливать их водой из кувшинов, но это не помогало. Эйден щелкнул пальцами, гася огонь, когда вопли сменились стонами. Махнул рукой, открывая двери и позволяя унести пострадавших туда, где им могли успеть помочь, или не успеть, это как поторопятся.

За спиной уже сновали слуги, начисто выметая золу из трона и загрузив туда новые подушки. Маг устроился с комфортом и принялся наблюдать за дальнейшим развитием событий, а рядом активно заработали опахалами четверо поджарых прислужников. Из толпы выступил человек, судя по форме и манере держаться, церемониймейстер бывшего владыки. Шел он на дрожащих ногах, но лицо держал хорошо. Дойдя до трона, поклонился.

– Каковы будут дальнейшие приказания, темнейший?

Эйден сделал вид, что задумался. Судя по лицам окружающих, они ожидали того, что кардинал здесь и сейчас самовольно провозгласит себя новым владыкой или, еще смешнее, потребует венец правителя, который его не признает. Узурпатор! Они всегда будут

помнить, что истинная власть принадлежит наследникам последнего владыки. Если только темнейший не вздумает жениться на его сестре.

– А больше даров не будет? – насмешливо поинтересовался кардинал.

Советники переполошились. Бывшие слуги одного, они переметнулись на сторону другого, не все, конечно, но повезло тем, кто вовремя сообразил выбрать сильнейшего.

– Будут! Не желает ли владыка взглянуть на достойную невесту?

Даже ради приличия не колебались.

Эйден кивнул, а потом добавил:

– Вторую тоже приведите, – и снова имел шанс насладиться непередаваемым изумлением на лицах. Впрочем, приказ никто оспорить не решился. Обеих девушек доставили в рекордно короткий срок.

Первая держалась гордо, стояла, ровно выпрямив спину и высоко подняв голову. У нее только губы дрожали и, как подметил Эйден, дергался глаз. Симпатичная, отдаленно похожая на мальчика-владыку. Насколько выяснил кардинал, сестра правителя была рождена от законного брака на несколько лет прежде сына. Ей уже исполнилось семнадцать. И потому был дарован статус невесты, а возможные кандидаты на брак оговаривались с официальными представителями других стран.

Вторая походила на островитянку, тот же невысокий рост, точеная фигурка, волосы едва не до колен, но не вишневые, а черные как смоль. Не орксанка. Острова, с которых она была родом, хоть и принадлежали к одной группе, не входили в состав империи. А еще на них не росли те особые фрукты, благодаря которым коренные жители получили удивительный контрастный окрас глазной радужки и волос.

Однако предыдущие правители не раз пытались присоединить и эту островную часть к империи. Уж слишком выгодным было положение страны, выросшей на ее берегах. Торговые морские пути, а отсюда неисчислимые богатства, плывущие в руки тех, кто когда-то основал города на берегах, а позже объединился в могущественную торговую коалицию, в итоге ставшую непокорным соседом, что мог противостоять империи.

Если островное государство выступит на стороне мальчика-владыки, война разгорится нешуточная. Смешно, конечно, империя

собиралась пойти на немалые уступки, чтобы заполучить законную наследницу. Потому девушку доставили в страну тайно. Не порталами, поскольку боялись, что темнейший узнает и перехватит. Но из-за этого опоздали. Переворот случился прежде, чем владыка смог обвенчаться с законной наследницей Криданского королевства. Противники явно не ожидали, будто хватит трех месяцев для перелома ситуации в стране. Да и напрасно скрывали.

Он все равно узнал, ведь главное – уметь слушать. Сперва заметить, потом выждать, а после призвать толику магии, чтобы открыть портал и шагнуть в нужную сторону в нужный момент, и наблюдать, как стучаются лбами склоненные друг к другу головы очередных заговорщиков, а затем поднимаются, чтобы в безмолвном ужасе узреть перед собой кардинала. Вот так и рождались благоговейный трепет и слухи о его всемогуществе. Наблюдательность, старые схемы дворца, слуховые каналы, умение учиться на собственных ошибках, чтобы опережать противника на несколько шагов. Ведь ему не приходилось использовать дар в полную силу. Зато можно было наслаждаться результатом. Улыбнуться спокойно, глядя в шокированные лица, и ласково произнести:

– Не стоит так дрожать, что вы, я ведь никого не пытаю... пока. Так о чем был разговор?

– О н-невесте в-владыки...

Теперь Эйден с высоты нового трона мог внимательно рассмотреть обеих. Потом он жестом выслал из зала абсолютно всех, кроме советников и двух девушек, а когда комната опустела, обратился к первой:

– Принцесса, вы желаете замуж?

Он знал, что, пока девушку вели к нему, успели расписать все ужасы возможного отказа и убедили, что темнейшему она жизненно необходима, поскольку это узаконит его права на престол. И все же сестра бывшего владыки поджала губы, потом в гневе взглянула на него, открыла рот и ничего не произнесла. Растерялась, вдруг покраснела и снова опустила голову. Ответа маг не дождался, хотя советники незаметно подпихивали принцессу.

– Ну, а вы? – Эйден повернулся ко второй. Та изящно поклонилась. Изящество у островитянок в крови, они даже ходят, словно ступают по облакам, одно удовольствие смотреть.

– Я приехала сюда, чтобы исполнить волю отца и выйти замуж за правителя, – девушка сложила на груди руки и поклонилась до самого пола, так что роскошные волосы мазнули по мраморным плитам. – Я готова исполнить предназначение, но буду рада сочетаться браком с настоящим мужчиной, а не проигравшим мальчишкой.

Даже советники за ее спиной поперхнулись и впали в ступор. Эйден тоже оценил ответ. Быстро сориентировалась. Весьма соблазнительная эта островитянка, отдаленно напоминала прекрасную незнакомку. Правда, маг отчетливо ощущал внутреннее напряжение, она тоже боялась, как и первая. Не зря ее столько времени прятали от его глаз и запугивали кардиналом. Эйден поднялся с трона, спустился вниз, чтобы подойти к девушке вплотную. Она запрокинула голову, он подцепил ладонью ее подбородок.

– Значит, приехали обвенчаться с владыкой? – отпустил и медленно обошел по кругу, заметив, как она сжалась. Страх и слухи заразительнее простого здравого смысла. Ему ведь нет нужды убивать криданскую наследницу, провоцируя тем самым войну. И в собственной стране хватит забот.

– Но за меня тоже пойдете? – нарочно чуть наклонился ближе, пристально глядя ей в глаза: – Уверены? – она попыталась что-то сказать, но губы вдруг задрожали, глаза закатились, и девушка рухнула в обморок.

Кардинал выпрямился, поглядев на хрупкую фигуру на полу.

– Расцениваю ответ как «Нет». – Он обернулся к советникам, которые синхронно отступили назад. – Невеста отказала, отправляйте обратно.

Затем бросил взгляд через плечо на принцессу, та буквально поперхнулась воздухом и снова залилась краской до кончиков ушей.

– Будете падать в обморок? – Она отрицательно покачала головой. – Тогда спокойной ночи, принцесса, оставим важные решения до нового дня, – мужчина развернулся и покинул тронный зал.

Глава 33

В покоях прежнего владыки Эйден нейтрализовал все ловушки и заблокировал потайной ход, чтобы тот открывался только ему. Маг опустился на огромную кровать и завел руки за голову. Большая работа проделана, и он ощущал огромную усталость. Таковую, что даже позволил одну маленькую слабость, в которой долго отказывал себе на протяжении трех с лишним месяцев.

По ту сторону уже царила ночь.

Он закрыл глаза и махнул рукой, расширяя пространство, позволяя ему поглотить себя и растопить границы. Шагнул вперед, ощущая колебание тонкой мембраны, разделяющей миры, присел у постели в заново отремонтированном доме. Прошептал: «Привет».

Сэйна повернулась на бок, лицом к нему, подложила под щеку ладонь и вздохнула.

В эти часы было легко говорить с ней. В ночное время маг мог отпустить себя, забыть о власти, прийти сюда и присесть рядом, чувствуя, как это успокаивает. Как плещущаяся в нем сила перетекает в нее, уходит и дарит умиротворение. Его магии было много, даже слишком, и это казалось почти насмешкой, поскольку с даром было легко совладать, когда она оказывалась рядом. Но он ждал. Заставлял себя ждать, чтобы в итоге прийти, когда она уснет и частично опустит защиту. А еще во сне Ана говорила правду.

Поднял руку и очертил пальцами подбородок, провел по щеке, заметив, как искривились уголки ее рта.

– Что тебе нужно? – ресницы слегка дрогнули, и он убрал ладонь от уставших губ, с которых сорвался новый вздох.

– Ты.

– Хватит приходить, Эйден, – она шептала очень тихо, так что почти невозможно было разобрать слов, потом повернулась на спину, отстраняясь. – Почему ты так часто снишься? До сих пор.

Вскинула ладонь, словно хотела закрыться, и уронила ее на подушку.

Он протянул руку, ощущая сопротивление пространства, и соприкоснулся пальцами с ее, позволив себе представить нежность

кожи, бархатистую чувствительность подушечек, тонкие сосуды, по которым быстро бежит кровь. Ее ладонь дрогнула. И тихий-тихий стон долетел издалека: «Уйди».

– Выбери меня в этот раз, Сэйна.

– Нет. – Она заговорила быстро, тихо, задыхаясь, будто тяжело было дышать, и он отстранился, убрал руку: – Ты снова разрушишь мою жизнь.

– Хочешь, чтобы ушел навсегда?

Молчание. Она ответила не сразу.

– Может, и хочу.

– Может, и хочешь.

Повернула голову на его голос, словно там, где-то далеко, где сейчас находилась, пыталась увидеть его взгляд, разглядеть скрытое темнотой лицо.

– Здесь тяжело дышать, знаешь? В мире без магии.

– Мне тяжело дышать без тебя.

– Я боюсь тебя, Эйден.

Признание ударило сильнее любого другого удара.

– Проще выбрать того, с кем не было боли, с кем не страшно и знаешь, что будет завтра. С ним не ждешь такой любви... такой, как к тебе. Столько веков, Эйден. Просто привычка. Просто сложно отпустить.

Он нашел в себе силы дотронуться до нее совсем легко. Не схватить, не сжать в объятиях, требуя принять его. Обнял ладонью за щеку и наклонился, едва-едва коснувшись губ, услышал новый вздох. Провел на прощание рукой по отросшим волосам.

– Может, уйти навсегда?

– Может.

Она прошептала ответ и окончательно отвернулась от него. Рассеянный лунный луч, по ошибке взобравшийся по ее щеке, утонул в блеснувших под ресницами слезах, но маг их не увидел.

Привычка. Просто сложно отпустить...

Он поднялся, чтобы уйти.

Отступил, собираясь закрыть истонченные границы, бросил на нее последний взгляд, когда губы девушки снова шевельнулись: «Тебе нужна я, поскольку меня у тебя еще нет». Только эхо слов, которые он

едва не пропустил. Эхо, усилившее сердцебиение и всплеск силы, захлопнувшей границы миров.

– Сэй, Сэйна! – звала подруга, пока я крутила в руках кружку с чаем, задумчиво уставившись в пространство. – Не слышишь совсем?

– Слышу, а что ты сказала?

– Сказала, Мейр замучил меня просьбами уговорить тебя выкрасть из дворца венец владыки. Якобы без него нельзя объявить себя законным правителем.

– А, это.

– Отчего такая задумчивая сегодня? Волнуешься перед грядущим открытием?

– Есть немного.

Миранда присела за стойку и поставила передо мной чашку с печеньем.

– А если честно? Не из-за Вашека ведь? Мне кажется, он больше переживает о ваших отношениях, чем ты.

Пожала плечами. Вашека. Мало было истерик Мейра, так еще и бывший жених к ним активно подключился, упрекая в холодности, равнодушии и Боги знают в чем еще.

– Только не из-за Эйдена, – взмолилась подруга, поймала мой взгляд и застонала. – Сэй!

– Что?

– Не из-за него?

– Нет.

– Да кому ты врешь?

– Извини, привычка. Я вообще закоренелая лгунья.

– Снова приснился?

– Это нормально, сколько времени постоянно мне снился. Но сегодня звал к себе.

– Звал? – подруга испуганно прижала ладони ко рту. – Ох, Сэй. Он нарочно!

– Нарочно?

– Проверяет. Хочет, чтобы ты контроль ослабила, тогда он сможет сюда пройти. Если перестанешь его отталкивать, он ведь создаст переход?

– Вероятно. В его силах выждать необходимое время, чтобы получить нужный результат.

– Сэйна! Ты же не изменила своего отношения?

– Не собиралась менять. Он вечно преследует собственные цели, даже если действия кажутся нелогичными со стороны. Вот из источника зачем-то достал. А когда на нас с владыкой бросился, руку с ножом отчего-то остановил в последний момент и меня захотел убрать с дороги. Вовремя сообразила воспротивиться.

– И сопротивляйся дальше.

– Я не позволю причинить вам вред.

– Я за тебя боюсь! Ты говорила, он умен, способен на изощренный обман. Ведь не любишь его, нет? Сама говорила, влюбилась в образ, в идеальный и выдуманный. Так?

– Так.

Подруга покачала головой.

– Почему Вашека не подпускаешь тогда? Прежде замуж собиралась. Уже точно не обижаешься, я знаю. Если только не прочувствовала всей разницы в ощущениях.

– А знаешь, я тут подумала, почему бы и правда во дворец не перенестись? Раздобыть этот венец, разведать обстановку.

– С ума сошла?

– Мейр замучил.

– Стихии, Сэй, что с тобой творится? Ты начала прислушиваться к бредовым идеям Мейра? А на днях заявила Арс Адо, будто его стих о воплощенном зле написан ужасно талантливо.

– Весна? Гормоны?

– Какая весна, дело к осени!

– Значит, хандра, – снова задумалась, всерьез размышляя над планом проникновения во дворец.

– Стихии мои! – сжала голову подруга.

– Ты с нами не пойдешь. Останешься здесь с малышкой, – заявила ей.

Парень крепко держал меня за руку, ведя потайным коридором, чтобы охранка не заметила постороннюю и не завывала. Выздоровевший порталыщик открыл проход во дворец, а медальон мы

оставили для обратного перехода, поскольку возвращаться с нами «этот предатель», как охарактеризовал его владыка, и не думал.

– В медальоне точно хватит заряда, чтобы снова проскочить между мирами во второй раз? – уточнила шепотом. – Нас ведь двое.

– Это самый мощный накопитель, значит, хватит.

– Уверен, будто охрана пропустит в сокровищницу?

– А как иначе? Они обязаны подчиняться моим приказам.

– Они не эскорино.

– Это все равно, – отрезал Мейр.

– А замки?

– Они всегда отпирались по одному прикосновению. И вообще, хватит болтать! Нам нужен венец, мы его добудем, чтобы этот изменник не придумал способа подчинить его себе!

Мы остановились возле низкой двери. Ее-то парень и толкнул, уверенно пройдя сквозь проем и утянув меня следом. В полукруглой комнате без окон и с низкой решеткой на противоположной стене, естественно, находилась охрана.

– Опустить оружие! – велел Мейр мгновенно среагировавшей на вторжение страже. – И преклоните колени перед своим повелителем!

Охрана растерялась. Мужчины остановились в центре комнаты, но не спешили падать ниц или опускать оружие.

– Я пришел за своим венцом. Расступитесь! – владыка гордо прошествовал к решетке, волоча меня на поводу. Та поднялась от прикосновения ладони, как он и говорил, затем открылись внутренние двери, прощелкав целой вереницей замков и пропустив нас в сокровищницу вроде тех, что описаны в сказках. Только здесь все сокровища были пронумерованы и лежали не грудой, а на отдельных полочках или стояли на подставках. Венец, естественно, в самом центре.

К нему Мейр уверенно направился, снял с пьедестала и надел на голову. Руки моей он не выпустил, поэтому вой охраны стал полнейшей неожиданностью не только для меня, но и для владыки.

– Это еще что? – он оглянулся на поднятую решетку и столпившуюся по ту сторону охрану.

– Мейр, уходим. Активируй медальон!

– С какой стати? Я не собираюсь уходить, это мой дворец!

– Готовы поручиться? – раздался насмешливый голос. Я вздрогнула. В сокровищницу, наклонившись на входе, зашел Эйден. Стихии! Ну что за глупый мальчишка, все равно сделал по-своему. Вот теперь точно разведем обстановку, никуда не денемся.

– Этот звук подсказывает, что вы вторглись в чужие владения.

Маг махнул рукой в воздухе, и вой смолк. Темнейший посмотрел на меня.

– Сэйна, – улыбнулся.

– Эйден, – ответила тем же.

Напряженные охранники продолжали толпиться за спиной кардинала.

– Что вы там встали, схватите его! – крикнул владыка.

Не схватят. Я угадала это сразу по взглядам мужчин. Они сперва посмотрели на кардинала, а уж после на законного правителя.

– Что застыли? Подчиняйтесь! Ой!

Раздалось шипение, повернув голову, я увидела, как Мейр в панике сбивает с головы венец. Золото внезапно покраснело, чуть не припав к лбу владыке.

– Что происходит? – мальчик был шокирован. Я – тоже.

Эйден благородно взялся пояснить. Спокойно, без резких движений, поскольку пристально следила за ним, сделал плавный жест в сторону венца.

– Он не признал вас, владыка. Это очень древняя реликвия. В отличие от распространенного заблуждения, не тот становится правителем, кто наденет венец, а тот, кого признает таковым большинство. Ведь страна – это не только дворец и сокровищница. И прежде ей правили сильнейшие, лишь позже это право стали передавать по наследству.

– Ты – узурпатор! Ты – лгун! Ты его зачаровал!

Мейру следовало на этом остановиться, довольствуясь тем, что стража остается по ту сторону решетки, а Эйден не пытается приблизиться и не реагирует на оскорбления. У нас был отличный шанс уйти. Если бы мальчишка положил ладонь на свой медальон, а не выпустил моей руки, бросившись вперед на кардинала.

Мы с Эйдемом вскинули ладони одновременно.

Он, насылая против Мейра какую-то магию, что виделась мне темным потоком, а я – в защитном жесте, желая отразить. Светлое и

темное столкнулись и завихрились взрывом, всколыхнув яркий и цветной мир вокруг. Проявления магии были красивы, они являлись частью воздуха и всего пространства, а я могла видеть. Даже как смещаются цвета, словно волны, сталкиваясь и смешиваясь, а после доходят до ладоней. Они могут ласково лизнуть и войти в меня, а могут отразиться и вернуться к создателю столь же сокрушительным напором. Удивительно было так ощущать себя, словно стала частью источника, и это он внутри меня видел мир и наполнял его многообразием красок.

Прелесть какая!

Эта прелесть походя разрушила все деревянные подставки и полки, и все хрупкое, что оказалось в сокровищнице. С грохотом изделия из драгоценного металла рухнули на пол, формируя гору сокровищ, как в сказке.

– Впечатляет, – заявил маг.

– Действительно, – ответила я, пока по ту сторону раскрывшиеся рты охранники смотрели на упавшего на пол владыку и на нас двоих, улыбающихся друг другу.

Кардинал пошевелил пальцами, удар пошел по косой. Ловкий ход, чтобы сложнее оказалось отразить целиком. Мейр вдруг захрипел, а я разозлилась и ударила в полную мощь. Темнейший успел пригнуться, выставив скрещенные ладони над головой, и удар протащил его сквозь проем, бросил на повалившихся на пол стражей.

– Вот теперь уходим! – склонилась к владыке, но мальчик оказался без сознания. Стоило ухватить его за плечо, как чары кардинала развеялись. Владыка хрипло задышал.

– Медальон! – тормошила я.

Давай же скорее, пока темнейший еще развлекается, пробуя мою силу на вкус. Вот сейчас распробует, и все. Он умел действовать молниеносно, гораздо быстрее меня. А если есть сила, но мало опыта, то ясно, кто проиграет в схватке. Хотя отражать оказалось легко, достаточно было лишь воспротивиться магу. Удивительное чувство, будто сила бралась из ниоткуда, а может, и из самого кардинала, а затем я преобразовала ее в нечто, противоположное его дару.

– Я никуда не пойду, – простонал мальчишка.

Бездна!

Пришлось срочно выпрямиться и снова занять положение перед Мейром. Стража уже поднималась на ноги и хваталась за оружие.

– Опустите, – велел Эйден, и они беспрекословно подчинились, а затем нас троих окутало щупальцами портала. Я могла с легкостью их оттолкнуть, но не стала. Сперва пускай прочистятся мозги у владыки.

Нас окружили стены просторного помещения с зеркалами и колоннами, с широким мраморным бассейном в центре. Возле стен диваны и кресла. Красивые статуи вдоль окон и одна по центру бассейна...

Я едва не побелела от злости! В центре фонтана лежала обнаженная Арианна Мэнэр. Эйден издевался! По усмешке и блеску в глазах это было столь явно заметно. Его сейчас даже не столько интересовал бывший владыка, сколько желание спровоцировать меня. Наверное, проверял, насколько мощным будет удар, если довести противовес.

Грохот, звон, и мраморные статуи рассыпались в прах.

– Рад, что заглянула в гости, Ана, да еще с мальчишкой. – Небрежно смахнув с рукава и волос осколки, проговорил темнейший. – Желаете вина, закусок, чего-то еще?

– Не нужно угощений, мы скоро уйдем.

Слегка подтолкнула носком ботинка владыку, побуждая подняться. Я могла понять, он оказался подавлен. А еще пытался осознать, как все от него отвернулось, заметив беспрекословное подчинение не его воле там внизу, в сокровищнице. Однако пора брать себя в руки. Сколько еще продержусь?

– Как в целом поживаешь, Эйден, всех врагов победил?

Уголки губ темнейшего изогнулись в полуулыбке.

– Зависит, к какой категории относишь себя? Врагов или друзей?

– Я бы предпочла нейтральную позицию, но как видишь... – пожала плечами, указав на владыку. Он наконец-то зашевелился, пытаюсь встать.

– Вижу.

Маг кивнул. Улыбка исчезла, словно и не бывало.

– Спасибо, что пришла сама, не нужно более пробиваться к тебе.

– Всегда пожалуйста.

Он чуть склонил голову набок.

– Боишься?

– А следует?

Он сделал шаг в сторону, я следила. Вот еще три шага, и Эйден оказался сбоку, я стремительно развернулась к нему, буквально увидев колебания воздуха, чувствуя дрожь магии и как удар приближается. А после крутится вокруг вскинутых рук спиралью, стекает по пальцам. Стоит лишь стряхнуть, и пол вокруг покрывается трещинами.

– Экспериментируешь?

Или всерьез хочешь меня убить?

– Интересны твои способности. Понятие «противовес» мне ново.

Оказывается, это красивое понятие. Для меня. Страшное для того, кого собой закрывала. Мейр поднялся, я слышала сдавленное дыхание позади и надеялась, мальчишка достаточно напуган, чтобы теперь мы ушли. Только он мог активировать медальон, а значит, пора прекратить колебаться и закончить эксперимент, кто сильнее. Игры с Эйдемом редко заканчивались в пользу его противников.

Темнейший развернулся к нам всем корпусом. Я кожей чувствовала, сейчас будет нечто посильнее. Маг выбросил руки, и волна пошла по всем четырем направлениям, сотрясая стены, пол, пока кардинал внимательно наблюдал, как, настигнув нас, она преломляется и огибает точно по сфере. Дерево потрескалось, от кресел и столов отвалились где ручки, где ножки, или спинка надломилась, а стекло и зеркала потрескались.

Маг рассмеялся и ушел в сторону. Стремительные перемещения, заставлявшие поворачиваться снова и снова. Мейр схватился за плечо, вынужденный вертеться вместе со мной. Эйден ударил достаточно быстро. Вода выпрыгнула из бассейна и зависла в воздухе каплями, понесшись на нас, чтобы окружить в сверкающий кокон.

Снова вода. Везде! Меня охватила знакомая паника, которой нельзя было поддаваться. Очень легко оттолкнуть, главное сделать это, потому что Эйден виртуозно играл на моих страхах.

Капли объединились в волну и ударили. Эйден закрылся, вода расшиблась о преграду, как о волнорез, обогнув с обеих сторон и хлынув дальше по залу, а кардинал выпрямился. Он не дал времени на отдых ни мне, ни себе. Я снова почувствовала и сам удар, и его наполненность силой, приготовилась впитать или изменить, но чего не смогла предугадать, так это хитрости в направлении.

Зеркало. Оно оказалось как раз за нашими спинами. Уже треснувшее, но еще хранившее кусочки зеркальной поверхности. Оно рассыпалось от удара, но задачу отразить выполнило. Я услышала вскрик Мейра, и давление пальцев, сжавших плечо, исчезло. Не успела поймать до того, как мальчика утянуло в портал. Резкий разворот на месте позволил увидеть лишь захлопнувшийся переход.

Эйден всегда опережал меня как противник.

– Он в порядке, – проговорил маг, неслышно остановившись за спиной.

– Пока, – посмотрела на пустые ладони, остро ощущая собственную вину.

– Я готов его отпустить, Сэйна, и вернуть в твой мир.

– Неужели?

– С условием – он не станет возвращаться. Слишком удобная марионетка, призванная служить остальным. А этой стране нужны силы для восстановления того, что было легко разрушено.

– А что насчет меня? Зачем вытащил из источника, Эйден? Ты же обрел силу!

– Моя сила всегда была в тебе.

– Значит, вернул, а после увеличил во много раз. Изначально так и собирался?

– Иначе, – моей щеки коснулся гладкий край броши, я, вздрогнув, отклонилась, а чуть повернув голову, увидела, как украшение исчезло с ладони Эйдена. – В трущобах можно найти запрещенные вещи, например накопители, способные на краткий миг остановить сердце, а затем запустить вновь.

– Поэтому рискнул завернуть в южный город? Каждый твой шаг продуман.

– Не каждый.

– Ты вернул силу, – я прошептала.

– Наваждение не прошло. А может, цена была не соразмерна дару?

Неужели? Но что за наваждение? И о какой цене речь? Оплаченной источнику или той, которой тот оплатил?

– Не проще ли теперь уничтожить противовес?

– Проще, – он склонил голову, я смотрела на его отражение.

– Тогда к чему показательные выступления? Думаешь, в этом мире может существовать еще один? Пытаешься заранее изучить свойства, понять, каким образом оказать сопротивление?

– Уже? – он с усмешкой посмотрел на зеркало, встретив в нем мой взгляд. – Всегда можно найти способ, не существует абсолютной силы или абсолютного противодействия ей. Меня интересует другое.

– Что?

Он подступил на шаг. Если захочу, то даже не прикоснется. Маг протянул руки, демонстрируя раскрытые ладони, будто показывал, что незащищен передо мной.

– Иногда ее слишком много. Иногда дар едва слышится... Противовес мне нужен не для опытов.

– Не верится, – кивнула на зеркало, – будто не способен найти решение без моей помощи. Мы ведь плохие партнеры, Эйден, потому что давным-давно ты погиб из-за меня, а потом едва не лишился источника, я же потеряла свой дар по твоей вине, а жизнь и разум едва сохранила. Между нами нет доверия.

Я так и не повернулась к нему, бездумно созерцая зеркальный осколок и отражение мужчины в нем. А когда его ладони легли на плечи, затаила дыхание. Каждый раз это происходило рядом с ним. Накатывала слабость, и сердце колотилось до тысячи ударов в секунду. Как в первую встречу, только теперь было сложно разобрать, от страха или по иной причине. Тихий голос прозвучал совсем близко:

– Ты спасла мальчишку. Мне легко было его уничтожить. Я знал цель и шел к ней. А еще практически убил пять прекрасных девушек с вишневыми волосами, с точеными телами, похожих на фарфоровые статуэтки, потому что пришел в бешенство. – Я обняла себя руками за предплечья, склонила голову ниже, но шея оказалась слишком уязвимой и открытой для горячих быстрых выдохов, шевеливших кончики волос. – Ты мой баланс между светом и тенью.

– Правда? – сжала пальцы крепче. – Кто я? Ана или Сэйна? Прежняя, на которую ходили прекрасные девушки, или та, что теперь?

– Все равно.

Я дернула плечами, освобождаясь от его рук, и отошла на шаг.

– Не выйдет. Ведь ты причисляешь меня к стороне света, а я едва ли к нему отношусь. Бракованный противовес, Эйден, а иной жизни,

чтобы исправиться, уже не будет.

Он перехватил за локоть, не позволяя уйти, и резко развернул к себе. Вскинула голову и встретила его взгляд. Темный, непроницаемый. Если и было сияние, то столь глубоко, что оказалось невидимо. Я прошептала совсем тихо, словно говорила сама с собой или убеждала:

– Тоже хочешь обладать, Эйден? Еще одной непонятной силой? Я когда-то полюбила мужчину, придуманный идеал, а он стал другим. Я нужна тебе, но ты мне не нужен. Так что же ты сделаешь? Заставишь подчиниться?

Он выпустил мой локоть.

– Дам время подумать.

– Мне уже давали, – усмехнулась, – только ответ не устроил.

– Я приду за ним.

– Если позволю.

Мужчина резко отвел руку, я зажмурилась в ожидании удара, но не подняла ладоней, чтобы защититься. Запоздало мелькнула мысль о собственной губительной откровенности, ведь за мой отказ могли расплатиться другие. Ладонь лишь закружила воздух вокруг, и портал швырнул меня на пол собственного дома, а рядом приземлился Мейр.

Глава 34

Мы с Мирандой все же опасались, что открытие нового салона торжественно провалится. Но люди пришли. Не очень много, но пришли, и некоторые даже принесли листовки, которые мы распространяли в кафе, обещая скидку. Сперва явилось несколько женщин к самому открытию, а когда они ушли, стали подходить другие.

– Сэй, посмотри, еще клиентка, – Мира указала на вошедшую в дверь. – Кажется, довольные дамы все же рассказали о нас своим знакомым, как и обещали.

Я взглянула и узнала Асем. С высокомерным видом та вплыла в зал и принялась осматриваться. Едва ли ей кто-то что-то рассказал, она и без того была в курсе открытия и точно явилась сюда не меня поздравить. В воздухе запахло грозой, когда Асем брезгливо поморщилась. Можно было догадаться, что сейчас она начнет говорить, как же убого в новом заведении и куда только смотрят власти города, позволяя открывать подобные места.

Асем уже открыла рот, когда сзади к ней приблизился Мейр и в своей неповторимой манере указал «новой клиентке» на кресло.

– Садитесь, – произнес он непередаваемым тоном, скопировать который никому не удавалось. Сказывалось проведенное на троне время. Асем в свой черед так удивилась, что машинально присела, а затем только обернулась к Мейру.

– Выбирайте, – парень уложил перед ней раскрытый журнал с образцами причесок и стилей окрашивания. – В наших силах сотворить волшебство с любыми волосами.

Он вытянул одну из прядей женщины и задумчиво добавил:

– И разбавить любой блеклый цвет.

– Это у меня блеклый? – задохнулась клиентка, готовясь перейти на любимый противный ультразвук.

– Да. Он никуда не годится. Чтобы подчеркнуть глубину глаз, подойдет оттенок корицы. Сейчас сделаем, увидите разницу.

Мейр встряхнул накидку и повязал на шее остолбеневшей Асем, которая вообще не привыкла, чтобы с ней говорили подобным

уверенным, а вместе с тем безапелляционным тоном. Она покосилась на отражение в зеркале, где наш талантливый парикмахер прикладывал к ее лицу окрашенные образцы, придирчиво подбирая тон. Я толкнула локтем Миранду, а Мейр бросил на нас один из излюбленных высокомерных взглядов и величественно махнул рукой, отсылая прочь, чтобы не мешали. Мы с подругой сбежали на кухню.

– Видела?

– Он просто в своей стихии! Таким вдохновленным выглядит, – рассмеялась Миранда. – У него появился шанс раскрыть свои таланты, насладиться созиданием, а не праздно прожигать собственную жизнь. Творческим людям это необходимо. К тому же наконец перестал циклиться на планах по возвращению трона.

– Прогулка за венцом явилась крайне отрезвляющей. Собственными глазами увидел, во что отказывался верить. С Эйденем ему не тягаться. Кардинал воплотит в реальность мечты о сильной империи, я более чем уверена. Об этом в свое время грезил бывший владыка.

– Дедушка Мейра? Который поверил злобному канцлеру? Это так грустно.

Я присела и помассировала икры, пока Миранда наливала чай, пользуясь наметившимся перерывом в наплыве посетителей.

– Что именно грустно?

– Вся история. И мальчика жаль. По сути, все его предали. С самого начала, когда вырастили таким, а потом рассудили, что другой больше достоин трона.

Мира подвинула ко мне чашку.

– Знаешь, я рада каждому клиенту, но не мешает перевести дух. Думаю, они уходят, чтобы передать подругам, как им понравился новый салон, а те в свой черед подтягиваются сюда. Хотелось бы успеть завершить дела до закрытия, чтобы ты не опоздала на ужин. Тебя ожидает столик в элитном ресторане. И повод хорош, как и букет, который Вашек прислал. Смотрю, он выбрал перестать жаловаться и принялся ухаживать по новой?

Пожала плечами.

– Вероятно, и шанс есть? Ты же не осталась с темнейшим, когда предложил.

– Не осталась. Не люблю быть балансом, Миранда. Это слишком ответственно.

– А правда, что сказал Мейр о своей сестре? Если кардинал женится на ней, его признают полноправным правителем абсолютно все?

Я стукнула ногтем по краю кружки, наблюдая, как расходятся от центра круги.

– Логичный выход, разве нет? В целом Эйден всегда поступал последовательно, порой оказываясь излишне правдивым. Например, ни разу не соврал в ответах на вопрос, оставит ли в живых в конце.

– Есть один поступок, который противоречит логике. Кстати, согласно ей, пора выкинуть темнейшего из головы и больше о нем не упоминать. Ведь ты определилась, что делать дальше?

– Просто жить? – улыбнулась Миранде.

Может, подруга ждала другого ответа, что-то вроде «наслаждаться жизнью», поскольку обняла ладонями чашку и пристально взглянула на меня.

– Знаешь, Арианна, ты необыкновенно сильная.

Я удивилась. Она никогда не звала меня Арианной прежде.

– Мне бы не удалось всегда делать выбор в пользу того, что считала правильным.

– Выбор? Скорее я играла навязанные роли. Долг совести, долг чести, долг разума. Всю жизнь приходилось выполнять чьи-то условия, а я привыкла и перестала понимать, что же на самом деле выбор.

– Тебе постоянно внушали, что уступить чувствам – это предательство. Зато теперь ты вольна поступать, как пожелаешь. Даже Эйдену противостояй на равных, если есть смысл. Нам ты ничего не должна. У каждого своя жизнь, которой мы свободны распоряжаться по-своему. А ты уже поддержала всех, открыв этот салон. Не вини себя больше. Думаешь, помогла сотворить монстра, но что, если он станет великим правителем? Сейчас ты, как никогда прежде, имеешь шанс ощутить, что делаешь собственный выбор.

Ресторан был неплох, ужин тоже на высшем уровне. Но надолго мы не задержались, я знала, дома ждут те, для кого успешное открытие тоже оказалось праздником. В итоге заметив, как то и дело смотрю на

часы, Вашек приказал упаковать, что осталось, с собой, дополнив заказ парой мясных блюд, и теперь мы устроили маленький пир в большом зале, где уселись по кругу. Мира даже малышку усадила рядом и кормила пюре с ложечки, пока остальные угощались закусками и жареным мясом с вином.

– Поздравляю, – Вашек первый поднял бокал и отсалютовал мне, наверное, припомнив в этот момент слова, которые бросил перед нашим расставанием: «Ну давай, самостоятельная, поглядим, насколько тебя хватит».

– Спасибо.

Звон бокалов прозвучал как аккомпанемент открывшемуся portalу. Я мигом разлила вино, подскочив на ноги, а Мира так крепко сжала в руках дочь, что девочка заплакала.

– И явлению вселенского зла вторит плач младенца. Это символично.

Эйден сложил на груди руки. Арс Адо с Мейром схватились за столовые ножи для разделки мяса. Наверное, забавная компания, если взглянуть на нас глазами всесильного мага. Правда, над ними стояла я, опустив руки раскрытыми ладонями вниз, готовая их защищать. Даже бывшего регента, за которого держался Мейр.

– Я обещал дать тебе время, – темнейший пожал плечами, – сам не думал, что окажусь столь нетерпелив.

Он протянул руку.

– Выбери меня в этот раз.

Сидевший напротив Вашек, который мучительно пытался понять, что за бред ему чудится, растерянно протянул: «Это ведь тот мужик. Я его здесь уже видел».

– Сэй, – Мира жалобно посмотрела на меня. – Ты позволила ему пройти.

Позволила. Оказалась слабее, чем предполагала. Отпустила защиту, правда, неясно, в какой момент. Мне ведь сейчас и самой было страшно.

– Не трогай их, Эйден.

– Не буду.

– Даже если не пойду с тобой?

Он молча оглядел разношерстную компанию, словно терзался мучительными раздумьями, и лишь потом ответил:

– Даже если... Ведь ты не любишь, когда убивают.

Мне чудилось, будто спину сверлят их взгляды. Мальчика, преданного всеми, Вашека, переломившего собственную гордыню, когда не дождался, что девушка приползет обратно, ликвиадо, пытавшегося понять, какая ситуация складывалась и что за выгоды сулила, а также испуганной Миранды, обнимавшей маленькую дочь.

– Что ж, – пожала плечами, – тогда извини.

Я была очень напряжена и дернулась, стоило ему медленно опустить руку в карман, но Эйден достал из него то, чего не ожидала увидеть.

– Венец владыки можно отдать другому, – проговорил он, не опуская второй руки, протянутой ко мне. – Таким образом его и стали передавать по наследству. Ты желаешь стать той, кого выберу, когда на чаше весов лежит остальное?

Когда? Когда я желала подобного вслух? Разве только во сне.

– Я готов подарить венец.

Мейр подскочил с пола вместе с Арс Адо. «Что за ерунда происходит?» – выразился Вашека, а Мира приоткрыла в удивлении рот.

– Забирай, – улыбнулся кардинал.

– Мейр, стой! – мальчишка, не слушая, кинулся к магу, а я ему наперерез. – Стой!

Он почти дотянулся вперед меня, но простое движение кисти, и венец вдруг оказался в руке. Так быстро и неожиданно, что сама удивилась, вновь поразившись понятию «Противовес».

– Сэйна, отдай! Это мое! Ты не смеешь забирать! Я – истинный владыка. И теперь все это признают. Снова!

Все остальные, кто предал его.

«Выбери меня в этот раз».

Венец лежал в ладони, гладкий и еще хранивший тепло руки Эйдена. От него тоже исходила сила, она словно смывала долгую накопившуюся усталость.

– Отдай!

– Нет.

– Почему?

– Он больше его достоин!

Эти слова сразили всех, а кого-то больно ранили, но я не успела ощутить их тяжести на собственных плечах. Выбор необязательно четко сформирован в словах, иногда это порыв души, неосознанный или, напротив, очень осозанный, только показывающий тебя с неприглядной стороны. Мейр не успел снова потянуться за венцом, потому что я прошептала: «Прости», – и вложила пальцы в ладонь Эйдена. Мы провалились в портал. Стоило сопротивляться, я знаю. Развеять мягко обхватившую со всех сторон силу уже его дара и остаться. Только Мира верно заметила, Арианна всегда поступала как должно, ведь иначе было неправильно. Но иногда, очень редко случается, когда чувства затмевают разум. Как в том храме на вершине облаков.

Крохотный клочок один на двоих. Остальное теряется в темноте, но кажется, это покои темнейшего. Здесь едва ощущается его присутствие. Может, тоже не спал, подобно мне, эти дни? Может, также устал от изматывающего ожидания?

На крошечном клочке воздуха мало, поэтому и дышать тяжело, а вдохи прерывисты. Эйден всегда умел эффектным жестом выбить почву из-под ног, чтобы затем забросить на небеса.

Куда-то покатился брошенный на пол венец.

С подобного поцелуя, когда слабость ощущалась в коленях, а остальное тело натягивалось, подобно струне, и звенело в тон ей, начиналась другая ночь. Та единственная в моей жизни, которая стояла ее всей. Незабываемая, невозможная. Темная и сладкая, наполненная жадной взаимных прикосновений. И я до сих пор помнила каждый их оттенок. Вспоминала снова и снова, мучила себя до тревожных желаний все повторить. Поскольку оказалось мало, потому что не распробовала. Напрасно корила себя, напрасно пыталась задавить на корню непозволительное притяжение. Та ночь наполнила меня до краев и потрясла до глубины души.

Вот и теперь в касании губ крылось нечто магическое. Их движение рождало чувственную тональность, эхом прокатываясь до кончиков пальцев. Поцелуй, от которых загораешься. Невероятный мужчина, по чьей вине начинаешь задыхаться. Мой старый сон. Действительность погрузилась в непроглядный туман, укрывший от врагов. Легенда о страсти. Сказочная любовь на все времена, которой для счастья достаточно украденных у вечности секунд. Ненстоящая,

потому что в реальности ее выдирали из меня вместе с сердцем. Но все та же реальность, собранная тщательно по кусочкам и осколкам, полетела теперь в огненную бездну.

Настоящий огонь от его губ, так уверенно опустившихся к подбородку, а следом – к шее. Страсть в чистейшем виде, желание, которым наслаждалась, подчиняясь. Как же долго пришлось ждать, чтобы хоть раз в жизни испытать нечто подобное.

Его губы раскрыли мои, углубляя поцелуй, рождая дрожь в теле. Рука скользнула по его плечу, пальцы дрогнули, коснувшись кончиков темных волос. Сжались, сгребая их в горсть, натянули, наверняка причиняя хозяину боль, но Эйден ответил столь же резким жестом, переместив ладонь мне за спину и рывком прижав к себе. Теперь я задыхалась от поцелуя, столь отдаленно напоминающего благодарность за сделанный выбор, что гораздо больше он походил на наказание для нас двоих, потому что слишком долго мучила его. Та же страсть, чьего яда однажды глотнули.

Ткань платья сползла с обнажившегося плеча, которого тут же коснулись горячие губы. Я опять вздрогнула, когда он провел языком и прикусил кожу, чуточку больно и волнующе. Когда запрокинул мне голову, опускаясь ниже к груди, обхватив пальцами шею, испытала столько же страха от его прикосновений, сколько и удовольствия. Вероятно, этот страх прочно поселился в душе после того, что испытала на краю источника. Страх и страсть спровоцировали судорожный жест, когда вцепилась в его плечи, то ли желая оттолкнуть, то ли обнять, а он ухватил за запястья и толкнул на кровать, прижал к ней, опрокинув меня на спину.

Тихо застонала, пока широкая ладонь, шершавая от рукоятей клинков, которые он мастерски бросал, спускалась от груди по животу. Его губы углубили стоны, а платье он отшвырнул на пол, обхватив меня одной рукой вокруг талии, а другой провел по бедру. Повиновалась этому жесту почти неосознанно, открывшись только на мгновение, но подпустив его к себе столь близко, что дальше превратила любые фразы и протесты в совершенно бессмысленные. Его первое движение во мне, и наш синхронный выдох, и пальцы, впившиеся в кожу, и губы, требовательно накрывшие рот.

Я вогнала ногти в его спину, процарапывая красные борозды. Он покрывал поцелуями лицо, не прекращая резких сильных движений,

вырывавших сдавленные крики. Эйден. Каким жестким ты стал. Теперь в прозрачных глазах полыхал огонь. Чистый светлый взгляд навсегда затерялся в веках, как и мужчина, которого полюбила. Но и саму перемололо безжалостно, изменило до неузнаваемости, раз стонала под ним сейчас, вздрагивала от глубоких толчков, но прогибалась навстречу, полнее вбирая его в себя. И эта обжигающая лава эмоций, накатившая в конце, она тоже оказалась желанной, но непреднамеренной, такой, которую я должна была оттолкнуть, но не оттолкнула, а также вобрала в себя, расплавляясь от удовольствия и неги. Он хрипло застонал, вздрагивая, и прижал меня к кровати, выдыхая и крепко сжимая на талии ладони. Я запрокинула голову, рассредоточенным взглядом созерцая потолок и пытаюсь прийти в себя. Стихии! Как же хорошо мне сейчас было, как неправильно хорошо.

Ладони Эйдена обняли лицо, пальцы ласково погладили скулы. Я взглянула в его глаза. Он наклонился. Снова оказалось мало? Мне? Ему? Недостаточно, чтобы распробовать. Мрак ночи укрывал наши тела, пока не сменился робкими лучами рассвета.

Глава 35

Я устало потянулась. Кажется, на миг прикрыла глаза, но по ту сторону окна успело взойти солнце. Наполненность в душе, в теле, которую больше не желала заменять пустотой, сполна изведанной наутро в том храме. Присутствие Эйдена рядом после пробуждения было ослепительно-ярким. Запахи, звуки дыхания, смятые простыни и подушки. Я привстала, глядя на его лицо. И прежде очень нравилось изучать его, пока Эйден спал. По обнаженной груди и плечам вились шрамы, складываясь в причудливые рисунки. Мне раньше было больно смотреть на них, пока за одну ночь не перецеловала все. К ним добавился еще один, на ладони. Эйден сказал, на память от источника.

Луч света упал на гладкую поверхность за плечом мужчины и слегка погладил блеснувшие края медальонов, выложенных в ряд на окне по ту сторону кровати. Накопители.

Стараясь не потревожить сна темнейшего, я поднялась и аккуратно обошла кровать, чтобы остановиться возле амулетов. Разные по форме, мощности, количеству свойств, но одинаковые по сути. Все для переноса. Зачем они порталы? Незачем. Эйден оставил их прежде, чем сам открыл переход и перешел грань миров.

Красивые. Некоторые с камнями в центре. Все для меня.

Я провела пальцами по гладким поверхностям, считая, сколько их. Заряжены полностью. Свобода или прощание?

– Не можешь выбрать? – оглянулась, Эйден наблюдал за мной.

– Предложение щедрое, непросто выбрать. Эти с камнями для чего?

– Стирают магический след.

– И не найдешь? – взглянула искоса.

– Нож с каплей крови до сих пор у меня, значит, всегда можно создать поисковую нить.

– Ах, вот как это делается! Значит, амулеты здесь для разнообразия. Зачем так много?

– Чтобы возвращалась.

Я склонила голову, продолжая наблюдать за ним вполоборота. Значит, свобода.

– Они не нужны, чтобы уйти. – Он лег на спину, завел руки за голову, глядя в потолок. – Ты не знаешь до конца собственной силы, Арианна. Ты можешь все, что захочешь. Забирать магию у меня. Сколько угодно. Лишать пространство красок. Заставить корчиться от боли, отнять воздух или заменить водой из ближайшего источника. Отплатить за каждый свой страх или боль. А желаешь, заставь землю разойтись широкими трещинами и пускай кругом полыхает огонь. Ты можешь брать силу, изменяя и превращая в нечто новое. Разрушать или созидать. Захочешь, так открой портал.

Противник или верный союзник. Выбор на мое усмотрение.

– Открыть могу, а обратно вернуться сложнее, ведь источника силы рядом не будет. На что тебе главная слабость, кардинал? Так сильно нуждаешься в балансе?

– Нет.

– Всего лишь предлог! Я знала.

– Думал, это заставит выбрать меня и спасти от зла остальных несчастных.

– Эйден, открою тайну, мне теперь наплевать на долг. Так уж получилось, когда я предала Мейра.

Пальцы посчитали последний амулет и коснулись гладкой поверхности резной деревянной шкатулки.

– А что здесь?

– Подарок для завтрашней церемонии.

– Возложения венца? Ожерелье или гарнитур?

– Взгляни.

Я потянулась открыть красивую шкатулку, когда далекий звон отвлек внимание. Обернулась к магу. Он поднялся и нахмурился, подхватив парчовый халат.

– Что такое?

– Скопление людей в зале владыки.

– А что за зал владыки? – я собрала по полу одежду, в которой перенеслась из дома.

– Мейр обожал представления. Он устраивался на подобии трона, пока его вовсю развлекали.

Эйден затянул пояс и толкнул двери спальни. Я побежала следом, стараясь поспеть за стремительным шагом. Темнейший не выглядел довольным, что его побеспокоили.

Мы пересекли приемную, из которой вело сразу несколько дверей, и остановились возле одной из них. Маг решительно распахнул красивые инкрустированные серебром створки, а я юркнула вбок, из-за деревянного наличника наблюдая за происходящим.

Сперва раздалась охи-ахи, все резко шарахнулось в стороны, а Эйден прошел до трона, выглядевшего подобно ложу с черными подушками и балдахин. Он развернулся лицом к собравшимся, которые тут же сбились в дрожащую кучку. Тихонько просочившись следом, остановилась за спинами людей – преимущественно девушек – на случай, если темнейший начнет всех убивать.

– Что за собрание? – спокойно, почти буднично поинтересовался кардинал, но ощущение, будто рывкнул, поскольку все сразу втянули голову в плечи.

От толпы отделился самый смелый. На дрожащих ногах он прошествовал в центр.

– О, в-ладыка! Завтра возложение венца. Прошу извинить, ч-что мы вошли в зал без вашего позволения. Прежде так было заведено. П-прежний владыка любил такие сюрпризы.

Он поклонился, все остальные следом, я взираю в удивлении. Церемониймейстер? А с ним музыканты и девицы в шелках, прикрывавших гораздо меньше обнаженного тела, чем следовало бы.

Воздух в комнате будто загустел, его все сложнее и сложнее было вдыхать. В ушах слышалось жужжание, словно рой неприятных темных мушек. Я отмахнулась, и их выдуло прочь. Воздух вернулся в норму, вокруг посветлело. Эйден взглянул на меня над склонившимися головами и улыбнулся уголками губ, затем устроился на ступеньке и подпер подбородок, снова поглядев на вошедших без спроса.

– Запомни на другой раз, церемониймейстер, я не люблю сюрпризов, а пока продолжай.

– В-возложение, – мужчина откашлялся, его покрасневшее лицо постепенно принимало нормальный оттенок, только голос немного охрип, – возложение венца – это праздник для народа, самое ответственное мероприятие, владыка. Мы устроим для вас такие зрелища! Только взгляните! Это будет один из номеров. Во дворец привезли лучших и прекраснейших танцовщиц! Они сейчас исполнят, что приготовили, вам останется только выбрать.

Распорядитель бросился к толпе девиц, выстраивая их в определенном порядке, а его помощница кинулась с другой стороны. Музыканты в уголке доставали барабаны и бубны.

– Смерти моей хотите? – шепотом гаркнул распорядитель, увидев меня позади остальных. – Почему не переоделись?

– Я?

– Лиф, штаны, – сдавленно позвал он помощницу.

Та мигом извлекла из большого мешка шелковое облачение и швырнула в меня. Я поймала на автомате, а распорядитель вытолкнул за дверную створку, указывая на пространство между ней и стеной.

– Быстрее, быстрее. Нужно умиловать его, а не заставлять ждать!

То есть меня приняли за танцовщицу? Причем несмотря на достойное зависти умение держать лицо, мужчина находился в полнейшей панике. Я не стала ничего объяснять и спорить. Успеется. Познакоимся позже, а пока не буду доводить бедолагу до разрыва сердца.

Быстро натянув штаны, завязала на спине ленты лифа и оставила платье за дверью. Едва вышла из-за нее, как мужчина затащил обратно в зал, проведя меня за спинами уже выстроившихся девиц, и оставил в крайнем левом ряду.

Затем он рванул к центру и поклонился. Едва выпрямился, как зазвучали барабаны, бубны, ритмично и мелодично. Музыка полилась, закружив легкие одежды, а в глазах бедняги-распорядителя, устремленных на нас, была мольба впечатлить владыку настолько, чтобы тот его помиловал.

Впрочем, красивая музыка нашла отклик в душах танцовщиц, даже в моей. Девушки принялись двигаться в такт, демонстрируя высочайшее мастерство и пластику танца, а мои ладони словно по собственной воле скользнули по бедрам, поднимаясь выше. Чуть прикрыла глаза, чувствуя музыку в себе, позволяя той излиться в мир через мое тело и движения. Только она слишком резко оборвалась, когда Эйден повелительно махнул рукой, а музыкальные инструменты смолкли.

– Выбрал.

– Каких хотите, владыка?

– Одну.

Ладонь указала чуть влево, следом за ней в меня воткнулись острые взгляды тех, кого владыка не выбрал, то есть вообще всех девушек. Причем смотрели так, будто желали слопать живьем. А я-то думала, они его боятся.

Церемониймейстер проследил за рукой темнейшего и несколько растерялся. В толпе лучших танцовщиц были такие красотки, что выбор представлялся загадкой, а он-то желал угодить, разобраться во вкусах нового владыки. Придворный распорядитель поклонился и указал остальным на выход. За летящими шелками двинулись музыканты.

– Доставить девушку к спальным покоем? – уточнил церемониймейстер.

Нет, я слишком отвыкла от подобного в том мире. Даже не смогла удержаться, чтобы не съязвить.

– Только сперва коробку подберите и бант. А еще лучше торт.

Глаза мужчины стали в пол-лица, во-первых, из-за непонятого заявления, во-вторых, дерзости танцовщицы. Она осмелилась заговорить наперед владыки.

– Я из него выпрыгну, – пояснила.

– У меня нет торта.

Он беспомощно посмотрел на Эйдена, ужасаясь, что сейчас на его голову прольется высочайший гнев. Правитель выбрал девицу, а та не в себе. Но маг не выглядел злым или раздосадованным, его все забавляло.

– Идите и готовьте, – спокойно повелел темнейший.

– Торт? – шепотом уточнил распорядитель.

– Церемонию для народа, для которого возложение венца – это праздник. Пускай они, – Эйден указал на дверь, – танцуют завтра на площади, там же покажите остальные номера. Установите столы, поставьте угощение. Музыка и развлечение – для людей. С этим справитесь?

– Д-да, владыка! – распорядитель наконец сообразил, что от него требовалось, и испарился в мгновение ока, плотно прикрыв за собой двери. Я обернулась к Эйдену. Маг смотрел с легкой, едва заметной улыбкой.

– Станцуешь для меня?

На сердце потеплело от легкой грусти. Я ведь всегда танцевала только для него.

– Без музыки?

– Я ее слышу, а ты?

Я тоже слышала. Во мне пела чудесная мелодия, лучше той, что только что отзвучала.

– Как повелит мой владыка, – поклонилась и продолжила танец, исполняя его только для Эйдена, а когда завершила, снова склонилась низко-низко. Улыбнулась. Мне очень нравилось, когда он так смотрел.

Я указала на двери, куда выгнали остальных девушек.

– Если темнейший признал меня лучшей, то где заслуженное ожерелье?

Он молча протянул руку и вновь продемонстрировал удивительные способности порталащика, которые сама попросту не успела раскрыть до конца. Эйден вынул из пространства ту самую коробку, что лежала рядом с амулетами. Приблизившись к трону, поднялась по ступенькам и потянулась за своим подарком, но Эйден перехватил за запястье и дернул на себя. Ойкнув, я приземлилась на коленки поверх груды черных подушек, упершись ладонями в гладкий шелк. Пальцы кардинала одним движением распустили завязки лифа, а вторым – боковые ленты на широких штанах. Шелк плавно скользнул вдоль тела, а мужские ладони крепко обхватили меня. Я запрокинула голову, закрывая глаза. Сердце вновь простучало свою тысячу ударов до первого стога.

Я всматривалась в балдахин, расшитый золотыми нитями, словно падала в звездное небо. Он спускался вдоль столбиков и касался ступенек темными волнами. Эйдену не нравился черный цвет, он обмолвился, как уже сжег подобный балдахин, но никто не понял намека. Если темнейший, то непременно темнее самой ночи. Я задумалась, что лучше будет заменить на синий, поскольку тоже хорошо сочетался с золотым, когда маг склонился надо мной и обвел ладонью щеку. Вид его был странно сосредоточен, взгляд пронзительный из тех, от которых невольно хотелось спрятаться, и я повернулась на бок, уткнувшись в его грудь и рассеянно ведя ладонью по спине, по коже с тонкими полосками шрамов. Его пальцы скользнули с щеки на плечо и крепко сжали его.

– Твоя музыка звучит иначе.

– В каком смысле? – слегка отстранилась.

– Прежде думал, это сила противовеса, но музыка меняется. Я слышу новые ноты. Не твои.

– Не мои?

Хотела сесть, но ладонь Эйдена надавила на плечо и снова опрокинула на спину. Он смотрел так, что хотелось зажмуриться. Наклонился к губам, словно собирался опять поцеловать, и спросил: «Что за снадобье ты тогда выпила? Какой из эликсиров?»

Резко выставила ладони. Кардинала отбросило к деревянному столбику, а я подскочила и прыгнула на ступеньку, охнув, когда одной ногой наступила на угол лежавшей здесь деревянной коробки. Эйден, несмотря на мое сопротивление, попытался его преодолеть, а я вцепилась в свисающий сбоку черный полог. Раздался громкий треск ткани, когда рванулась через проход сквозь миры, отрезая кардиналу путь.

Миранда поднялась со стула, протянув Наби договор.

– Изучите.

Маэстро принялся читать.

– Вас устраивают условия?

– Более чем, – Наби взял ручку, – ваш салон обретает популярность, считаю, у него есть будущее, особенно когда за дело возьмусь я.

– Непременно, – улыбнулась Мира.

Сэйна собиралась взять светило к себе, невзирая на непростой характер. А тот дождался открытия и уверился, что услуги заведения оказались востребованы. Теперь, помимо Мейра, которого посетительницы уже прозвали «Владыка наших сердец», будет еще и маэстро. Оба одаренные и талантливые, но зато сколько капризов! Хотя, вероятно, рычаг воздействия все же будет, маэстро едва ли захочет потерять место, на которое променял привычную работу.

Мира наблюдала, как мужчина поставил подпись.

– Ждем вас в начале следующей недели, – улыбнулась она.

Наби отсалютовал ладонью и не стал задерживаться, поспешив по собственным делам. Уже на выходе он столкнулся в дверях с Мейром, и оба о чем-то заговорили. Миранда вспомнила, как Наби намекал мальчику, что будет его наставником, но кто кого еще мог научить?

Бывший владыка империи оказался художником от стихий. Они щедро одарили его талантом.

Дверь захлопнулась, оба собеседника отправились дальше по улице, продолжая разговор. Арс Адо тоже исчез. Благодаря той связи, что прежде поддерживал с этим миром в качестве ликвиадо, он лучше ориентировался по эту сторону и задумал найти себе работу в тревожной бригаде. Ему она, безусловно, могла подойти. Бывший регент, конечно, не отчитывался ни перед кем, правда, стал регулярно исчезать из дому, а затем приносить что-нибудь вкусное, как прежде Вашек. Откармливал владыку и их всех в придачу. Вероятно, все же устроился.

Мира вздохнула. Она закончила с бумагами, а у салона был выходной. Дочка уснула, и можно было присесть и выпить любимого чая на травах, который научила готовить Сэйна.

Легкое дуновение ветра качнуло ароматный дымок над горячей чашкой, и Мира подняла голову. Сперва она силилась что-то сказать, но вид лучшей подруги ввел Миранду в ступор.

– С-Сэй?

Глава 36

– Привет, – выдохнула я. – Как дела?

Миранда медленно опустилась на стул, с которого только что подскочила.

– Чай есть? Успокаивающий?

– Только что заварила, – пробормотала Мира.

Я добралась к столу и уселась. Подруга молча поставила передо мной вторую чашку и наполнила ее до краев.

– Только не пугайся, – проговорила, – это просто часть балдахина.

– Ага, все объясняет.

Я пригубила ароматный отвар.

– Эйдену не нравится черный цвет.

– А тебе нравится, раз явилась замотанная в балдахин?

– Тоже не очень. Случайно зацепилась вот и замоталась.

– Логично, – протянула Мира. – Только со стороны выглядит немного странно. Вчера ты ушла с темнейшим, а здесь началась всеобщая истерия, кое-как успокоились к рассвету. Сегодня еще Наби явился подписать контракт. Теперь же лучшая подруга выпала из портала в таком виде, что я решила, будто кардинал тебя пытал, а ты едва убежала.

– Миранда, – погладила ее по руке и улыбнулась.

– Значит, не пытал?

Помотала головой.

– И на том спасибо. А там что такое?

Оглянулась. Мира указывала на деревянную коробку, на которую я наступила, когда спасалась бегством, и случайно перенесла с собой.

– Завтра возложение венца. Эйдена признают владыкой официально.

– А разве венец не признал?

– Просто дань традиции. А в коробке мой подарок к церемонии. Пока сама не знаю, что внутри.

– Подарок? Если дарит подарки, значит, точно не мучил тебя? Не сделал плохо?

– Напротив. Сделал исключительно приятно.

– Мне тогда можно спросить, почему ты здесь и в таком виде?

– Спроси, – я опустила голову и постучала по кружке.

– Ну так?

– Он сказал, моя музыка изменилась.

– Музыка?

– Ощущение от человека, вещей, магических заклинаний. В том мире все имеет цвет и звучание, и это удивительно, когда умеешь замечать и слышать. Очень многие не обращают внимания, поскольку с детства привыкли. Дошло до того, что игнорируют напрочь. Но не он, конечно же.

– А дальше, что было?

– Я сбежала.

– Из-за простого вопроса?

– Да, – снова пригубила чай, – Мира, ты замечала когда-нибудь, чтобы я путала цвета? Ну синий с зеленым, например. Случайно.

– Никогда. Ты отлично их различаешь, и у тебя хорошая память, а еще, помнится, всегда терпеть не могла непрожаренное мясо.

– Что, правда нельзя перепутать, если очень много цветных бутылочек со снадобьями?

Миранда покачала головой, а я вздохнула и задала совсем уж сложный вопрос.

– Сколько может прожить нерожденное крохотное существо, если сердце матери не бьется?

– Минут десять-пятнадцать, – тихо ответила она. – И гораздо дольше, если ее вовремя спасут.

– Значит, он успел вовремя?

– Значит, даже не колебался, прикидывая, что ценнее.

– Хорошо.

Я снова легонько постучала ногтем по кружке, наблюдая за расходящимися кругами.

– Любое решение имеет последствия. На тот момент я все еще оставалась для него той, кто предал даже на последнем отрезке пути. Хотела перенести источник, а ликвиадо и регент вломились в кабинет, ведь я оставляла им знаки по дороге.

– Ты же не оставляла.

– А вдруг? Из страха перед ним все-таки искала пути убежать?

– Тогда едва ли осознанно.

– Оправдываешь меня? Прощаешь за все? Как он простил.

– Глупышка ты, Сэй. Иногда люди просто делают выбор в пользу того, что важнее. Разве это не твой поступок? Зачем рискнула? Выпила какую-то гадость. Ты ведь не знала, чем кончится ваш путь, сумасшедшая. Даже не так, подозревала, будто кончится плохо. А еще никогда прежде не хотела детей.

– От других... Просто подумала, Мира, а что, если? Видишь, как эгоистично я поступила, хотела сохранить для себя его частичку.

– Так сильно любишь?

– Я чуть не сломала Эйденем столбик трона.

Подруга рассмеялась.

– Зачем сбежала?

– Ты не знаешь, как он умеет смотреть.

– Трусиха! Самая смелая трусиха из всех.

Миранда поднялась и подошла к деревянной коробке, взяв ту с пола.

– Знаешь, он действительно не знал, что это был за храм. А там повсюду на стенах письма и рисунки. Я успела рассмотреть их, когда проснулась одна. Слова непросто разобрать, но схематически смысл передан точно. Единение мужского и женского начал. Сила природы, способная возратить то, что было заложено. А еще пробудить самое сокровенное, вызвать из глубины души и сердца, где оно томилось долгое время. Точно безумие охватывает тебя, вырываясь на волю. И ты открываешься энергиям, впускаешь в себя. Но лишь при условии, что во время единения самоотдача обоюдна, рождается гармония. Она же несет с собой оздоровление.

– Звучит сложно. Древняя магия не бывает простой, поэтому и дар настолько ценен?

– Да.

Миранда поставила передо мной коробку.

– Взгляни хоть, что он хотел подарить.

Я перевела взгляд на красивую резьбу, погладила крышку. Сейчас прочие дары потеряли собственную ценность. Все, кроме одного, который Он помог сохранить. Молча щелкнула замочком и подняла крышку, а Мира заглянула внутрь, попутно укрыв мне плечи вязаным платком.

– Венец владыки? Тот, что он предлагал Мейру вчера.

– Да, – задумчиво коснулась гладкого ребра. Пока спала, Эйден положил венец в коробку.

Внезапно иллюзия развеялась, а внутри золотого обода проявился еще один. Копия первого, но по-женски изящный, чуть тоньше и меньше размером, идеально уместившийся в золотом круге его мужского варианта.

Я резко захлопнула крышку. Вдохнула несколько раз и опустила голову, прижавшись к шкатулке щекой, а подруга, кажется, начала всхлипывать.

– Сэй, не плачь, ну ты что?

– Разве я плачу?

– Примерь его.

– Нет.

– Как нет? Я думала, ты сделала выбор и тебе плевать на остальных.

– А на него не плевать. Знаешь, как церемония выглядит со стороны? Женщина в роскошных одеждах, непременно знатная и ужасно родовитая, становится на колени у ног владыки, а его поддерживают с обеих сторон эскорино, пока правитель возлагает венец на голову избранницы. Это очень торжественно и...

– Ты снова плачешь!

Миранда вытащила из-под моей головы коробку и попробовала открыть.

– Ого, мне не поддается.

– Мира, оставь.

– Он же не работает, как тот ошейник? Помнишь, когда тебя замуж хотели отдать?

– Вовсе нет. Это символ и защита. Венцы связывают правителя и избранницу, но не привязывают их друг к другу, а иначе владыке пришлось бы нелегко. Особенно когда брак заключался из выгодных соображений.

– Ну же, достань снова, дай рассмотреть.

Не в силах сопротивляться уговорам подруги, вновь открыла шкатулку и вынула гладкий блестящий обод.

– Красивый. Примерить-то можно? Только поглядеть.

– Нет! – я отказывалась, а у самой ладони точно приклеились к драгоценной поверхности.

– Ненадолго почувствуй себя его невестой, Сэй. Я же вижу, что хочешь. Ну нельзя настолько любить! Оставь чуть-чуть для себя.

– Я уже оставила.

Невзирая на собственный настрой и слова, аккуратно опустила венец на голову. Золотой обод лег идеально. Холодный сверкающий, он обхватил лоб достаточно плотно, чтобы было ощущение – не упадет. Однако не давил и не стискивал виски. А звучал этот дар словно красивая песня.

– Тебе идет, – прошептала Миранда. – Гораздо больше, чем любой законной принцессе.

Я снова покачала головой.

– В бездну любую логику, Сэй! Вы оба через многое прошли. Как ты однажды сказала, все ориентиры стираются, стоит лишь погрузиться в эту историю с головой. В ней нет абсолютно белых или абсолютно черных тонов.

Я обняла руками коробку.

– Завтра церемония, без венца она не состоится. Его нужно вернуть.

– А как? У Мейра же нет энергии в накопителе. Ты не захватила амулет?

– Не захватила, но перейти будет просто.

Эйден ждал, я знала, он ждал напряженно, когда опущу защиту. И стоило отпустить, как одного шага оказалось достаточно, чтобы очутиться в спальне, где темнейший сидел на краю кровати, обхватив голову руками. Ладони опустились вниз по его щекам, пальцы скрестились и сжались у подбородка.

Он поднял взгляд, посмотрел на коробку, что прижимала к груди, платок Миры, укрывший плечи, тянувшуюся по земле ткань балдахина и на мои волосы.

– Не надоело мучить меня?

– Извини, – я протянула коробку, – хочу вернуть.

– И снова уйдешь?

Пожала плечами.

– Останься.

– Надолго?

– На одну жизнь.

Я молчала. Понадобились немалые усилия, чтобы произнести:

– Законная принцесса лучше. Сам знаешь, сколько сложностей несет иной выбор. Мы оба жили во дворце, помним порядки.

– Я изменю их для тебя. Мне проще уничтожить венец, чем отдать другой.

– Эйден, это ведь плохой выбор. Я научилась лгать даже самой себе. Со мной одно мучение.

– Не с тобой, без тебя.

Кардинал умел одной фразой выбивать землю из-под ног. Его напору было сложно сопротивляться, тем более что я пыталась бороться с нами двумя.

– Ты когда-то полюбила придуманный образ. Что же произошло после, когда его не стало?

Как сложно было не отводить взгляда, когда он так смотрел. Даже солгать не выходило.

– Влюбилась снова, уже в человека, – судорожно втянула воздух, – а ты? Ты когда-то полюбил впервые, а что потом?

– Не сумел разлюбить.

Признание. Второе в его жизни. А за первое светлейший получил капсулу с дурманом.

Он поднялся и взял из моих дрогнувших рук коробку. Достал венец владыки и опустил на свои волосы. Моей растерянности хватило на несколько секунд, ровно настолько, чтобы вспомнить, свой я позабыла снять. И мигом стал понятен смысл ритуала, когда избранница опускалась на пол у ног владыки, а его самого держали под руки, не давая рухнуть у всех на глазах. Магия нас обоих бросила на колени и потянула друг к другу, обвязывая невидимыми путами. Я задохнулась, прижавшись к груди Эйдена, чувствуя, как жар и покалывание древней мощной силы охватывают тело, а потом все резко пропало. Не больше нескольких минут от момента, когда он решительно и быстро надел венец. Мы вдохнули синхронно и оба повалились на пол. Как много сил ушло на борьбу.

– Я ведь два раза сбегала от женихов, – повернула к нему голову, поудобнее устраиваясь на спине. – А на третий так глупо попалась.

Эйден коснулся моей щеки.

– Ты всегда была тем, что я желал.

Посреди его ладони виднелся шрам. На память от источника? Теперь мне стал понятен смысл, и я прижалась к отметине губами, зажмурившись, чтобы смахнуть с ресниц набежавшие слезы.

– Одержимый маньяк, только на сумасшедшей ты и мог жениться.

Он откинул голову и засмеялся, так легко и весело, как прежде ни разу не слышала. Заразительно. Сама не смогла удержаться и вторила ему, пока не начала задыхаться.

– Значит, на одну жизнь? – едва перевела дыхание. – Так ненадолго я могу задержаться.

---

notes

Примечания

Гронда – общепрофессиональное высшее учебное заведение, после окончания которого специалисты получают распределения на места работы.

Кастелана – узкоспециализированное учебное заведение, где обучают определенной профессии без широкого охвата разнообразных наук, как это происходит в гронде.

Вента – заведение, предоставляющее комнаты для съема.

Вельта – майка и штаны для сна из тонкой ткани.

Арксак – на всемирном, предводитель.

Велмир – в южных землях представитель зажиточного класса.

Пав (парвиус) – слабый маг, по упрощенной классификации. Согласно ей же, мид (медиус) – маг средней силы, гран (грандис) – маг с высшим даром.

Сарканы – населяли острова на востоке, Оссиденты (тайлы) – западные территории (горные районы), Ольхары – юг. На севере земля была не пригодна для проживания. Повсюду существовали собственные диалекты, но основная масса населения, иногда именуемая цитты (а позже имперцы), проживала в центре континента и вдоль побережья и говорила на всемирном.

Мотры – летающие хищники, питаются кровью. Длиной с руку взрослого человека. Ощувив запах крови, набрасываются стаяй или группами по несколько особей. Редко охотятся поодиночке.

На юге знают толк в зельях и заговорах. Зелья всегда действенны, а заговоры быстро излечивают раны. Жители гор, сквозь которые шел главный торговый путь, порой спасали жизни караванщиков. Спасенные южане, ради быстрого восстановления, учили спасителей, как заговорить любую рану. Ассимиляция культур выразилась и в обмене некоторыми традициями, например в приготовлении блюд или напитков.

Во втором мире магия повсюду, но умение сплести ее в слова является одним из самых древних. Наука ведов доступна даже тем, кто не владеет магией.

Типлор – сосуд для сбора воды, фляга.

Тайл – на местном наречии житель гор. Официально горные кланы именуются оссидентами.

Жеоды – это полости в горных породах, «поросшие» изнутри кристаллами таких минералов, как изумруд, аметист, агат, халцедон, хрусталь, топаз, опал и др.

Джанчин – одичавший степной волк, в переносном смысле боец, сорвиголова, всегда готовый к бою.

Райван – мера веса, равная килограмму.

Тараби – мужской головной убор, состоящий из платка, который наматывается наподобие тюрбана поверх нижнего. Нижний, из более тонкой ткани, укрывает волосы и лоб, спадает складками вдоль скул до подбородка, сзади защищает шею от солнца.

Турик – насмешливое прозвище, данное приезжим из других регионов, которые пытаются походить на местных, нацепляя на себя традиционную южную одежду и аксессуары, при этом не понимая, как правильно их носить.